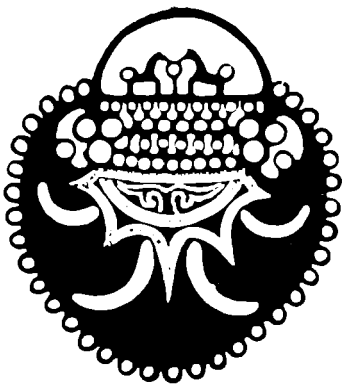
СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



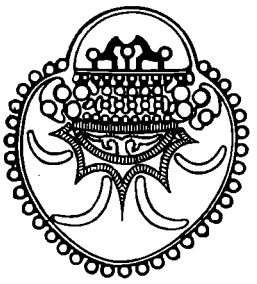
4

1964

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



ВОСЬМОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

№ 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА—1964

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский, главный редактор,
С. Н. Бибиков. В. Д. Блаватский, А. Я. Брюсов, Е. И. Крупнов.
Б. Б. Пиотровский, Б. А. Рыбаков, А. П. Смирнов

Ответственный секретарь *Р. М. Мунчаев*

Адрес редакции:
Москва, ул. Д. Ульянова, д. 19.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Т-12279 Подписано к печати 30/IX-1964 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Бум. л. 8,0
Печ. л. 22,0+3 вкл. Уч.-изд. л. 23,7. Тираж 1950 экз. Заказ 932

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

А. П. СМИРНОВ

К ВОПРОСУ ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

В настоящее время в распоряжении археологов накопился огромный материал, полученный в результате археологических раскопок, случайных земляных работ и собранный на поверхности земли. Эти памятники прошлого дают возможность восстановить дописьменную историю народов.

Первой стадией всякого исторического исследования, посвященного истории народа, является источниковедческая работа, а для археологов — систематика материала, выделение комплекса вещественных памятников, характерного для отдельного народа или племен, т. е. выделение археологических культур. Этому вопросу археологи всегда уделяли большое внимание, систематизируя материал, начиная с эпохи палеолита до средневековья включительно. В настоящее время мы не мыслим себе изучение археологического материала без определения его культурной принадлежности. Понятие «археологическая культура» в работах археологов имеет в значительной мере служебный характер и тесно связано с изучением первобытного общества. Термин культура, в этом понимании, не может быть отнесен к рабовладельческому или феодальному обществу. Культура в применении к античному обществу, Ахеменидскому Востоку, Сасанидскому Ирану, Киевской Руси, Московской Руси имеет совершенно другой смысл, иное содержание. Термин культура, применяемый археологами, имеет отношение только к доклассовому обществу.

Первые попытки выделения культур относятся к концу XIX в. Они были предприняты почти одновременно как на Западе, так и в России. Там одним из первых был О. Монтелиус, у нас пионерами этого дела явились В. В. Хвойко и А. А. Спицын. Трипольская, ананьинская, фатьяновская, дьяковская были первыми культурами, открытыми на территории России. Несколько позднее В. А. Городцов выделил ямную, катакомбную, срубную и городецкую культуры. Хорошо обоснованную работу по выявлению культур эпохи бронзы и раннего железа в Южной Сибири провел С. А. Теплоухов. Перечисленные выше исследователи сделали свои выводы на основании изучения большого археологического материала и глубокого его анализа. В. А. Городцов в своих работах по выделению культур, как показывают публикации, применял картографирование и подсчеты отдельных элементов памятников культуры эпохи бронзы. Названные выше археологические культуры прочно вошли в научный обиход, и мы оперируем ими и в настоящее время.

История вопроса знает культуры, выделенные на основе достаточно твердых данных и пользующиеся признанием в течение долгого времени,

и культуры, выделенные на основе случайных признаков, не выдержавшие испытания временем.

В основу выделения культур берутся различные признаки, определяемые самим материалом, эпохой и взглядами исследователей. К таким признакам относили сходные формы керамики и ее орнаментацию, формы орудий и технику их изготовления, обряд погребения. Выделялись культуры по комплексу признаков или нередко по отдельным признакам, как например, по одному обряду погребения, или только по орнаментации керамики. Большинством археологов термин культура применяется в отношении памятников одного времени, расположенных на строго очерченной территории и отличающихся своеобразными чертами материальной культуры.

Понятие археологическая культура тесно связано с изучением этнической истории. За последние годы, в связи с накоплением большого археологического материала, изучением территорий, долгое время оставшихся белым пятном на археологической карте страны, с изучением этнической истории, появилась тенденция к массовому выделению культур, начиная от неолита и кончая средневековьем. История вопроса достаточно ясно показывает, что для выделения культур требуется большой материал, полученный раскопками памятников, находящихся на значительной территории. Материал разведок для решения такого вопроса недостаточен, как недостаточен и материал с единичных памятников. Археологи хорошо знают, что даже отдельные курганы одной культуры дают иногда совершенно различный материал. В качестве примера можно указать на катакомбные или срубные курганы, различающиеся нередко общим планом, типом захоронения, формой сосудов и их орнаментацией. На основе отдельных срубных курганов можно выделить значительное число «культур» на небольшой территории. Точно так же обстоит дело и с поселениями, характер материала которых определяется часто их местоположением в данной культурной области. Как правило, периферия дает материал смешанного характера, включающий вещи и керамику, характерные для соседней культурной области. Памятник, занимающий центральное положение, дает более чистый комплекс.

Только широко поставленные работы позволяют с достоверностью судить об археологической культуре. К сожалению, на практике мы часто забываем это требование.

При существующих в настоящее время различных взглядах на сущность культуры и основы ее выделения, почти все исследователи признают, что каждая историческая эпоха определяет своеобразие отдельных этапов этнической истории общества. Этот процесс различен в палеолите, неолите, бронзе, раннем железном веке и средневековье. Процесс развития общества, протекающий в замкнутой родовой общине, резко отличается от аналогичного процесса в эпоху распада родовых отношений; даже ассимиляция иноплеменников проходит здесь иными путями, чем раньше. Наконец в эпоху господства территориальной общины, когда родовые связи перестают играть решающую роль, в эпоху сложения феодальных отношений, процесс проходит иными путями.

Своеобразие этнического процесса определяется уровнем развития производительных сил общества, которые влияют на этническую историю. Однако было бы неверно в выделении культур, в определении этнического состава населения учитывать в первую очередь орудия труда, которые уже в эпоху бронзы, как правило, выходят из узких племенных границ и получают широкое распространение. Конечно, и орудия труда в какой-то мере могут служить определяющим мерилом в определении культуры, однако это возможно только при большом материале, тщательном учете его и картографировании. Для еще более позднего времени орудия труда все более и более теряют свои специфические локальные особенности и, конечно, не могут быть использованы для этой цели в эпоху раннего средневековья.

Так, например, такие кажущиеся специфическим культурным признаком орудия, как сейминские или ананьинские кельты, по которым мы иногда пытаемся определить культуру, имеют широкое распространение и, заходя за границы культур, пересекают различные племенные территории.

Что касается жилища, то, как можно судить по данным этнографии, оно действительно имеет свои особенности у отдельных народов в технике строительства, типе построек, планировке, декоре. Однако в руки археологов, как правило, попадает неполноценный материал, чаще всего только фрагменты, по которым трудно бывает уловить особенности, характеризующие культуру данного племени или группы родственных племен. В ряде случаев археологи располагают только данными, позволяющими прийти к выводу о наличии землянок, полуземлянок, наземных построек, слегка углубленных в землю, или наземных, выстроенных на поверхности. Техника строительства также часто остается неизвестной и, как правило, мы почти ничего не знаем о декоре, имеющем племенные особенности. Правда, в отдельных случаях исследователь может подметить своеобразные детали, позволяющие решить вопрос о специфике жилища, которая как будто дает основания для выделения новой культуры. Но такой случай, как можно судить по практике работ, явится исключением, а выделение новой культуры из общей массы можно проводить только на одних и тех же категориях материала. По-видимому, этот материал не может служить основным источником в определении культурной принадлежности.

Оружие, представленное в археологических собраниях в значительном количестве, не имеет особенностей, которые позволили бы установить культурную принадлежность. Это достаточно ясно уже при анализе материала эпохи бронзы. Позднее, в эпоху раннего железа оружие распространяется не только по торговым путям. В силу своеобразия исторического процесса, когда сложившиеся союзы племен выставляют большие отряды, совершающие далекие походы, лучшее оружие получает широкое распространение. Таковы типы скифских стрел, акинаки, копья; латенские типы мечей и стрел. Все они обычно далеко выходят за границы племенной или точнее культурной принадлежности. Отнести по их наличию памятник к той или иной археологической культуре бывает весьма трудно. Даже когда мы знаем центры производства оружия (в эпоху бронзы, раннего железа и, конечно, средневековья), широкое распространение этой категории вещей исключает возможность использования их в качестве культурного признака. Точно так же дело обстоит и с бытовыми вещами, как правило, имеющими широкое распространение и обычно не связанными с границами той или иной культуры. Если в раннее время неолита распространение таких вещей ограничено и они в большей мере являются показателями локальных особенностей культуры, то такой порядок нарушается уже к концу эпохи бронзы.

Также обстоит дело со значительной частью украшений, не имеющих племенного характера. Эта группа предметов наиболее сложна и требует внимательного к себе отношения. Мы знаем работы А. А. Спицына, сумевшего выделить украшения (височные кольца), характерные для отдельных славянских племен. Эти признаки сохраняли свое значение на протяжении веков, когда на смену родовой общине пришла уже община территориальная. В то же время известны и украшения, распространявшиеся на больших пространствах Евразии безотносительно к какой-либо этнической общности. Такими являются, например, украшения конского снаряжения, поясного набора, сходные не только в степной и лесостепной, но и лесной Евразии. Эти вещи могут свидетельствовать о культурном влиянии, культурных связях, но не быть показателем археологической культуры. Так, кавказские изделия уже в первом тысячелетии до н. э. распространяются вплоть до среднего течения Волги. Такие памятники, как Аккозинский могильник на территории Марийской республики, служат этому хо-

рошим примером. Ананьинские могильники дают очень своеобразный комплекс, богато насыщенный произведениями далеких областей. В их числе изделия савроматов, скифов, античных центров и Кавказа. В первом тысячелетии до н. э. тесными узами оказались связанными Запад и Восток Европы. Есть категории вещей, близких к Гальштадту и Кавказу. В Центральной Европе появляются скифские вещи. Словом, такие вещи, как металлические изделия, бусы, стекло и т. д., не могут быть привлечены для решения вопроса о своеобразии культуры. Для этой задачи могут использоваться только категории вещей, имеющие узкий ареал распространения.

Это прежде всего лепная керамика, которую приготовляла каждая хозяйка приемами, унаследованными по традиции от прошлого, и орнаментировавшая сосуды, по большей части узорами, имевшими определенное значение для данного племени. Не случайно все археологи уделяют керамике такое большое внимание и придают ей такое большое значение. Начиная с эпохи неолита, керамика служит критерием для характеристики культуры. Это положение сохраняется и в эпоху бронзы. Своеобразие сосудов всех известных культур не подлежит сомнению. Точно так же и раннее железо знает специфические формы сосудов, типичные для отдельных культур. Правда, уже в первом тысячелетии до н. э. керамический комплекс содержит различные формы сосудов, отражающие различные культурные связи и появление новых этнических элементов. Эта черта усиливается позднее. Как правило, культуры первого тысячелетия н. э. характеризуются множественностью керамических форм. Это особенно характерно для юга, где жизнь протекала более интенсивно и где культурные и этнические скрещения происходили непрерывно. Это создает известные трудности в решении вопроса об археологических культурах. Однако одновременно керамический материал дает и ключ к решению вопросов о культурах и об их формировании. Здесь от археолога требуется более тщательный анализ материала, выделение основных типов керамики, для чего необходимы подсчеты отдельных групп. Там, где это проводится на должном методическом уровне, результаты бывают положительными. Точно такой же работы требует и орнаментация керамики.

Пожалуй, самым спорным в вопросах выделения культур является погребальный обряд. Одни исследователи придают ему в этом отношении большое значение, другие отрицают. Особенно не повезло кремации, которую ряд археологов считает не племенным обрядом, а эпохальным явлением, связанным иногда с распространением подсечного огневого земледелия. Следует признать, что вопрос о погребальном обряде действительно сложный и неясный. Погребальный обряд является не только племенным, но и социальным признаком, он может служить критерием для определения положения человека в обществе. Мы знаем ряд примеров, когда в одной и той же культуре существует несколько обрядов захоронения. Это особенно характерно для позднего времени, начиная с раннего железного века. К сожалению, этнография не может нам помочь в разрешении этого вопроса. Хоронили ли по одному обряду мужчин и женщин, совершеннолетних, подростков и стариков? Как хоронили жрецов, для которых, как можно предполагать, существовал особый обряд захоронения? Все эти детали важны и они, как правило, нами еще не изучены.

Несмотря на эти трудности, многие работы по выделению культур основаны на анализе погребального обряда, его деталей и погребальных сооружений. Как показывает опыт, если при анализе учитывается не только общий тип захоронений, а изучается погребальное сооружение в целом, с учетом всех деталей: положение покойника, инвентаря, то, пожалуй, надо будет признать, что обряд захоронения, несмотря на несколько скептическое к нему отношение, заслуживает признания.

Да и обряд трупосожжения, вызывающий особо настороженное отношение исследователей, имеет столько вариантов, так не похожи отдельные

захоронения различных областей, что и здесь можно говорить о своеобразии погребального обряда, дающего возможность определить культурную принадлежность. Нам известны захоронения грунтовые и курганные, в ямах и на поверхности земли. Известны захоронения сожженного праха в сложных погребальных камерах (в таштыкской культуре) и в простых ямах. Несколько вариантов захоронений знают поля погребений; различный обряд существовал у славян в период формирования русского государства. В свое время А. А. Спицын, а позднее В. А. Городцов в первую очередь на основе погребального обряда установили наличие культур. Мы пользуемся обстоятельно разработанной систематикой культур эпохи бронзы В. А. Городцова и С. А. Теплоухова для Сибири. Правда, в характеристику погребального обряда в ямной, катакомбной и срубной культурах впоследствии были внесены уточнения и дополнения. Однако и новые исследователи не отрицают значимости обряда захоронения. Напомню, что скифологи опираются на обряд захоронения при выяснении особенностей местных культур. Обряд захоронения степных скифов, различных частей лесостепной полосы достаточно хорошо установлен. Своеобразны погребения савромат и сармат, позволяющие говорить об отдельных племенах. В качестве примера можно привести очень тонкую по анализу работу Л. Р. Кызласова, посвященную таштыкской культуре, в которой дан разбор погребальных обрядов этой культуры, позволивший автору установить происхождение культуры и включение новых этнических компонентов. Интересная работа была проведена В. А. Кузнецовым по систематике погребальных сооружений аланской культуры Северного Кавказа.

По-видимому, погребальные памятники, при учете всех деталей их устройства и особенностей погребального обряда, явятся надежным инструментом при выделении культур. (Нельзя не заметить, что археологи всегда будут иметь дело с различным положением в центральной части территории распространения культуры и на периферии, где будет более сложная картина и в обряде захоронения.)

Выявление культуры не может быть основано на погребальном обряде только единичных памятников. Оно требует значительного материала, выявления всех особенностей многих памятников, картографирования отдельных типов погребений, причем должны браться не отдельные их черты, хотя бы и характерные, а вся их совокупность. Только тогда мы сможем опереться на погребальные памятники в решении вопроса об археологических культурах. Следует признать, что поспешность, которую мы часто проявляем, не дает удовлетворительного решения вопроса.

В целом можно признать, что для времени, начиная с эпохи поздней бронзы и раннего железа, в определении культуры можно опираться на погребальный обряд, керамику и ее орнаментацию и украшения, имеющие узкий ареал распространения, которые можно признать племенными. Этот материал является основой в определении культурной принадлежности. Конечно, необходимо учитывать и другие составные элементы культуры и в первую очередь уровень развития производительных сил.

Как показывают некоторые работы последних лет, в ряде случаев определение культуры основывается на общем впечатлении. Это особенно опасно в отношении культур эпохи раннего железа и средневековья, когда процесс этнической и культурной ассимиляции идет весьма активно. Здесь нужны точные методы исследования. По-видимому, основным и обязательным должно явиться картографирование не отдельных, иногда случайных признаков, а целых комплексов и в основном обряда захоронения, керамики и украшений. Это даст возможность выделить территорию. Мы уже давно говорим о необходимости картографирования археологических находок при решении многих исторических проблем, однако можно указать только небольшое число работ, сопровождаемых археологическими картами. Должен также широко практиковаться метод мате-

матической статистики. Только точный подсчет даст возможность выявить основные типы вещей и тем самым выделить ведущие типы в данном комплексе и определить характерные черты культуры. При выделении новой культуры коллектив археологов вправе требовать от исследователя представления всех доказательств в подтверждение правильности проделанной работы. Недопустимо положение, когда авторы, говоря о новой культуре, а иногда и определяя ее этническую принадлежность, не приводят доказательств и не раскрывают анализа материала.

Одним из вопросов, еще не решенных в археологии, является соотношение культуры и этноса. Это вопрос, требующий особого обсуждения. Однако, по-видимому, правы те товарищи, которые считают, что для эпохи мезолита, неолита и во всяком случае ранней бронзы культура является показателем не только этноса, но и языка.

Для более позднего времени, начиная от конца бронзы и особенно в период раннего железа и средневековья — эпох больших этнических передвижений, культура определяет совокупность различных, иногда разноязычных племен. Для этого времени культура, этнос и язык, по-видимому, не совпадают. Нужно думать, что уточнение методов, применение математической статистики, позволяющей в смешанном комплексе выделить основной, ведущий компонент, поможет решить вопрос об этнической и языковой принадлежности также и поздних культур. Будем надеяться, что уточнение методики позволит разрешить вопрос и о такой запутанной культуре, как черняховская. До сих пор ни один из авторов, писавших об ее этнической принадлежности, не провел серьезной методической работы в подтверждение своего тезиса. По-видимому, несовершенство нашей методики, а иногда большое доверие к собственному впечатлению лежит в основе теперешнего положения с черняховской культурой.

Знакомясь с культурами, можно заметить, что они разнообразны по территориальному охвату. Одни из них занимают большие пространства (культуры катакомбная, андроновская, ананьинская), другие — небольшие территории (культуры каргопольская, белевская, рязанская, пьяноборская, гляденовская и т. д.). Первые включают несколько племенных групп, составляющих большие культурные и этнические общности; другие — только узкий круг племен. Это различие может определяться в какой-то мере и географическими условиями и системой хозяйства, различной у степных кочевников или у обитателей леса и лесостепи. Однако различие в территориальном распространении культур объясняется также и тем, что, проводя выделение культур, исследователи руководствовались различными принципами. В одном случае можно видеть стремление выделить отдельные племенные группы, в другом — совокупности родственных племен. Практика показывает, что самый термин культура страдает неопределенностью. Под культурой понимают и совокупность родственных племен и отдельные племена. Эта несогласованность мешает налаживанию контактов с соседними дисциплинами, и в первую очередь с языкознанием, которое знает и отдельные языки и семьи языков. Несогласованность в понимании термина «культура» мешает разработке этнической истории народов СССР и, в частности, проблемы этногенеза.

В археологической практике последних лет наметилось направление выделить в составе культур, занимающих крупные территории, локальные варианты таких культур (не говоря уже о пограничных зонах, дающих, как правило, смешанный материал). За последние годы подверглись разделению катакомбная, аланская культуры и ряд других. Все эти работы указывают на назревшую необходимость выделения культур отдельных племен или локальных вариантов. С другой стороны, во многих археологических работах затрагивается вопрос о культурных общностях; налицо попытки объединения отдельных мелких культур в родственную группу племен. Все это достаточно ясно указывает на необходимость создания двуступенчатой системы изучения культур.

Второй вопрос касается уточнения терминологии. Недостатки проявляются не только в понимании термина «культура», но и в названии самих культур. Нам следует договориться, что понимать под термином археологическая культура. Если это крупные культурные и этнические общности, тогда мелкие деления могут идти под термином «локальные варианты». Может быть и другое решение вопроса: первый раздел назвать «культурные общности», которые в свою очередь будут включать отдельные археологические культуры.

Немаловажным является также вопрос о разделении культуры на этапы или стадии. Здесь также, помимо терминологической недоговоренности, существует разнобой в принципах деления культур. Правильное деление культур на этапы важно для исторических сопоставлений с соседними областями.

Если мы признаем, что исторический процесс на разных территориях связан между собою, а на этом основана, в частности, и датировка археологических памятников, то мы неизбежно придем к выводу о необходимости логического и хорошо обоснованного деления культур на этапы или стадии. Самым простым и наиболее четким является деление на этапы по внешним влияниям. Следует признать, что с методологической точки зрения этот прием несовершенен. Однако он дает твердые основы датировки и помогает разделить материал на какие-то определенные этапы.

Широко распространенные южные вещи для эпохи раннего железа позволяют делить культуры на этапы, согласуясь с общепринятой периодизацией. Определенной гранью явится IV—V в. н. э., начало средневековья. Широкое распространение сарматских вещей для Восточной Европы дает также определенные даты, помогающие наметить этапы развития культуры.

Стремясь найти ключ к систематике материала во внутреннем процессе развития общества, археолог не всегда может проследить его в самом материале и неизбежно должен искать какого-то внешнего выражения. В конечном счете лучше опираться на вещи, позволяющие разделить материал по хронологическим этапам, чем в стремлении найти внутреннюю логику развития, опираться на отвлеченные положения, не подтвержденные никакими конкретными вещами. Количество стадий не может быть регламентировано заранее, это дело конкретных условий.

Так как понятие археологических культур тесно связано с этносом, то хорошей гранью и для изучения внутреннего процесса развития, и для возможности сравнительно легкого установления этой грани является приход иноземцев, внедрение посторонних племен. Это находит отражение в самих вещах, иногда в появлении новых типов жилища, нового погребального обряда. Например, около IV в. на Средней Каме появляются курганы с вещами южных типов, дающих возможность достаточно твердо датировать это событие. Позднее эта, по-видимому, незначительная волна пришельцев растворяется в массе местного населения и исторический процесс вновь входит в норму. На нашем юге в первом тысячелетии до н. э. археологи отмечают движения степных скифов в область лесостепи, что может также послужить для установления этапа в развитии общества.

Естественно, что в ряде случаев нет необходимости выделять отдельные этапы. Культуры, существовавшие короткий отрезок времени, не нуждаются для своего изучения в дробном делении. Но известны культуры, существовавшие длительный период, не менее 1000 лет, чему в качестве примера можно указать дьяковскую или городецкую культуры.

Существует и такой вопрос, как установление грани между отдельными культурами. Отделение ямной культуры от катакомбной и срубной, фатьяновской и абашевской, афанасьевской и андроновской не представляет большого труда. Гораздо хуже обстоит дело с разделением культур, отражающих различные этапы исторического развития одного и того же на-

рода. В таком положении находятся финно-угорские народы лесной полосы Восточной Европы и угорские народы Западной Сибири. Здесь население жило, начиная с глубокой древности, экономические изменения проходили сравнительно медленно и этнический состав зачастую не менялся. Поэтому разделение на культуры представляет здесь некоторую трудность. В таких случаях должны быть найдены какие-то новые характерные черты, которые позволяют говорить о вновь сложившейся культуре. Такие новые признаки, естественно, не сваливаются с неба, а появляются в зачаточном виде в предшествующей культуре. В новой культуре они становятся господствующими.

Таковы те вопросы, с которыми сталкивается большинство исследователей, перед которыми встает вопрос определения новой культуры.

Понятие «археологическая культура», которым оперируют археологи в своих исторических построениях, имеет чисто служебную роль, помогая разрешить многие вопросы истории доклассового общества, и в первую очередь этнической истории. При выделении культур надо давать четкое определение ее характерных признаков, времени, ее территории. Культура не может быть выделена только на основе одних исторических соображений, иногда отвлеченного характера. Вопрос об археологических культурах — важное звено в работе археологов и историков доклассового общества. Этому вопросу мы должны уделить большое внимание. Этот вопрос не частное дело одного исследователя, а касается всей науки. Ошибка, допущенная в одном месте, может вызвать неверное решение у товарищей, работающих на соседних территориях. Вопрос о терминологии, о культурах требует большего внимания со стороны всего коллектива археологов.

С. В. БУТОМО, В. А. РАНОВ, Л. Ф. СИДОРОВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КАМЕННОГО ВЕКА ПАМИРА

Памирский отряд Таджикской археологической экспедиции ведет с 1956 г. изучение древнейшего прошлого восточнопамирского нагорья — «крыши мира». Специальное внимание уделяется изучению памятников каменного века, поисками которого четыре полевых сезона занималась группа В. А. Ранова. Такое широкое изучение первобытных памятников в областях «Высокой Азии» проводится впервые в мире и, естественно, в этой работе приходится сталкиваться со значительными трудностями не только методического характера (методику поисков пришлось вырабатывать самостоятельно в поле, поскольку примеров работы в области свежих следов оледенения в методической литературе не имелось), но и в интерпретации и датировке археологического материала.

Не могло ли случиться так, что «крайние условия жизни», которыми характеризуется суровая природа Восточного Памира, вызвали определенное возрастное запаздывание, длительное переживание культуры каменного века, сохранившей в силу особых условий весьма архаичные приемы обработки камня и вообще примитивность всего хозяйственного уклада?

Этот вопрос мог быть решен только при помощи привлечения данных смежных дисциплин [1].

Настоящая статья посвящается совместным работам авторов на стоянке Ош-Хона в 1960 г.

Прежде чем перейти непосредственно к этим работам, остановимся кратко на общих результатах исследований 1956—1960 гг.

В результате разведок удалось обнаружить в различных районах памирского высокогорья, начиная от оз. Яшиль-Куль и кончая «долиной смерчей» — Маркансу, т. е. на высоте от 3000 до 4200 *м* над уровнем моря, следы жизни людей каменного века. Бо́льшая часть зафиксированных стоянок представляет собой открытые местонахождения, связанные с первой и второй надпойменными террасами и поверхностью морен последнего оледенения.

Изучение материала, собранного на этих стоянках, позволило отметить своеобразный характер вновь открытой культуры каменного века, близкий в общих чертах к позднепалеолитическим культурам сибирско-монгольской палеолитической области. Сложнее обстоял вопрос датировки, так как, несмотря на присутствие отдельных орудий, сходных с изделиями сибирского палеолита, геоморфологическое положение стоянок и при-

---

[1] И. А. Райкова. К истории формирования растительного покрова Памира в связи с формированием общего рельефа и рельефа долинных местообитаний. Тр. САГУ, нов. сер., I, Биология, кн. 1, 1945, стр. 63.

Рис. 1. Общий вид стоянки Ош-Хона и раскопа

сутствие в коллекциях изделий, явно более поздних по характеру обработки камня, заставляло подходить к дате очень осторожно. Поэтому в предварительных публикациях была предложена широкая датировка в рамках конца верхнего палеолита (имея в виду палеолит сибирского типа) — раннего неолита[2], что в абсолютных цифрах должно соответствовать VIII—V тысячелетиям до н. э.[3] Эти выводы строились полностью на подъемном материале. Только на третий сезон полевых работ удалось найти стоянку с сохранившимся культурным слоем, которая и раскапывалась в 1958 и 1960 гг.

Географическое положение стоянки, названной Ош-Хона, можно считать исключительным. Она находится на высоте около 4200 *м* над уровнем моря на южном склоне Заалайского хребта, недалеко от подножья перевала Кизыл-Арт, в 25 *км* к северу от оз. Кара-Куль. Всего в 15 *км* от нее лежит язык современного ледника Уй-Су, а в 30 *км* по прямой находится пик Ленина. Район бассейна р. Маркансу отличается своей суровостью. Отметки 4100—4200 *м* на дне долин и 6000 *м* с лишним на гребнях, интенсивная инсоляция, резкие суточные колебания температуры, утренние заморозки в течение всего лета, вечная мерзлота, как показатель отрицательной среднегодовой температуры, сильнейшие ветры, несущие тучи песка и даже мелкую гальку, редкие, прижатые к земле растения на пустынных пространствах — таковы некоторые природные особенности района раскопок. Стоянка находится у подножья высокой морены последнего оледенения, прорванной ручьем Ош-Хона — Джилга и частично размытой (рис. 1). Культурный слой хорошо сохранился на нижнем террасовидном уступе, выполненном аллювиальным суглинком толщиной 1,5 *м*,

---

[2] В. А. Ранов. Первые памятники каменного века на Памире. «Материалы II совещания археологов и этнографов Средней Азии». М.— Л., 1959, стр. 189. Эта дата поддерживалась и полным отсутствием керамики во всех зафиксированных местонахождениях.

[3] V. Ranov, M. Bubnova. Uncovering the History of the Roof the World. AJA, 1961, 65, 4, стр. 397.

который лежит на морене. Он разделяется на несколько горизонтов, состоящих из серии очажных пятен, частично сохранивших уголь, вокруг которых концентрируются кухонные остатки и обработанный камень. Существенных различий между четырьмя выделенными горизонтами не наблюдается. Во втором горизонте отмечены очаги и выкладки из камней, но следов жилищ не встречено.

В результате раскопок получена значительная коллекция камен-

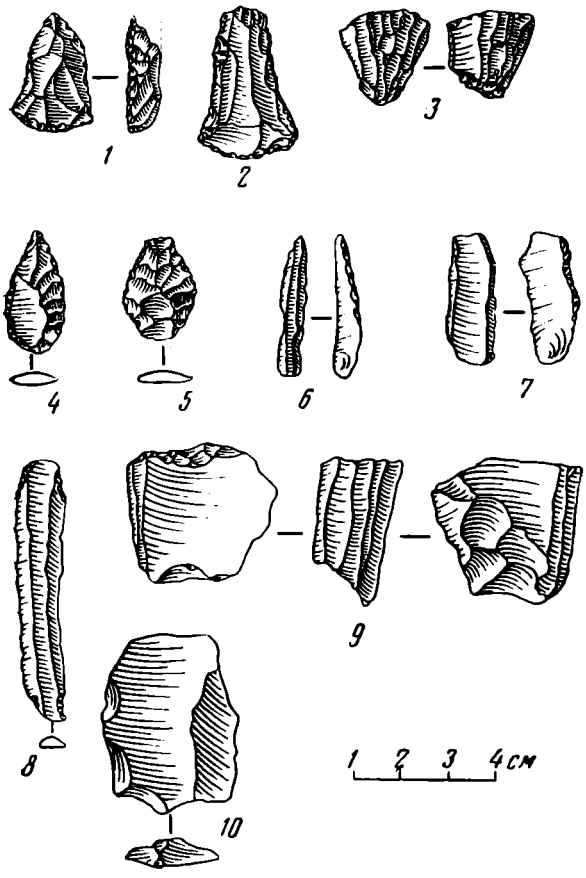


Рис. 2

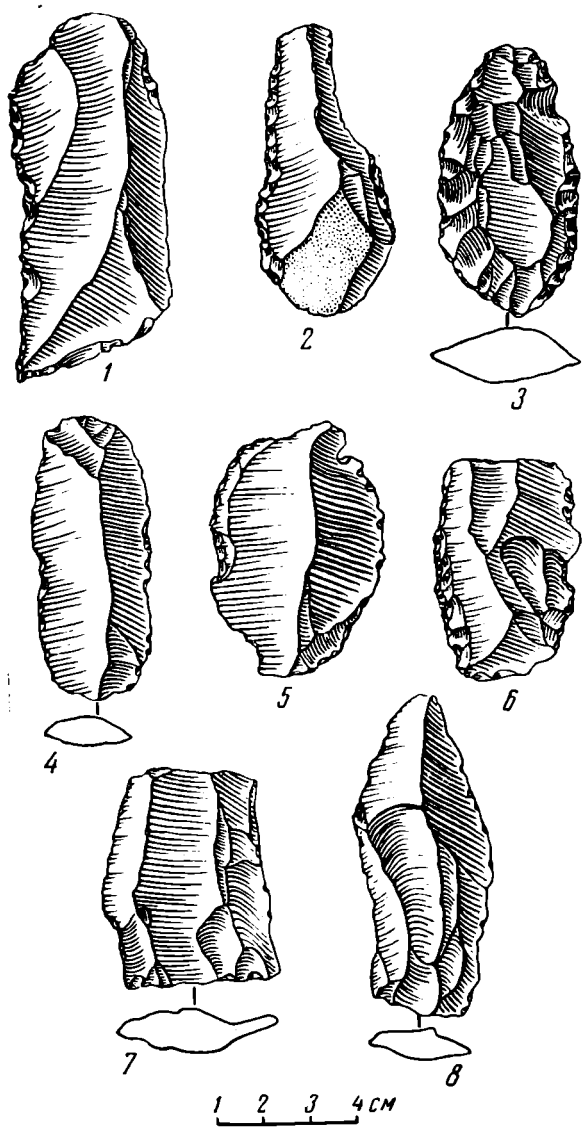


Рис. 3

Рис. 2. Стоянка Ош-Хона

1, 2 — концевые скребки; *3, 9* — нуклеусы; *4, 5* — наконечники стрел; *6, 7, 8* — пластинки с ретушью; *10* — отщеп

Рис. 3. Стоянка Ош-Хона

1—3, 5, 6 — скребла; *4, 7, 8* — грубые пластины

ных орудий (вместе со сборами на поверхности около 10 000 предметов). Среди них нуклеусы различных типов, скребла, большая серия концевых скребков, выемчатые скребки, скобели, провертки, проколки, ножевидные пластины и отбросы производства — отщепы. Основной материал, которым пользовался древний человек,— кварцитовидный песчаник, в меньшей степени использовался кремень, кварцит и горный хрусталь (рис. 2 и 3).

В настоящей работе мы не приводим детальной характеристики найденных материалов. Отметим только, что в общих чертах последние могут быть сопоставлены во времени с другими коллекциями памирских стоянок [4]. Следует особенно подчеркнуть полное отсутствие керамики как

[4] Детальное изучение материалов по каменному веку Восточного Памира (хранятся в Институте истории АН Таджикской ССР) еще не закончено. Выявленные хронологические различия между отдельными группами вряд ли значительны — почти все находки укладываются в голоценовую эпоху.

среди подъемных материалов, так и в числе находок из раскопа. Как своеобразную особенность стоянки Ош-Хоны укажем также на сочетание чисто палеолитической техники обработки камня (грубые скребла с прямым и выпуклым краем, скобели типа рабо, многоплощадочные нуклеусы, широкие грубые пластины и т. д.) с совершенно иными приемами, свойственными уже более поздним по времени культурам — мезолитическим или даже неолитическим (небольшие микролитоидного типа нуклеусы, пластинки с выемками, проколки, маленькие двустороннеобработанные небрежной струйчатой ретушью наконечники стрел и т. д.).

Подобное сочетание, не характерное для южных культур капсийского круга, наоборот, неоднократно отмечалось для памятников, расположенных на восток от Средней Азии [5].

Естественно возникает вопрос, о котором уже говорилось выше: являются ли палеолитические черты в материалах стоянки Ош-Хона пережиточным явлением или здесь мы сталкиваемся с противоположным фактом — ранним появлением технических приемов обработки камня, получившим широкое развитие лишь в дальнейшем?

В 1960 г. во втором культурном горизонте стоянки в большом перекрытом камнями очаге удалось собрать достаточное для радиоуглеродного анализа количество терескенового и березового угля.

Радиоуглеродный анализ проводился в лаборатории археологической технологии Ленинградского отделения Института археологии АН СССР.

Измерение радиоуглерода (C^{14}) осуществлялось сцинтилляционным методом, позволяющим с необходимой точностью определять малые количества слабых β-излучателей.

С целью удаления из пробы постороннего углерода, который мог присутствовать в виде карбонатов или гуминовых кислот и искажать возраст образца, уголь обрабатывался последовательно разбавленными растворами HCl и NaOH. Высушенный очищенный уголь использовался для получения карбида кальция CaC_2 по реакции $2C + Ca \rightarrow CaC_2$.

Полученный из CaC_2 ацетилен поступал на реакцию гидроалкилирования «мертвого», т. е. нерадиоактивного бензола, ведущую к образованию этилбензола.

Синтезированный этилбензол ($C_2H_5C_6H_5$), содержащий в этильной группе углерод пробы, вводился для измерения C^{14} в сцинтилляционный счетчик. Удельная активность образца сравнивалась с удельной активностью этилбензола, полученного из 80-летней лиственницы, которая служила эталоном современного углерода. Тем самым исключалась возможность ошибки вследствие изменения за последние десятилетия концентрации C^{14} в обменном резервуаре в результате ядерных испытаний и сжигания ископаемого топлива.

Расчет возраста производился по формуле

$$t = 8030 \ln \frac{N_0}{N_t} + L,$$

где t — абсолютный возраст образца в годах; N_0 — удельная активность современного углерода; N_t — удельная активность углерода образца; L — поправка на возраст эталона.

В результате измерения C^{14} абсолютный возраст угля из второго слоя стоянки Ош-Хона был определен в 9530 ± 130 лет, т. е. с точностью в 1,4%. Приводимое значение ошибки (130 лет) является средним статистическим результатом измерения активности. Ошибки, вызываемые дру-

---

[5] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, 18, 1950, стр. 182; Г. Ф. Дебец. Опыт выделения культурных комплексов в неолите Прибайкалья. Изв. ассоц. н.-п. ин-тов при физ.-матем. фак. МГУ, III, 2-А, М., 1930, стр. 162; J. Maringer. Contribution to the Prehistory of Mongolia. The Sino-Swedish Expedition, Publ. 34. «Archaeology», 7, Stocholm, 1950, стр. 172; Che'ng Tê-K'un. Archaeological Studies in Szechwan. Cambridge, 1957, стр. 99—100 сл.

ними факторами: неточностью определения периода полураспада C^{14}, неравномерностью распределения радиоуглерода в обменном резервуаре и возможностью фракционирования изотопов углерода как в условиях залегания образца, так и при химической подготовке к счету,— не учитывались. Однако величина этих ошибок не должна превышать ошибки измерения C^{14}.

Ближайшим районом, для которого известны радиоуглеродные даты, является Ближний Восток. Приведем некоторые, близкие к нашим, данные [6].

Образец	Местонахождение	Археологический возраст слоя	Лет назад
CC-B	Бельт (Камарбанд), Иран	Докерамический неолит	7790±330
W-617	Мерсин, Турция	» »	7950±250
Cr-963	Иерихон, Палестина	» »	8785±100
W-651	Джармо, Ирак [7]	» »	8830±200
CC-H	Хоту, Иран	Поздний мезолит	9190±590
P-53	Кара-Камар, Афганистан	Мезолит	10580±720
W-681	Зави-Хеми, Ирак	Древний неолит	10870±300
CC-H	Хоту, Иран	Ранний мезолит	11860±840
CC-B	Бельт, Иран	Ранний мезолит	11480±550
W-179	Шанидар, Ирак	Начало мезолитического слоя	12000±400

Таким образом, дата Ош-Хоны соответствует позднему мезолиту—раннему (докерамическому) неолиту Ближнего Востока и мезолиту Европы [8]. К сожалению, радиоуглеродных датировок для позднего палеолита — мезолита стран Азии еще неизвестно. В свете приведенных данных кажется слишком ранней дата начала культуры Дземон в Японии — 9450 ± 400 [9].

Таким образом, радиоуглеродная дата Ош-Хоны совпадает с теми представлениями, которые сложились при первоначальном знакомстве с археологическим материалом. Радиоуглеродный метод, применение которого, как известно, сталкивается со значительными трудностями, в данном случае подтверждает выводы, сделанные на основании археологических находок, что позволяет более уверенно говорить о датировке последних.

Исследование высокогорной стоянки Ош-Хона и другие памирские материалы поднимают ряд вопросов, далеко выходящих за рамки среднеазиатского каменного века, в частности вопросы первоначального заселения азиатских высокогорий человеком. И хотя до сих пор мы знаем лишь отдельные находки этого времени в Тибете, сборы геологов на Тибет-Цинхайском плато, давшие безусловно сходный с памирским материал (датированный китайскими археологами палеолитом) [10], позволяют высказать предположение о том, что в областях горного обрамления Центральной Азии в голоцене существовала более или менее однородная мезо — неолитическая культура каменного века, западной окраиной рас-

---

[6] В основном по работе R. Braidwood. Near Eastern Prehistory. «Science», 127, 3312, 1958.

[7] Для поселения Джармо имеется несколько радиоуглеродных дат. В настоящее время большинство исследователей склоняется к приведенной нами более древней дате. Ср. В. М. Массон. Джейтунская культура. Тр. ЮТАКЭ, X, Ашхабад, 1960, стр. 74 и прим. 75; R. Braidwood, Bruce Howe. Prehistoric Investigations in Iraqi Kurdistan. SAOC, 31, Chicago, 1960, стр. 69.

[8] Л. Р. Серебрянный. Радиоуглеродный метод и его применение для изучения палеогеографии четвертичного периода. М., 1961, табл. 4.

[9] Harumi Befu, Chester S. Chard. Preceramic Cultures in Japan. AA, 1960, 62, 5, стр. 815.

[10] Chin Chung-Iang. Discovery of Paleolits on the Tibet-Singhai Plateau. VP, II, 2—3, 1958, стр. 162.

пространения которой являлась Средняя Азия. В силу своеобразных природных условий высокогорья эта культура сохранила на протяжении всего этого времени весьма архаические приемы обработки камня, что отличает ее от микролитических культур пояса евроазиатских степей и пустынь, сводку по которым составил недавно А. А. Формозов [11].

Интересно и следующее наблюдение: среднеазиатские геологи, как известно, преимущественно стоят на позиции отрицания возможности синхронизации четвертичных оледенений Европы и Средней Азии [12]. В силу этого высказывались предположения и о сильном запаздывании по сравнению с европейским и последнего оледенения Памира. Крайним выразителем этого мнения считается, например, М. Ахунов, который полагает, что «морены долин восточного Памира являются результатом оледенения голоценового времени» [13]. Представляется, что радиоуглеродная дата стоянки Ош-Хона и выделение в памирском материале этапов еще более ранних (группа местонахождений долины р. Аличур) говорит не в пользу мнения этой группы геологов. Судя по развитию рельефа, между отступанием ледников последнего оледенения и временем, когда Памир заселили люди ош-хонинского этапа, прошел период, равный примерно половине голоцена, что говорит о вероятной синхронности конца оледенения памирского высокогорья с европейским или, во всяком случае, о незначительном запаздывании первого.

Следует также остановиться и на вопросах климатических условий, в которых могли жить первобытные охотники Памира. Интересны данные анализа углей растений, сгоревших в кострищах стоянки Ош-Хона почти 10 000 лет назад. По определению И. А. Шилкиной (БИН АН СССР), это были береза (*Betula sp.*), арча *(Juniperus sp.)* и терескен (*Eurotia ceratoides s. l.*). Ближайшие современные местообитания арчи и березы находятся на расстоянии более 100 *км* от стоянки (Беляндкиик, Саукдара, северные склоны Алайского хребта и т. д.). Доставка топлива на летнюю охотничью стоянку на такое расстояние маловероятна, тем более что для костров целиком мог идти, как в настоящее время, терескен. Поэтому полученные данные позволяют как будто говорить о вероятности существования более влажного и теплого климата на Памире в первой половине голоцена [14]. В то время большая площадь нынешнего высокогорья была занята типчаковыми степями. Стоянка Ош-Хона, судя по рельефу, могла располагаться на берегу постоянно текущей речки, поблизости от тугайных зарослей, где росли, можно полагать, не только березы, но и тополя, ива, облепиха и другие породы. Значительно ближе находилась и арча.

Поскольку тугайные заросли в настоящее время существуют на Памире на абсолютных высотах не более 3500—3600 *м* (Беляндкиик и Западный Пшарт) [15], приходится предполагать, что восточная часть Памира поднялась со времени жизни людей каменного века не менее чем на 600—700 *м*, что вызвало похолодание и иссушение климата. Прямых доказательств такого значительного подъема исследуемого района за вторую половину голоцена мы не имеем, хотя большие тектонические движения в соседних областях отмечались многими авторами (Н. А. Беляевский,

---

[11] А. А. Формозов. Микролитические памятники азиатской части СССР. СА, 1959, 2, стр. 47—59.

[12] Ю. А. Скворцов. О периодичности тектонических движений как основе для стратиграфии четвертичных отложений на примере Узбекистана. МАИЧП, I, М., 1961, стр. 74—75; О. К. Чедия. Современное и древнее оледенение Северного Дарваза и южного склона хребта Петра I. УЗ ТГУ. Тр. фак. ест. наук, VI, 1, 1955, стр. 23.

[13] М. Ахунов. Геоморфология и оледенение Восточного Памира. ИГ АН ТаджССР, научно-популярная серия, 42, 1958, стр. 44 (на тадж. яз.).

[14] В связи с его меньшей высотой. Л. Ф. Сидоров. Луга Памира. Автореф. дис. Л., 1960, стр. 16—17.

[15] Отдельные экземпляры березы изредка встречаются до 3700—3800 *м* в различных убежищах, но они скорее являются свидетельством быстрого поднятия, чем показателем нормальных условий произрастания.

К. В. Курдюков, В. М. Синицын, Е. И. Селиванов, Х. де Терра, О. К. Чедия и др.). В этом плане большой интерес представляет сообщение Д. В. Наливкина о «грандиозном и катастрофическом» недавнем опускании востока материка Азии [16]. Нельзя также считать решенным вопрос о климатических колебаниях в Центральной Азии и на Памире. При этом трудно допустить вероятность существования более теплого и влажного климата на высоте 4200 *м* без понижения снеговой линии. Не исключено, что оба фактора (подъем и общее иссушение климата Азии) влияли одновременно, дополняя друг друга. Конечно, на основании находок угля арчи и березы в кострах стоянки древнего человека решить указанные вопросы нельзя, но эти находки, тем не менее, в значительной степени помогают сторонникам недавнего изменения климатических условий Памира, давая в их руки важные факты.

---

[16] Д. В. Наливкин. Яркая страница геологической истории Азии. «Природа», 8, 1960, стр. 42.

В. П. ТРЕТЬЯКОВ

О ЮГО-ЗАПАДНЫХ СВЯЗЯХ РЯЗАНСКОГО НЕОЛИТА

Рязанская культура, памятники которой располагаются на берегах Оки, в ее среднем течении, была подробно охарактеризована А. Я. Брюсовым[1] в «Очерках по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху». Им были определены три этапа этой культуры: первый, характеризуемый наиболее ранними для поречья Оки неолитическими стоянками, такими как Шумашская, Красные кусты и др.; второй — более поздними поселениями: Дубровичи, Ушмары, Ужалье, Борок; к третьему этапу рязанской культуры А. Я. Брюсов относил тогда стоянки типа Алеканово — Поздняково — Подборное.

Позднее, во втором, немецком издании «Очерков» А. Я. Брюсов рассматривал поселения третьего этапа как памятники самостоятельной культуры — поздняковской[2]. Эта точка зрения соответствует выводам, сделанным в свое время Б. С. Жуковым, О. Н. Бадером[3] и Б. А. Куфтиным[4]: она не противоречит взглядам современных исследователей — И. К. Цветковой[5], Т. Б. Поповой[6] и др.

Таким образом, памятники рязанской культуры в настоящее время следует разделить на два хронологических этапа. Первый этап, по А. Я. Брюсову, относится к самому началу II тысячелетия до н. э., второй этап — к концу первой и ко второй четверти II тысячелетия до н. э.[7]

В указанных работах А. Я. Брюсова охарактеризована материальная культура рязанского неолита и сделана попытка доказать преемственность первого и второго этапов рязанской неолитической культуры. Однако визуальное ознакомление с материалами рязанских поселений (Шумашь, Остров Соколка, Коренец, Ловецкий городок, Черная гора, Черепки, Ибердус и др.[8]) дает возможность заключить, что такая преемственность более или менее отчетливо наблюдается лишь в каменных орудиях, чего нельзя сказать о керамике. Здесь мы находим резкие отличия в орнаментальных мотивах.

---

[1] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 58—71.

[2] A. J. Brjussov. Geschichte der neolitischen Stämme im europäischen Teil der UdSSR. Berlin, 1957, стр. 80.

[3] Монография Б. С. Жукова и О. Н. Бадера, посвященная этому вопросу, была подготовлена к печати, но, к сожалению, не издана. Мнение авторов по данному вопросу можно найти в отдельных статьях (например, Б. С. Жуков. Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур восточной Европы по данным изучения керамики. «Этнография», 1, 1929, стр. 71).

[4] Б. А. Куфтин. Новая культура бронзовой поры в бассейне р. Оки на озере Подборном близ г. Касимова Рязанской губернии. Материалы к доистории центрально-промышленной области, М., 1927, стр. 45—48.

[5] И. К. Цветкова. Стоянка Черная гора. КСИИМК, 75, 1959, стр. 114—122.

[6] Т. Б. Попова. Происхождение поздняковской культуры. Тр. ГИМ, 37, 1960, стр. 38—47.

[7] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен..., стр. 59—65.

[8] Материалы стоянок находятся в ГИМ. Автор приносит глубокую благодарность И. К. Цветковой за предоставленную ему возможность познакомиться с неопубликованными материалами поселения Ибердус.

Орнаментация керамики первого этапа является обычной для неолита Волго-Окского междуречья. Она характеризуется четкостью и простотой узоров, преобладанием ямочного орнамента над гребенчатым. Это ряды ямок, расположенных в шахматном порядке, насечки или короткие оттиски гребенчатого штампа, линии гребенчатого штампа, опоясывающие сосуд.

На втором этапе орнаментация керамики меняется. Исчезает четкость в нанесении узоров, увеличивается роль гребенчатого штампа, появляются композиции из прочерченных линий, «отступающей лопаточки», оттисков перевитого шнура и др. Ямки становятся неглубокими, они нанесены небрежно и покрывают не всю поверхность сосуда, а лишь часть ее; форма ямок — округлая, овальная, ромбическая и треугольная. Композиции из отпечатков гребенчатого штампа представляют собой разнообразные пояски, вертикальные и горизонтальные зигзаги, «елочку», треугольники и др. Иногда линии отпечатков штампа свободно располагаются по стенкам сосуда, не образуя каких-либо законченных узоров. Близкие к только что описанным мотивы орнамента можно наблюдать и на керамике, украшенной прочерченными линиями. Следует лишь отметить, что гораздо бóльшую роль здесь играют пояски, идущие вокруг сосуда, и орнамент в виде сетки. Орнаментальные мотивы из других элементов («отступающая лопаточка», перевитой шнур) менее разнообразны. Представлены лишь пояски, сетка из попарно расположенных линий, «елочка» и некоторые другие.

Чем же можно объяснить появление такого большого количества новых элементов на керамике рязанского неолита? Очевидно, только дальнейшим развитием местной культуры это объяснить невозможно. Чтобы получить исчерпывающий ответ, мы должны сравнить керамику рязанских поселений второго этапа с керамикой окружающих их культур.

А. Я. Брюсов справедливо отметил, что на украшение керамики второго этапа рязанской культуры большое влияние оказали орнаментальные мотивы соседних с ней белевской и волосовской культур, что он объяснял существованием экзогамных браков [9]. О взаимоотношениях с белевскими племенами говорит наличие ромбических и овальных ямок и нарезок. О близких отношениях населения рязанских стоянок с волосовцами говорит ряд мотивов орнамента. В качестве примера можно привести рамчатый штамп, узор в виде «елочки со стеблем», узор, состоящий из косо нанесенных отпечатков гребенчатого штампа, заключенных между вертикальными линиями, выполненными тем же штампом. Из менее сложных мотивов можно отметить наличие простого елочного орнамента, редких отпечатков крупного гребенчатого штампа и др.

Интересным является то, что многие «волосовские» композиции на рязанской керамике состоят из местных элементов орнамента: отпечатков шнура, прочерченных линий, «отступающей лопаточки» и т. п., что говорит об усвоении традиций нанесения новых видов орнаментальных мотивов в среде рязанских неолитических племен.

Таким образом, влияние белевской и волосовской культур на позднеолитическое население стоянок по рязанскому течению Оки вряд ли вызывает сомнение. Однако появление всех новых элементов в орнаментации рязанской керамики («отступающая лопаточка», перевитой шнур, мотивы прочерченного орнамента и др.) этим еще не объясняется.

В Институте археологии АН УССР хранятся материалы из раскопок неолитических поселений и могильников на территории Украины, полученных в результате полевых исследований Д. Я. Телегина и им опубликованных [10]. Сопоставление этого материала с неолитом рязанского тече-

---

[9] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен..., стр. 65; его же. Белевская неолитическая культура. КСИИМК, XVI, 1947, стр. 18.

[10] Пользуясь случаем, приношу глубокую благодарность Д. Я. Телегину за большую помощь, оказанную мне при знакомстве с материалами украинских неолитических поселений.

ния р. Оки убеждает в том, что именно здесь, на Украине, в эпоху неолита, в IV и III тысячелетиях до н. э., бытовали многие орнаментальные мотивы, которые позднее появились у населения поречья средней Оки.

Однако имеем ли мы право сравнивать керамику с поселений второго этапа рязанской культуры, датированного А. Я. Брюсовым первой и второй четвертью II тысячелетия до н. э., с керамикой украинских стоянок, относящихся к концу IV—III тысячелетия до н. э.? Для ответа на этот вопрос необходимо пересмотреть датировку окского неолита. Вопрос этот впервые был затронут в статье И. К. Цветковой «Стоянка Черная гора», где автор считала возможным «удревнить» первый этап рязанской культуры до конца III тысячелетия до н. э. [11]

Соображения, высказанные И. К. Цветковой, являются очень важными и с ними следует согласиться. Стоянки с классической ямочно-гребенчатой керамикой, безусловно, должны датироваться III тысячелетием до н. э. Это положение соответствует наблюдениям О. А. Кривцовой-Граковой, которая в свое время датировала появление фатьяновцев в Волго-Окском междуречье концом III тысячелетия до н. э., причем указывала, что к этому моменту здесь уже обитали племена развитого неолита, характеризуемого ямочно-гребенчатой керамикой [12]. Вопрос об удревнении ямочно-гребенчатой керамики поставлен в статье Д. Я. Телегина о хронологии украинского неолита. Памятники с ямочно-гребенчатой керамикой на Украине, имеющие параллели в Волго-Окском междуречье, им датированы временем не позже III тысячелетия до н. э. [13]

А. Я. Брюсов, основываясь на данных пыльцевого анализа, в последнее время также допускает возможность «удревнения» поселений с керамикой этого типа вплоть до конца IV тысячелетия до н. э.[14]

Более ранняя датировка рязанских поселений первого этапа с классической ямочно-гребенчатой керамикой влечет за собой пересмотр датировок и более поздних неолитических стоянок на этой территории.

Начальная дата поселений второго этапа рязанского неолита (конец первой — вторая четверть II тысячелетия до н. э.) была установлена А. Я. Брюсовым по находкам нескольких «волосовских» и «катакомбных» вещей, а также предметов, находящих аналогии в Скандинавии. Конечная дата им была предложена «с некоторым вероятием» по находкам бронзовых предметов на одном из самых ранних поселений поздняковской культуры, сменившей рязанскую — Алекановской стоянке, датируемой третьей четвертью II тысячелетия до н. э.[15] Датировка рязанского неолита дана А. Я. Брюсовым весьма приблизительно. Наличие поселений второго этапа без какого-либо влияния волосовской культуры и проникновения катакомбных вещей (Борки [16], Ловецкие борки [17] и др.) позволяет предположить, что они могут быть наиболее древними памятниками этого этапа, относящимися, возможно, к III тысячелетию до н. э. Не следует забывать также, что в последнее время ряд археологов, в том числе и А. Я. Брюсов, поставили вопрос об удревнении катакомбной культуры до второй половины III тысячелетия до н. э. [18] и, следовательно, аналогии материальной культуры рязанского неолита (второго этапа) катакомбной культуре, отмеченные А. Я. Брюсовым, также могут быть удревнены до

---

[11] И. К. Цветкова. Ук. соч., стр. 121.

[12] О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры. КСИИМК, XVI, 1947, стр. 23.

[13] Д. Я. Телегин. О хронологии поселений ямочно-гребенчатой керамики Украины. СА, 1962, 4, стр. 28—36.

[14] А. Я. Брюсов. Караваевская стоянка. Сборник по археологии Вологодской области, Вологда, 1961, стр. 79.

[15] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен..., стр. 63, 66.

[16] Материал хранится в МАЭ.

[17] Материал хранится в ГИМ.

[18] А. Я. Брюсов. Об экспансии «культур с боевыми топорами» в конце III тысячелетия до н. э. СА, 1961, 3, стр. 24

III тысячелетия до н. э. (во всяком случае, на них нельзя основываться при датировке поселений рязанской культуры), а это еще раз подтверждает мысль о возникновении неолитических памятников второго этапа рязанской культуры где-то во второй половине III тысячелетия до н. э.

Это положение подтверждается и материалами поселения у Бисерова озера в Волго-Окском междуречье. М. Е. Фосс, исследовавшая этот памятник, указывает, что здесь обнаружены два разновременных комплекса неолитической керамики: классическая ямочно-гребенчатая, довольно позднего облика, и южная, похожая на днепро-донецкую. Южная керамика залегала выше по склону берега, чем ямочно-гребенчатая. М. Е. Фосс совершенно справедливо отмечает, что южная керамика является более поздней, так как первоначально был заселен самый берег озера, затем, когда жизнь на стоянке временно прекратилась, начался процесс торфообразования, причем торф покрыл ранее заселенное место. В силу этого новые обитатели побережья Бисерова озера селились несколько выше [19].

Поскольку южная керамика является более поздней по сравнению с ямочно-гребенчатой, ее можно считать синхронной керамике второго этапа рязанской культуры, которая также приходит на смену классической ямочно-гребенчатой керамике. Днепро-донецкая керамика убедительно датируется украинскими археологами концом IV—III тысячелетием до н. э. [20] Таким образом, мысль о возникновении керамики второго этапа рязанской культуры во второй половине III тысячелетия до н. э. вполне допустима. Следовательно, сравнивать материалы рязанских и днепро-донецких неолитических поселений не только возможно, но и необходимо.

Обитатели поселений днепро-донецкой культуры занимались, так же как и их волго-окские соседи, охотой и рыбной ловлей, возможно, были знакомы с зачатками скотоводства и земледелия [21]. По орнаментации керамика этих племен имела ряд общих черт с рязанской керамикой второго этапа. Так, характерный для южных племен орнамент «наколами» («отступающей лопаточкой»), встречающийся на сосудах днепро-донецкой культуры [22], известен и на Оке — на стоянках Коренец (рис. 1, *1*), Ибердус и др.

Следующим общим для керамики южных и среднеокских стоянок является узор из прочерченных линий, образующих пояски вокруг сосуда, сетку или более сложные композиции. В качестве примера можно указать на керамику таких окских стоянок, как Черепки, Ибердус (рис. 1, *3—5*), а на юге — поселения Вовчиха, Погореловка, устье Оскола II [23].

Очень часто на поселениях днепро-донецкой культуры (Бондариха, Студенок) [24] можно встретить фрагменты керамики, украшенные легкими, слегка изогнутыми оттисками гребенчатого штампа, образующими горизонтальные ряды вокруг сосуда. Этот вид орнамента известен и на посуде окских стоянок (Ибердус, рис. 2, *2*).

Еще одним орнаментальным мотивом, отмеченным на поселениях рязанского неолита и днепро-донецкой культуры, являются зигзагообразные линии, нанесенные вертикально или горизонтально. На южных стоянках этим узором украшена значительная часть сосудов, причем он нано-

[19] М. Е. Фосс. Неолитическая стоянка Бисерово озеро. КСИИМК, 75, стр. 28—33

[20] Д. Я. Телегин. Ук. соч., стр. 36; его же. Исследование неолитических памятников в окрестностях г. Путивля на р. Сейме. КСИА, 4, 1955, стр. 146.

[21] Д. Я. Телегин. К вопросу о днепро-донецкой неолитической культуре. СА, 1961, 4, стр. 34; его же. З глибини віків. Племена кам'яного віку на Україні. Київ, 1962, стр. 31—37.

[22] Д. Я. Телегин. К вопросу о днепро-донецкой неолитической культуре, стр. 26—40.

[23] Д. Я. Телегін. Неолітичні поселення лісостепового лівобережжя і полісся України. Археологія, XI, Київ, 1957, стр. 72, рис. 3, *2*, *12*; Ф. Б. Копилов, С. М. Одинцова, О. Г. Шапошникова. Археологічні розвідки в районі нижньої течії р. Десни. АП, III, Київ, 1952, стр. 86, 90, рис. 3, *7*.

[24] Д. Я. Телегин. Неолитические памятники среднего течения Северного Донца. СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 168, рис. 4, *1*, *2*.

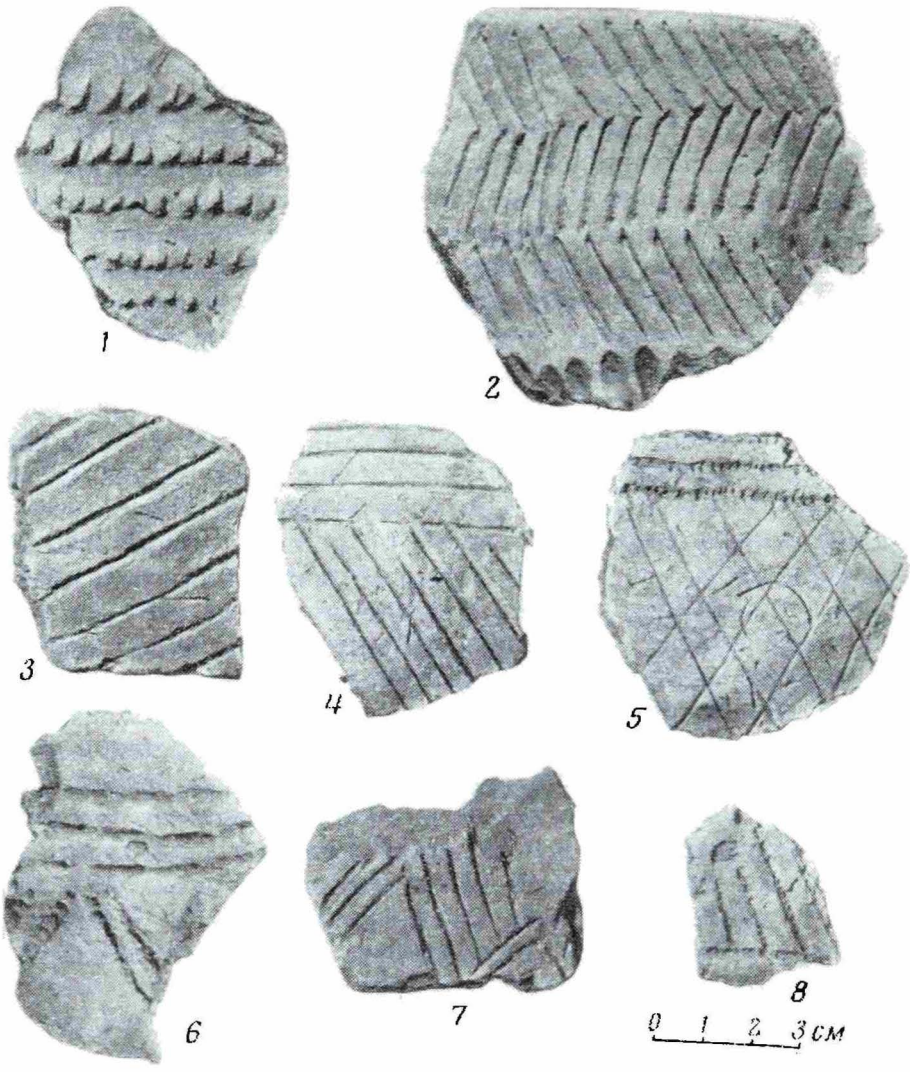


Рис. 1. Керамика стоянок рязанской культуры

1 — Коренец, *2* — Ловецкий городок, *3—5* — Ибердус, *6*, *8* — Черная гора, *7* — Черепки

сился всеми элементами орнамента, характерными для этой культуры: гребенчатым штампом, наколами и прочерченными линиями[25]. На рязанской керамике можно встретить этот вид орнамента, выполненный штампом, шнуром и нарезками (рис. 1, 2).

Наиболее сложным видом орнамента, общим для рязанской и южной керамики, является узор в виде рядов треугольников, выполненных прочерчиванием или штампом и опоясывающих стенки сосуда. Иногда все поле внутри треугольника заполнено параллельными одной из его сторон линиями. Такой тип орнамента отмечен на поселениях Черепки, Черная гора (рис. 1, *6—8*) и др. на р. Оке, а также на южных памятниках: Никольский могильник[26] и некоторых других.

Общим для рязанских и южных сосудов является также орнамент в виде ямок треугольной формы, напоминающих иногда «отступающую лопаточку». В качестве примера можно сослаться на керамику с поселений Черной горы (рязанский неолит) (рис. 2, *3*) и Бузьки, Никольская слободка, поселение в устье р. Оскола на юге[27].

Следующим типом орнамента, одинаковым на неолитических сосудах с окских памятников и на Украине, можно назвать узоры из оттисков

[25] Д. Я. Телегин. Никольский могильник эпохи неолита — меди в Надпорожье. КСИА, 11, 1961, стр. 22, рис. 2, *3*, *4*; стр. 23, рис. 3, *1*.

[26] Там же, стр. 23, рис. 2.

[27] Д. Я. Телегин. К вопросу о днепро-донецкой культуре, стр. 32, рис. 4, *2*; стр. 33, рис. 5, *5*; стр. 35, рис. 7, *42*; его же. Раскопки неолитических стоянок в устье р. Оскола. МИА, 79, 1960, стр. 181, рис. 6.

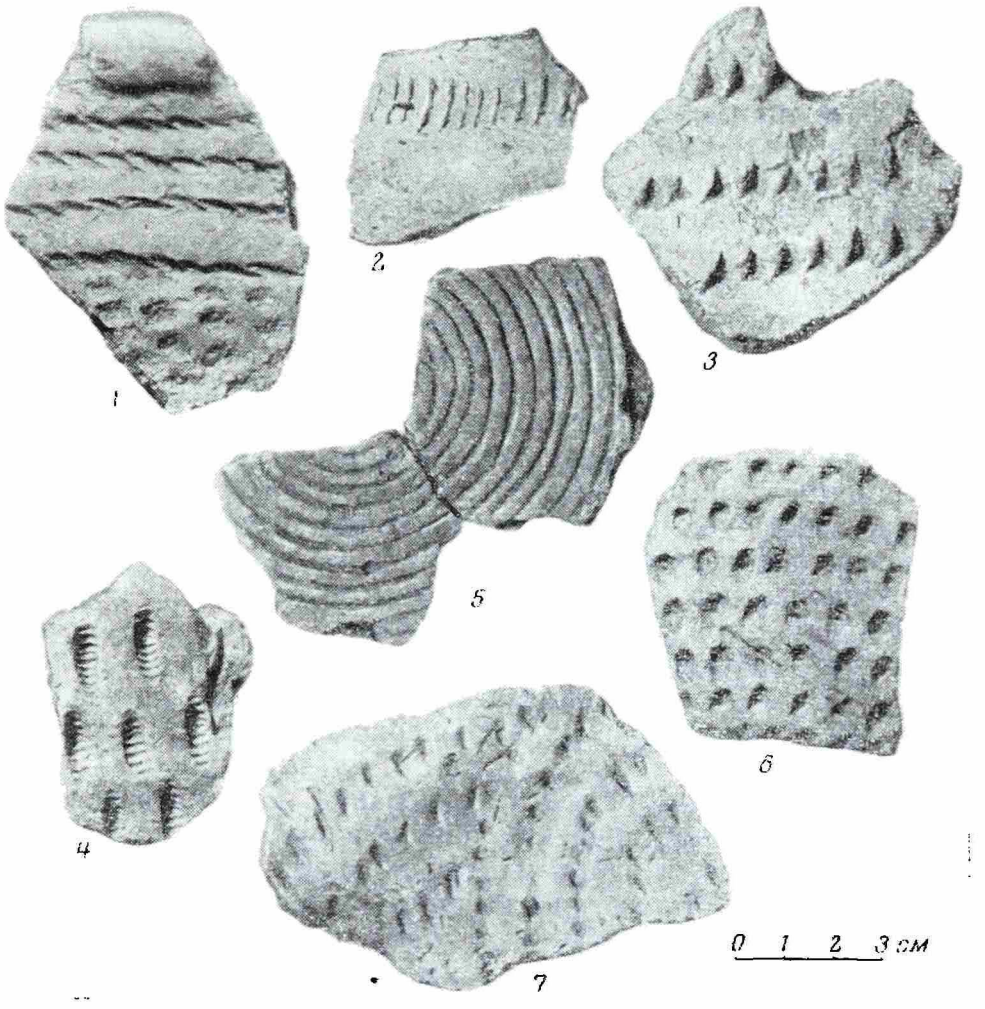


Рис. 2. Керамика стоянок рязанской культуры

1—3, 7 — Ибердус, *4* — Ловецкий городок, *5* — Черепки, *6* — Коренец

шнура или его имитации. На Оке он известен, например, на стоянке Ибердус (рис. 2, *1*), на юге — в Дереивке [28].

Таким образом, в керамике рязанской культуры ясно прослеживается ряд черт, характерных для южного неолита. Не будет большой ошибкой, если мы скажем, что большинство орнаментальных мотивов на керамике с неолитических поселений по рязанскому течению р. Оки находит себе аналогии на южных поселениях с гребенчато-накольчатой керамикой.

О сходстве керамики украинского и окского неолита свидетельствует и общность форм некоторых сосудов, обнаруженных на этих поселениях. Для неолита Украины характерны, в частности, горшки с плоским дном, украшенным концентрическими кругами [29]. Иногда этот специфический мотив дополняется некоторыми другими элементами (линии, кресты и т. д.) [30]. Фрагменты таких же сосудов обнаружены на рязанском поселении Черепки на р. Оке (рис. 2, *5*).

Следует оговориться, что некоторые типы орнамента, отмеченные выше, находят себе аналогии не только на юге, но и на керамике других локальных групп неолита Волго-Окского междуречья. К ним, мне кажется, можно отнести узор в виде сетки, зигзага, прочерченных полос. Следует указать на различные композиции из ямок неправильной формы с гладким, зубчатым или шероховатым дном. Реже ямки имеют овальную

[28] В. И. Митрофанова, Д. Я. Телегин, Н. Н. Шмаглий. Обследование памятников неолита и бронзы в районе Днепродзержинского водохранилища в 1955 г. КСИА, 12, 1962, стр. 97.

[29] А. В. Бодянский. Лысогорский неолитический могильник. КСИА, 11, 1961, стр. 36, рис. 4, средний рисунок во втором (от верха) ряду.

[30] Д. Я. Телегин. Никольский могильник..., стр. 22, рис. 2, *3*.

форму. На Оке этот орнамент можно увидеть на всех поздненеолитических стоянках (рис. 2, *4—6*). На юге он известен на поселениях Комсомольское, Скунсово и др.[31] Эти узоры, по всей видимости, возникли именно на Оке, развившись из мотивов, характерных для керамики наиболее ранних стоянок Волго-Окского междуречья, таких как Шумашская, Остров Соколка и др. На юге этот орнамент даже на ранних поселениях (Скунсово, Эсмань) известен уже в сложившейся форме[32] и, кроме того, здесь он сочетается с поздненеолитическими по своему облику, прекрасно изготовленными каменнымп орудиями — топорами со шлифованным лезвием, желобчатыми долотами, двусторонне обработанными наконечниками стрел и т. п.[33], т. е. теми орудиями, которые в Волго-Окском междуречье встречаются в комплексах лишь на стоянках позднего неолита.

Однако даже если мы исключим эти мотивы при сравнении рязанской поздненеолитической керамики с южной, нельзя не отметить большого сходства упомянутых выше керамических комплексов.

Такое заключение позволяет сделать вывод о том, что мотивы орнаментации рязанской неолитической керамики (второго этапа по А. Я. Брюсову) складывались под сильным влиянием более южных неолитических культур. И следует говорить именно о южном влиянии, а не наоборот, так как данные, собранные археологами за многие годы исследований, свидетельствуют о том, что неолитические культуры охотников и рыболовов юга не могут быть моложе поздненеолитических стоянок по рязанскому течению р. Оки.

В результате многочисленных исследований как археологов, так и этнографов, посвященных значению орнаментики в первобытном обществе, было установлено, что орнаментация керамики является «источником, позволяющим судить о существовании различных этнических общностей у неолитического населения, о племенных и родовых его группировках»[34]. В настоящем случае, когда мы имеем ряд южных орнаментальных черт на окской неолитической керамике, можно предполагать проникновение отдельных южных племен в район среднего течения р. Оки и смешенпе пх с местным населением. Подтверждением этому служит общая тенденция племен днепро-донецкой культуры к распространению на север, что зафиксировано многими исследователями. Так, Д. Я. Телегин отмечал стоянки этой культуры на территории Белоруссии[35], А. Гардавский — в Польше[36], поселения с «днепро-донецкой» керамикой известны на р. Десне[37] и под Смоленском[38]. М. Е. Фосс писала о связях культуры ямочно-гребенчатой керамики с днепро-донецкой культурой на территории Тамбовской обл.[39], а также отмечала наличие днепро-донецкой керамики на Льяловской стоянке и на поселении у Бисерова озера[40].

---

[31] Д. Я. Телегин. Неолітичні поселення лісостепового лівобережжя і полісся України, стр. 75, рис. 5.

[32] Д. Я. Телегин. О хронологии поселений ямочно-гребенчатой керамики Украины, стр. 29.

[33] Д. Я. Телегин. Там же. стр. 31—32; его же. Неолітичні поселення лісостепового лівобережжя і полісся України, стр. 80, рис. 6; стр. 86.

[34] М. Е. Фосс. Древнейшая история севера европейской части СССР. МИА, 29, 1952, стр. 77.

[35] Д. Я. Телегин. Неолітичні поселення лісостепового лівобережжя і полісся України. стр. 71, рис. 1.

[36] A. Gardawski. Zagaduienie kultury «ceramiki grebykowej» w Polsce. WA, XXV, 3, 1958, стр. 287—313.

[37] Поселение Пионерское, раскопки М. Е. Фосс. Материалы хранятся в ГИМ.

[38] А. Н. Лявданский. Городище, курганы и стоянка близ дер. Деребуж Рославльского уезда. ТСАРАНИОН, IV, М., 1928, стр. 300—305.

[39] М. Е. Фосс. Исследование неолитических стоянок в Мичуринском районе Тамбовской области в 1953 году. КСИИМК, 75, стр. 25.

[40] М. Е. Фосс. Неолитическая стоянка Бисерово озеро, стр. 29, 31—34.

В. Д. БЛАВАТСКИЙ

ВОЗДЕЙСТВИЕ АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ НА СТРАНЫ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ * (IV в. до н. э.— III в. н. э.)

IV в. до н. э. был временем, когда наметилась новая фаза во взаимоотношениях эллинов с северопричерноморскими племенами. Нам уже приходилось отмечать [1], что в рассматриваемый период создались особенно благоприятные условия для расцвета экономики и культуры окраинных античных государств, в том числе Боспора. При Левконе I (387—347 гг. до н. э.) сложилось и при его преемнике Перисаде I (347—309 гг. до н. э.) продолжало процветать греко-синдо-меотское государство, объединившее эллинские полисы и территории, занятые местными племенами. Эта черта сближает Боспорское государство рассматриваемого времени с эллинистическими монархиями Восточного Средиземноморья, однако не делая их идентичными. Основное отличие заключалось в том, что местные племена азиатской части Боспора были менее развиты в социально-экономическом отношении, чем земледельческое население царских земель в эллинистических монархиях.

Присоединение к Боспорскому государству довольно обширных негреческих сельскохозяйственных территорий несколько приобщило их к эллинской культуре, вместе с тем оно способствовало оживлению ремесла на Боспоре, его экспортной торговли [2], вызвало расцвет прежних городов и основание новых на вновь освоенных землях. Рука об руку с их экономическим подъемом наблюдается расцвет художественной культуры этих городов. Весьма примечательно, что вкусы правящих кругов Пантикапея этого периода заметным образом отличались от вкусов эллинской метрополии. В боспорской столице [3] этого времени, несмотря на ее богатство, было крайне мало монументальной скульптуры, так тесно связанной

* Начало статьи см. в № 2 журнала.

[1] В. Д. Блаватский. Процесс исторического развития античных государств в Северном Причерноморье. ПИСП, М., 1959, стр. 14 сл.; W. D. Blawatsky. Il Periodo del Protoellenismo sul Bosporo. Atti del Settimo Congresso internazionale di archaeologia classica. III, Roma, 1961, стр. 56 сл.

[2] Мы имеем в виду не только широко известный экспорт хлеба и других товаров из Боспора в Восточное Средиземноморье. Большое значение имела также торговля Боспора с племенным миром Северного Причерноморья. В северопонтийские степи шли товары не только боспорского происхождения, но отчасти также и привозившиеся из Средиземноморья. См. об этом: А. Н. Зограф. Монеты из раскопок в Ольвии в 1935 и 1936 гг. Сб.: «Ольвия», I, Киев, 1940, стр. 216; И. Б. Зеест. Керамическая тара Елисаветовского городища и его курганного некрополя. МИА, 19, 1951, стр. 119 сл.; Н. В. Анфимов. Древние поселения Прикубанья. Краснодар, 1956, стр. 34, 58 сл.; Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре, МИА, 36, 1954, стр. 86, 148; Н. А. Онайко. Античный импорт на территории Среднего Приднепровья. СА, 1962, 1, стр. 66, сл.

[3] W. Blawatsky. Le processus du développement historique et le rôle des états antiques situés au nord de la Mer Noir. XI, CISH. Stockholm, 21—28 Août, 1960, Rapport II, стр. 112.

с представлениями о калокагатии (καλοκάγαθία) эллинской гражданской общины. Вместе с тем там для знатных покойников сооружаются великолепные склепы с уступчатыми перекрытиями и переживают расцвет мастерские пантикапейских торевтов и ювелиров, изготовлявших различные украшения, в том числе золотые бляшки, придававшие одежде полуварварский характер. Эти особенности вкусов боспорской аристократии позволяют предполагать, что в среде последней очень большую роль играли эллинизованные выходцы из местной племенной знати[4]. Аналогичный приток[5] в Пантикапей подвергшихся эллинизации местных элементов не прекращался и в III—II вв. до н. э.[6].

Судя по некрополям рассматриваемого времени (IV—III вв. до н. э.), рядовые граждане Пантикапея и других боспорских городов полностью сохраняют греческие традиции; однако и в их художественных вкусах можно заметить некоторые новые ноты. В IV в. до н. э. большим спросом пользуются так называемые боспорские пелики[7], для росписей которых особенно характерна тематика, связанная с северопонтийскими мифами: изображения аримаспов и грифов, амазонок, Аполлона на грифе и т. п. Некоторые из этих сюжетов повторяются и на так называемых акварельных пеликах боспорской работы III—II вв. до н. э. Примечательна также связанная с культом Ахилла Понтарха популярность изображений Ахилла и нереид[8], несущих ему доспехи, в боспорской торевтике и других произведениях художественного ремесла[9].

Мы говорили о том, что в период протоэллинизма наблюдаются значительные сдвиги в экономике и культуре внутри Боспорского государства. Однако в это время крупные изменения коснулись не только северопонтийских городов. Дело в том, что если в VI—V вв. до н. э. экономические и культурные связи северопонтийских городов с Прикубаньем, Приднепровьем и особенно Придоньем оказывали довольно слабое воздействие на хозяйство и идеологию племенного мира, то в IV в. до н. э. это влияние стало значительно более заметным. Так племена Прикубанья в IV—III вв. до н. э. в результате активной экономической политики Боспорского государства перешли[10] к более развитому земледельческо-скотоводческому хозяйству[11].

Северопонтийский варварский мир был в той или иной мере втянут в тот исторический процесс, который, как нам представляется, можно именовать Протоэллинизмом. Однако мы должны оговорить, что те значительные изменения в экономике и культуре обширного варварского общества в IV в. до н. э., о которых будет идти речь ниже, были результатом

---

[4] Во всяком случае хорошо засвидетельствованы браки Гилона с богатой скифянкой (Aesch. in Ctes., 171) и Перисада I и Комосарии, дочери правителя Синдики (IOSPE, II, № 346).

[5] В. Д. Блаватский. Об этническом составе населения Пантикапея в IV—III вв. до н. э. СА, XXVIII, 1958, стр. 106.

[6] Если в рассматриваемое время Боспор подчинил себе часть прилежащих варварских племен, то иная судьба постигла Ольвию. В III в. до н. э. она была вынуждена платить дань скифскому царю Сайтаферну, а во II в. до н. э. в ней чеканил свою монету скифский царь Скилур.

[7] С. С. Лукьянов, Ю. П. Гриневич. Керченская кальпида 1906 г. и поздняя краснофигурная живопись. МАР, 35, Птрг., 1915; М. М. Кобылина. Поздние боспорские пелики. МИА, 19, 1951, стр. 136 сл.

[8] И. Толстой, Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства. I, СПб., 1889, стр. 57, рис. 75.

[9] Compte-rendu Comm. Imp. Arch. pour les années 1882—1888. St.-Pétersbourg, 1893, стр. 48, 50, 56, 61.

[10] Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, 23, 1951, стр. 205.

[11] Достойно внимания, что усилившиеся экономические связи прикубанских племен с Боспором вызвали в последующее время (в III—II вв. до н. э.) в некоторых случаях подражания античным образцам в их керамическом производстве (М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 577; Н. В. Анфимов. Ук. соч., стр. 206).

не только внешнего (греческого) воздействия. Напротив, это воздействие смогло стать действенным лишь в силу того обстоятельства, что внутренний процесс развития варварского мира вызвал в нем новые потребности, привел к сложению новой социальной обстановки.

В рассматриваемый период как от меотов, так и от скифов усилился вывоз продуктов земледелия и скотоводства, а к ним в большем количестве стало поступать греческое вино [12] и изделия боспорских торевтов [13]. Вместе с тем в социальной структуре наиболее передовых варварских племен происходили значительные сдвиги. Возрастала роль их басилевсов. Около середины IV в. до н. э. Атей стал главой обширной скифской державы и был таковым до своего поражения и гибели в 339 г. до н. э. Атей стремился придать своей державе хотя бы некоторые атрибуты античного государства; так, он чеканил в Каллатии монету [14] на греческий лад. Это можно считать проявлением своеобразного «эллинофильства» скифского царя.

В этих условиях формировались новые социальные взгляды. Главы племен становились аристократией, резко выделявшейся из среды рядовых членов общины. Тематика скифского и меотского искусства этого времени по-прежнему не теряла связи с религиозными представлениями варваров и их магией, но теперь она стала приобретать еще новое социальное звучание. Подобно значительно более древним микенским анактам, скифские басилевсы стремятся теперь окружить себя особенной пышностью, богато разукрасить золотыми и серебряными украшениями свое оружие, одежду и конскую сбрую. По сравнению с крайней нетерпимостью ко всему эллинскому, столь ярко сказавшейся в печальной истории Скила [15], теперь наблюдается иное отношение если не к эллинской культуре в целом, то во всяком случае к некоторым весьма существенным новшествам, которые приходят от греков. Скифская и меотская знать стала заказывать и приобретать у греческих мастеров Пантикапея и других северопонтийских городов большое число различных изделий художественного ремесла [16], преимущественно предметов парадного обихода, которые обычно покрывались рельефными изображениями, свидетельствующими о заметных сдвигах в представлениях их заказчиков.

Вкусы племенной знати изменились настолько, что они не могли уже довольствоваться только «звериным стилем» и геометрическими узорами. Верхи племен стремились теперь обогатить свою культуру приобщением к антропоморфному греческому искусству. А это вряд ли было возможно, если бы их мировоззрение не испытало значительных изменений. Изображение богов в человекоподобном обличии возможно лишь в том случае, если этих божеств воспринимают в антропоморфном виде. Следовательно, восприятие богов меотами и скифами стало в некоторой мере приближаться к эллинскому. Представители племенной аристократии заказывали боспорским ювелирам произведения художественного ремесла [17], в резуль-

[12] Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, 36, 1954, стр. 86 сл., 94 сл., 99 сл.

[13] М. И. Ростовцев. Ук. соч., стр. 438 сл.

[14] А. Рогальски. Монета на именто на скифския цар Атей. ИВАД, XII, 1961, стр. 32 сл.

[15] Herod., IV, 78—80.

[16] В рассматриваемое время от греков к северопонтийским племенам проникали только произведения художественного ремесла, а не монументального искусства. Скифо-меотское общество, видимо, не ощущало потребности ни в ордерной архитектуре, ни в монументальной скульптуре. Напомним, что, как уже было отмечено, в этот период монументальной скульптуры было довольно мало и на самом Боспоре.

[17] Особую группу изделий боспорских и ольвийских мастеров, работавших для скифов, составляли различные художественные поделки в «зверином стиле», столь чуждом духу эллинского искусства. Эти изделия лишены строгой простоты шедевров меото-скифского мастерства, и их никак нельзя признать существенным вкладом в художественное творчество Северного Причерноморья. Образцом таких памятников может служить фигура оленя из Кульобского кургана, несомненно, исполненного греческим мастером, как это указывает надпись: ΠΑΙ (E. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, стр. 203, рис. 98; М. И. Ростовцев. Ук. соч., стр. 379).

тате чего руками греческих мастеров впервые были созданы образы меотских и скифских божеств, а также сцены из их мифов. Благодаря этому мировое искусство обогатилось высокохудожественными изображениями самих обитателей степей нашего юга.

Представляя местных божеств, греческие мастера всецело следовали нормам классического искусства, точнее, той ветви его, которую следует назвать боспорской школой IV в. до н. э.[18] Что же касается изображений северопонтийских варваров, то они передавались с очень выразительным этнографическим реализмом, во многом напоминающим образы варваров в искусстве периода эллинизма.

Так, благодаря эллинам художественная культура северопонтийских племен вступила в новую фазу — она обогатилась антропоморфными изображениями, что было тесно связано с глубокими идеологическими сдвигами.

Остановимся на нескольких памятниках этого своеобразного «греко-варварского» искусства, начав наш обзор с синдо-меотского круга. Среди многочисленных находок в кургане Карагодеуашх[19] видное место принадлежит сильно вытянутой треугольной золотой пластинке, некогда украшавшей конусообразный головной убор знатной покойницы. Эта пластинка покрыта расположенными в три ряда рельефными изображениями, представляющими синдо-меотский пантеон или, вернее, часть последнего. Ввиду крайне ограниченных данных о синдо-меотских божествах вряд ли возможно вполне надежное истолкование этих сцен. Бесспорно лишь, что они не имеют отношения к эллинской мифологии, а заключают изображения местных божеств. В среднем ряду представлен бог на колеснице, запряженной парой коней; этот бог скорее всего может быть отождествлен с Аполлоном-Гойтосиром-Мифрой. Внизу находится окруженная свитой богиня в коническом головном уборе, вероятно, Афродита Урания или Апатура. Эта сцена представляет сакральное действо, в котором важную роль играют два ритуальных сосуда: один из них сферической формы, а другой — ритон; сосуды, очевидно, должны были заключать какой-то напиток, наделенный магической силой, подобный нектару греков, соме индийцев, хауме иранцев и живой воде фольклора последующих обитателей Восточной Европы[20].

Как бы дополнением к изображениям на карагодеуашхской пластине является сцена, представленная на другом памятнике, найденном в том же кургане — серебряном ритоне[21]. Там показаны на поле боя, покрытом телами убитых, два всадника, обращенные один к другому. Один из них, вероятно, вождь племени, приближается к другому с жестом адорации, нужно думать, испрашивая у него сакральную санкцию. Другой величественно сидит на спокойно стоящей лошади, держа в одной руке ритон, а в другой — копье. Этот синдо-меотский победоносный конный бог может быть сравним[22] с Посейдоном-Фамимасадом царских скифов, но не менее вероятно его сопоставлять с имевшим различные аспекты конным божеством фракийцев, к которому обычно прилагалось наименование "Ηρως, т. е. герой. Попутно отметим, что те местные северопонтийские божества, которые были отождествлены греками с Гераклом и Ахиллом Понтархом,

[18] Образцами боспорской школы рассматриваемого времени, помимо торевтики, могут служить росписи склепов, например Большой Близницы (М. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913—1914, стр. 18 сл., табл. VII, *2* и VIII), и изделия боспорских коропластов (М. М. Кобылина. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961, стр. 55 сл.).

[19] А. Лаппо-Данилевский, В. Мальмберг. Курган Карагодеуашх. МАР, 13, СПб., 1894, стр. 80 сл., табл. III, *1*.

[20] А. Афанасьев. Ук. соч., I, стр. 364 сл.

[21] Е. Придик. Два серебряных ритона в коллекции Имп. Эрмитажа. ЗООИД, XXX, 1912, стр. 169 сл., табл. I.

[22] Отметим, что возможно и иное истолкование этого божества, а именно в нем можно видеть и иранского конного бога Мифру. (M. Rostovtzeff. Iranians & Greeks in South Russia. Oxford, 1922, стр. 104).

трактовались: первый — как конник, а второй — как владыка коней. На немного более поздней по времени рельефной пластинке[23] из дер. Мерджаны представлены два божества синдо-меотского пантеона: конный герой (или бог) с ритоном в руке приближается к восседающей на троне Великой богине со сферическим сосудом в руке, вероятно, содержащем живую воду. По сторонам богини представлены дерево и шест с лошадиным черепом. Первое, вероятно, является «древом жизни», символизирующим производящую силу природы. Конский череп, возможно, указывает на то, что богиня была покровительницей коней.

В IV в. до н. э. как в боспорских богатых погребениях Прикубанья, так и в курганах Приднепровья[24] в немалом числе встречаются золотые бляшки[25] с изображением сидящей богини с зеркалом в руке; перед ней стоит молодой скиф с ритоном в руке. Эта сцена несомненно имеет сакральный характер. Выше мы говорили о том магическом значении, которое, видимо, приписывалось зеркалу в северопонтийском племенном мире. Вероятно, и в данном случае оно выступает как страшное орудие чародейства, а не предмет обихода кокетливой богини.

В описанных сценах богини имеют полностью антропоморфный облик; в отличие от них на некоторых изображениях божеств мы можем наблюдать более отчетливо выраженный локальный колорит. Таково изображение змееногой прародительницы скифов на конском золотом налобнике из Цимбаловой могилы[26].

Но особенно ярко выступает перелом представлений скифов в замене изображений на навершиях, которые входили в погребальный инвентарь богатых погребений Приднепровья[27] и, видимо, имели магическое назначение. Данное явление тем более показательно, что исполнение этих предметов местными мастерами вряд ли можно подвергнуть сомнению. Более древние из наверший в виде бубенца, увенчанного фигуркой птицы или животного, сменяются сначала ажурной бляхой в виде животного или грифа, а затем и навершием с изображением Великой богини в антропоморфном облике. Такое навершие[28] было обнаружено в Александропольском кургане, относящемся к первой половине III в. до н. э.[29]

Помимо сказанного можно также отметить и другие формы проявления сближения представлений и вкусов верхов скифского общества с эллинской художественной культурой. Доказательством тому служат четыре великолепных горита (Чертомлыцкий, Ильинецкий[30], Мелитопольский[31] и Елисаветовский[32]) с золотыми облицовочными пластинками, украшенными рельефными сценами из жизни Ахилла[33]. Не только стиль этих изображений, но и их тематика — греческие. Видимо, эти сцены можно считать связанными с культом Ахилла Понтарха в его эллинизованном обличье (а не того божества, которое первоначально почиталось у северопонтийских племен, да и то только прибрежных, а не в срединной Скифии). Все же нужно сделать одну оговорку. В первой сцене, где

---

[23] М. И. Ростовцев. Представления о монархической власти в Скифии и на Боспоре. ИАК, 49, СПб., 1913, стр. 134 сл., табл. X, *1*; XI, *1*.

[24] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 383, 439.

[25] М. И. Ростовцев. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре, стр. 6 сл., табл. II, *4*.

[26] И. Толстой, Н. Кондаков. Ук. соч., II, стр. 115, рис. 99.

[27] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 435 сл.

[28] И. Толстой, Н. Кондаков. Ук. соч., II, стр. 92, рис. 75.

[29] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 431 сл., 455.

[30] Б. В. Фармаковский. Золотые обивки налучий (горитов) из Чертомлыцкого кургана и из кургана в м. Ильинцах. ΠΡΟΕΔΡΩΙ ΔΩΡΟΝ. Сб. статей, поднесенный А. А. Бобринскому. СПб., 1911, стр. 45 сл.

[31] С. Ф. Покровская. Мелитопольский скифский курган. ВДИ, 1955, 2, стр. 191 сл.

[32] В. П. Шилов. Раскопки Елисаветовского могильника в 1959 г. СА, 1961, 1, стр. 161 сл., рис. 13.

[33] Б. В. Фармаковский. Ук. соч., стр. 86 сл.

изображено обучение отрока Ахилла военному делу, его воспитатель Фойникс показывает своему подопечному, как надлежит стрелять из лука. Этот мотив плохо вяжется с воинскими подвигами героя Илиады, всегда выступавшего в качестве гоплита, в полной мере отвечая тем навыкам, которые должен был приобретать с малолетства воинственный вождь северопонтийских степняков[34]. В этом следует видеть явную уступку греческого торевта местным вкусам.

Все сказанное побуждает думать, что в результате контактов с южными соседями кругозор скифских верхов расширился настолько, что изображение мифа об Ахилле заняло то место на парадном оружии, которое ранее предназначалось сакральным фигурам «звериного стиля».

Аналогичным явлением можно считать и изображение Геракла на золотых бляшках[35] степной Скифии и Приднепровья, вероятно, связанное с культом родоначальника скифских царей[36].

Не менее важным последствием расширения кругозора и обогащения идеологии скифского общества в IV в. до н. э. было появление спроса на новую чисто скифскую тематику[37], результатом чего было появление в античной торевтике реальных изображений самих скифов. Эти новые заказы позволили боспорским мастерам создать такие шедевры, как фриз с изображением скифов и лошадей на чертомлыцкой амфоре или батальную сцену на золотом гребне из кургана Солоха.

Греческие мастера, создававшие эти замечательные произведения античной торевтики, трактовали их как жанровые сцены, стремясь придать им возможно более яркий локальный колорит и насытить их этнографическим реализмом. Однако весьма сомнительно, чтобы их так же воспринимали и скифы. Те племена и народы, которые еще недавно обходились только одними зооморфными изображениями в искусстве, не могут сразу обратиться к жанровым картинам. Обычно им задолго предшествуют изображения героев, совершающих различные подвиги, и деяний богов. Об этом говорят многочисленные параллельные явления в творчестве других народов.

Существование у скифов героического эпоса вряд ли может подлежать сомнению, однако дошедшие до нас сведения о нем крайне отрывочны, в силу чего любая из сцен, казалось бы военных или жанровых, вполне может быть эпизодом из неведомой нам саги.

В связи с этим сначала остановимся на серебряной обкладке горита из кургана Солоха. Обычно представленную на ней сцену боя конных варваров с пешими трактуют как сражение скифов с меотами[38]. Возможно, однако, и иное объяснение. Примечательно, что конные варвары с большими бородами — явно пожилого возраста, а их противники—сплошь безбородые юноши; вместе с тем исход боя показан нерешительным. Все это наводит на мысль, что сюжетом украшения солохского налучья послужила скифская новелла, рассказанная Геродотом[39], согласно которой скифам, вернувшимся из азиатского похода, пришлось сражаться с восставшими сыновьями их рабов.

Замечательный фриз с изображением скифов и коней на чертомлыцкой амфоре исследователи единодушно считают сценой из жизни кочев-

---

[34] В этом отношении интересно вспомнить свидетельство Геродота о том, что скифы привлекались Киаксаром для обучения мидийской молодежи стрельбе из лука (Herod. I, 73).

[35] Б. Н. Граков. Скифский Геракл. КСИИМК, XXXIV, 1950, стр. 12 сл.

[36] Herod. IV, 8—10.

[37] До нас не дошли аналогичные изображения с меотской тематикой. Некоторым восполнением их могут служить уже упоминавшиеся нами рельефные сцены на золотой пластине и серебряном ритоне из Карагодеуашхского кургана. Хотя там представлены чисто сакральные сцены, тем не менее в них старательно запечатлены этнические типы, одежда, украшения, характерные жесты меотов.

[38] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 347 сл.

[39] Herod. IV, 3—4.

ников-коневодов. Однако вполне возможно и, как нам кажется, более вероятно иное истолкование. Здесь может быть изображено сказание о приручении коней одним или скорее несколькими легендарными богатырями. Примечательно, что отголоски подобной саги можно наблюдать в эллинской мифологии; таков восьмой подвиг Геракла, смирившего коней-людоедов, принадлежавших Диомеду, царю бистонов во Фракии.

Вполне могут быть связаны с героическим эпосом сцены, представленные на воронежском и кульобском сосудах, возможно, являющиеся различными эпизодами одной саги: на первом изображены скифы перед боем, а на втором — после сражения. Так же можно трактовать и различные сцены на небольших золотых бляшках, где представлены различные композиции: борьба двух героев, побратимы, пьющие из одного ритона, два скифа, стреляющие из лука в разные стороны, а также герой, борющийся с грифом. Нередко встречается изображение конного скифа, охотящегося на зайца. Не исключена возможность, что эта сцена навеяна одним из эпизодов поэмы о войне Дария со скифами, а именно рассказом [40] о том, как скифы перед лицом персидского войска бросились в погоню за пробежавшим зайцем, совершенно не обращая внимания на сильного врага.

Однако как бы мы ни пытались истолковать изображения на рассмотренных памятниках искусства, не подлежит сомнению, что самое появление их означало большой сдвиг в художественной культуре и воззрениях меото-скифского общества.

В III—II вв. до н. э. сарматы постепенно заняли значительную часть скифской территории; в течение I в. до н. э. границы Римской империи придвинулись к Северному Причерноморью. Сказанное обусловило новую обстановку на Северном Понте в первых веках нашей эры.

Грандиозная Римская империя оказывала несравненно большее, чем это было возможно для греческого мира, экономическое воздействие на широкую кайму сопредельных с ней «варварских» стран. Об этом свидетельствуют многочисленные монетные клады римского серебра [41] в Центральной, Северной и Юго-Восточной Европе; в большом числе они встречаются в Приднестровье и Приднепровье, достигая Прибалтики и Поволжья [42]. Из Римской империи проникали в Восточную Европу также различные бронзовые изделия, стеклянная и глиняная посуда, свидетельствующие об экономических связях сарматов с античным миром [43]. Впрочем, часть этих вещей попала к сарматам в результате захватов во время их многочисленных походов в пределы Империи.

Политическое и военное вмешательство Рима в северопонтийские дела редко выходило за рамки античных центров. Основанные ими крепости ограничивались Хараксом (Ай-Тодором). Что же касается влияния латино-римской цивилизации, то на Северном Понте оно не было значительным, за исключением разве Херсонеса. Иное дело общение северочерноморских городов с провинциями восточной части империи, откуда проникали новые веяния (в том числе культы).

Обращаясь к истории скифов, отметим, что со II в. до н. э. подвластная им территория сильно сократилась; она ограничивалась степным Крымом и прилежащей небольшой частью низовьев Днепра; вся остальная страна была захвачена сарматами. В состав этой сильно урезанной Скифии временами входила Ольвия. Вместе с тем на протяжении большей части I в. до н. э. весь Крым находился под контролем боспорских правителей. В этой сильно урезанной Скифии, значительно теснее, чем раньше, свя-

[40] Herod., IV, 134.

[41] J. Guey. Les monnaies frappées sous l'empire Romain. XI CISH, стр. 63, сл.

[42] В. В. Кропоткин. Клады римских монет на территории СССР. САИ. Г—4—4, М., 1961.

[43] Возможно, что эти связи наладились не сразу, а иной раз встречали затруднения и в дальнейшем: так, согласно Страбону (Strab., XI, 2, 2), местные варвары препятствовали плаванию купцов по Танаису.

занной с античным миром, произошли изменения, примерно аналогичные тем, что ранее наблюдались у синдов и тех меотских племен, которые входили в состав Боспорского государства в IV в. до н. э. Скифское государство в Крыму стало самым эллинизованным из «варварских» обществ на Северном Понте, в связи с чем там возникла потребность в городских центрах. Основанная во II в. до н. э. и расцветшая в первых веках нашей эры столица Скифии — Неаполь на Салгире, по своему характеру — скифо-греческий город с солидными архитектурными сооружениями, иногда со стенными росписями на античный лад, с монументальной скульптурой и греческими лапидарными надписями [44]. В меньшей мере те же явления (применение местными варварами каменного строительства, проникновение к ним мелких бронз и других античных изделий) наблюдаются в низовьях Днепра и Дона [45].

Однако наибольшую роль в истории северопонтийских стран в первые века нашей эры сыграли доминировавшие там сарматы.

Если начиная с первых контактов еще в период архаики вплоть до периода элинизма мы можем отметить постепенное нарастание воздействия греческих городов Северного Причерноморья на местный племенной мир, то совершенно иная картина наблюдается на Северном Понте, особенно на Боспоре, в I—IV вв. Положение в корне меняется. Теперь сами «варвары» оказывают сильное воздействие на весь культурный облик жизни и притом не только на хору северопонтийских государств, но также и на город. Особенно большим повсеместно было воздействие сарматов, на Боспоре также и меотов, а в Ольвии — скифов. Этому немало способствовал резко повысившийся в I в. до н. э. сильный приток «варваров» в северопонтийские города. Новые пришельцы, усвоив греческий язык, сохраняли одежду, оружие, бытовые навыки, вкусы и во многом свои представления. Так, в боспорских богатых могилах нередко встречаются [46] захоронения коней, уздечные наборы, сарматское оружие, а также суеверно изломанные небольшие бронзовые зеркала «сарматского типа», заставляющие вспомнить о древнем магическом значении этих вещей.

Не менее показательно, что в это время на Боспоре получили широкое распространение, войдя и в царский обиход, особые личные знаки, заменяющие имя и звание их носителя, которые служили и таврами. Сарматское происхождение этих знаков вряд ли может вызвать сомнение.

С этими новыми веяниями тесно связаны большие изменения в искусстве и художественной культуре Боспора. Прежде всего идейное содержание многих произведений боспорского искусства приобретает более варваризованный характер; заметно также изменяются и художественные формы, часто подвергающиеся огрублению и даже примитивизации. Весьма показательно, что эти новые веяния в художественной культуре Боспора охватывают очень широкие круги боспорского общества.

---

[44] IOSPE, I², № 668—673 (IV, № 191—192); П. Н. Шульц. Скульптурные портреты скифских царей Скилура и Полака. КСИИМК, XII, 1946, стр. 44 сл.; его же. Мавзолей Неаполя скифского. М., 1953; А. Н. Карасев. Раскопки Неаполя скифского. КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 169 сл.; И. В. Яценко. Декоративная роспись общественного здания в Неаполе скифском. СА, 1960, 4, стр. 91 сл.

[45] Проникновение античной культуры, т. е. та или иная степень эллинизации варваров, не ограничивалась территориями, находившимися за пределами античных государств Северного Понта. Те же процессы происходили, и притом в значительно большей мере, и внутри этих государств. Однако даже такая эллинизация отнюдь не была полной, что прежде всего относится к идейному содержанию произведений местного художества. Так, наглядными показателями довольно поверхностного восприятия античных художественных вкусов являются совершенно беспомощные антропоморфные и зооморфные фигурки или рельефные штампы, найденные в населенных пунктах Боспора (И. Т. Кругликова. Глиняный штамп из Киммерика. КСИИМК, XLIII, 1952, стр. 119 сл.; В. Д. Блаватский, Д. Б. Шелов. Разведки на Керченском полуострове. КСИИМК, 58, 1955, стр. 106 сл.; В. Ф. Гайдукевич. Илурат. Итоги археологических исследований 1948—1953 гг. МИА, 85, 1958, стр. 79 сл.).

[46] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 235 сл., 238, 243, 249.

В это время на Боспоре большое распространение получают надгробные памятники из известняка, украшенные по большей части довольно грубоватыми рельефами, удовлетворяющими нетребовательному вкусу заказчиков. На рельефах встречаются изображения покойников в виде вооруженных всадников и покойниц, торжественно сидящих в креслах. Нередко такие фигуры умершего и умершей объединяются в одном рельефе. Эти фигуры, очевидно, свидетельствуют о героизации умерших или даже о каком-то уподоблении им или сопти с божествами [47]. Весьма примечательно некоторое сходство изображений на надгробиях с фигурами божеств на пластине из Мерджан и близких ей памятников. Аналогичные явления героизации умерших надежно засвидетельствованы греческими надписями на надгробных памятниках из Македонии [48].

Сопоставление приведенных фактов позволяет заключить, что на Боспоре в рассматриваемое время произошли значительные сдвиги в религиозных представлениях. Это выразилось не только в том, что исконное античное мифологическое мировоззрение испытало большие изменения, но и в возросшем почитании синдо-меотской Великой богини.

С почитанием этого божества, олицетворяющего производящие силы природы, связаны отображения священного дерева с предстоящими животными, которые увенчивают диадему [49] из сарматского погребения I—II вв. (так называемый Новочеркасский клад) и наблюдаются в росписи пантикапейского склепа 1872 г. [50]

Особого внимания заслуживает получивший в это время большое распространение в Боспорском государстве культ верховного бога — Θεός Ὕψιστος. Это синкретическое божество, в основе которого лежал культ Зевса (в различных аспектах) [51], во многом связанный с культом фракийского Сабазия [52] и, кроме того, сочетавшийся с местным культом Конного бога, уже знакомого нам по изображениям из Карагодеуашха и Мерджан. Об официальном характере культа этого Конного бога на Боспоре говорят изображения на золотых венцах [53], найденных в могиле семьи царя Рескупорида II.

Этим не ограничивается воздействие «варварских» культов на религию обитателей северопонтийских городов и примитивных вкусов на художественное творчество последних. Среди терракотовых поделок, обнаруженных в боспорской хоре, нам известны совершенно схематические фигурки, вероятно, ритуального назначения. Упомянем также круглые глиняные штампы, которые, возможно, оттискивались на хлебцах, употреблявшихся при ритуальных действиях. Эти штампы носят примитивные изображения Великой богини [54], грифов, птиц и четвероногих животных, в том числе оленей [55], что побуждает вспомнить об особом значении таких изображений в «зверином стиле».

[47] На пантикапейском некрополе была найдена эпитафия Феофилы, дочери Гекатэя, относящаяся к I в. В этой эпитафии покойница именуется Персефоной, десятой Музой и Харитой и, кроме того, говорится, что Плутон принял Феофилу в свои чертоги как многожеланную супругу (В. В. Латышев. Эпиграфические новости из Южной России. ИАК, 14, СПб., 1905, стр. 124 (№ 47), стр. 125 сл.

[48] Ф. Папазоглу. Хераклеја Линкестидска во светлина на книжовните и епиграфските текстови. Хераклеја, I, Битола, 1961, стр. 19 сл.; 31 сл.; прим. 59 и 62.

[49] И. Толстой, Н. Кондаков. Русские древности..., III, стр. 133 сл., рис. 152–153; М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 585.

[50] М. Ростовцев. Античная декоративная живопись..., стр. 321 сл., табл. XXVI—XXX.

[51] Это положение, выдвинутое И. В. Помяловским (И. В. Помяловский. О Танаитских коллегиях. Тр. VI АС, II, Одесса, 1888, стр. 25 сл.), поддержал В. В. Латышев (IOSPE, II, стр. 246).

[52] Антонин Салач. При устье тихого Дона. Prazska Universita Moskovské Universitě. Sbornik k výročí 1755—1955. Praha, 1955, стр. 224 сл.

[53] М. И. Ростовцев. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре, стр. 24 сл., табл. V.

[54] В. Ф. Гайдукевич. Илурат, стр. 79 сл., рис. 76.

[55] И. Т. Кругликова. Глиняный штамп из Киммерика. КСИИМК, XLIII, 1952, стр. 119 сл.

Примитивные, схематизованные формы свойственны не только образам божеств северопричерноморских варваров. Подобная же трактовка художественных форм распространяется и на изображения, связанные с культами, прибывающими из других стран. Таковы, например, изображения сцен, связанных с культом Сабазия[56] в росписях пантикапейских склепов.

Итак, в рассматриваемый период наблюдается как бы обратная волна воздействия варварского мира на культуру[57] античных центров Северного Понта. Само по себе это явление нельзя считать чем-либо исключительным, ибо примерно в то же время в различных провинциях Римской империи можно видеть как бы прорастание новых ростков тех древних культур, на которые наложила свою печать римская цивилизация. Эти черты могут быть отмечены в архитектуре Египта, скульптуре Пальмиры, живописи Дура Европос, торевтике Галлии. Ярким образцом также могут служить культура и искусство Фракии. Воспринявшая латинскую и греческую письменность, римское градостроительство и достижения зодчества, высокую технику античного ремесла, Фракия во многом сохранила свое исконное мировоззрение, которое отчетливо выступает в многочисленных рельефных изваяниях и погребальных обрядах с замечательными ритуальными колесницами.

Однако, пожалуй, ни в одной из римских провинций не наблюдается в это время таких сдвигов, как на Северном Понте. Не будет преувеличением сказать, что там происходит своего рода перерождение культуры северопонтийских городов, сделавшее ее, как никогда до того времени, близкой варварскому миру Причерноморских степей. Начало было положено изменением варварской периферии, вызванным передвижением сарматов[58], а решающим фактором стало проникновение этих новых этнических элементов в среду боспорского общества. К тому же хотя социально-экономическая структура Боспора существенно отличалась от сарматского общества, однако различие между ними было все же несколько меньше, чем между эллинами и скифами при их первых контактах; напомним хотя бы о таких социальных институтах, как боспорские пелаты[59] и сервиции[60] у спраков.

Новые условия, сложившиеся на Боспоре в рассматриваемое время, особенно ярко сказались на одном из самых значительных разделов художественного творчества Северного Понта — боспорской торевтике. В этот период ювелирное дело заметно оживляется.

В то время, когда в начинавшее дряхлеть античное общество Боспора влились новые, более молодые силы «варваров», создались весьма благоприятные условия для последней вспышки ювелирного дела Пантикапея. Высокое мастерство, опиравшееся на большие старые традиции боспорских ювелиров, позволило им сделать то, что было не под силу сарматским златокузнецам,— они создали полихромный стиль, полностью отвечавший художественным вкусам не только боспорского, но и сарматского общества.

Когда-то в IV в. до н. э. пантикапейские торевты изготовляли золотые и серебряные изделия с рельефными украшениями[61], представляющими

---

[56] М. Ростовцев. Античная декоративная живопись.., стр. 424 сл., табл. XCVII—C.

[57] В данном случае мы имеем в виду только вопросы культурного воздействия античного мира на сарматов. Иное дело проникновение в Восточную Европу римских серебряных монет и различных ремесленных изделий (В. В. Кропоткин. Клады римских монет на территории СССР; М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 566—569).

[58] M. Rostovtzeff. Iranians & Greeks in South Russia, стр. 174 сл.

[59] IOSPE, II, № 353.

[60] Tac., Annal., XI, 17.

[61] Звериный стиль, некогда доминировавший в художественном творчестве северопонтийских племен, в это время не исчезает, а отходит на второй план, в корне переработанный.

сцены из эллинской или «варварской» мифологии, сюжеты которых отвечали представлениям меотов и скифов, а формы — эллинской классике.

В сильно изменившейся среде боспорского общества сарматского времени новые вкусы как самих мастеров, так и их заказчиков или потребителей приводят к появлению парадного оружия, конской сбруи и различных украшений, покрытых пестрыми геометрическими узорами, исполненными посредством инкрустации разноцветными драгоценными камнями или цветным стеклом. Эти изделия боспорских ювелиров и по основному замыслу (геометрические узоры) и по характеру решения (яркий полихромный ковер) полностью отвечали художественным вкусам сарматов.

Примерами распространения в сарматском мире роскошных полихромных изделий могут служить находки в Придонье: таков золотой сосуд [62], найденный возле станицы Мигулинской. Наличие греческой подписи мастера вряд ли дает возможность высказывать сомнение в боспорском происхождении этого сосуда. Возможно, что там же сделаны предметы так называемого Новочеркасского клада [63], в которых богатая полихромия сочетается с зооморфными изображениями. Это и привело к широкому распространению изделий полихромного стиля в сарматском обществе, а Пантикапей стал своего рода художественным центром сарматского мира. Позднее пришедшие готы восприняли полихромный стиль и понесли его далеко на Запад [64].

Сказанное не должно нас удивлять. Ведь на Северном Понте положение было совершенно иным, чем в Средиземноморье в старых центрах античной цивилизации, где античная культура со значительной долей богатства ее идейного содержания, ее научных и художественных достижений цепко держалась до конца позднеантичной эпохи и была сокрушена только великим переселением варваров. В отличие от этого в Боспорском царстве в сарматское время варварские элементы в таком числе просочились в поры некогда эллинского общества, что античная культура, несмотря на сохранение греческого языка, постепенно оказалась сильно перемолотой. Судя по данным пантикапейского некрополя, в нем уже в первой половине III в. отчетливо выступили сарматские черты.

Такова в самых общих чертах картина иррадиации античной культуры в странах Северного Причерноморья. Сначала в первые века сосуществования эллинских переселенцев с варварами — довольно ограниченное проникновение античных художественных изделий к меотам и скифам. Позднее в варварском мире возникли новые потребности, приведшие к созданию греческими мастерами образов местной мифологии и реалистических изображений варваров. Наконец, в сарматский период мы наблюдаем сильную обратную волну культурного воздействия степного мира на Боспор, а боспорские города играют теперь роль своеобразных художественных центров сарматского мира.

---

[62] И. Толстой, Н. Кондаков. Русские древности..., III, стр. 138 сл., рис. 163.
[63] Там же, стр. 132 сл. рис. 152—162.
[64] M. Rostovtzeff. Iranians & Greeks..., стр. 185 сл.

В. В. СЕДОВ

КУРГАНЫ ЯТВЯГОВ

Если вопрос о принадлежности ятвягов к балтийской языковой группе и их месте среди балтийских племен в настоящее время уже не является дискуссионным[1], то вопрос о территории расселения ятвяжских племен в I и самом начале II тысячелетия н. э. весьма далек от своего разрешения.

Древнейшим и достоверным источником по истории ятвягов являются русские летописи, где ятвяги упоминаются начиная с конца X в. Первое известие о военном походе киевских князей на ятвягов относится к 983 г.[2] Борьба русских князей с ятвягами не прекращалась в течение XI и XII вв., но носила эпизодический характер. В связи с этим летописные известия XI—XII вв. о ятвягах очень фрагментарны и не позволяют наметить даже приблизительно пределы ятвяжской территории этого времени. Более детальные сведения о ятвягах относятся к XIII в. Страна ятвягов в это время лежала севернее г. Вызны, за р. Бебжей. Русские и польские историки прошлого столетия, исходя из косвенных данных русских летописей, основываясь на сведениях польских хронистов XV—XVI вв. и картографии географических названий, производных от слова «ятвяги», полагали, что до XIII в. ятвяги занимали, кроме Сувалкии, территории польского Подляшья, Берестейской волости и Верхнего Понеманья. Мнение о первоначальном широком расселении ятвяжских племен в польской (Т. Нарбут, Д. Шульц, Я. Ярошевич) и русской (Н. П. Барсов, В. Б. Антонович, А. М. Андрияшев, П. Д. Брянцев, И. Филевич, М. К. Любавский) историографии получило значительное распространение. Были предприняты попытки археолого-антропологического подтверждения этой точки зрения. Так, Р. Эйхлер, Н. Янчук и известный исследователь литовских древностей Э. А. Вольтер, подчеркивая неславянский характер каменных могил Побужья, приписывали эти памятники ятвягам[3]. Ю. Д. Талько-Гринцевич отмечал в антропологическом строении населения Подляшья примесь ятвягов.

Только немногие исследователи выступили против общепринятого мнения о широком расселении ятвяжских племен. Так, Ю. Кулаковский отрицал правдоподобность сообщения польских хронистов XV—XVI вв.

[1] G. Gerullis. Zur Sprache der Sudauer-Jatwinger. Festschrift Adalbert Bezzenberger. Goettingen, 1921; K. Buga. Lietuviu kalbos žodynas. II, Kaunas, 1925, стр. LXXIV—LXXXIX; Я. С. Отрембский. Язык ятвягов. «Вопр. славянского языкознания», 5, М., 1961, стр. 3—8.

[2] ПВЛ, 1, М.— Л., 1950, стр. 58.

[3] A. Kohn. Vorhistorische Gräber bei Czekanow und Niewiadoma in Polen. ZE, 10, Berlin, 1878, стр. 256; Н. Янчук. Несколько слов по поводу археологическо-этнографической экскурсии в Седлецкую губернию в 1891 г. «Памятная книжка Седлецкой губернии на 1892 г.», Седлец, 1892, стр. 223—255; Э. А. Вольтер. К вопросу о ятвягах. Ежегодник Русского антропологического общества при С.-Петербургском университете, 2, СПб., 1908, стр. 1—9.

о расселении ятвягов от Пруссии до Волыни и заключал, что ятвягам в XIII в. принадлежали только области севернее р. Нарева. По его мнению, имеющиеся источники не позволяют судить о расселении ятвягов в более ранее время[4]. Н. П. Авенариус утверждал, что ятвяги никогда не жили в Подляшье, южнее р. Нарева. Ятвяжские поселения в окрестностях Дрогичина, о которых сообщают Длугош и Матвей Меховит, по Н. П. Авенариусу были поселениями пленных или беглых ятвягов[5]. Археологическая аргументация Н. П. Авенариуса неоднократно подвергалась критике[6] и в настоящее время не может быть признана убедительной[7].

Мнение, получившее в XIX в. распространение о широком расселении ятвяжских племен в долетописное время, в последние десятилетия решительно отвергается польскими историками и археологами. А. Каминский, заново пересмотревший материалы по истории ятвягов и их территории в XIII в., отмечает, что в письменных источниках (русских, польских, немецких) нет определенных указаний на широкое расселение ятвяжских племен. В Подляшье, кроме каменных могил, которые польскими археологами считаются мазовецкими, нет других погребальных памятников раннего средневековья, которые могли бы быть отнесены к ятвягам. Рассматривая топонимические данные, А. Каминский полагает, что местности с названиями, производными от племенного названия «ятвяг», могут быть следами ятвяжских поселений только на ятвяжской территории XIII в. За пределами этой области подобные населенные пункты следует связывать с местами, заселенными ятвяжскими пленными, переселенцами или беженцами. Случаи подобных переселений неоднократно отмечены русскими летописями и грамотами Тевтонского Ордена[8].

Для времени, предшествующего XIII в. исследователь считает возможным отнести к ятвяжской территории район р. Слины, название которой может быть связано с происхождением названия одного из ятвяжских племен — злинцев, и район верхней Свислочи, где находится р. Ятвязь и несколько деревень того же названия, где Я. Развадовский открыл специфические реликты западнобалтийского языка.

В связи с этим некоторые исследователи считают, что древнюю ятвяжскую территорию нужно ограничить небольшим участком северо-восточной Польши, где жили ятвяги в XIII в. Земли польского Подляшья, Берестейской волости и Верхнего Понеманья, по мнению этих исследователей, никогда не были заняты ятвяжскими племенами[9].

Однако, несмотря на серьезность аргументации польских исследователей, согласиться с ними нельзя. Нет оснований ограничивать ятвяжскую территорию до XII—XIII вв. исключительно Сувалкией, так как данные языкознания и гидронимики неоспоримо свидетельствуют о более широком расселении ятвяжских племен. Специальных лингвистических обследований в поисках следов ятвяжского языка на широкой территории Среднего и Нижнего Побужья и Верхнего Понеманья пока не производилось.

---

[4] Заметки о западной части Гродненской губернии. «Этнографический сборник, издаваемый Русским географическим обществом». III, СПб., 1858, стр. 47—73.

[5] Н. П. Авенариус. Дрогичин Надбужский и его древности. МАР, 4, 1890, стр. 27—34.

[6] Э. А. Вольтер. К вопросу о ятвягах, стр. 2—8; Ф. Д. Гуревич. К вопросу об археологических памятниках летописных ятвягов. КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 111, 112.

[7] К числу исследователей, отрицавших широкое расселение ятвягов, принадлежит еще М. Тэппен (M. Toeppen. Geschichte Masurens. Danzig, 1870, стр. 1—17; его же. Atlas zur historisch-comparativen Geographie von Preussen. Gotha, 1858, табл. I.

[8] A. Kaminski. Jaćwież. Terytorium, ludność, stosunki gospodarcze i spoleczne Lódź, 1953, стр. 37—71.

[9] Е. Антоневич. К археологическому изучению древнего населения Прибалтики. ИАН ЭстССР, сер. обществ. наук, 1957, 2, стр. 172. Эту точку зрения разделяет Ф. Д. Гуревич (Ф. Д. Гуревич. Этнический состав населения Верхнего Понеманья по археологическим данным второй половины I тысячелетия н. э. В сб.: «Исследования по археологии СССР». Л., 1961, стр. 177—179).

Между тем фрагментарные исследования, произведенные здесь в разное время, обнаружили такие следы в самых различных местах. Так, остатки ятвяжского населения еще в начале XIX в. сохранялись в Скидельской волости Гродненского уезда, по берегам рек Котры и Пелясы [10]. Выше уже было отмечено, что польский языковед Я. Развадовский описал реликты ятвяжской речи в районе р. Свислочи. В. Курашкевич обнаружил следы ятвяжского языка в окрестностях Дрогичина, Мельника и южнее, на левом берегу Западного Буга [11]. Э. А. Вольтер при описании говоров современного ему литовского населения Слонимского уезда подчеркивал его несомненные западнобалтийские черты и приходил к заключению, что так называемые литовцы этого участка Верхнего Понеманья не являются собственно литовцами, а по своему происхождению были западными балтами [12].

Недавно В. Н. Топоров показал, что название р. Кшны, левого притока Западного Буга, по происхождению — ятвяжское [13]. Представление о том, что ятвяжские племена не заходили в южное Подляшье, ошибочно, здесь просто никогда не искали балтийских гидронимов.

Я. С. Отрембский пишет о большом влиянии языка ятвягов на польский язык. В результате этого влияния польская языковая территория разделилась на две части: западную и восточную. Территорией ятвяжского влияния была восточная Польша [14]. Заметное влияние ятвяжско-прусской группы балтийских языков обнаруживается во всех мазовецких и поморских говорах польского языка [15].

Для выявления территории расселения ятвяжских племен надежным источником является гидронимика. Значительный гидронимический слой несомненно балтийского происхождения на обширной территории никак не мог образоваться в результате поселений пленных или ятвягов-беженцев.

Еще А. Л. Погодин на основе изучения гидронимического материала пришел к выводу, что Понеманье целиком и Побужье частично (ниже Бреста) входят в круг земель, некогда занятых балтийскими племенами [16]. Работы К. Буги, Я. Развадовского и др. подтвердили наличие в гидронимике этой территории значительного слоя балтийского происхождения, означающего, что пришедшие сюда славяне застали на этой территории балтов [17].

Среди гидронимов балтийского происхождения в Сувалкии, Понеманье и Побужье выделяются речные названия специфически ятвяжские (западнобалтийские). В небольшой статье, специально посвященной этой теме,

---

[10] Н. Янчук. Ук. соч., стр. 235. По свидетельству Т. Нарбута, литовцы называли эту часть Понеманья (южнее р. Пелясы) Ятвягией (T. Narbutt. Dzieje starożytne narodu litewskiego. II, Wilno, 1842, стр. 170).

[11] W. Kuraszkiewicz. Domniemany ślad Jadźwingów na Podlasiu. Studia z filologii polskiej i slowiańskiej. I, Warszawa, 1955, стр. 334—348.

[12] E. A. Volter. Die Litauer im Kreise Slonim (Zur litauische Dialektenkunde). Mitteilungen der litauischen literarischen Gesellschaft, IV, 2, Tilsit-Heidelberg, 1895. стр. 166—187; Э. А. Вольтер. Следы древних пруссов и их языка в Гродненской губернии. ИОРЯС АН, XVI, 4, СПб., 1912, стр. 151—160. Правда, Э. А. Вольтер считает, что это потомки переселенцев из Пруссии. Однако Я. С. Отрембский убедительно показывает, что все особенности литовского говора в Слонимском уезде говорят о их ятвяжском происхождении (Я. С. Отрембский. Ук. соч., стр. 7, 8).

[13] В. Н. Топоров. Две заметки из области балтийской топонимики. О южной границе ятвягов. В сб.: «Rakstu krājums veltijums akademikim profesoram Dr. Jānim Endzelīnam vina 85 drives im 65 darba gadu atcerei». Рига, 1959, стр. 251—256.

[14] Я. С. Отрембский. Ук. соч., стр. 7.

[15] J. Otrembski. Udzial Jaćwingów w uksztalfowaniu jezyka polskiego Acta Baltico-Slavica 1. Bialystok, 1964, стр. 207—216.

[16] А. Л. Погодин. Лекции по славянским древностям. Харьков, 1910, стр. 354.

[17] Время появления славян на этой территории не может быть определено по данным гидронимики. К. Буга на основании лингвистических данных полагал, что восточные славяне пришли в контакт с ятвягами в период между VII и X столетиями). K. Būga. Kalbu mokslas bei mūsii senové. Kaunas, 1913, стр. 12.

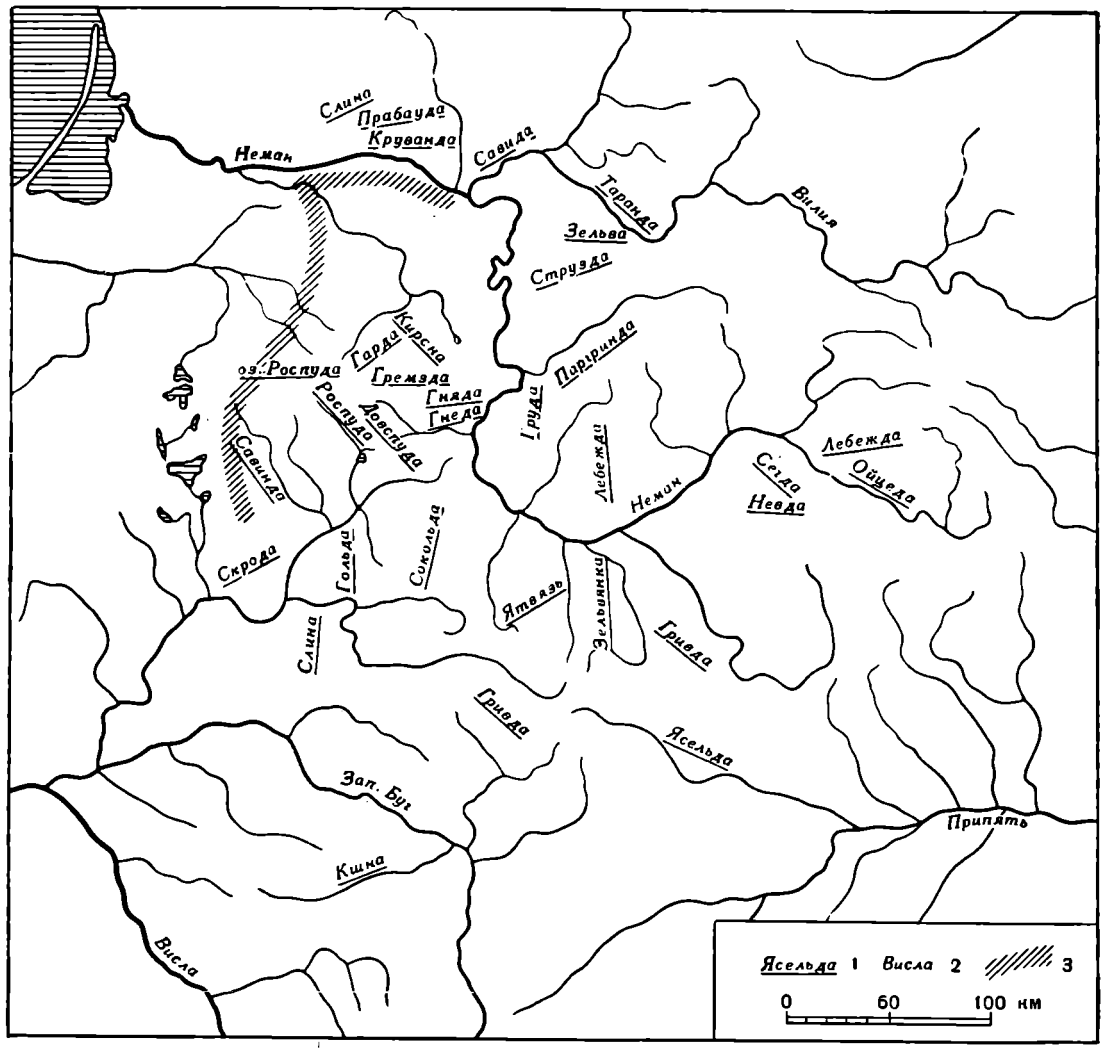


Рис. 1. Западнобалтийские (ятвяжские) гидронимы

1 — гидронимы ятвяжского происхождения; *2* — прочие названия рек; *3* — приблизительные пруссо-ятвяжская и галиндо-ятвяжская границы

К. Буга показал, что названия рек с суффиксом *-da* являются ятвяжскими, и составил первый список таких гидронимов (Голда, Гривда, Невда, Сегда, Соколда, Ясельда) [18].

Список гидронимов ятвяжского (западнобалтийского) происхождения может быть значительно пополнен (рис. 1) [19]. Некоторые из них, как например, Скрода, имеют и западнобалтийскую этимологию [20]. На карту нанесены также такие гидронимы прусско-ятвяжского типа, как Зельва-Зельвняка, Кирсна, Кшна [21], Ятвязь и Слина (последние, как отмечалось выше, связываются исследователями с названием одного из ятвяжских племен — злинцев).

---

[18] K. Būga. Jotvingu žemės upiu vardu galūnė-da. Tauta ir Žodis. I, Kaunas, 1923, стр. 100.

[19] При составлении карты использованы главным образом следующие работы: Э. А. Вольтер. Списки населенных мест Сувалкской губернии, как материал для историко-этнографической географии края. СПб., 1901; Ф. Я. Нестерук, А. К. Корчагин. Реки западных областей УССР и БССР. Библиографический указатель отечественной и иностранной литературы за период 1890—1939 гг. М.—Л., 1941; А. И. Тюльпанов, И. А. Борисов, В. И. Благутин. Краткий справочник рек и водоемов БССР. Минск, 1948; M. Lasinskes, J. Macevičius, J. Jablonskis. Lietuvos TSR upiu kadastras. Vilnius, 1959; Нижнее Побужье ввиду отсутствия каталога рек осталось некартографированным. Не картографировались также области, заселенные в древности прусскими и галиндскими племенами.

[20] K. Būga. Die Vorgeschichte der Aistischen (Baltischen) Stämme im Lichte der Ortsnamenforschung. Streitberg Festgabe. Leipzig, 1924, стр. 34.

[21] В. Н. Топоров. Ук. соч., стр. 256—259.

На всей территории распространения ятвяжской гидронимики известны своеобразные погребальные памятники, не имеющие себе аналогий ни среди погребальных сооружений славянских племен, ни среди могильных памятников восточнобалтийских (литовских и латышских) племен. Это — каменные курганы (рис. 2), к числу которых отнесены как погребальные насыпи, целиком сложенные из камня, так и каменно-земляные насыпи, в которых камень был существенным компонентом. Каменные курганы обычно имеют задернованную поверхность и поэтому по внешнему виду часто не отличаются от славянских или литовских курганов. Так как картографируемая территория принадлежит к числу областей, наиболее слабо изученных в археологическом отношении, то отсутствие каменных курганов на отдельных участках ятвяжской гидронимической территории, по-видимому, нужно объяснять тем, что они здесь пока не выявлены. Те же участки, где когда-либо производились более или менее широкие раскопочные исследования курганных насыпей, обычно дают значительное количество каменных курганов.

Отличие каменных курганов от погребальных памятников славянских и восточнобалтийских племен и совпадение ареала этих курганов с областью распространения ятвяжской гидронимики уже позволяет ставить вопрос о принадлежности каменных курганов к группе погребальных памятников западнобалтийских (на рассматриваемой территории ятвяжских) племен. Но не только совпадение территории распространения каменных курганов с ятвяжским гидронимическим ареалом говорит о принадлежности этих памятников к группе западнобалтийских древностей. Исследователи археологии западнобалтийских племен неоднократно подчеркивали, что для этих племен в течение длительного времени было характерно применение камня при сооружении погребальных памятников[22].

Обряд погребения под каменными курганами распространился у всех западнобалтийских племен еще в I тысячелетии до н. э.[23]. В I тысячелетии н. э. у прусских племен курганные захоронения сменяются погребениями в грунтовых могильниках с обязательным применением курганообразных или плоских каменных сооружений в виде кладок или вымосток. Могильные сооружения из камня сохраняются у прусских племен вплоть до XIII—XIV вв.[24]. В западной Мазовии, где жили галиндские племена, грунтовые могильники появляются уже в I тысячелетии до н. э. и сосуществуют с каменными курганами.

В отличие от пруссо-галиндских племен ятвяги[25] в течение всего I тысячелетия н. э. сохраняли курганный погребальный обряд, а в отдельных местах древней ятвяжской территории обряд захоронения в каменных курганах удержался, как будет показано ниже, вплоть до конца XIII в. Применение же камня для обозначения погребений в отдельных местностях территории расселения ятвяжских племен сохранилось до XVII в.[26].

---

[22] C. Engel, W. La Baume. Kulturen und Völker der Frühzeit im Preußenlande. Königsberg, 1937, стр. 141; M. Alseikaité-Gimbutiene. Die Bestattung in Litauen in der vorgeschichtlichen Zeit. Tübingen, 1946, стр. 77, 84.

[23] C. Engel, W. La Baume. Ук. соч., стр. 84—86.

[24] C. Engel, W. La Baume. Указ. соч., стр. 211—213; W. Gaerte. Urgeschichte Ostpreussens. Königsberg, 1929, стр. 322—328.

[25] Ятвяги — средневековое название одной из групп западнобалтийских племен. Этим термином пользовались восточные славяне, поляки и частично литовцы. Пруссы и тевтонские рыцари называли ятвягов судовами. А. Каминский доказал тождественность этих названий (A. Kaminski. Ук. соч., стр. 25—31). В историографии принято считать, что прусское определение ятвягов унаследовано от названия Soudinoi, упомянутого в географии Птолемея.

[26] J. Talko-Hryncewicz. Przyczynek do paleoetnologii Litwy. Cmentarzysko na Arjańskiej górce w majetnosci Unji pod Wierzbolowem, pow. Wolkowyszki, gub. Suwalska. Prace i Máterjaly antropologiczno-archeologiczne i entograficzne. I, 1—2. Krakow, 1920, стр. 48—51.

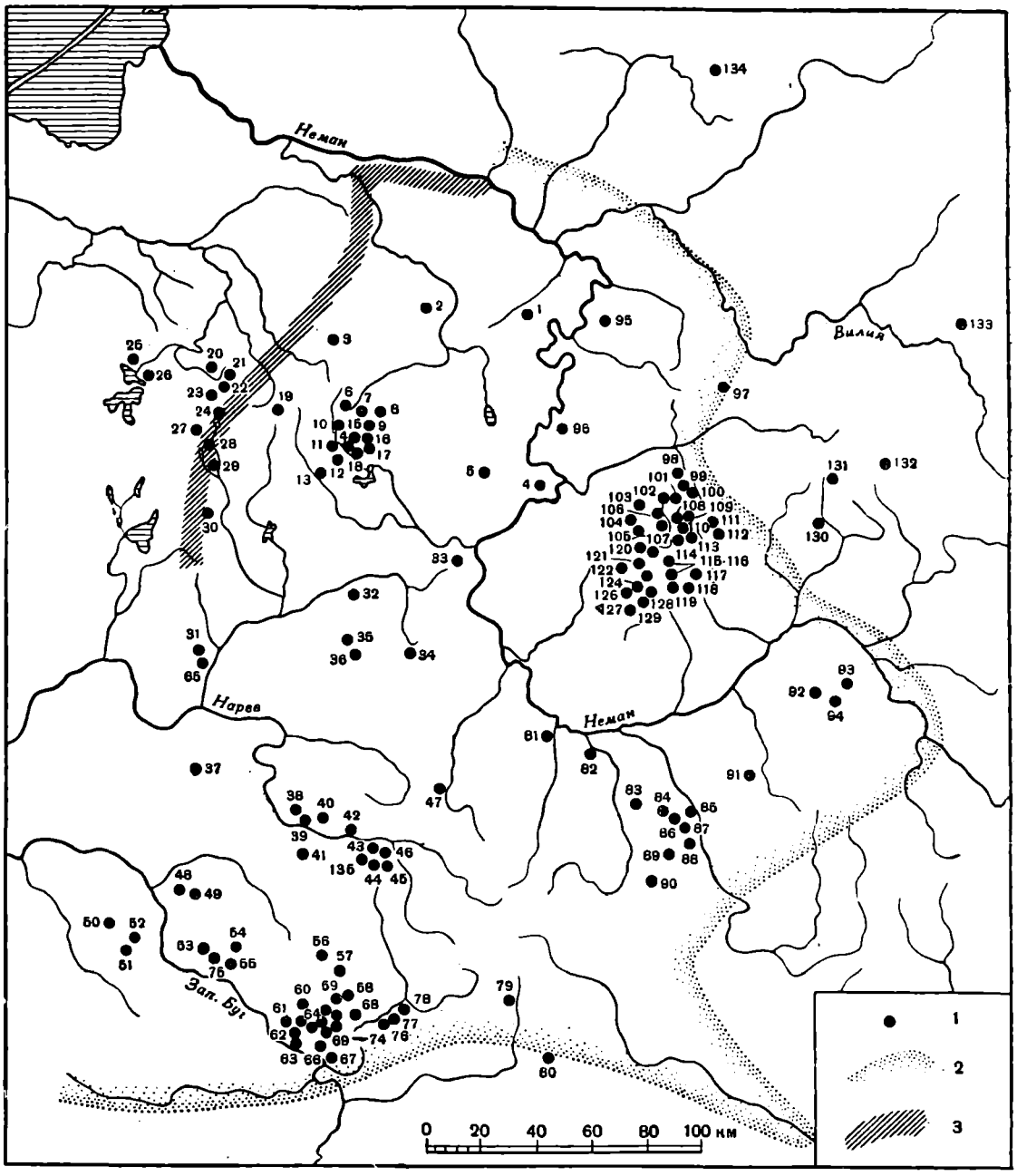


Рис. 2. Распространение ятвяжских курганов

1 — могильники с каменными курганами; *2* — восточная и южная границы распространения ятвяжской гидронимики; *3* — пруссо-ятвяжская и галиндо-ятвяжская границы

1 — Пажарчиай; *2* — Лиепинай; *3* — Вистутис; *4* — Аукштойи; *5* — Петрошкай; *6* — Шурпилы; *7* — Еленево; *8* — Суходолы; *9* — Прудишки; *10* — Жива Вода; *11* — Осова; *12* — Корклины; *13* — Скардуб; *14* — Чарноковщизна; *15* — Бела Вода; *16* и *17* — Швайцария; *18* — Броды; *19* — Миерунишки; *20* — Боцвинка Нова; *21* — Боцвинка; *22* — Грунайки; *23* — Окрасин; *24* — Червонный Двор; *25* — Дубровка Мала; *26* — Каль; *27* — Каменная Струга; *28* — Петрашены; *29* — Горло; *30* — Русская Весь; *31* — Каты; *32* — Гродзиск; *33* — Ясудово; *34* — Кладзево; *35* — Ясинова Долина; *36* — Теолин; *37* — Окно Новое; *38* — Ростолты; *39* — Богданки; *40* — Репники; *41* — Гацьки-Райки; *42* — Павлы; *43* — Кутово; *44* — Дентелеево; *45* — Лосинка; *46* — Кривич; *47* — Лужани; *48* — Мальцы; *49* — Побикров; *50* — Невядома; *51* — Чеканово; *52* — Лужки; *53* — Цецели; *54* — Бацики Дальние; *55* — Бацики Ближние; *56* — Ставищи; *57* — Лисовщизна; *58* — Войская; *59* — Кощейники; *60* — Кустичи; *61* — Волочин; *62* — Ставы; *63* — Рудавец; *64* — Менковичи; *65* — Едвабне; *66* — Яцковичи; *67* — Щитники; *68* — Тростяница; *69* — Зеленая Гурка; *70* — Раковицы; *71* — Ратайчицы; *72* — Свищево; *73* — Хотиново; *74* — Шестаково; *75* — Клюково; *76* — Баранки; *77* — Радость; *78* — Угляны; *79* — Чахец; *80* — Детковичи; *81* — Волпа; *82* — Белавичи; *83* — Старая Весь; *84* — Голынка; *85* — Павловичи; *86* — Кощеево; *87* — Дубово; *88* — Соколово-Мильковичи; *89* — Мильковичи; *90* — Межевичи; *91* — Воловники; *92* — Брежянка; *93* — Сулятичи; *94* — Городиловка; *95* — Слабаделе; *96* — Мигонис; *97* — Бейжонис; *98* — Зубишки; *99* — Чепелуны; *100* — Версека; *101* — Сенканцы; *102* — Конявеле, *103* — Нашкунай; *104* — Рудня; *105* — Морги; *106* — Багота; *107* — Правда—Ясовщизна; *108* — Белюнцы; *109* — Мицконис; *110* — Нача; *111* — Версекеле; *112* — Вилконис; *113* — Пузеле; *114* — Поставки; *115* — Карначиха; *116* — Опановцы; *117* — Козляны; *118* — Шлавенце; *119* — Таболиче; *120* — Раки; *121* — Киюцы; *122* — Ганелки; *123*— Венжевщизна; *124* — Угольники; *125* — Сырни; *126* — Таневичи; *127* — Пугачи; *128* — Зеняниши; *129* — Прудзяны; *130* — Девенишкес; *131* — Касткишкес; *132* — Козаровщизна; *133* — Жеряди; *134* — Помарники; *135* — Котловка

Среди областей, где распространена ятвяжская гидронимика, лучше всего обследована Сувалкия. Поэтому обзор археологии западнобалтийских племен обычно ограничивается Пруссией и Сувалкией. Накануне второй мировой войны немецкие археологи в исследованиях, посвященных древней истории западных балтов, области восточнее и южнее Сувалкии оставляли на картах незаштрихованными и сопровождали надписями «неисследованная территория». С тех пор положение мало изменилось. Благодаря широким раскопочным исследованиям, проводимым в последние годы Ятьяжской комплексной экспедицией, Сувалкия остается наиболее исследованным участком ятвяжской гидронимической территории. Поэтому знакомство с каменными курганами ятвягов лучше всего начать с Сувалкии.

Ятвяжские курганные могильники Сувалкии обычно состоят из нескольких десятков невысоких плосковатых насыпей диаметром от 6 до 16—18 *м*. Поверхность курганов, как правило, задернована, и только у подножья видны крупные булыжники, составляющие обрамления курганных оснований.

Для II—IV вв. наряду с обрядом трупосожжения характерен обряд погребения несожженных трупов[27]. Биобрядность наблюдается в это же время и у прусских племен. Характерной особенностью ятвяжских курганов с трупоположением является наличие более или менее заметной впадины на вершине насыпи. Несколько таких курганов было раскопано польскими археологами в урочище Белороги близ м. Швайцарии[28]. Высота насыпей не превышала 0,5 *м*. Устройство насыпей было одинаковым (рис. 3, *III*). Под дерновым слоем находился каменный покров, сложенный в несколько ярусов из плотно прилегающих друг к другу камней. Под каменным покровом на небольшой глубине открывались погребальные ямы, ориентированные с северо-запада на юго-восток, заполненные камнями. Как правило, в могильной яме находился один скелет, в редких случаях по два-три скелета. Умершие подвергались частичному сожжению. В некоторых курганах вокруг погребальных ям обнаружены следы вертикальных столбов, свидетельствующие о том, что над погребениями возводились какие-то деревянные домовины. Наличие на вершинах курганов с трупоположением впадин и является следствием проседания насыпи по мере сгнивания погребальной камеры-домовины. Вещевой материал трупосожжений в ятвяжских курганах Сувалкии довольно разнообразен. Это копья, топоры, пряжки, шейные гривны, так называемые провинциально-римские фибулы, различные бляшки, стеклянные бусы. Мечи очень редки. Керамический материал принадлежит к типам, характерным для восточномазурской культуры II—IV вв. В каменном покрове некоторых курганов были открыты безурновые трупосожжения в виде скопления пепла, угольков и кальцинированных костей, помещенных среди камней.

---

[27] Археология ятвягов начинается с первых веков I тысячелетия. Начальный этап восточномазурской культуры, выделенной археологом К. Энгелем и рассматриваемой исследователями как культура ятвягов-судовов, приходится на I в. К первой половине II в. относится и первое упоминание ятвягов в письменных источниках (Птолемей). Более ранние каменные курганы Сувалкии могли принадлежать еще нерасчлененным западнобалтийским племенам.

[28] J. Antoniewicz. M. Kaczynksi, J. Okulicz. Sprawozdanie z badań w 1955 r. na cmentarzysku kurhanowym w miejsc. Szwajcaria, pow. Suwalki. WA, XXIII, 4, 1956, стр. 308—324; J. Antoniewicz, M. Kaczyncki, J. Okulicz. Winiki badań przeprowadzonych w 1956 roku na cmentarzysku kurhanowym w meijsc. Szwajcaria, pow Suwalki WA, XXV, 1—2, 1958, стр. 22—57; J. Antoniewicz. Badania kurhanów z okresu rzymskiego dokonane w 1957 r. w miejscowości Szwajcaria pow. Suwalki. WA, XXVII, 1, 1961, стр. 1—26.

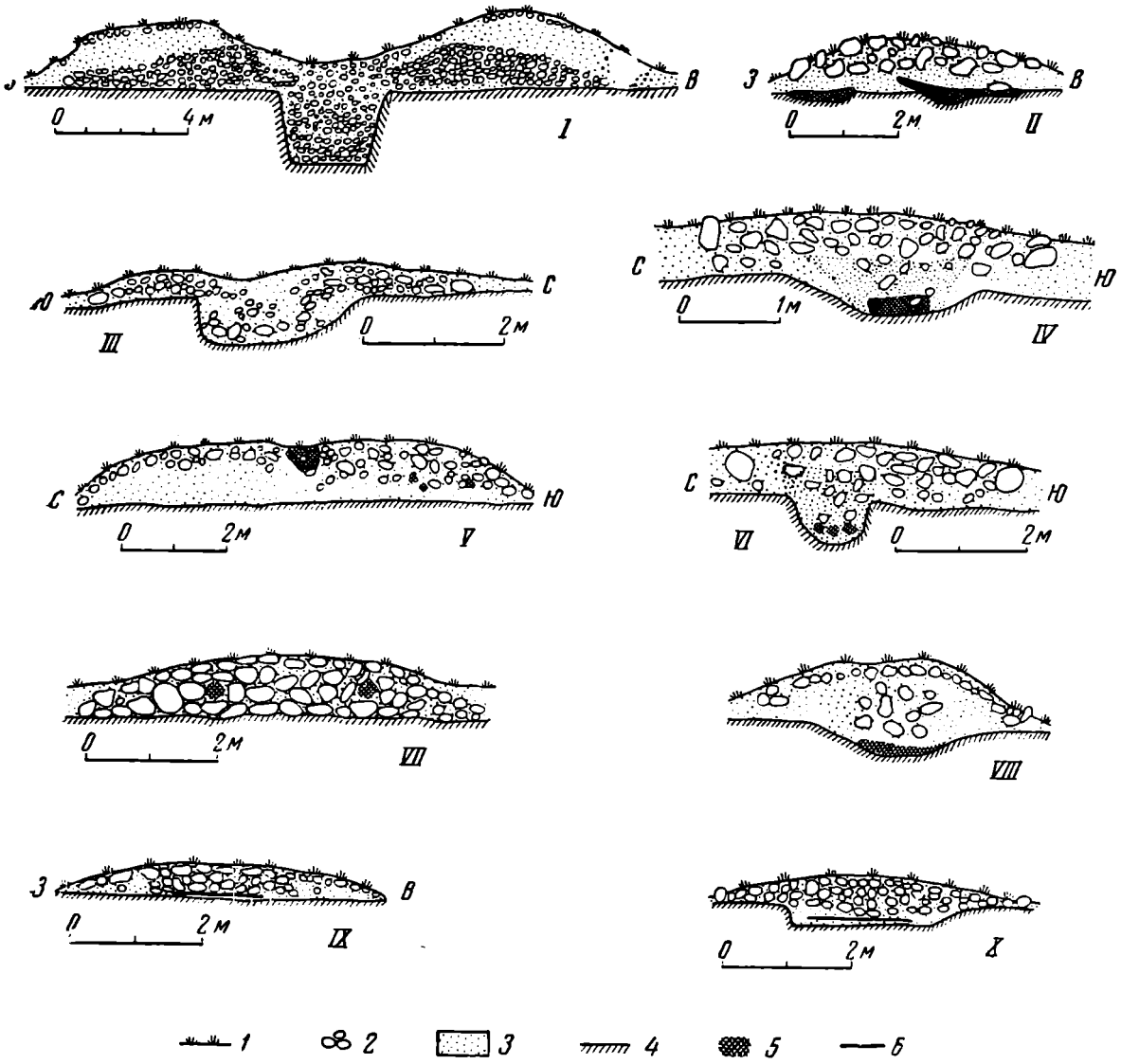


Рис. 3. Разрезы каменных курганов

1 — дерновый слой; *2* — камни; *3* — песок; *4* — материк; *5* — остатки трупосожжений; *6* — трупоположения.

I — Ростолты (по К. Язджевскому); *II* — Аукштойи, 9 (по Ш. Круковскому); *III* — Швейцария, группа вторая, 2 (по Е. Антоневичу); *IV* — Осова, 39 (по Д. Ясканису и Я. Ясканису); *V* — Жива Вода, 1 (по В. Землинской-Одоевой); *VI* — Осова, 47 (по Я. Ясканису); *VII* — Багота (по В. А. Шукевичу); *VIII* — Бейжонис (схема по М. Алсекайте-Гимбутиене); *IX* — Свищево, 19 (раскопки автора); *X* — Карначиха (схема по В. А. Шукевичу)

Каменные курганы с трупоположениями того же типа в Сувалкии исследовались в деревнях Осове[29], Живой Воде[30], Шурпилах[31], Русской

[29] А. Будзинский. Археологические розыскания в Гродненской, бывшей Августовской, ныне Сувалкской и Ломжинской губерниях в период времени от 1857 до 1869 годов. «Памятная книжка Сувалкской губернии на 1875 г.», Сувалки, 1875, стр. 95; M. Kaczyński. Cmentarzysko w okresu wedrowek ludów w miejscowości Osowa, pow. Suwałki. WA, XXII, 3—4, 1955, стр. 346—365; J. Jaskanis. Sprawozdanie z badań w 1956 r. na cmentarzysku kurhanowym w miejscowości Osowa, pow. Suwałki. WA, XXV, 1—2, стр. 75—98; D. Jaskanis, J. Jaskanis. Sprawozdanie z badań w 1957 r. na cmentarzysku kurhanowym w miejscowośći Osowa, pow. Suwałki. WA, XXVII, 1, стр. 27—48; J. Jaskanis. Wyniki badan przeprowadzonych na cmentarzysku kurhanowym w wiejscowości. Osowa, pow. Suwałki w latach 1958—1959. «Rocznik bialostocki», I, Bialystok, 1961, стр. 131—192.

[30] А. Будзинский. Ук. соч., стр. 92, 93; Wl. Ziemlińska-Odojowa, Sprawozdanie z badań w 1956 r. na cmentarzysku kurhanowym w miejścowosci Żywa Woda, pow. Suwałki. WA, XXV, 1—2, стр. 99—106; ее же. Sprawozdanie z badań w r. 1957—1958 na cmentrazysku kurhanowym z okresu rzymskiego w miejscowości Żywa Woda pow. Suwalkn. WA, XXVII, 1, стр. 49—57; ее же. Badania wykopaliskowe w 1959 r. na cmentarzysku kurhanowym w miejsc. Żywa Woda, pow. Suwalki. «Rocznik bialostocki», I, стр. 193—222.

[31] T. Żurowski. Sprawozdanie z badań cmentarzysk kurhanowych we wsi Szurpily, pow Suwalki. WA, XXV, 1—2, стр. 107—130; T. Żurowski. Sprawozdanie z badań w 1957 r. cmentarzyska kurhanowego we wsi Szurpily pow. Suwałki. WA, XXVII, 1, стр. 58—81.

Веси[32]. Все они датируются тем же временем — от III до начала V в. В курганах при дер. Живая Вода отмечены случаи нахождения под одной курганной насыпью нескольких разновременных могильных ям с трупоположениями.

Каменные курганы с трупоположениями первой половины I тысячелетия известны не только в Сувалкии. В 30-х годах XX в. такие курганы были исследованы при деревнях Ростолты и Кутово, близ р. Нарева[33]. Вершины курганов имели характерные впадины. Ростолтский курган, кроме поверхностного покрова, сложенного из плотно прилегающих друг к другу камней, имел внутреннее каменное ядро (рис. 3). Среди камней этой части насыпи были открыты остатки трупосожжений (мелкие кальцинированные кости), железный нож, обломки глиняной посуды и римская зеленая стеклянная бусина с белыми глазками. Основное захоронение (трупоположение) совершено в овальной подкурганной яме (5 × 3 *м*, глубина 2,5 *м*), ориентированной СЗ-ЮВ. Вместе с умершим лежали бронзовый ковш, костяной гребень, осколки римского стеклянного сосуда и некоторые другие вещи. Дата захоронения III век.

Насыпь Кутовского кургана была сложена из камня вперемежку с песком. Подобные насыпи есть и среди ятвяжских курганов Сувалкии. В центральной подкурганной яме, заполненной камнями, костяк полностью истлел. В том же кургане открыто еще несколько могильных ям, в одной из которых найдены были кальцинированные кости и костяной гребень. Исследователь этих курганов К. Яздже́вский подчеркивает сходство их керамического материала с одновременной керамикой из археологических памятников прусских племен и считает, что исследованные курганы принадлежат ятвягам-судовам.

Каменный курган с трупоположением того же типа был исследован также в дер. Котловке[34]. По внешнему виду (наличие заметной впадины на вершинах насыпей) в число ятвяжских курганов первой половины I тысячелетия исследователи включают курганные насыпи при деревнях Лосинке, Кривич, Павлы, Репники, Богданки[35].

Каменные курганы с захоронениями несожженных умерших известны и на правом берегу Немана на территории Литовской ССР. 26 курганов, сложенных из камней и заключавших трупоположения, были раскопаны в 1888 и 1889 гг. Э. А. Вольтером при дер. Слабаделе (Слободка)[36]. Погребальный инвентарь этих курганов в целом беднее, чем в каменных курганах Сувалкии, но почти весь комплекс находок имеет аналогии среди коллекции сувалкских курганов. Литовские археологи датируют слабадельские курганы IV в.[37]. А. З. Таутавичюс ошибочно отнес эти курганы к числу восточнолитовских[38]. Курганы восточнолитовских племен насыпались из песка или глины и только в основании имели кольцо, выложенное из булыжников. В коллекции слабадельских курганов нет предметов, которые были бы характерны исключительно для погребальных древностей восточнолитовских племен. Все это вместе с нахождением рассматриваемых курганов в области распространения ятвяжской гидронимики позволяет отнести их к ятвяжским памятникам.

---

[32] C. Engel. Die ostmasurischen Hügelgraber bei Reuschendorf, kr. Lyck. «Mannus», 24, 4, 1932, стр. 478—495.

[33] K. Jazdzewski. O kurhanach nad górna Narwia i o hutnikach z przed 17 wiekow. ZOW, XIV, 1—2, 1939, стр. 1—22.

[34] A. Kamiński. Materialy do bibliografii archeologicznej Jaćwieży od I do XIII w. Materialy starożytne, I. Warszawa, 1956, стр. 225—226.

[35] K. Jaźdźewski, Ук. соч., стр. 16; A. Kamiński. Materialy do bibliografii archeologicznei Iaćwieży..., стр. 208, 227, 230, 239, 247.

[36] ОАК за 1882—1888 гг., СПб.; 1891, стр. 329; ОАК за 1889 г., СПб., 1892, стр. 50; Архив ЛОИА, д. АК № 1888/13а и 1889/43.

[37] P. Kulikauskas, R. Kulikauskiene, A. Tautavičius. Lietuvos archeologijos bruožai. Vilnius, 1961, стр. 537.

[38] А. З. Таутавичюс. Восточнолитовские курганы. В сб.: «Вопросы этнической истории народов Прибалтики», Тр. ПОКЭ, I, М., 1959, стр. 131, 147.

К этой же группе памятников мы относим и часть курганов с трупоположениями, исследованных при деревнях Мигонис, Памарникас и Скворби. В двух курганах при дер. Мигонис (№ 14 и 19) обнаружены камни по склону насыпи и валуны, составлявшие обрамление курганных оснований. Нужно думать, что мигонисские курганы оставлены смешанным литовско-ятвяжским населением. Р. Волькайте-Куликаускиене датирует эти курганы IV—V вв.[39]. Курганы при деревнях Памарникас и Скворби расположены в средней Литве. И. С. Абрамов, производивший здесь раскопочные исследования в 1909 и 1910 гг., отмечает, что им встречены курганы со сплошным каменным покровом под дерном[40]. А курган № 8 при дер. Памарникас и курганы № 2 и 4 при дер. Скворби оказались сложенными целиком из камня[41]. Такое устройство курганов не характерно для литовских погребальных памятников[42].

Слабая изученность восточных областей ятвяжской гидронимической территории не позволяет ответить на вопрос, занимали ли ятвяги еще в первой половине I тысячелетия Верхнее Понеманье. Каменные курганы с трупоположениями этого времени здесь пока не известны. В Слонимском уезде известны курганы с каменным покровом и впадиной на вершине[43], но относить их к типу ростолтских пока нельзя. Дело в том, что у соседних дреговичских курганов XI—XII вв. иногда бывают такие же просевшие насыпи над сгнившими домовинами с трупоположениями. Правда, дреговичские курганы никогда не имеют каменных покровов, но все же до производства раскопок слонимские курганы остаются не определенными.

В III—IV вв. обряд трупоположения сосуществовал у ятвягов с обрядом трупосожжения. Выше уже отмечалось, что в некоторых курганах с захоронениями несожженных умерших среди камней насыпи встречаются трупосожжения. Начиная с V в. трупосожжения становятся единственным обрядом захоронения. Принадлежность трупоположений и трупосожжений в каменных курганах Сувалкии и соседних областей одному и тому же населению не вызывает каких-либо возражений. Курганы с трупоположениями и с сожжениями в одних и тех же могильниках, наличие в одной насыпи обоих видов захоронения, сходство погребального инвентаря и керамического материала уже неоднократно отмечалось многими исследователями.

Каменные курганы с трупосожжениями, как правило, не имеют воронкообразных впадин на вершинах. В остальном их устройство не отличается от курганов с трупоположениями (рис. 3, *II, IV—VI*). Обычно под дерном открывается покров, сложенный из камней в один или несколько ярусов. Встречены насыпи, целиком сложенные из камней, есть курганы (подобно ростолтскому) с внутренним ядром, сложенным из камней. Остатки трупосожжений (чаще безурновые, реже в урнах) в курганах середины I тысячелетия находятся под насыпью в небольших могильных ямах и среди камней насыпи. Число трупосожжений в одном кургане различно — от 2—3 до 15—16.

---

[39] R. Volkaité-Kulikauskiené. Migoniu (Jiezno raj) archeologini ai paminklai. «Jš lietuviu kultūros istorijos», I, Vilnius, 1958, стр. 58—63.

[40] ОАК за 1909 и 1910 гг. СПб., 1913, стр. 170, 171.

[41] Архив ЛОИА, д. АК 1909/62, л. 55—61. Каменные курганы в этих могильниках единичны и свидетельствуют только о том, что отдельные группы ятвягов заходили на территорию, заселенную литовскими племенами.

[42] М. Альсейкайте-Гимбутиене отнесла курганы при деревнях Памарникас и Скворби к раннему железному веку — I—IV вв. (M. Alseikaite-Gimbutiene. Die Bestattung in Litauen in der vorgeschichtlichen Zeit. Tübingen, 1946, стр. 180, 181). А. З. Таутавичюс датирует их V—VI вв. (P. Kulikauskas, R. Kulikauskiené, A. Tautavičius. Ук. соч., стр. 545).

[43] Е. Михайловский. Археологические очерки Слонимского уезда Гродненской губернии. Тр. Виленского отд. Московского предварительного комитета по устройству в Вильне IX археологического съезда. Вильна, 1893, стр. 166.

Некоторые трупосожжения середины I тысячелетия сопровождаются богатым инвентарем. В коллекцию погребального инвентаря из ятвяжских трупосожжений Сувалкии входят железные копья и умбоны, удила и шпоры, поясные бляхи и пряжки, арбалетовидные фибулы, туалетные пинцеты, ножи, янтарные бусы и некоторые другие предметы женских украшений. Урны с трупосожжениями V—VII вв.— это типичные для Сувалкии биконические горшки со слегка отогнутым венчиком. Изгиб всегда находится в верхней части сосуда. Единичные сосуды орнаментированы по ребру ногтевым узором.

В Сувалкии ятвяжские курганы с трупосожжениями, кроме тех могильников, которые были уже упомянуты в связи с характеристикой обряда трупоположения[44] исследовались в Прудишках[45], Еленеве[46], Петрашенах[47], Суходолах[48], Ясиновой Долине[49], Бильвинове[50], Нешках[51], Корклинах[52] и других местах.

Такие же каменные курганы с трупосожжениями известны и в Верхнем Понеманье. Благодаря большим раскопочным исследованиям, произведенным в конце XIX и в начале XX в. В. А. Шукевичем и Э. А. Вольтером, каменные курганы сравнительно хорошо изучены в северной части верхненеманского бассейна[53]. Наиболее ранним из числа исследованных является один из курганов при дер. Версеке, сложенный целиком из камня и заключавший два трупосожжения[54]. Остатки одного из сожжений находились в глиняном сосуде, накрытом остроребериым горшком. Сходные сосуды известны из культурного слоя первой половины I тысячелетия городища Мигонис, а также в Польше и Среднем Поднепровье III—IV вв. В связи с этим А. З. Таутавичюс датировал версекский курган IV в.[55]. Каменные курганы с сожжениями при деревнях Баготе[56], Версе-

---

[44] Трупосожжения в курганах Швайцарии датируются III—V вв., в Шурпилах — от III—IV до VII в. включительно, в Осове поздние трупосожжения с вещами датируются VII в., но есть основания полагать, что этот курганный могильник функционировал до первых столетий II тысячелетия (в одном из погребений кург. № 12 найдены фрагменты древнерусской гончарной керамики.— J. Jaskanis. Sprawozdanie z badań w. 1956 r., стр. 90, 96).

[45] Здесь несколько курганных могильников. Трупосожжения датируются от IV до VIII в. и, может быть, есть более поздние (R. Jakimowicz. Wykopaliska przedhistoryczne w Suwalszyźnie, ZOW, III, 1, Poznań, 1928, стр. 41. 42. M. Kaczyński. Dwa cmentarzyska kurhanowe z V—VI wieku we wsi Prudziszki pow. Suwalku. «Materialy Starożytne», III, Warszawa, 1958, стр. 115—153; M. Kaczyński. Nowe cmentarzysko w Prudziszkach pow. Suwałki. WA, XXVII, 1, стр. 120—122).

[46] M. Kaczyński. Cmentarzysko kurhanowe z okresu późnorzymskiego we wsi Ieleniewo, pow. Suwalki. WA, XXII, 3—4, стр. 365—366.

[47] J. Heydeck. Das Gräberfeld von Pietraschen. Sitzungsberichte der Altertumgesellschaft Prussia. V, Köenigsberg, 1878—1879, стр. 21—24.

[48] M. Kaczyński. Cmentarzysko kurhanowe z VII wieku naszej ery w miejscowości Suchodoly, pow. Suwalku. WA, XXV, 1—2, стр. 149—152.

[49] D. Jaskanis. Kurhan z okresu wedrówek lúdów w miejscowości Jasionowa Dolina, pow Sokólka, WA, XXV, 1—2, стр. 153—157.

[50] M. Kaczyński. Sprawozdanie z badań wykopaliskowych w 1957 r. na cmentarzysku kurhanowym we wsi Bilwinowo pow. Suwałki. WA, XXVII, 1, 90—99; его же. Cmetarzysko kurhanowe z. V—VI wieku w miejscowości Bilwinowo, pow. Suwałki. «Rocznik bialostocki», II, 1961, стр. 199—276.

[51] W. Szymańśki. Cmentarzysko kurhanowe z V—VI wieku w miejscowości Nieszki pow. Suwalki. WA, XXVII, 1, стр. 100—104.

[52] M. Kaczyński. Nowe cmentarzysko kurhanowe z V—VI wieku w Korklinach pow. Suwałki. WA, XXVII, стр. 111, 112.

[53] Каменным курганам междуречья Вилии и Верхнего Немана посвящена специальная статья, где эти курганы изучены более детально. Автор приходит к заключению, что эти курганы оставлены одним из ятвяжских племен, которое, возможно, называлось дейнова.

[54] W. Szukiewicz. Kurhany cialopalne przy wsi Versoce w powiecie Lidzkim, gubernii Wilenskiej. MKAAE, XI, 1910, стр. 63—69.

[55] А. З. Таутавичюс. Восточнолитовские курганы..., стр. 135.

[56] W. Szukiewicz. Kurhany cialopalne w Bogatej, Mickańcach i Wersoczice, MKAAE, XIII, 1914, стр. 58—62.

келе[57], Вилконис[58] и Мицконис[59] относятся к V—VIII вв.[60]. По-видимому, к этой же группе памятников нужно отнести курганы с трупосожжениями, частично сложенные из камня, при деревнях Девенишкес и Каскишкес[61]. Нужно полагать, что и среди каменных курганов южной части Верхнего Понеманья есть насыпи с трупосожжениями второй половины I тысячелетия, но они пока не раскапывались.

Каменные курганы Верхнего Понеманья по своему устройству однотипны с сувалкскими. Это тоже плоские, круглые в плане насыпи высотой до 0,5—0,8 *м*. Поддерновый покров насыпей складывался из камней в один или несколько ярусов. Число трупосожжений в одной насыпи колеблется от одного-двух до шести (рис. 3, *VII*). А. З. Таутавичюс отнес сложенные из камней курганы Литвы к памятникам восточнолитовских племен[62], с чем согласиться нельзя. Подчеркиваемые им незначительные отличия в величине каменных курганов Верхнего Понеманья и Сувалкии не являются существенными, а погребальный обряд в тех и других курганах одинаков. Так же как и Сувалкии — это остатки трупосожжений, совершаемых на стороне, или в подкурганных могильных ямах (Багота, Мицконис) или среди камней насыпей (Версекеле, Вилконис и др.). Только изредка отмечены случаи, когда кальцинированные кости были разбросаны на небольшой площади в основании курганов, но и эта деталь имеет аналогии в ятвяжских курганах Сувалкии. Правда, в верхненеманских каменных курганах по сравнению с сувалкскими реже встречаются урновые трупосожжения, но это весьма второстепенный признак различия. Для определения этнической принадлежности каменных курганов Верхнего Понеманья гораздо важнее одинаковость основных признаков с сувалкскими курганами и существенное отличие их от безусловных восточнолитовских курганов. Существенно и то, что в каменных курганах Верхнего Понеманья не встречено предметов, выделенных А. З. Таутавичюсом в число характерных только для восточнолитовских племен[63]. Вещи из этих курганов (топоры, копья, умбоны щитов, пряжки и др.) принадлежат к типам, распространенным у многих балтийских племен, в том числе ятвяжских.

Погребения по обряду сожжения в ятвяжских каменных курганах последней четверти I тысячелетия почти всегда лишены погребального инвентаря, и поэтому их выделение затруднительно[64]. У прусских племен, начиная с VI в., наблюдается значительное обеднение погребального инвентаря[65]. Резкое уменьшение количества находок, а затем и почти полное исчезновение их примерно с этого времени начинается и у ятвягов как в Сувалкии, так и в Верхнем Понеманье. К тому же, как и у пруссов, у ятвяжских племен в VII—X вв. господствуют безурновые трупосожжения, поэтому захоронения этого времени не могут быть выделены и по

[57] Там же, стр. 63—68.

[58] Архив ЛОИА, д. АК № 1890/103 и 1894/90.

[59] W. Szukiewicz. Kurhany cialopalne w Bogatej..., стр. 62—63.

[60] M. Alseikaite-Gimbutiene. Ук. соч., приложение, № 134—136 (средний железный век); P. Kulikauskas, R. Kulikauskiene, A. Tautavičius. Ук. соч., стр. 543, 544, 546.

[61] A. Tautavičius. Salčininku rajono pilkapiu tyrinejimai. «Is lietuviu kultūros istorijos», 1, Vilnius, 1958, стр. 69—74.

[62] А. З. Таутавичюс. Восточнолитовские курганы..., стр. 133, 134. Некоторые могильники с каменными курганами расположены на территории, заселенной восточнолитовскими племенами, а отдельные каменные насыпи находятся в группах совместно с курганами аукштайте. Однако по устройству насыпей западнобалтийские курганы легко отличаются от литовских.

[63] А. З. Таутавичюс. Восточнолитовские курганы..., стр. 133.

[64] Верхняя дата сувалкских каменных курганов с трупосожжениями обычно определяется условно, так как безурновые и безынвентарные захоронения вообще не могут быть датированы, а время урновых захоронений без вещевого материала определяется всегда приблизительно.

[65] Ф. Д. Гуревич. Из истории юго-восточной Прибалтики в I тысячелетии н. э. МИА, 76, 1960, стр. 396.

керамическому материалу. В качестве примера ятвяжских каменных курганов этого времени можно назвать курганы при дер. Ясудово, ранние трупосожжения в которых относятся к IX в.[66], или курганы при дер. Аукштойе, где, наоборот, поздние трупосожжения могут быть датированы VIII—IX вв.[67].

Самые поздние трупосожжения в ятвяжских каменных курганах определяются находками гончарной керамики древнерусского облика X—XII вв. Наличие подобной керамики в каменных курганах с сожжениями не отрицает ятвяжской принадлежности этих памятников. Такая керамика распространена не только в памятниках славянских племен. Она найдена и в восточнолитовских курганах[68], на литовских пилькалнисах[69], на поселениях латгалов[70], в памятниках прусских племен[71]. Поэтому нахождение древнерусской гончарной керамики в курганах ятвягов — ближайших соседей славян — закономерно.

По своему устройству каменные курганы рубежа I и II тысячелетий не отличаются от предшествующих. Только число трупосожжений в одной насыпи сокращается до одного-двух. Такие курганы известны почти на всей территории распространения ятвяжской гидронимики. В междуречье Верхнего Немана и Вилии они иногда находятся в одних могильниках совместно с курганами середины и второй половины I тысячелетия и одинаковы с ними по устройству. В южной части Верхнего Понеманья к этому времени относится часть курганов при дер. Сулятичи. Из трех курганов, раскопанных здесь Ф. Д. Гуревич, один имел характерный для ятвяжских погребальных памятников каменный покров и заключал одно трупосожжение[72]. Курганы с каменным покровом исследовались в этой части Верхнего Понеманья и раньше, но исследователи не обнаруживали в них никаких погребений, так как раскопки велись небольшим колодцем или узкой траншеей.

В Сувалкии каменных курганов с трупосожжениями, сопровождаемыми древнерусской гончарной керамикой, известно очень немного. Это уже названные выше курганы при деревнях Ясудове и Осове. Возможно, что к началу II тысячелетия в Сувалкии курганный обряд погребения сменился на бескурганные захоронения с каменными вымостками. Но это предположение из-за полной неизученности погребальных памятников Сувалкии этого времени не может быть подкреплено фактическими материалами.

В Среднем Побужье каменные курганы с сожжением рубежа I и II тысячелетий известны по раскопкам С. А. Дубинского[73] и Брестского краеведческого музея[74]. По своему устройству они повторяют каменные курганы более раннего времени и отличаются от последних только меньшими размерами. Все они имеют под дерном каменное покрытие, сложенное в один — три яруса. В каждом кургане обычно находится по одному трупосожжению. Остатки трупосожжений, иногда в сопровождении обломков древнерусских гончарных сосудов, чаще безурновые и безынвентарные, находятся или среди камней, составляющих покрытие насыпи (Бацики

[66] St. Krukowski. Cmentarzysko mogil cialopalnich w Jasudowe pod Sopoćkiniami, w pow augustowskim, gub. suwalskiej. «Swiatowit», IX, 1911, стр. 1—21; А. А. Спицын. Литовские древности. «Tauta ir žodis», III, Kaunas, 1925, стр. 143.

[67] St. Krukowski. Cmentarzysko cialopalne bez popielnic w Wysokiem (pow sejneński), «Swiatowit», XI, 1914 стр. 1—13; А. А. Спицын. Литовские древности..., стр. 155.

[68] А. З. Таутавичюс. Восточнолитовские курганы..., стр. 142.

[69] P. Kulikauskas, R. Kulikauskienė, A. Tautavičius, Ук. соч., стр. 416—419.

[70] Э. Д. Шноре. Асотское городище. Рига, 1961, стр. 115—118.

[71] C. Engel, W. La Baume. Ук. соч., рис. 44 и 50.

[72] Ф. Д. Гуревич. Древности Белорусского Понеманья. М.— Л., 1962, стр. 204.

[73] Курганы при деревнях Бацики Ближние, Бацики Дальние, Клюково, Цецели — ОАК за 1911 г., Птрг., 1914, стр. 65, 66; Архив ЛОИА, д. АК № 1911/89, л. 115—124.

[74] Курганы при деревнях Войская и Хотиново. Раскопки И. В. Бирули 1959 и 1960 гг. Отчеты хранятся в Институте истории АН БССР.

Дальние, Клюково, Цецели), или в основании курганов (Бацики Ближние, Цецели) [75], или же в небольшой подкурганной яме (Войская). Кроме единичных оплавленных слитков стекла и бронзы, при трупосожжениях рубежа I и II тысячелетий ничего не встречается.

В течение XI—XII вв. обряд трупосожжения в каменных курганах постепенно сменяется обрядом трупоположения. Смена обрядов происходила неодновременно в разных районах. Так, в отдельных местах Немано-Вилийского междуречья обряд трупосожжения удержался до начала XIII в., а в Брестском Побужье последние сожжения в каменных курганах датируются XI в. Многие каменные курганы с трупоположениями первых веков II тысячелетия расположены в тех же могильниках, что и курганы с сожжением. Устройство каменных курганов остается неизменным. По-прежнему курганные насыпи имеют покров, сложенный из камней в один или несколько ярусов (рис. 3, *IX*), встречаются курганы, сооруженные целиком из камня. Умерших клали или на материк, или в подкурганную яму. Большинство погребенных имело западную ориентировку. Вместе с тем, по всей территории распространения каменных курганов встречается не характерная для славян восточная ориентировка. При поздних трупоположениях в каменных курганах обычно встречается погребальный инвентарь. В женских захоронениях это перстнеобразные височные кольца с заходящими концами, реже — перстнеобразные кольца со спиральным завитком на конце. В Среднем Побужье распространены также небольшие проволочные кольца с S-образным завитком. Очень редко попадаются трехбусинные кольца. В курганах междуречья Немана и Вилии часто обнаруживаются остатки налобной повязки (головного убора по А. П. Спицыну) — бронзовые или серебряные бляшки с тисненым узором. Ожерелья из бус не были распространены. Только в немногих курганах найдены бусы (от одной до шести в погребении) — мелкие из синего, светло-зеленого и матового стекла, пастовые или глиняные, стеклянные посеребренные и изредка бронзовые, покрытые зернью. Браслеты и перстни из каменных курганов принадлежат к типам, широко известным по славянским древностям. Кроме того, встречаются спиральные перстни и браслеты, характерные для памятников балтийских племен. Железные ножи и гончарные сосуды славянского типа встречаются и в мужских, и в женских погребениях. В мужских захоронениях, кроме того, найдены топоры, копья, кресала, пряжки.

Каменные курганы с трупоположениями XI—XIII вв. известны почти по всей территории распространения ятвяжской гидронимики. В междуречье Немана и Виллии они исследовались Э. А. Вольтером, С. Глогером, В. А. Шукевичем и С. Яроцким (могильники при деревнях Венжевщизна, Вилконис, Карначиха, Киюци, Козаровщина, Опанковцы, Пузеле и др.[76]. Много таких курганов раскопано в Побужье. В конце XIX в. они исследовались Т. Луневским, С. Глогером, К. Столиво (дер. Лужки) [77], Р. Эйхлером (Невядома и Чеканов) [78], Л. Паевским (дер. Угляны) [79], в начале

[75] В некоторых каменных курганах при дер. Цецели обнаружена керамика более древняя, чем X—XII вв. Но определяет ли она время захоронений в этих курганах или попала в курганы случайно при их сооружении, остается невыясненным.

[76] Археологические раскопки в Лидском и Трокском уездах. «Правительственный вестник», 1889, 185; В. А. Шукевич. Об археологических местностях в Лидском и Трокском уездах. Тр. Виленского отд. Московского предварительного комитета по устройству в Вильне IX археологического съезда. Вильна, 1893, стр. 96—100; W. Szukiewicz. Kurhany kamienne. «Swiatowit», I, 1899; его же. Kurhany kamienne w pow. Lidzkim. «Swiatowit», IV, 1902; S. Jarocki. Kurhany i cmentarzyska w pow. Oszmiańskim w gub. wilenskiej. «Swiatowit», III, 1901; Архив ЛОИА, д. АК № 1888/13а, 1889/43, 1890/103, 1892/63, 1894/90, 1906/27.

[77] T. Luniewski. Cmentarzyska starożytne w Luzkach i Grodzisku w gub. Siedleckiej w pow. Sokolowskim. «Pamiltnik Fizyjograficzny», III, Warszawa, 1883, стр. 477, 478; K. Musianowicz. Z zagadnien osadnictwa wczesnohistorycznego pow. Sokolow Podlaski. WA, XVII, 4, 1950/1951, стр. 229—250.

[78] A. Kohn. Ук. соч., стр. 253—257; K. Musianowicz. Ук. соч., стр. 229—250.

[79] Архив ЛОИА, д. АК № 1898/177.

XX в. С. А. Дубинским (Бацики Дальние, Цецели) [80] и в последние годы Брестским краеведческим музеем (при деревнях Войская, Зеленая Гурка, Кощейники, Кустичи, Лисовщизна, Ратайчицы, Свищево, Тростяница, Хотиново) [81] и автором (при дер. Свищево) [82]. В Сувалкии каменные курганы с трупоположениями первых веков II тысячелетия исследованы только в Ясудове [83]. Такие курганы в южной части Верхнего Понеманья остаются неисследованными.

Каменные курганы с трупоположениями XI—XIII вв. никогда не рассматривались исследователями комплексно. Касаясь отдельных курганов или небольших территорий, археологи обращали внимание исключительно на славянский характер женских украшений и в связи с этим считали эти памятники славянскими. Так, А. А. Спицын вскоре после получения первых сведений о больших раскопках каменных курганов и могил в Лидском уезде предложил считать эти памятники древностями русского населения Черной Руси [84]. Польские археологи относят курганы Среднего Побужья, вне зависимости от их устройства, к памятникам восточнославянских племен (дреговичам) [85]. Ю. В. Кухаренко, не приводя никаких оснований, считает, что каменные курганы Среднего Побужья могут принадлежать бужанам [86]. В одном из докладов А. А. Спицын также рассматривал эти курганы как памятники бужан, но не в этнографическом, а в географическом смысле этого слова.

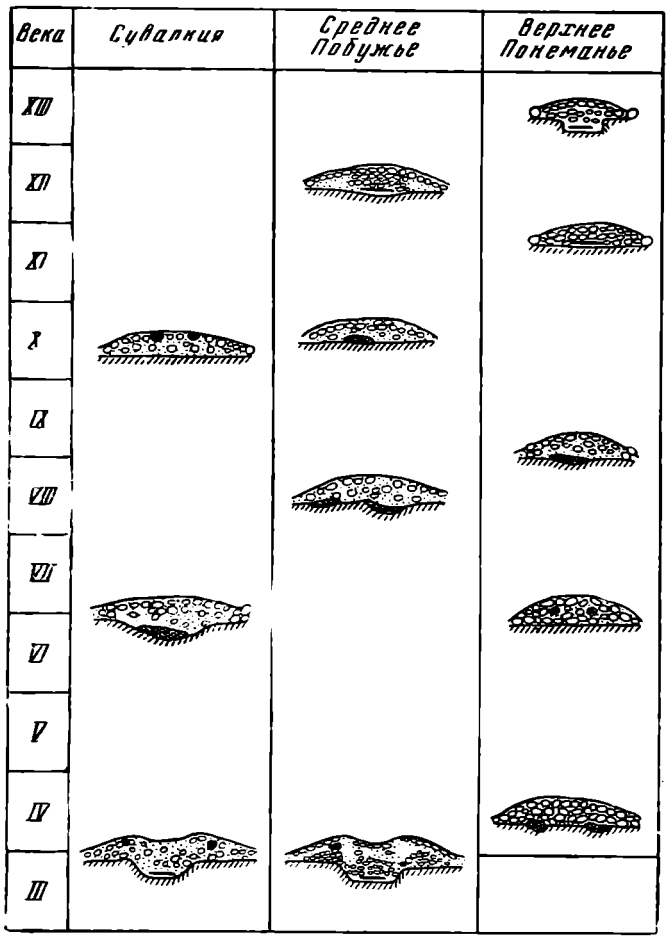


Рис. 4. Схема эволюции ятвяжских курганов по отдельным областям

Для определения этнической принадлежности каменных курганов с трупоположениями XI—XIII вв. важно, что эти памятники ведут свое происхождение от более ранних каменных курганов, ятвяжская принадлежность которых представляется бесспорной (рис. 4). Тот факт, что эти памятники нигде не выходят за ареал ятвяжской гидронимики, тоже

[80] ОАК, за 1911 г., Птрг., 1914, стр. 65, 66; Архив ЛОИА, д. АК № 1911/89.

[81] Раскопки И. В. Бирули 1959 и 1960 гг.

[82] В. В. Седов. Из полевых исследований 1961 г., КСИА АН СССР, 96, 1963, стр. 41—43.

[83] A. Kaminski. Materialy do bibliografii archeologicznej Jaćwieży..., стр. 211. На территории Ятвягии XIII в., по-видимому, курганов с поздними трупоположениями нет совсем. К этому времени здесь исчезает обычай захоронений в курганах. Курганный погребальный обряд задержался до конца XIII в. только в тех областях, где ятвяги жили на одной территории с восточными славянами.

[84] А. А. Спицын. Предполагаемые древности Черной Руси. ЗРАО, XI, 1—2. СПб., 1899, стр. 303—310. В этой статье А. А. Спицын не отделял каменные курганы от каменных могил. Позднее он выделил каменные курганы Немано-Вилийского междуречья в отдельную группу памятников и рассматривал их как древности балтийских племен (А. А. Спицын, Литовские древности... стр. 131, 132).

[85] K. Musianowicz. Ук. соч., стр. 240—241.

[86] Ю. В. Кухаренко. Средневековые памятники Полесья, М., 1961, стр. 12.

косвенно указывает на их связь с ятвягами. В X—XIII вв. в Среднем Побужье и в южной части Верхнего Понеманья наряду с каменными курганами хорошо известны и обычные славянские курганы, насыпанные из песка или глины и не имеющие никаких каменных конструкций. Ранние из них содержат трупосожжения X в., в XI—XIII вв.— трупоположения. В Побужье такие курганы раскапывались Н. П. Авенариусом, С. А. Дубинским и др.[87], в Верхнем Понеманье — М. Федоровским, М. А. Цыбышевым, Е. Голубович, Ф. Д. Гуревич и др.[88]. Расположены они как отдельными могильниками, так и в группах совместно с каменными курганами. Эти курганы, безусловно, оставлены славянским населением.

Славянская колонизация происходила неодновременно во всех районах рассматриваемой территории. В южную часть Верхнего Понеманья славяне проникли уже в середине I тысячелетия[89]. Сохранение на этой территории значительного числа гидронимов балтийского происхождения свидетельствует о том, что славяне не только застали здесь балтов, но и какое-то время жили на одной территории с ними, пока последние не были славянизированы. Поэтому наличие в Среднем Побужье и Верхнем Понеманье двух типов (славянского и ятвяжского) курганных насыпей X—XIII вв. отражает разноэтничность населения этого времени. Часть каменных курганов, вероятно, принадлежала уже славянизированным ятвягам. В связи с этим находит объяснение и славянский характер женских украшений в поздних каменных курганах.

С ятвяжскими каменными курганами непосредственно связаны так называемые «каменные могилы». Однако в связи с особым ареалом их распространения и некоторыми специфическими особенностями этих памятников их рассмотрение лучше выделить в отдельную тему.

---

[87] Н. П. Авенариус. Ук. соч., стр. 18—20.

[88] Z. Gloger. Notatki archeologiczne Michala Fedorowskiego z okolic Slonima kurhany pod Wiszowem. «Pameitnik fizyjograficzny», II, Warszawa, 1882, стр. 491—492; М. А. Цыбышев. Раскопки в конце 1892 года некоторых курганов близ г. Новогрудка Минской губернии. Каталог предметов, доставленных на археологическую выставку при IX археологическом съезде в Вильне в 1893 г. Вильна, 1893, стр. 73—76; H. Cehak-Holubowiczowa. Slowiańskie cmentarzysko kurhanowe kolo wsi Platowo w powiecie i województwe nowogródzkiem. Ateneum Wileńskie, XIII, Wilno, 1938, стр. 183—196; Ф. Д. Гуревич. Древности Белорусского Понеманья..., стр. 97—112.

[89] В. В. Седов. Кривичи. СА. 1960. 1 стр. 56—58.

К 80-ЛЕТИЮ ПЕТРА ПЕТРОВИЧА ЕФИМЕНКО

В 1964 г. исполняется 80 лет одному из крупнейших археологов, признанному главе советской школы изучения палеолита Петру Петровичу Ефименко.

П. П. Ефименко родился 23 (9) ноября 1884 г. в Харькове, в семье, сыгравшей немалую роль в истории русской и украинской науки и общественной мысли. Дед Петра Петровича — Савва Ефименко, крестьянин, был солдатом во время Отечественной войны 1812 г., участвовал во взятии Парижа. Отец Петра Петровича — Петр Саввич Ефименко, видный участник студенческого революционного движения 50 — начала 60-х годов, сосланный царским правительством в Архангельскую губернию, впоследствии крупный этнограф, фольклорист и историк. Имя матери Петра Петровича — Александры Яковлевны Ефименко в истории русской науки стоит рядом с именем Софьи Ковалевской. Первая женщина, получившая в русском университете ученую степень доктора истории honoris causa, она создала основополагающие труды по истории крестьянской общины, которыми пользовались К. Маркс и В. И. Ленин.

Начало занятий Петра Петровича археологией относится к 1902 г., когда он участвовал в раскопках, производившихся в окрестностях Харькова в связи с подготовкой к XII археологическому съезду. Он нашел несколько дюнных стоянок каменного века и принимал участие в открытии Салтовского могильника.

После переезда в Петербург Петр Петрович поступил на естественное отделение Петербургского университета. Под руководством Ф. К. Волкова он углубленно занимался археологией палеолита. В 1909 г. им были произведены раскопки известной Мезинской палеолитической стоянки, давшие блестящие результаты, частично опубликованные в одной из первых печатных работ Петра Петровича, посвященной каменным орудиям Мезина (1913 г.). После окончания в 1912 г. Петербургского университета П. П. Ефименко провел работы, посвященные каменным орудиям Костенок и сыгравшие большую роль в развитии русской археологической науки, исследования, посвященные верхневолжским ранненеолитическим макролитам. В начале 1913 г. П. П. Ефименко получил двухлетнюю кругосветную научную командировку. Он детально изучил археологические и этнографические коллекции в Берлине, Париже, Цюрихе, Лондоне, Риме, Неаполе, Каире, принимал участие в раскопках палеолитических стоянок и пещер во Франции и Швейцарии. Затем он предпринял исследования памятников каменного века в Палестине, открыл там несколько новых стоянок, посетил Сомали, работал в музеях Мадраса и Калькутты, объехал значительную часть Китая и Японии, посетил Сан-Франциско.

С 1915 по 1923 г. П. П. Ефименко являлся научным сотрудником Исторического музея в Москве. По переезде в Ленинград он работал в Эрмитаже, Музее антропологии и этнографии АН СССР и в Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК).

Основные и наиболее крупные археологические работы П. П. Ефименко в области палеолита — систематические раскопки в Костенках, проводившиеся в 1923—1937 гг. Уже первый год раскопок принес открытие первой на территории СССР палеолитической женской статуэтки, а также ряда новых палеолитических стоянок. Их материалы в сопоставлении с зарубежными впервые позволили создать периодизацию палеолита СССР. Достаточно сравнить работу П. П. Ефименко «Некоторые итоги изучения палеолита СССР» (1928), в которой изложена эта периодизация, с работой А. А. Спицына «Русский палеолит» (1915), чтобы убедиться в том, какой большой шаг вперед сделала советская наука о палеолите за эти 10 лет. Параллельно с работами по палеолиту в Костенках шли проблемные, обобщающие исследования, посвященные мезолитическим микролитам, исследования памятников каменного века в Донецком бассейне, раскопки Супоневской палеолитической стоянки на Десне.

В созданной и руководимой П. П. Ефименко лаборатории ГАИМК в Ленинграде объединился целый коллектив исследователей каменного века: С. Н. Замятнин, Г. П. Сосновский, блестящий рисовальщик кремня Н. Н. Чернягин, Е. Ф. Лагодовская, П. Н. Третьяков и др. Тогда же, в 20-х годах, Петр Петрович начал преподавание археологии каменного века в Ленинградском университете, сыгравшее такую большую роль в подготовке кадров археологов-первобытников.

Конец 20-х и начало 30-х годов было временем большого перелома в развитии советской археологической науки. Перед советскими археологами во весь рост встали задачи пересмотра старого археологического наследства, овладения марксизмом-ленинизмом, осмысления изучаемых ими археологических памятников как исторических источников. Этот процесс перестройки оказался исключительно плодотворным для Петра Петровича. Первым результатом явилась его известная работа «Значение женщины в ориньякскую эпоху» (1931), где впервые и в советской, и в мировой литературе материалы по археологии палеолита были использованы для широких и в то же время конкретных историко-социологических выводов. Критически проанализировав отчеты о раскопках западноевропейских палеолитических стоянок и сопоставив их с остатками палеолитического жилища, обнаруженными С. Н. Замятниным в 1927 г. в Гагарине, П. П. Ефименко сделал вывод, казавшийся тогда большинству археологов парадоксальным,— о существовании в позднем палеолите оседлости и долговременных жилищ. Отсюда вытекало высокое общественное положение женщин, культ женщин прародительниц, интерпретация палеолитических женских статуэток как проявлений этого культа, а затем и заключение о возникновении в позднем палеолите матриархального родового строя. Ранее в обобщающих работах по истории культуры считалось общепризнанным, что родовой строй возник только в неолите в связи с появлением земледелия и скотоводства, а палеолит и дородовое общество считались синонимами. Что же касается археологов, специалистов по каменному веку, то они вопросами подобной синхронизации вообще не задавались.

За работой «Значение женщины в ориньякскую эпоху» последовала фундаментальная книга «Дородовое общество» (1934 г.; во втором (1938 г.) и третьем изданиях (1953 г.) она получила название «Первобытное общество»), где был обобщен и исторически освещен весь огромный материал по палеолиту СССР и зарубежных стран, создана как периодизация палеолита, так и периодизация ранних этапов истории первобытнообщинного строя.

Бурный период марксистско-ленинской перестройки советской археологической науки на рубеже 20-х и 30-х годов имел и свою оборотную сто-

рону. Получил распространение социологизаторский схематизм. В некоторых работах исследование конкретного археологического материала, раскопки, стали рассматриваться как нечто второстепенное. Петр Петрович в очень малой степени отдал дань этим социологизаторским увлечениям. Из года в год он продолжал систематические раскопки в Костенках, в процессе которых в начале 30-х годов им были выработаны новые методы исследования палеолитических поселений как исторического источника. До того при раскопках палеолитических стоянок обращали главное внимание на каменные и костяные изделия, находимые в земле, на фаунистические остатки и последовательность геологических напластований. П. П. Ефименко показал, что в палеолитических стоянках, если их раскапывать широкими площадями и одновременно вести тщательную расчистку культурного слоя, можно обнаружить остатки долговременных коллективных жилищ разных типов и хозяйственных сооружений. Именно в результате применения этих новых методов советским археологам удалось открыть жилища во многих палеолитических стоянках на территории СССР и изменить коренным образом представления о жизни палеолитических людей. Применение этой методики позволило также ряду зарубежных археологов обнаружить остатки палеолитических жилищ.

Марксистско-ленинская перестройка отразилась не только в работах самого Петра Петровича. В качестве руководителя сектора палеолита Государственной Академии истории материальной культуры (после 1937 г.— Институт истории материальной культуры Академии наук СССР), в качестве признанного главы советской школы изучения палеолита он организовал большую коллективную работу по перестройке советской науки о палеолите, проводившуюся его сотрудниками и учениками. Результатом этой работы явился не только ряд статей и сборников (в частности, сборник «Палеолит СССР», 1935), но и проходившие в Академии истории материальной культуры плодотворные дискуссии о социологической периодизации палеолита, образе жизни древнепалеолитических людей, палеолитической охоте и др.

П. П. Ефименко принимал руководящее участие во всесоюзных конференциях по палеолиту (пленумы комиссии по изучению ископаемого человека советской секции Ассоциации по изучению четвертичного периода в 1935, 1937, 1939 и 1941 гг.). Он подготовил первые разделы обобщающих трудов «Истории СССР» (первобытнообщинный строй) и «Всемирной истории» (т. I). Однако было бы ошибкой сводить археологическую деятельность П. П. Ефименко только к исследованиям в области палеолита. Его вклад и в другие области археологии, в изучение бронзового века, финских и славянских древностей также очень значителен. Его разведки и раскопки в Чувашии выявили ранее не известную абашевскую культуру бронзового века, носители которой сыграли большую роль в первобытной истории Евразии. Проблемы абашевской культуры были детально исследованы в трудах Петра Петровича.

В 1920—1922 гг. П. П. Ефименко произвел в бассейне Оки раскопки могильников III—VII вв., принадлежавших в основном древнефинским племенам. Исследование материалов могильников в связи с общими вопросами происхождения и ранней истории финно-угорской культуры привели ученого к созданию культурно-стратиграфического метода точного хронологического анализа древних могильников массового типа. Этот метод, изложенный и обоснованный в фундаментальном труде П. П. Ефименко «Рязанские могильники» (1926), дает возможность достоверно судить о последовательности захоронений в могильниках, охватывающих несколько столетий. Он выдержал проверку временем и нашел широкое применение в археологической науке.

Не меньшее значение имеют и многолетние исследования П. П. Ефименко, посвященные культуре и истории древних славян. Проведенные им раскопки славянских поселений на Дону, в окрестностях Воронежа (в пер-

вую очередь известного Боршевского городища) и подытоживающие результаты этих раскопок работы («Древнерусские поселения на Дону», 1948) впервые раскрыли картину родового быта восточных славян в эпоху, предшествующую сложению феодальных отношений.

Началась Великая Отечественная война. В ноябре 1941 г. П. П. Ефименко был вывезен самолетом из осажденного Ленинграда в Елабугу. Там он продолжал заниматься бронзовым и ранним железным веком Волго-Камья, проводил небольшие полевые работы. В 1945 г. после окончания Отечественной войны Петр Петрович возглавил Институт археологии Академии наук Украинской ССР и оставался на посту директора этого Института до 1955 г. (продолжая в то же время вплоть до 1951 г. руководить сектором палеолита Института истории материальной культуры в Ленинграде). Как никто другой, он был подготовлен к этой работе не только своей высокой научной квалификацией, широким историко-археологическим кругозором, но и многолетними работами по украинской археологической проблематике. В том широком размахе, который получила археологическая работа на Украине в послевоенные годы, заслуга Петра Петровича очень значительна. Он редактировал основные украинские археологические издания. Ему удалось сплотить многочисленные кадры украинских археологов и обеспечить высокий научный уровень их работ. Большую научно-организационную деятельность Петр Петрович совмещал со столь же успешной исследовательской работой. Кроме многочисленных статей, он выпустил в 1953 г. третье, переработанное издание своей известной книги «Первобытное общество», а в 1958 г. фундаментальный труд «Костенки 1», в значительной мере подытоживающий его многолетние раскопки палеолита в Костенках.

Вклад в археологическую и историческую науку Петра Петровича Ефименко исключительно велик и общепризнан. В 1934 г. ему присвоена без защиты диссертации ученая степень доктора археологии. В 1945 г. он избран действительным членом Академии наук Украинской ССР. Тогда же за выдающиеся научные достижения он был награжден орденом Ленина. Широкое признание получили труды П. П. Ефименко и за рубежом. Ряд его работ переведен на иностранные языки. В 1943 г. он избран почетным членом Королевского Антропологического института Великобритании и Ирландии, в 1958 г.— почетным членом Международного Союза доисториков, а в 1960 г.— почетным членом Итальянского Института доистории и протоистории во Флоренции.

П. П. Ефименко является настоящим воинствующим марксистом-ленинцем. Разработка в его трудах больших историко-археологических проблем неизменно сочетается с борьбой против реакционной буржуазной науки, с разоблачением расистских построений. Петра Петровича характеризует смелость в поисках новых путей в науке, острое чувство нового, умение критически подойти к своим собственным концепциям. В такой же мере его характеризует исключительная точность и тщательность методики работы, значительность и обоснованность научных выводов, отсутствие скороспелости и погони за поспешными, эффектными построениями. Петр Петрович создал научную школу. Значительная часть советских археологов-первобытников является его учениками (П. Н. Третьяков, А. П. Окладников, С. Н. Бибиков, П. И. Борисковский, А. Н. Рогачев, Н. Н. Гурина, М. М. Герасимов, С. А. Семенов, Л. Я. Крижевская, А. Н. Каландадзе, Д. Н. Лев, В. И. Канивец, В. Н. Даниленко, Д. Я. Телегин, И. Г. Шовкопляс, С. С. Березанская. Сюда следует присоединить еще имена безвременно ушедших от нас С. Н. Замятнина, Г. П. Сосновского, Е. Ю. Кричевского, Г. П. Грозднлова, Я. В. Станкевич, Е. Ф. Лагодовской и многие другие). Для П. П. Ефименко, как для воспитателя молодежи, характерны демократизм, простота взаимоотношений, отеческая забота, сочетающаяся со строгой требовательностью. Каждый, приходивший на выучку к Петру Петровичу, в его экспедицию, семинар, лабораторию, знал, что ему предстоит

суровый труд, от него будет требоваться большая выдержка и что в то же время учитель будет кровно заинтересован в его успехах. Именно такой стиль руководства дал блестящие результаты.

Отмечая славный юбилей старейшего советского археолога Петра Петровича Ефименко, советские археологи шлют ему свои искренние поздравления.

П. И. Борисковский

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ П. П. ЕФИМЕНКО[1]

1. Собрание каменных орудий, керамики и пр. с дюнных стоянок Харьковской губ., у с. Кочеток, Б. Даниловка и др. Каталог выставки XII Археологического съезда в Харькове. Харьков, 1902.
2. Бронзовый век. НЭС, 8, СПб., 1912.
3. Белорусы. НЭС, 8.
4. Каменные орудия палеолитической стоянки в с. Мезине Черниговской губ. ЕРАО, IV, СПб, 1912.
5. Рецензия. И. И. Фомин. Искусство палеолитического периода в Европе. М., 1912, ЕРАО, IV.
6. Костенковская палеолитическая стоянка. ЕРАО, V, Прг., 1915.
7. К вопросу о стадиях каменного века в Палестине. ЕРАО, V.
8. Курган. НЭС, 23, Прг., 1915.
9. Некоторые находки каменных орудий в Тверской и Новгородской губерниях и их место в системе европейской палеоэтнологии. РАЖ. X, 37/38, 1916.
10. Доисторическая археология, ее задачи и перспективы в областном изучении «Краеведение», 2, 1923.
11. Мелкие кремневые орудия геометрических и иных своеобразных очертаний в русских стоянках ранненеолитического возраста. РАЖ, XIII, 3—4, 1924.
12. Заметка о результатах исследования палеолитических местонахождений в районе Костенок — Боршево. Отчетная выставка Этнографического отдела Русского Музея за 1923 г. Прг., 1924.
13. Одежда крестьянского населения. Анкета. «Вестник Рязанских краеведов», 1924.
14. Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа. МЭ, III, 1, Л., 1926.
15. Статуэтка солютрейского времени с берегов Дона. МЭ, III, 1.
16. Übersicht über die archäologische Literatur Russlands. V. J., II, 1926.
17. Экспедиция для изучения палеолитических культур. СГАИМК, I, Л., 1927.
18. Средневолжская экспедиция. СГАИМК, I.
19. Пам"ятки мустьерської культури на сході Европи. Юбилейный збірник на пошану Д. Багалія. Київ, 1927.
20. Некоторые итоги изучения палеолита СССР. «Человек», 1928.
21. Стоянки каменного века в окрестностях г. Изюма. В кн. М. В. Сібільов. Старовинності ізюмщини, III, Изюм, 1928.
22. Übesicht über die Literatur des Jahres 1927, VIII, Russland, V. J, IV, Leipzig., 1928 (в соавторстве с С. Н. Замятниным и М. Г. Худяковым).
23. Палеоэтнологические работы в Северо-Западной области в 1927 г. СГАИМК, II, Л., 1929.
24. Средневолжская экспедиция 1926—1927 г. СГАИМК, II.
25. Археологические работы среди чуваш. Первый всечувашский краеведческий съезд. Тезисы докладов и резолюции. Чебоксары. 1929.
26. Значение женщины в ориньякскую эпоху. ИГАИМК, 11, 3—4, Л., 1931.
27. Раннеславянские поселения на среднем Дону. СГАИМК, 1931, 2.
28. Обследование памятников Ленинградской области в 1928—1929 гг. СГАИМК, 1931, 6.
29. Женские статуэтки ориньякской эпохи. СГАИМК, 1931, 7.
30. Костенки 1 (Из итогов экспедиции 1931 г.). СГАИМК, 1931, 11—12.
31. Палеолит СССР. Итоги и перспективы его изучения. СГАИМК, 1931, 3.
32. Из исследований в области палеолита СССР за последние годы. СГАИМК, 1932, 9—10.
33. Дородовое общество. М.—Л., 1934.
34. Капсийцы — охотники и собиратели. В сб.: «Из истории докапиталистических формаций». М.—Л., 1934.
35. Маркс и проблемы древнейшего периода первобытнокоммунистического общества. ИГАИМК, 81, М.—Л., 1934.
36. Итоги работ в Костенках (август — октябрь 1933). ПИДО, 1934, 4.
37. Жилище времени бронзы, открытое на пойме Дона в окрестностях Костенок. ПИДО, 1934, 5.
38. Мустьерская орда. СЭ, 1934, 1—2.
39. Палеолитические стоянки Восточно-Европейской равнины. Тр. II МКАИЧПЕ, V, М.—Л., 1934.

[1] Составлен П. И. Борисковским и Г. П. Григорьевым.

40. Находка остатков мустьерского времени на р. Деркуле. В сб.: «Палеолит СССР», М.—Л., 1935.
41. Предисловие. В сб.: «Палеолит СССР».
42. Из воспоминаний о Н. Я. Марре. ПИДО, 1935, 3—4.
43. Die Paläolithischen Stationen des Osteuropäischen Ebene. INQUA, V. M.—L., 1935.
44. Некоторые итоги изучения ископаемого человека в СССР (1932—1935 гг). МЧП, I., М.—Л., 1936.
45. К истории западного Поволжья в первом тысячелетии нашей эры (по археологическим источникам). Тезисы доклада. Л., 1936.
46. Раскопки палеолитической стоянки в с. Костенках в 1934 г. Тр. СС МКАИЧПЕ (INQUA), I, М.—Л., 1937.
47. К истории западного Поволжья в первом тысячелетии нашей эры по археологическим источникам. СА, II, 1937.
48. Первобытное общество. 2-е изд. Л., 1938.
49. Период дикости. Нижняя и средняя ступени. История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства, I—II, М.—Л., 1939.
50. Новая палеолитическая стоянка в Костенках. БКИЧП, 6—7, М.—Л., 1940.
51. Палеолитические местонахождения СССР. МИА, 2, 1941 (в соавторстве с Н. А. Береговой).
52. Раскопки в Костенках. Костенки. В сб.: «Археологические исследования в РСФСР, 1934—1936 гг.», М.—Л., 1941.
53. Древнерусские поселения на Дону. Рефераты научно-исследовательских работ за 1944 г. М., 1945 (в соавторстве с П. Н. Третьяковым).
54. Палеолит. Материалы к Всесоюзному археологическому совещанию. М., 1945.
55. Короткий звіт про археологічні експедиційні дослідження Інституту археології АН УРСР у 1946 р. ВАН УРСР, 1947, 5.
56. Древнерусские поселения на Дону. МИА, 8, 1948 (в соавторстве с П. Н. Третьяковым).
57. До питания про джерела культури пізньої бронзи на території Волго-Камья. В сб.: «Археологія». II, Київ, 1948.
58. Из материалов палеолитического поселения Костенки. Землянка А. СА, XI. 1949.
59. Современное состояние советской науки об ископаемом человеке. МЧП, 2, М.—Л., 1950.
60. Сучасний стан радянської науки про викопну людину. ВАН УРСР, 1950, 1.
61. Підсумки польових досліджень інституту археології Академії Наук Української РСР в 1949 р. ВАН УРСР, 1950, 2.
62. Підсумки работи і завдання Інституту археології АН УРСР, 1952, 7.
63. Кріпость Ярослава Мудрого в Киеві. ВАН УРСР, 1952, 12 (в соавторстве с В. А. Богусевичем).
64. Первобытное общество. 3-е изд. Киев, 1953.
65. Палеолитическая стоянка Боршево II. МИА, 39, 1953 (в соавторстве с П. И. Борисковским).
66. На новому етапі. В сб.: «Археологія», 8, Київ, 1953.
67. Итоги работы и задачи Института археологии АН УССР в свете трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания. Доклады VI научной конференции Института археологии АН УССР. Киев, 1953.
68. Итоги полевых археологических исследований на территории Украинской ССР в 1951 г. СА, XVII, 1953 (в соавторстве с И. Г. Шовкоплясом).
69. Археологические открытия на Украине за последние годы. СА, XIX, 1954 (в соавторстве с И. Г. Шовкоплясом).
70. Палеолітичні пам'ятки УРСР і сучасний стан їх вивчення. В сб.: «Археологія», IX, Київ, 1954.
71. Materiaux sur le peuplement paléolithique de Kostienki. I. BSPF, LI, 7, 1954, Paris.
72. На археологічній конференції в Чехословаччині. ВАН УРСР, 1955, 2.
73. К вопросу о характере исторического процесса в позднем палеолите Восточной Европы (О памятниках так называемого селетского и гримальдийского типа). СА, XXVI, 1956.
74. Древнейшие следы человека на территории СССР. Ранний палеолит. «Очерки истории СССР. Первобытнообщинный строй». М., 1956.
75. Население территории СССР в период позднего палеолита. «Очерки истории СССР. Первобытнообщинный строй».
76. На археологічній конференції в Будапешті (1955, 3—6 сентября). ВАН УРСР, 1956, 5.
77. Новое в вопросе о происхождении культуры позднего палеолита Средней и Восточной Европы. ААН, VII, 1—4, Budapest, 1956.
78. La station paléolithique de Borchevo II. Paléolithique et néolithique de l'URSS. Annales du centre d'études et de documentation paléontologiques, 18. Paris, 1956 (в соавторстве с П. И. Борисковским).
79. Тельманское палеолитическое поселение (раскопки 1937 г.). МИА, 59, 1957 (в соавторстве с П. И. Борисковским).
80. По поводу статьи А. А. Формозова «О времени и исторических условиях сложения племенной организации». СА. 1957, 1.

81. Про періодизацію пізнього палеоліту Східної Европи. В сб.: «Археологія», X, Київ, 1957.
82. Костенки 1. М.— Л., 1958.
83. Неолитический Мерсин. СА, 1959, 1.
84. Переднеазиатские элементы в памятниках позднего палеолита Северного Причерноморья. СА, 1960, 4.
85. Абашевская культура в Поволжье. МИА, 97, 1961 (в соавторстве с П. Н. Третьяковым).

К 70-летию ВАСИЛИЯ АФАНАСЬЕВИЧА ШИШКИНА

В 1964 г. исполнилось 70 лет со дня рождения известного советского археолога и исследователя истории Средней Азии Василия Афанасьевича Шишкина.

Своей почти сорокалетней научной деятельностью В. А. Шишкин по праву приобрел общее признание в качестве одного из крупнейших знатоков средневековых древностей Средней Азии (преимущественно Узбекистана). Его имя неотделимо от истории развития археологических изысканий на территории советской Средней Азии.

В. А. Шишкин родился 11 января 1894 г. в с. Спасо-Талицком Орловского района Кировской обл. в семье сельского учителя.

По окончании в 1914 г. вятского реального училища В. А. Шишкин начал свою педагогическую деятельность в Вятской же губернии в должности учителя Сюмсинского высшего начального училища по классу черчения и рисования, но в сентябре 1915 г. был призван в армию.

После демобилизации В. А. Шишкин вернулся к месту своей прежней педагогической работы в Сюмсинском училище, но уже в августе 1918 г. был призван в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии. В марте 1921 г. В. А. Шишкин был направлен в Туркестан. Здесь он вел работу в Сыр-Дарьинском областном военном комиссариате и в отделе всеобуча ТуркВО (Ташкент), а по уходе из армии работал преподавателем в Ташкентском женском институте просвещения (1923—1925 гг.).

В 1926 г. В. А. Шишкин окончил Восточный факультет Средне-Азиатского государственного университета по иранскому разряду. С этого времени начинается научная и научно-организационная деятельность Василия Афанасьевича в качестве научного сотрудника Средазкомстариса (в последующем Узкомстариса), а также в качестве уполномоченного Узкомстариса по Бухарской области и Председателя Бухкомстариса.

Эту деятельность В. А. Шишкин систематически сочетал с полевыми исследованиями археологического и историко-архитектурного характера. В 1927 г. им велась работа по выявлению и предварительному изучению археологических памятников западной части Ферганской долины, а с 1928 г. по 1936 г.— по исследованию историко-архитектурных памятников Бухары, Бухарской и Кашкадарьинской областей.

С 1934 г. В. А. Шишкин участвовал в ряде крупных научных экспедиций, в частности в Зеравшанской экспедиции Узкомстариса и Государственного Эрмитажа, возглавлявшейся А. Ю. Якубовским (1934 г.), Термезской археологической комплексной экспедиции, руководимой М. Е. Массоном (1936—1938 гг.), экспедиции Государственного Эрмитажа во главе с А. Ю. Якубовским по изучению городища Пайкенд (1939 г.), Государственной экспедиции (комиссии) по изучению погребений Тимура и тимуридов в мавзолее Гурп-Эмир в Самарканде (1941 г.) и др.

С 1937 г. В. А. Шишкин проводит и самостоятельные экспедиционные работы в Бухарской обл. Они ознаменовались открытием района земель древнего орошения к западу от современного оазиса, а также обследованием городища Варахша. Работы на этом городище, осуществленные под руководством В. А. Шишкина в 1938 и 1939 гг., привели к обнаружению остатков дворца бухар-худатов с замечательными памятниками алебастровой скульптуры и живописи. Результаты большинства этих исследований нашли свое отражение в печатных публикациях В. А. Шишкина и принесли ему заслуженную известность.

В марте 1940 г. В. А. Шишкин был зачислен в состав научных работников Узбекского филиала Академии наук СССР. Со времени организации в 1943 г. Академии наук Узбекской ССР и Института истории и археологии В. А. Шишкин работает в нем в должности старшего научного сотрудника и руководителя отделом (сектором) археологии, бессменно занимая эту должность вот уже в течение 20 лет.

В 1943 г. В. А. Шишкин защитил диссертацию на ученую степень кандидата исторических наук по теме «К вопросу о древней культуре Бухарского оазиса». В 1961 г. им успешно защищена докторская диссертация по теме «Варахша. Опыт историко-археологического изучения».

С 1943 и до 1952 г. В. А. Шишкин одновременно с научной деятельностью вел преподавательскую работу в ряде высших учебных заведений. Так в 1933—1934 гг. он читал курс истории Средней Азии в Бухарском педагогическом институте, в 1943—1945 гг.— курсы по истории древнего Востока и древней истории Средней Азии на историческом факультете Среднеазиатского государственного университета в Ташкенте. С 1944 по 1955 г. он являлся доцентом Ташкентского педагогического института им. Низами.

После окончания Великой Отечественной войны В. А. Шишкин возобновил свою интенсивную археологическую деятельность.

В числе наиболее значительных археологических изысканий В. А. Шишкина следует отметить проводившиеся под его руководством в 1948 г. раскопки в районе расположения остатков всемирно известной обсерватории Улугбека в Самарканде. Раскопки эти завершили успешные изыскания, проведенные здесь в 1908 и 1914 гг. В. Л. Вяткиным и в 1941 г. И. А. Сухаревым. Результаты исследований были освещены в специальном сборнике статей участников экспедиции, среди которых наиболее значительное место принадлежало публикации В. А. Шишкина.

В 1949 г. В. А. Шишкин возобновил раскопочные работы на городище Варахша и вел их ежегодно до 1953 г. Таким образом, с учетом работ, осуществленных в 1937—1939 гг., раскопки городища Варахша продолжались в общей сложности восемь лет. Полевые работы и последующее многолетнее изучение вещественных материалов городища Варахша целиком захватили Василия Афанасьевича, стали делом всей его жизни.

Его обширная монография по Варахше (Варахша.— М., АН СССР, 1963) дает цельное и всестороннее представление о городище, его месте и роли в ряду близких ему по времени и характеру памятников Средней Азии.

В. А. Шишкин рассматривает городище Варахша и его древности в самом широком плане, привлекая данные физико-географической характеристики Бухарского оазиса, сведения древнейших письменных источников (географов, путешественников, историков IX—XII вв.) и другие материалы.

В. А. Шишкин ставил своей целью осветить историю поселения на городище Варахша (V — начало XII в.) не изолированно, а в тесной связи с историческими судьбами всего Бухарского оазиса, а в известной степени и всей Средней Азии.

Значительную часть своего капитального исследования В. А. Шишкин по праву посвятил стенным росписям и скульптурам дворца бухар-худатов, рассматривая их в связи с новейшими находками настенной росписи и

скульптурных памятников в Хорезме, Пянджикенте, долинах Ферганы и Сурхан-Дарьи. Эти замечательные и во многом уникальные памятники средневекового искусства В. А. Шишкин рассматривает отнюдь не только в узко археологическом плане. Он справедливо видит в них выдающиеся (со своими стилистическими и иными особенностями) произведения народного художественного творчества, а также произведения, дающие живое и образное представление об облике и быте древних обитателей Средней Азии, об их идеологических воззрениях, связях Средней Азии, в частности Бухарского оазиса, с другими странами и т. д.

Весьма ценными представляются также общие выводы В. А. Шишкина касательно политической истории и социальных отношений Бухарского оазиса, времени бытования поселения на городище Варахша.

Открытые в процессе раскопок на Варахше замечательные произведения древнего изобразительного искусства привлекли внимание советской и мировой научной общественности и прочно вошли в научный обиход.

В настоящее время В. А. Шишкин возглавляет работы археологической экспедиции, осуществляющей систематические раскопочные работы на известном городище Афрасиаб (Самарканд).

Василию Афанасьевичу не чужды и историографические интересы. Его перу принадлежат очерки по истории археологического изучения Бухарского оазиса, статья о жизни и деятельности самаркандского археолога В. Л. Вяткина и др. Совместно с С. П. Толстовым, М. Е. Массоном и др. он выступал в качестве одного из авторов очерков развития исторических знаний и археологических изысканий в Узбекистане за годы Советской власти.

В. А. Шишкин награжден двумя почетными грамотами Верховного Совета СССР и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», а в 1951 г. за плодотворную научную и педагогическую деятельность удостоен ордена Ленина.

Друзья и многочисленные ученики Василия Афанасьевича Шишкина желают ему новых успехов на поприще изучения богатейшего исторического прошлого народов советской Средней Азии.

Б. В. Лунин

К 60-летию НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА ВОРОНИНА

История знает немало примеров, когда большой жизненный и творческий путь ученого был предопределен яркими впечатлениями юности.

Николай Николаевич Воронин родился 13 декабря 1904 г. во Владимире в семье земского техника. Здесь же он окончил в 1918 г. среднюю школу. Впечатления от города бессмертных творений русских зодчих XII в., книги о владимирских памятниках привели юношу научно-техническим сотрудником в местный Исторический музей (1918—1920), где и определился его интерес к культуре древней Руси. Отсюда шел путь во Владимирский институт народного образования (1920—1923), а затем в Ленинградский университет (1923—1926). По окончании университета Н. Н. Воронин поступает в аспирантуру ГАИМК (1928—1931), где сближается с такими замечательными учеными, как Д. В. Айналов, К. К. Романов. У последнего и проходил аспирантуру Н. Н. Воронин.

Д. В. Айналову принадлежат слова: «Идеи, направления, поставленные и разрешенные задачи уже обуславливаются не физическим рождением, а рождением духовным, идейным, сферою интересов, веяний и велений эпохи». Идейное рождение Н. Н. Воронина произошло в Ленинграде.

В то время ГАИМК была форпостом новых веяний в археологической науке, ее перестройки под влиянием идей марксизма.

Уже аспирантская работа Н. Н. Воронина «К истории русского зодчества XVI в.» (1929) отмечена чертами этой новизны. Социальные характеристики заказчиков и мастеров; детали производственного процесса даны на широком историческом фоне. Соединение исторически конкретного с четким теоретическим обобщением будет свойственно в дальнейшем всем работам Н. Н. Воронина. Новые «идеи и направления», а также обусловленные «веяниями и велениями эпохи» задачи изложены Н. Н. Ворониным в кандидатской диссертации «Очерки по истории русского зодчества XVI в.» (М.— Л., 1934). Эта книга до сих пор является настольной для историков русского зодчества. В ней вскрыта основа основ древнерусской строительной практики: строительные материалы, организация рабочей силы, роль мастера-строителя, вопрос о строительном чертеже, т. е. все то, что ранее эстетски-пренебрежительно оставалось «вне архитектуры». В 1932 г. Н. Н. Воронин зачисляется старшим научным сотрудником ГАИМК. Вероятно, именно рано сложившаяся четкость методологии обусловила удивительную цельность научного пути Н. Н. Воронина.

Было бы глубоко неправильным писать о Н. Н. Воронине только как об историке русской архитектуры. Архитектура для Н. Н. Воронина — наиболее полное и концентрированное выражение различных сторон исторической жизни общества. Много внимания Н. Н. Воронин уделил изучению феодального и сельского поселения древней Руси, а также проблеме генезиса и развития феодализма (статьи 1934—1935 гг.). С углублением интереса Н. Н. Воронина к древнерусскому зодчеству им все более осознавалось исключительное национальное значение владимиро-суздальской архитектуры.

Однако археологически памятники ее были мало изучены, а в оценке господствовали либо славянофильские фантазии, либо различные поверхностные «теории» заимствований или влияний. Необходимо было заново изучить памятники археологически, овладеть всей специальной и исторической литературой, осмыслить ее марксистски.

В 1934 г. начинается серия раскопок и публикаций Н. Н. Воронина как уже известных, так и вновь открытых памятников архитектуры Владимира, Суздаля, Ярославля, Переславля-Залесского, Боголюбова и др. Наиболее блестящей была работа по раскопкам и реконструкции боголюбовского замка, оказавшегося сложным и великолепным ансамблем. Реконструкция его обошла все архитектурные издания и стала хрестоматийной.

Одновременно Н. Н. Ворониным изучается связь владимиро-суздальского зодчества с галицко-волынским, а также сложная картина социальных отношений Северо-Восточной Руси XI—XII вв.— восстания смердов XI в. («Ист. журнал», 1940, № 2), «Медвежий культ в верхнем Поволжье XI в.» (МИА, 6, 1941). Последняя работа отличается особой яркостью воссоздания языческой и полуязыческой древности. Без ссылок на нее не обходится ни одно исследование по истории Северо-Восточной Руси.

В результате интенсивных работ у Н. Н. Воронина выработалась глубоко обоснованная концепция о владимиро-суздальском наследии в русском зодчестве. На этой базе в 1941 г. была написана докторская диссертация, защищенная им в 1945 г. Владимиро-суздальское зодчество рассматривалось в ней как общеевропейское явление, национальное по содержанию и форме. Сведения летописи о «мастерах из всех земель» введены в

точные хронологические рамки; для времени Всеволода III доказано образование широких местных кадров мастеров; окончательно опровергнуто державшееся в науке со времен Ключевского мнение о сугубо деревенском характере Владимиро-Суздальской Руси. Все это было большим вкладом в науку.

Разразилась Великая Отечественная война, и Н. Н. Воронин ушел в 1941 г. в народное ополчение. В боях на Ленинградском фронте он был ранен и после отчисления в запас (1942 г.) вернулся на работу в ИИМК (Москва). За годы войны Н. Н. Воронин развил кипучую деятельность по пропаганде и популяризации памятников национальной культуры. Им было написано для Совинформбюро около 100 статей.

В 1945 г. начинается энергичная работа Н. Н. Воронина по изучению и восстановлению архитектуры древнерусских городов. Им делается доклад об изучении древнерусских городов на I Всероссийском археологическом совещании и публикуется ряд статей и книг на эту тему. При этом Н. Н. Воронин остается историком в широком смысле. Город для него — сложный комплекс материальной культуры и социальной жизни. Поэтому не случайно, что именно Н. Н. Воронин пишет в двухтомнике «История культуры древней Руси», М.— Л., 1948—1951, главы не только об архитектуре (совместно с М. К. Каргером), но и о поселении, жилище, пище и утвари, путях сообщения, крепостных сооружениях. За эту работу Н. Н. Воронин был удостоен Государственной премии. Еще в 1946 г. он получил звание профессора. Н. Н. Воронин — один из главных авторов двух академических «Историй русского искусства» (Академии наук — т. I, 1953; т. III, 1955 и Академии художеств — т. I, 1957), в которых его перу принадлежат главы о киевском и владимиро-суздальском зодчестве.

В раскрытии сложного содержания и социальных функций памятников архитектуры Н. Н. Воронин обладает большой зоркостью анализа. Он никогда не ограничивается иконографией, конструкцией, пропорциями, но во всеоружии всех знаний старается как можно глубже проникнуть в суть исторического образа, в замысел зодчих. Для этого Н. Н. Воронин привлекает все новые и новые материалы, прежде всего письменные источники, литературу. Он способствует формированию нового направления в исторической науке, рассматривающего памятники материальной культуры в синтезе с литературой. Н. Н. Воронин пишет все вводные главы к I и II томам академической «Истории русской литературы» (к I тому совместно с Д. В. Айналовым). Образцом синтетического изучения является его статья «Слово о полку Игореве и русское искусство XII—XIII вв.» (1950). Отсюда же идут специальные штудии по древнерусской литературе (Киево-Печерский патерик, Сказание о Борисе и Глебе, владимирское и ростовское летописание, Слово и Моление Даниила Заточника), рисующие Н. Н. Воронина тонким аналитиком. Даже, казалось бы, в сугубо культовых текстах Н. Н. Воронин мастерски выявляет общественную, идейно-политическую подоплеку, пополняя тем самым арсенал исторических источников.

Н. Н. Воронин продолжает углублять исследование владимиро-суздальского зодчества. В новом свете предстают Успенский и Дмитровский соборы Владимира, церковь Покрова на Нерли, Георгиевский собор в Юрьеве-Польском. Первоначальная композиция всех их оказывается более сложной. Особенно поразительной оказалась первоначальная композиция церкви Покрова на Нерли. Вокруг ее реконструкции до сих пор ведутся страстные дискуссии — лучший залог движения исследовательской мысли вперед!

В результате исследований Н. Н. Воронина возрождены исчезнувшие с лица земли и забытые памятники древнего зодчества Твери, Старицы, Ростова, Ярославля, заново изучаются памятники древней Коломны. Теперь речь идет уже не только о владимиро-суздальском зодчестве, а о зодчестве Северо-Восточной Руси вообще. Н. Н. Воронина все более интересует большая тема становления национальных форм русской архитектуры. С этой целью им привлекается деревянное зодчество киевского Вышгорода, памят-

ники Полоцка, Пскова, ранней Москвы. Выявляются имена и творческие облики забытых зодчих. Под давлением новых фактов рассыпается старая «теория» А. И. Некрасова о романских истоках раннемосковского зодчества. Ранее выработанная Н. Н. Ворониным концепция о владимиро-суздальском наследии постепенно превращается в широко развернутую теорию о генеральной линии развития национальной архитектуры с XI до XVI в., прочно вошедшую во все работы по истории русской художественной культуры.

Итогом многолетних исследований Н. Н. Воронина явилась двухтомная монография «Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв.» (М., 1961—1962) одно из выдающихся явлений исторической науки последних лет. Исследование по архитектуре по существу превратилось здесь в синтетическую эпопею о культуре Руси за те 400 важнейших лет, в недрах которых вызревало Московское государство. Зодчество рассматривается в органической связи с техникой, ремеслом, прикладным искусством, скульптурой, живописью, летописанием, литературой. Культура Северо-Восточной Руси, в свою очередь, включена в широкую и яркую картину сложной социальной жизни, классовой борьбы, острых политических и церковных отношений с Византией, культурных связей с Востоком и Западом. В этой диалектической сложности аспектов Н. Н. Воронин показал мастерское владение марксистско-ленинской методологией. Через всю работу красной нитью проходит важная мысль о прогрессивном характере централистских тенденций внутри Северо-Восточной Руси XII в., о большой роли горожан, о зрелости и оригинальности владимирских мастеров, работа и творческий облик которых впервые получили столь полное освещение.

Исчерпывающее знание всего древнего материала и историческая прозорливость позволили Н. Н. Воронину показать памятники зодчества в органической связи с жизнью народных масс. Мы чувствуем движение этих масс в ряде волнующих событий XII в. Становится понятным, почему в XII в. понадобились богато украшенные светской скульптурой белокаменные соборы, а также различные «чудеса» Владимирской богоматери, ряд которых блестяще объяснен Н. Н. Ворониным совершенно реалистически.

Естественно, что столь глубокое проникновение в прошлое позволило Н. Н. Воронину в живой форме решить сложнейшую проблему классовости и народности древнерусского искусства.

Поскольку изучаемый период непосредственно предшествует подъему Москвы, то работы о зодчестве Северо-Восточной Руси входят в фундамент науки об образовании великорусского государства. В этом их громадное национальное значение.

В последние годы Н. Ворониным ведутся исследования архитектуры западнорусских областей. Продолжением начатых в 1949 г. работ в древнем Гродно являются интереснейшие работы 1962—1963 г. в Смоленске. Здесь раскопан грандиозный архитектурный ансамбль XII—XIII вв., не уступающий по сложности Киевской Софии. Найдены фрагменты монументальной живописи, открывающие совершенно новую страницу в этой области древнерусского искусства. Исключительное историческое значение этих работ определяется тем, что изучаемые памятники находятся на стыке древней Руси с Западной Европой.

Н. Н. Воронин не только крупный ученый, автор почти 300 работ, но и большой мастер слова. Огромная эрудиция, прекрасное владение богатым литературным языком и тонкое чувство поэзии превращают даже наиболее сложные его исследования в захватывающие по интересу книги, привлекающие внимание широкого круга читателей. Имя и работы Н. Н. Воронина хорошо известны за рубежом. Ряд его работ переведен на иностранные языки. Николай Николаевич известен также как превосходный редактор, пропустивший через свои руки десятки томов чужих работ.

Большой любовью пользуются книги Н. Н. Воронина, специально написанные для массового читателя, как например, «Спутник по городам Вла-

димирской земли» (1958), давно уже ставший библиографической редкостью.

Популяризация древнерусской культуры неустанно ведется Н. Н. Ворониным в форме докладов и лекций, а также рецензий на труды других ученых по вопросам археологии, архитектуры, древнерусской живописи, миниатюры, литературы, военно-оборонительного дела, народного жилища, градостроительства, музейного дела, истории древнерусской техники, реставрации и т. д.

Совершенно самоотверженно Н. Н. Воронин работает в области охраны памятников древнерусского зодчества. Его квартира — это своего рода всероссийский диспетчерский пункт, куда по почте и телефону стекаются просьбы о консультации и помощи от множества ценителей прекрасных произведений русских мастеров.

Трудовая деятельность Н. Н. Воронина отмечена двумя орденами Трудового Красного Знамени (1945 и 1954) и рядом медалей.

Н. Н. Воронин пользуется всеобщим уважением как исследователь и пропагандист идей демократических и социалистических элементов культуры, имеющихся, по словам Ленина, в «каждой национальной культуре» [1], в том числе и в древней Руси. Им глубоко воспринят ленинский завет о том, что произведения особого художественного и исторического значения должны охраняться как культурные сокровища народа. Он твердо стоит на этом посту и сегодня.

Г. К. Вагнер

К 60-летию ДМИТРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА КРАЙНОВА

В 1964 г. исполняется 60 лет известному советскому археологу Дмитрию Александровичу Крайнову. Его работы по палеолиту, мезолиту и неолиту Крыма и Кавказа, а также его разыскания в области неолитической и особенно фатьяновской культур Средней полосы Европейской части СССР заслуженно признаются ценными исследованиями по древнейшей истории нашей Родины.

Д. А. Крайнов родился 8 ноября 1904 г. в крестьянской семье в дер. Ивашево бывшего Александровского уезда Владимирской губернии. Детство и юность его прошли на лоне чудесной природы Верхне-Волжского края, оказавшей свое влияние на формирование живой и широкой чисто русской натуры юбиляра. В большой семье Крайновых всегда много пели, слагали стихи, рисовали и очень любили природу. Почти все эти дарования в разной степени проявились и у Д. А. Крайнова. Среднее образование он получил в г. Киржаче бывшей Владимирской губернии, где впервые заинтересовался археологией, собирая древности для школьного музея. Окончив школу II ступени в 1925 г., в том же году он поступил в I МГУ на историко-археологическое отделение этнологического факультета. Археологические курсы читал тогда В. А. Городцов, ставший впоследствии научным руководителем юбиляра. Увлекшись первобытной археологией, пытливый и общительный студент Дмитрий Крайнов был одним из организаторов первого научного студенческого археологического кружка МГУ.

По окончании университета в 1929 г. Д. А. Крайнов в том же году поступил в Государственный исторический музей. Он работал научным сотрудником, а некоторое время и директором музея «Александровская Слобода», являвшегося филиалом ГИМ, а с 1930 г.— научным сотрудником ГИМ. Организаторские способности Д. А. Крайнова с особым успехом проявились в бытность его ученым секретарем ГИМ (с 1931 по 1935 гг.). Одновременно он вел большую полевую работу как под руководством В. А. Городцова, так и самостоятельно. В 1938 г. он получает звание старшего

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 5, т. 24, стр. 120.

научного сотрудника. Период работы в ГИМ (1931—1941 гг.) был для Д. А. Крайнова одним из важных этапов в его научной биографии. В это время в ГИМ работали молодые тогда археологи-марксисты А. В. Арциховский, А. Я. Брюсов, П. А. Дмитриев, С. В. Киселев, А. П. Смирнов. ГИМ являлся одним из ведущих археологических центров, где закладывались основы марксистской археологии. Это была хорошая школа, способствовавшая формированию марксистского мировоззрения и научной зрелости молодых археологов. Успешно эту школу прошел и юбиляр.

Наряду с работой в ГИМ в разные годы — с 1930 по 1941 — Д. А. Крайнов читал эпизодические курсы по истории СССР в Педагогическом институте им. К. Либкнехта, в Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской и выступал с публичными лекциями по путевкам Московского лекционного бюро при Доме Союзов.

Этот период характеризовался увлечением юбиляра музыкой и пением. Обладатель отличного баса, он был душой художественной самодеятельности МГУ и ГИМ. Любовь к пению привела Д. А. Крайнова в Музыкальное училище им. М. И. Ипполитова-Иванова, по окончании которого в 1937 г. он получил звание оперного певца и выступал в Театре художественной самодеятельности Москвы. Все это, как говорят, «для души». Основное же внимание и время отдавались им археологии. Его одинаково интересовали как палеолит Крыма и Кавказа, так и одна из загадок русской археологии — фатьяновская культура.

Еще в 30-х годах опубликованные Д. А. Крайновым интересные статьи об открытых им палеолитических пещерных стоянках Крыма (Замиль-Коба и др.) привлекли внимание археологов новизной и важностью материала. Пещерная стоянка Замиль-Коба № 1 (Тр. ГИМ, VIII, М., 1938) до сих пор остается одним из основных памятников, на которых покоится периодизация крымского мезолита. Работа «Вауловский могильник» (Труды ГИМ, XII, М , 1941) зарекомендовала автора как отличного знатока фатьяновской культуры, исследователя, стремящегося к глубоким историческим выводам и обобщениям. Многие вопросы, как происхождение, периодизация, хозяйство, общественный строй, взаимосвязи и идеологические представления носителей этой культуры, были тогда неясными или спорными. Исходя из всестороннего анализа археологических материалов исследованного им Вауловского могильника, Д. А. Крайнов впервые сделал попытку исторической интерпретации всех вопросов, связанных с фатьяновской культурой. Ряд положений автора, например датировка и вопрос о местном происхождении фатьяновской металлургии, казавшиеся тогда спорными и неверными, были блестяще подтверждены позднейшими исследованиями.

Началась Великая Отечественная война. Д. А. Крайнов 6 июля 1941 г. добровольно вступает в ряды Московского народного ополчения.

В октябре 1941 г. часть, в которой служил Д. А. Крайнов на Западном фронте, не смогла выйти из фашистского окружения, и он попал в плен. Начинаются самые тяжкие дни в жизни Д. А. Крайнова: фашистские лагеря, неудачный побег, снова лагеря, снова побег и жизнь на оккупированной территории. В июле 1943 г. последовало его освобождение из плена и служба в составе 307 Новозыбковской стрелковой дивизии на 2-м Белорусском фронте. В мае 1944 г. за пребывание в фашистском плену, Д. А. Крайнов был осужден Ревтребуналом на 10 лет заключения. Только в июле 1951 г. он был досрочно освобожден, но вернуться к своей специальности в те годы еще не мог.

С 1951 по 1953 г. он жил в своей родной деревне Ивашово, руководя художественной самодеятельностью на текстильной фабрике «Свобода».

В 1954 г. ему было разрешено поступить в Угличский краеведческий музей на должность старшего научного сотрудника. В Угличе Д. А. Крайнова принимают в члены Всесоюзного общества по распространению научных и политических знаний и поручают читать лекции на предприятиях города по исторической и атеистической тематике.

Важнейшие для нашей страны решения XX съезда КПСС самым благотворным образом сказались и на судьбе юбиляра. Именно они вернули ему доброе имя и обеспечили возврат в науку. В январе 1956 г. Д. А. Крайнов зачисляется младшим научным сотрудником в ИИМК (ныне Институт археологии АН СССР) и с небывалым увлечением отдается работе. Начинается наиболее плодотворный период в научной деятельности Д. А. Крайнова. В июне 1957 г. он успешно защищает кандидатскую диссертацию на тему «Пещерная стоянка Таш-Аир как основа периодизации послепалеолитических культур Крыма» (МИА, 91, 1960). Названная монография является первым и пока единственным опытом исследования послепалеолитических культур Крыма от конца финального палеолита до средневековья, имеющим значение для древнейшей истории всей Южной Украины и даже Кавказа.

Особой заслугой Д. А. Крайнова является выделение им из позднемезолитических стоянок ранненеолитической стадии и первая историческая интерпретация финального неолита. Хотя отнесение им наиболее раннего слоя пещерной стоянки Таш-Аир I к мезолиту встретило возражения, позднее оно нашло признание в украинских археологических кругах [1]. Большой заслугой автора следует считать разработку важнейшего вопроса о зарождении и распространении в Крыму воспроизводящего хозяйства — скотоводства и земледелия. Развернувшаяся по этому вопросу полемика завершилась подтверждением правильности предположения юбиляра об одомашнивании мелкого рогатого скота и свиньи «в раннем неолите или даже в позднем мезолите...» (стр. 138). В том же проспекте земледелие и скотоводство справедливо названы прогрессивными формами воспроизводящего хозяйства, а начало «активного» их распространения так же, как и Д. А. Крайновым, отнесено к неолитической эпохе. Сама постановка проблемы раннего животноводства и ее освещение в историческом аспекте является большой заслугой юбиляра.

Как специалист по первобытной археологии широкого профиля, Д. А. Крайнов не ограничивал своих интересов рамками одной эпохи или одной территории. Об этом свидетельствуют его полевые изыскания и научные работы. Таковы его публикации «Новые мустьерские стоянки Крыма и Кавказа» (БКИЧП, 1947, 9) и «Раскопки Бахчисарайской мустьерской стоянки в 1957 году» (КСИИМК, 78, 1960). Являясь основным помощником проф. В. А. Городцова по пятилетнему исследованию Тимоновской палеолитической стоянки под Брянском, Д. А. Крайнов публикует очень важную для освещения древнейшего домостроительства человечества статью «Жилища Тимоновской палеолитической стоянки» (СА, XXV, 1956). В статье обосновываются выводы В. А. Городцова об устройстве жилищ-землянок и дается критический обзор истолкования подобных объектов на других палеолитических стоянках (Авдеево, Боршево, Костенки и др.).

Культура мезолитической эпохи всегда была одной из излюбленных тем юбиляра. В этом плане особый интерес представляют его исследования многослойной стоянки у с. Золоторучье I на Верхней Волге («Дюнная стоянка Золоторучье I». КСИИМК, 75, 1959). С этой тематикой связаны и другие проблемы статьи Д. А. Крайнова: «Некоторые спорные вопросы древнейшей истории Волго-Окского междуречья» (КСИА АН СССР, 97, 1964) и «Проблема северного мезолита» (МЧП, 1, М., 1961, совместно с А. Я.

[1] Пещерная стоянка Таш-Аир I как основа периодизации палеолитических культур Крыма. См. проспект «Археология Украины», Киев, 1963, стр. 8.

Брюсовым). В них дается освещение таких основных вопросов, как первичное заселение человеком Верхней Волги, особенности местного мезолита, контакты поздненеолитических культур края с фатьяновской культурой и др. Можно не соглашаться с рядом тезисов автора, но нельзя не признать значения этой работы для выяснения древнейшей исторической картины края и убедительности трактовки таких существенных вопросов, как сосуществование неолитических племен с фатьяновцами и др.

Изучению неолита Д. А. Крайновым посвящено несколько работ, начиная от первой его еще студенческой статьи «Стоянка „Усть-Яренга"» (Бюл. научно-археол. кружка I МГУ. М., 1929) и кончая разделом «Неолит Крыма» в I томе «Истории СССР» и статьями «Новые исследования памятников неолита Верхнего Поволжья» (совместно с О. С. Гадзяцкой).

Основное внимание Д. А. Крайнова в последние годы вновь сосредоточено на исследовании фатьяновской культуры — этой ведущей археологической культуры Средней полосы европейской части СССР, с которой закономерно связывается одна из древнейших страниц истории индоевропейской общности.

В своих монографических работах в первом и втором выпусках «Свода» («Памятники фатьяновской культуры». Московская группа. САИ. В1-19, 1963. «Памятники фатьяновской культуры». Ярославско-Калининская группа, САИ, В1-20, 1964), а также в ряде других статей («Новые памятники фатьяновской культуры». КСИА, 84, 1961; «Кухмарский курганный могильник», КСИА, 88, 1961; «Волосово-Даниловский могильник фатьяновской культуры», СА, 1964, 4 и др.) Д. А. Крайнов на основе тщательного анализа погребального инвентаря и погребального обряда фатьяновских племен ставит, а частично и решает ряд общих вопросов, связанных с фатьяновской проблемой: происхождение и ареал распространения фатьяновской культуры, ее локальные варианты и др. По погребальному обряду им освещаются и таким сложные вопросы, как социальный уклад и духовная культура фатьяновских племен (культ солнца, культ медведя и т. п.).

Особое значение приобретает его попытка установления поздней даты фатьяновской культуры. Новый обильный материал, привлеченный автором, делает его предположение убедительным. То же самое можно сказать и о его тезисе о взаимоотношениях и даже о смешении фатьяновцев с поздненеолитическими племенами и о перерастании создаваемой ими культуры в так называемые культуры текстильной керамики.

Монографическое изучение фатьяновской культуры Д. А. Крайновым является одной из значительных обобщающих работ советских археологов.

В последние годы он успешно руководит Верхневолжской экспедицией, работами которой открыто и исследовано более 100 разновременных памятников.

Наряду с научной работой в Москве Д. А. Крайнов эпизодически читает лекции по археологии в Ярославском педагогическом институте им. К. Д. Ушинского. За успешное изучение истории Ярославского края в связи с 1000-летием Ростова Ярославского Д. А. Крайнов награжден почетной грамотой Ярославским облисполкомом. Следует отметить и научно-популяризаторскую деятельность юбиляра. В ряде изданий им опубликованы статьи на музейные и историко-археологические темы: «А. В. Суворов», «Государственный исторический музей». «Основные этапы развития Гос. исторического музея», «Археология и краеведение» (последняя статья была переиздана во Вьетнаме) и др. Д. А. Крайнов — активный автор БСЭ. Им опубликовано около 50 статей и заметок по различным вопросам археологии, истории и этнографии СССР.

К своему 60-летию Д. А. Крайнов пришел полным энергии и новых планов. Пожелаем ему доброго здоровья и свершения его научных замыслов.

Е. И. Крупнов

Публикации

Д. А. КРАЙНОВ

ВОЛОСОВО-ДАНИЛОВСКИЙ МОГИЛЬНИК ФАТЬЯНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

90 лет прошло со времени открытия первого фатьяновского могильника, десятки могильников, открытых впоследствии, способствовали выяснению многих частных вопросов, но проблема в целом (происхождение, датировка, локальные варианты и т. д.) и теперь остается неразрешенной. По отдельным темам ее возникли острые дискуссии, и особую остроту получил вопрос о так называемой «балановской культуре», частичное решение которого дает вновь открытый Волосово-Даниловский могильник, расположенный у дер. Волосово Даниловского района Ярославской обл., в 15 *км* от могильника у дер. Фатьяново.

Этот могильник является самым большим после Балановского. Он интересен не только большим числом погребений, но и своими уникальными металлическими предметами, разнообразием глиняных сосудов и особенно «баланоидным» характером форм сосудов и их орнаментики. Загадочна разрушенность погребений.

Расположен могильник в 250 *м* к северо-востоку от дер. Волосово, по дороге на дер. Баглаево, на большом живописном холме (рис. 1), называемом «Барская гора». Длина холма около 100 *м*, а ширина 70 *м*. От деревни с юго-запада он отделяется полем, а к северу круто спускается к пересыхающей речке, впадающей в р. Левашевку. Последняя, протекая у восточного подножия крутого склона холма, связана с Волгой через речки Саводранку, Вопшу и Костромку.

От поколения к поколению передается предание о том, что на вершине холма некогда стоял деревянный идол «Волосу», по имени которого и деревня носит название «Волосово». С глубокой древности на Барской горе происходили народные «гульбища». Весьма вероятно, что предания о боге Волосе и «гульбищах» тянутся с фатьяновских времен, и возможно, сами фатьяновцы поклонялись богу Волосу (Велесу) — покровителю скота. О вероятности данного предположения свидетельствуют многочисленные факты, связанные с существованием у фатьяновцев культа медведя [1], прослеживаемого в Верхнем Поволжье с глубокой древности до позднего исторического времени [2]. Культ Волоса — Велеса — Власия — покровителя скота в Ярославском Поволжье тесно связан с почитанием медведя. На некоторых фатьяновских могильниках прослежены остатки толстых деревянных столбов, как например: в Тимофеевском, Княгининском [3]; возможно, это остатки идолов.

---

[1] Д. А. Крайнов. Вауловский могильник. Тр. ГИМ, XII, 1941, стр. 134—135.

[2] Н. И. Воронин. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в. «Краеведческие записки». Ярославль, 1961.

[3] Д. А. Крайнов. Отчеты о результатах работ Верхне-Волжской экспедиции за 1959—1961 гг. Архив ИА АН СССР. № 2008, 2215, 2335.

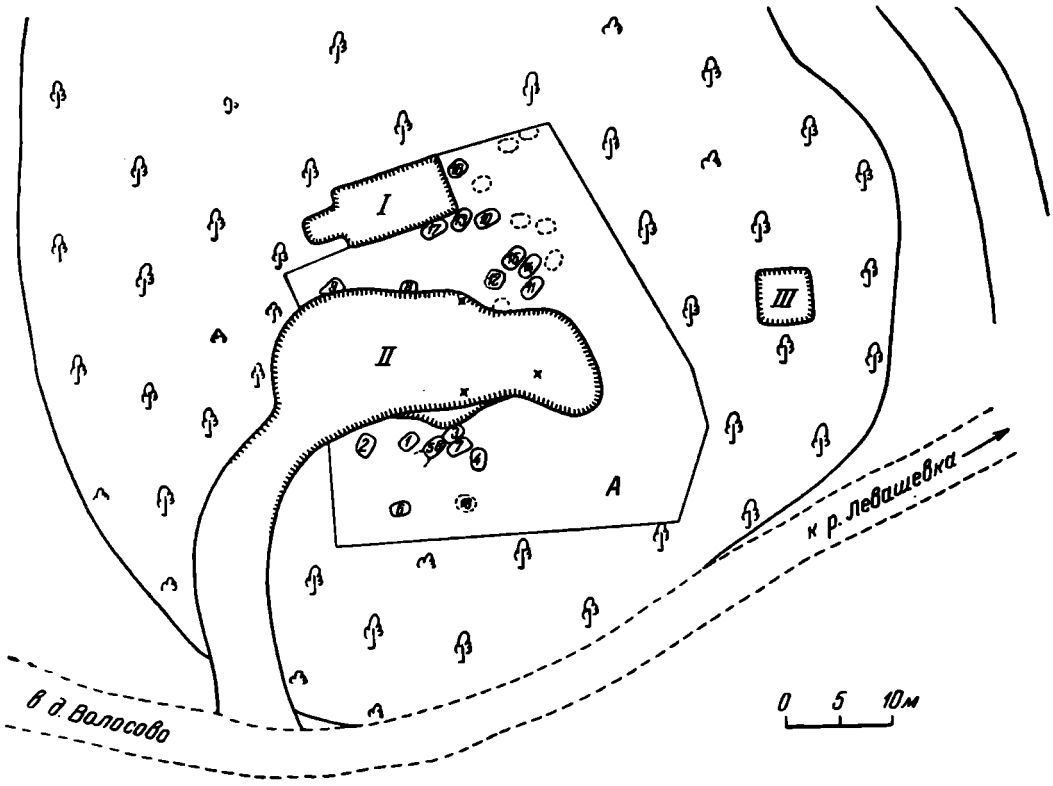


Рис. 1. План Волосово-Даниловского могильника

I — овощехранилище; *II* — карьер; *III* — яма. *X* — места случайных находок. *1—18* — номера могил. *A* — раскоп 1963 г.

При постройке овощехранилища в 30-х годах на самой высокой части холма, где по преданию стоял деревянный идол «Волосу», был найден глиняный сосуд с «красивым узором». С 1959 г. в южной части холма был заложен карьер для добычи гравия и песка, разрушивший не менее десяти погребений.

В 1962 г. у южной стенки карьера на глубине около 2 *м* был найден череп человека, кости и черепки от глиняных сосудов. В том же году в карьере нашли два человеческих черепа, кости и около них медную «пику» (рис. 2, *1*) с остатками древка и длиннолопастный каменный сверленый топор-молоток (рис. 3, *3*) [4].

В 1963 г. у южной стенки карьера были обнаружены: скелет человека, лежавший на боку, медный вислообушный топор около него (рис. 2, *2*) [5], обломки глиняных сосудов и другие вещи.

При обследовании разрушенных могил в 1963 г. сотрудником Верхне-Волжской экспедиции ИА АН СССР Н. А. Кирьяновой и сотрудником Ярославского музея-заповедника А. С. Смирновым были собраны следующие вещи: подвески из зубов животных, окрашенные окисью меди; медные трубчатые пронизки (рис. 2, *3*); обломки глиняных сосудов; обломок каменного сверленого топора-молотка и пр.

В августе 1963 г. Верхне-Волжская экспедиция ИА АН СССР приступила к раскопкам могильника, перед этим по краям восточной части карьера были найдены обломки глиняных сосудов и кремневый клиновидный топор (рис. 4, *2*). При раскопках могильника верхние слои земли снимались при помощи бульдозера. Была вскрыта треть площади холма. Стратиграфия его не везде одинакова. По краям холма, особенно с южной

---

[4] Топор-молоток передан в Ярославский музей-заповедник (№ 23227). Медное копье было обнаружено Верхне-Волжской экспедицией в дер. Б. Левашевка у колхозницы, которая взяла «пику» у шофера карьера. К сожалению, остатки древка были ею разбиты.

[5] Топор передан в Ярославский музей-заповедник (ВС-63, № 1).

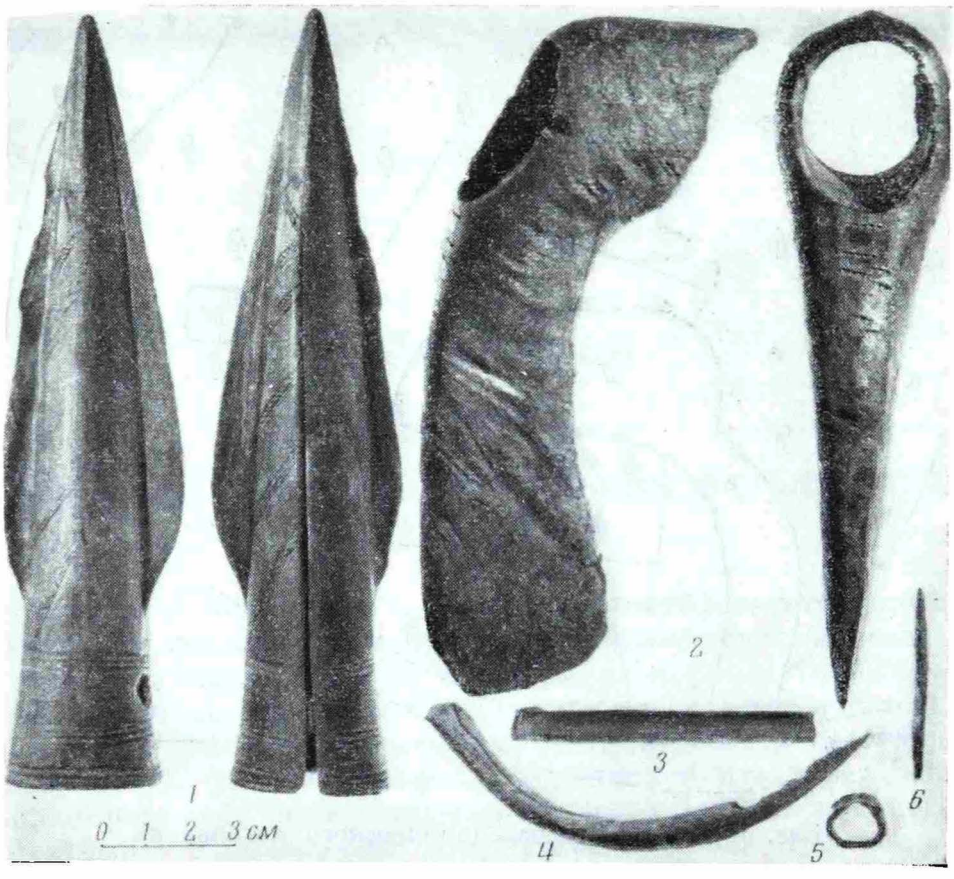


Рис. 2. Медные изделия из Волосово-Даниловского могильника

1 — копье; *2* — вислообушный топор; *3* — трубчатая пронизка — случайные находки; *4* — обломок гривны, погр. № 5; *5* — привеска, погр. № 14; *6* — шильце, погр. № 7

и западной сторон, вверху залегает плотная красная глина, а ниже гравий с песком. Чем ближе к центру, тем строение холма становится более песчаным, гравийным и насыщенным большим количеством мелких, средних и очень крупных камней. В самом центре, где помещалось овощехранилище, под небольшим верхним слоем гравия лежит чистый серовато-белый песок.

На раскопанной площади открыто свыше 30 погребений, из которых исследовано 18 (рис. 1). Судя по расположению погребений, могильник занимал значительную площадь холма на протяжении с юго-запада на северо-восток. Такая ориентировка могильников, характерная для Ярославско-Калининской группы (Вауловский, Олочинский, Тимофеевский и др.) [6], по-видимому, не случайна и объясняется особым мировоззрением фатьяновцев. Даже трудности при копке почвы для могил не могли изменить направления, утвердившегося в ритуале.

Большинство могил было замечено с глубины 20—25 *см* от современной поверхности холма. Размеры могильных ям различны — от 120 × 160 до 250 × 380 *см* (таблица) [7]. Глубина ям колеблется от 80 до 250 *см*. По-видимому, размеры и глубина могил зависели не только от твердости или мягкости почвы, но и от общественного положения погребенного. Чем выше это положение, тем размеры и глубина могил больше. Такая зависимость наблюдается и в других фатьяновских могильниках (Вауловском, Тимофеевском, Олочинском и др.).

Форма ям однотипна: вверху, в плане, округло-овальная, а ниже прямоугольная с округлыми углами, что также характерно для Ярославско-

[6] Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа. САИ. В1-20. М., 1964.

[7] Размеры даны с глубины 50—80 *см*. Вверху могильные ямы были больше.

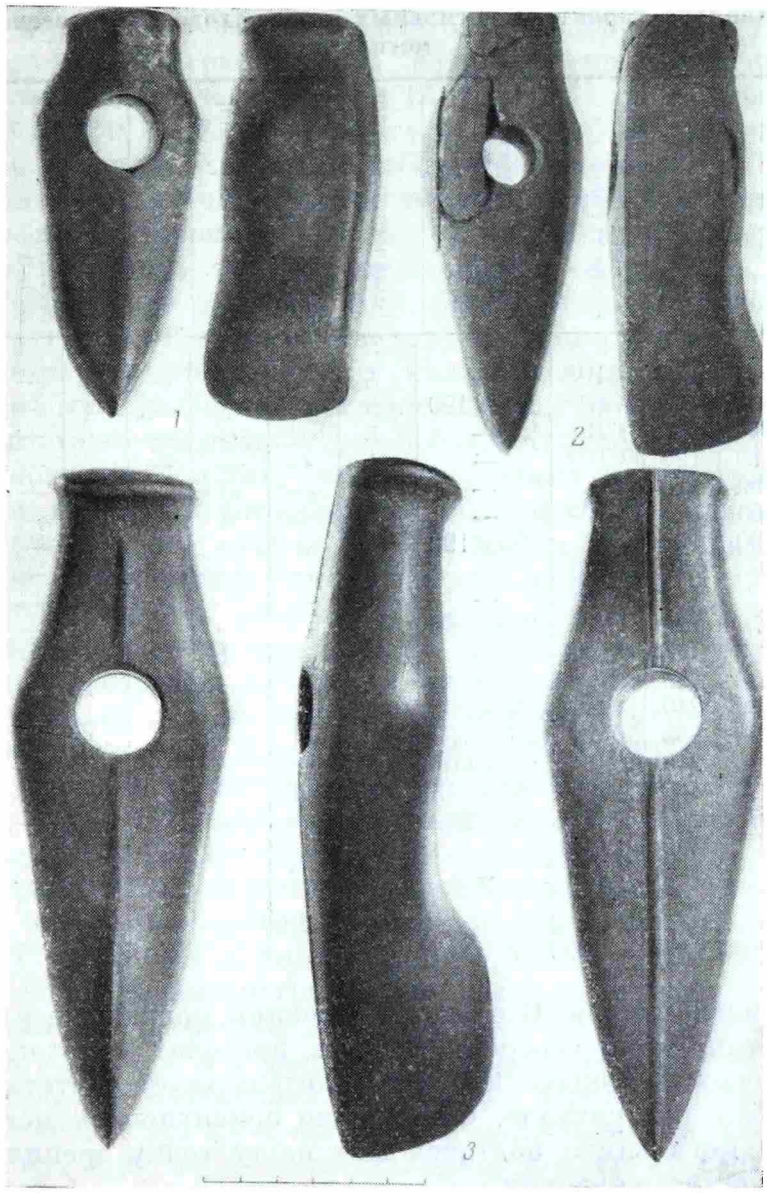


Рис. 3. Каменные сверленые топоры-молотки из Волосово-Даниловского могильника

1 — погр. № 14; *2* — погр. № 16; *3* — из разрушенного погребения

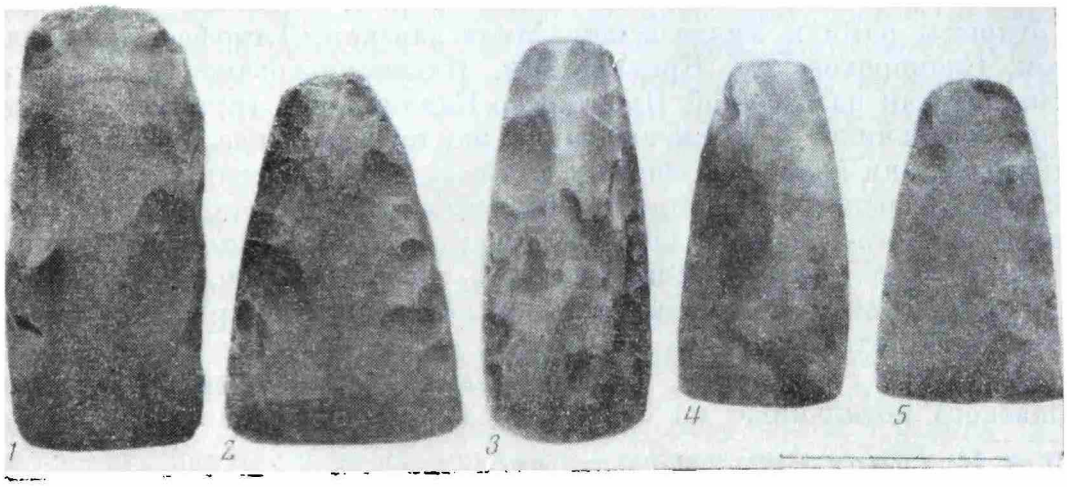


Рис. 4. Кремневые клиновидные топоры из Волосово-Даниловского могильника

1 — погр. № 2; *2* — случайная находка; *3* — погр. № 6; *4* — погр. № 11; *5* — погр. № 5

Сравнительная таблица характера могильных ям и находок в Волосово-Даниловском могильнике

№ погребения	Размеры ям, см	Глубина ям, см	Ориентировка ям	Размеры погребальных сооружений, см	Количество сосудов	Каменные сверлёные топоры	Кремневые клинья	Кремневые изделия	Костяные орудия	Металлические изделия	Ожерелья из зубов и птичьих костей	Ожерелья из ракушек	Отдельные подвески из зубов животных
1	120×165	130	СВ^{75}	—	5	—	—	—	1	—	—	—	+
2	165×200	140	СВ^{45}	150×190	5	—	1	—	1	—	—	—	—
3	180×240	140	СВ	—	5	1	—	—	—	+	+	+	—
4	160×210	120	СВ^{75}	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
5	260×290	110	СВ	—	5	—	1	—	2	+	+	—	+
6	120×160	120	СВ^{75}	—	3	—	1	1	—	—	—	—	—
7	150×230	120	СВ	95×190	8	—	—	1	—	+	+	+	+
8	100	70	СВ^{30}	—	2	—	—	1	1	—	—	—	—
9	—	150	СВ^{30}	—	3	—	—	—	3	—	+	+	—
10	180×270	120	СВ^{60}	120×160	—	—	—	—	—	—	—	—	—
11	160×240	100	СВ^{30}	—	2	—	1	1	—	+	—	—	—
12	230×300	180	СВ^{30}	—	4	—	—	—	1	—	—	—	—
13	170×380	240	СВ	140×205	2	—	—	—	1	—	—	—	—
14	150×260	135	СВ^{35}	110×160	1	1	—	1	1	+	—	—	+
15	230×310	210	СВ	125×200	4	—	—	—	—	—	—	—	—
16	170×195	100	СВ^{45}	97×115	2	1	—	—	—	—	—	—	—
17	250×380	220	СВ	180×290	4	—	—	—	—	—	—	—	—
18	—	120	СВ	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Случайные находки	—	—	—	—	4	2	1	—	—	—	+	—	—

Калининских могильников. Все без исключения могильные ямы ориентированы с юго-запада на северо-восток — в пределах отметок СВ^{30}, СВ^{45}. СВ^{75}. Такая точность в ориентировке свидетельствует об установившемся строгом погребальном ритуале. Совпадение ориентировок могил с общей ориентировкой могильника подтверждает нашу точку зрения о ритуальном характере данного явления.

В Волосово-Даниловском могильнике особый интерес представляют остатки погребальных сооружений, прослеженные в могилах в виде полос темного тлена. Впервые фатьяновские погребальные сооружения были обнаружены нами в Вауловском могильнике [8]. Они тогда рассматривались нами как «срубы» или «плетенки». Впоследствии подобные сооружения были открыты нами в Халдеевском, Милославском, Тимофеевском, Олочинском, Скомороховском, Кривцовском, Ильинско-Хованском и других могильниках так называемой Ярославско-Калининской группы [9]. В Балановском могильнике прослежены такие же погребальные сооружения [10]. По-видимому, они являются общими для всех групп фатьяновских памятников, что указывает на общность мировоззрения фатьяновцев и существование единого обряда и, видимо, культа. Подобные же погребальные сооружения прослежены в Финляндии, в северной Германии и других местах, но трактовка их как остатков от истлевших шкур вряд ли соответствует действительности [11].

Погребальные сооружения, вероятно, были во всех могилах Волосово-Даниловского могильника, но следы их не везде сохранились в силу

[8] Д. А. Крайнов. Вауловский могильник.

[9] Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа; его же. Отчеты Верхне-Волжской экспедиции за 1959—1963 гг. Архив ИА АН СССР, № 2008, 2215, 2235, 2522.

[10] О. Н. Бадер. Балановский могильник. М., 1963.

[11] A. Äyräpää. Kauhavan Perttulanmäen Kivikautinen hauta. SM, XXXVIII—XXXIX, 1931—1932, стр. 1—15.

почвенных условий и, вероятно, благодаря разрушенности их во время «нарушения» могил грабителями или зверями. Остатки сооружений, прослеженные в погр. № 2, 3, 7, 10, 12, 13, 14, 15, 16, 17, разных размеров: от 97 × 115 до 180 × 290 *см* и высоту от 30 до 85 *см* (таблица). Все сооружения были прямоугольными с особыми «отростками» на углах. В плане они представляли собой полосы темного тлена толщиной от 0,5 до 2 *см*, в углах достигавших 3—5 *см*. Линии стенок чаще были извилистыми, чем прямыми, что, вероятно, свидетельствует о легкости и гибкости материалов, из которых они были сделаны. Форма сооружений также различна — есть узкие вверху и расширяющиеся книзу, а есть широкие вверху и суживающиеся книзу. Особый интерес представляют упомянутые выше угловые «отростки» длиной от 5 до 38 *см*. Эти «отростки» в плане утолщены около углов и более тонкие к концам. Высказанное мною предположение о том, что они являются ручками, опровергнуто тщательным изучением погребальных сооружений Тимофеевского могильника [12]. Эти «отростки» идут от верха и до дна сооружения. Вероятно, они представляют собой детали конструкции сооружения. Погребальное сооружение, прослеженное в погр. № 17, было сделано из толстых плах или досок. Толщина тлена на дне 3—4 *см*, что исключает толкование данных материалов как бересту, луб, кору, плетенку и шкуру. Вероятно, сооружения делались из разных материалов, как например: легких деревянных плах, горбылей, жердей и пр. В поздних погребениях в колодах (Кривцовский и Карашский могильники) установлена такая же толщина темного тлена, как и у фатьяновских погребальных сооружений.

В погр. № 10, 13, 15, 16, 17 Волосово-Даниловского могильника под углами погребальных сооружений прослеживались конические ямки, заполненные пепельно-золистой крепкой массой. Размеры этих ямок были вверху от 18 до 30 *см* в диаметре и глубиной до 25—35 *см*. Повторяемость этой новой детали погребальных сооружений свидетельствует о какой-то ритуальной особенности. Замечено, что в глубоких могилах сохранность тлена лучше, чем в мелких. Возможно, хорошая сохранность зависела и от качества материалов, из которых делались погребальные сооружения. В глубоких могилах погребальные сооружения бóльших размеров, чем в мелких. Эти сооружения ставились в могилах таким образом, что между их стенками оставалось пространство, достигавшее 40—60 *см* ширины.

Все погребения, за исключением двух детских (№ 14, 16), «нарушены», поэтому об их первоначальном положении и ориентировке мы можем судить только по детским погребениям, обращенным головой на юго-запад, расположению сосудов и положению некоторых костей, лежавших на месте. Кости погребенных в большинстве своем отличаются хорошей сохранностью, но они сильно перебиты, по-видимому, во время «нарушения» могил. О последнем свидетельствуют следующие факты: 1) некоторые могилы имеют разное направление вверху и у дна, что может указывать на их вторичную копку; 2) почти все погребальные сооружения могильника разрушены или полностью или частично. В некоторых погребениях они совершенно не видны, а в других (№ 7, 10, 13, 15, 17 и др.) тлен от стенок сооружений не везде прослеживается. Иногда «в разрывах» встречаются кости скелета, выброшенные из погребального сооружения (погр. № 13); 3) все костяки, за исключением двух детских (№ 14, 16), разрушены, и кости их разбросаны. Например: куски черепа, таза, костей ног и пр. лежат в разных местах сооружения, что вряд ли можно объяснять нарушением их положения норами животных [13]; 4) отдельные

[12] Д. А. Крайнов. Отчеты Верхне-Волжской экспедиции о раскопках Тимофеевского могильника за 1959—1961 гг.

[13] Скелет молодого барсука в анатомическом порядке обнаружен над сосудом № 2 погр. № 12. Сейчас трудно утверждать, положен он при обряде погребения или остался в норе позднее. Барсучьи норы не прослежены на могильнике.

кости скелета обнаружены в могилах на разной высоте (20—40 *см*), что могло произойти только в том случае, если засыпанная могила раскапывалась вновь; 5) в мужских погребениях отсутствуют обычные для фатьяновских могильников каменные сверленые топоры-молотки, кремневые клинья, ножи и пр. Большинство глиняных сосудов перебито, обломки их разбросаны в разных местах могилы. Отдельные предметы лежали только в углах погребальных сооружений.

В стенках могил, за их пределами и под ними мы не заметили нарушения материка норами. Все кости погребенных и разбитые сосуды лежат только в пределах могильных ям. Некоторые разрушенные могилы находятся рядом, но на разной глубине — от 80 до 250 *см*. Все отмеченное заставляет нас предполагать преднамеренное разрушение и разграбление могил людьми — врагами фатьяновцев. Их могли разрушить в фатьяновское время и при условии существования каких-то отличительных признаков над могилами. Если наше предположение правильно, то этот факт имеет большое значение для выяснения вопроса о враждебных отношениях пришлых фатьяновских племен с местными поздненеолитическими племенами, тем более, что недалеко от могильника, в той же речной системе находятся поздненеолитические стоянки Борань [14], Станок [15] и др., где найдены в значительном количестве фатьяновские вещи и посуда.

Следует отметить, что и в собственно Фатьяновском могильнике целые погребения были редки. А. С. Уваров отмечает, что им найдено большое количество раздавленных горшков без признаков могил, в других же местах находились разбросанные кости людей и около них сосуды и предметы. В Горкинском могильнике в большинстве могил найдены разбитые сосуды на разной глубине, а в некоторых погребениях кости человека лежали в беспорядке. Необходимо подробнее изучить данные факты, тем более, что все эти могильники относятся приблизительно к одному времени.

В раскопанных и разрушенных погребениях Волосово-Даниловского могильника обнаружены: глиняные сосуды, каменные сверленые топоры-молотки, кремневые клиновидные топоры, кремневые орудия и отщепы, изделия из меди, костяные орудия и украшения, куски вара, кости животных и угли.

Глиняные сосуды по количеству превосходят все другие вещи. Их обнаружено 60 экземпляров; формой, размерами и орнаментикой они разнообразны.

По форме мы делим их на следующие типы:

1. Низкошейные, узкогорлые, шаровидные крупные сосуды «амфорного» вида, достигающие значительных размеров, как например, сосуд из погр. № 13 (рис. 5, *5*). Сосуды этого типа отличаются сравнительной толстостенностью, налепами, идущими по центру вокруг сосуда, иногда наличием «ручек». Все они орнаментированы по плечикам сплошным, а дальше лопастным или фестонным орнаментом. Иногда на днищах вместо традиционных ямок имеются кольцевые налепы. Внутренняя часть сосудов заштрихована. Таких сосудов найдено более 10, они встречаются и в мужских, и в женских погребениях (рис. 5, *5, 6*).

2. Высокошейные — шаровидные (рис. 5, *1—4*), низкие, высокие, узкие и широкие круглодонные сосуды отличаются высокой хорошо профилированной шейкой, прямой или отогнутой наружу, с выраженным (налепным) венчиком, высота их шеек от 2 до 4 *см*. Они отличаются большей тонкостенностью, чем сосуды амфорного типа. Размеры их различны: от очень крупных (рис. 6, *1, 5*) до миниатюрных (рис. 6, *2*). Орнаментированы они по венчику, шейке и плечикам двузональным орнаментом.

---

[14] Н. Н. Гурина. Неолитическое поселение Борань. МИА, 79. 1960.

[15] Н. Н. Гурина. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье. МИА, 110, 1963.

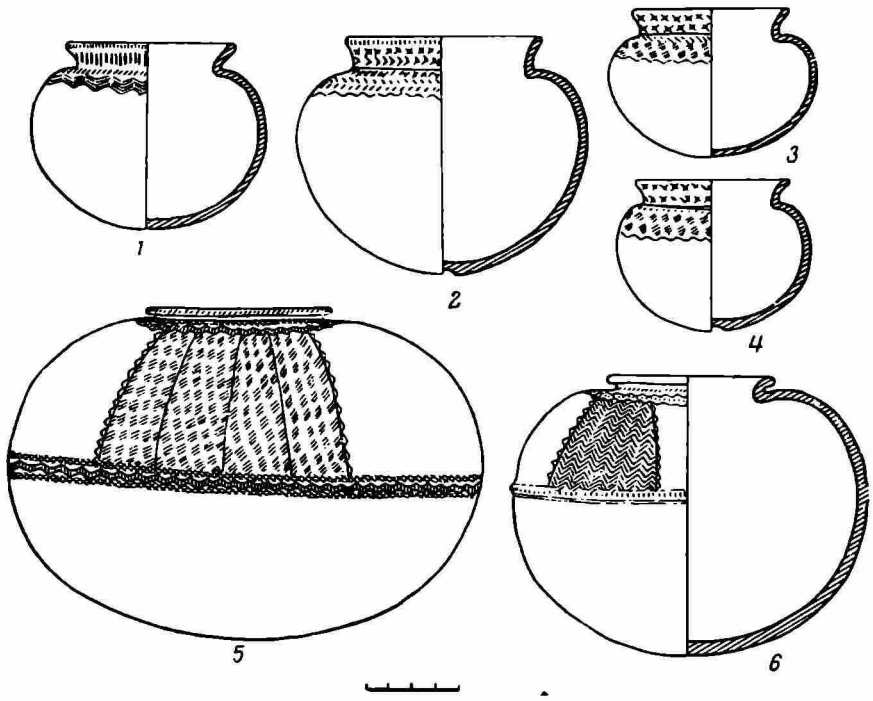


Рис. 5. Глиняные сосуды из Волосово-Даниловского могильника

1, 5 — погр. № 13; *2* — погр. № 12; *3, 4, 6* — погр. № 17

Рис. 6. Глиняные сосуды из Волосово-Даниловского могильника

1—3 — погр. № 7; *4* — погр. № 2; *5* — погр. № 14

На днищах имеются ямки, налепы редки. Эти сосуды составляют бо́льшую половину всех найденных на могильнике сосудов.

3. Низкошейные, шаровидные, небольшие приземистые сосуды, орнаментированные так же, как и высокошейные. Таких сосудов четыре.

4. Бесшейные, шаровидные, небольшие найдены в двух экземплярах (рис. 6, *3*).

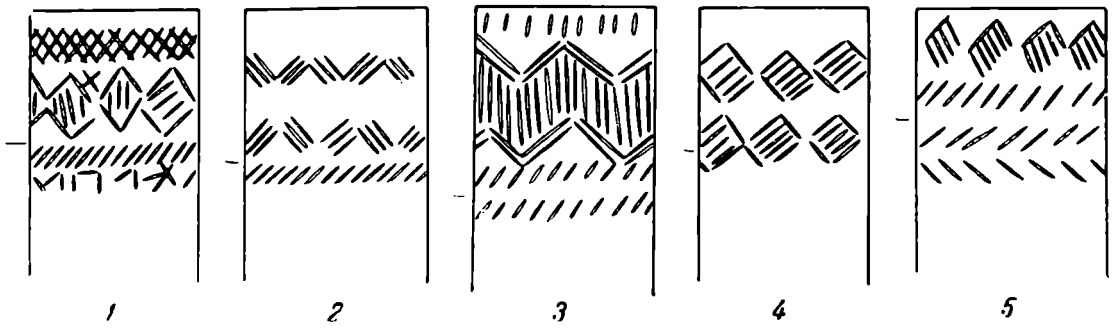


Рис. 7. Орнаменты «балановского» типа

1—3 — погр. № 7; *4* — погр. № 8; *5* — погр. № 14

5. Длинношейные с коротким туловом отличаются небольшими размерами (рис. 6, *2*), их всего три экземпляра.

6. Кубковидный сосуд найден один.

7. Чашевидных сосудов три.

Все сосуды, за исключением трех, орнаментированы нарезным или штампованным узором. Штампы мелкозубчатые. Узоры бывают простые и сложные. Простые узоры состоят из однообразных отпечатков штампа или нарезок, составляющих их несложную композицию. Такие узоры чаще всего встречаются на небольших сосудиках. Сложные узоры, нанесенные главным образом на сосуды амфорного типа, состоят из разнообразных отпечатков, расположенных в строгой последовательности и определенной композиции. Узор нанесен по плечикам, затем до середины сосуда идет лопастной узор и все завершается узором, нанесенным по налепам. Лопасти и по размерам и по рисунку различны. Они бывают ограничены с боков линиями, зигзагом, треугольниками и пр., но есть и без ограничения. Мотивы орнаментики различны: Обычно орнамент каждого сосуда имеет свой мотив, который в той или иной разработке повторяется. Надо отметить, что бо́льшая часть орнаментов имеет законченный, завершенный вид. Обычно орнаментальный мотив начала узора повторяется в конце.

Основным сюжетом большей половины сосудов являются ромбы различной формы и размеров. Они расположены горизонтально или вертикально и нанесены в различных комбинациях штампами или нарезками. На высокошейных сосудах ромбы чаще всего располагаются по два ряда на шейке и плечиках. На сосудах амфорного типа из ромбов составлены лопасти или фестоны.

Ромб является излюбленным мотивом на фатьяновских сосудах Ярославско-Калининской группы; возможно, в это изображение фатьяновцы вкладывали определенный смысл.

К распространенным мотивам также относятся вертикальные или косые насечки, нарезные или нанесенные мелкозубчатым штампом. Самостоятельные узоры из таких насечек встречаются редко, чаще они находятся в сочетании с другими рисунками, отделяя одну зону или композицию от другой. Более 40 сосудов имеют этот мотив.

Очень часто встречается простой зигзаг. Он либо начинает, либо завершает композицию. Этот мотив присущ более ярославским, чем московским фатьяновским памятникам. Всевозможные елочные узоры также характерны для сосудов Волосово-Даниловского могильника. Сетка из

перекрещивающихся линий, образующих ромбы, встречается редко, тогда как для могильников московской и чувашской групп она очень характерна. Очень редки линии и зигзаги, составленные из точек или мелких ямок. Кроме данного могильника, они есть на сосудах Олочинского, Тимофеевского и Фатьяновского могильников. Из других мотивов следует упомянуть узор в виде буквы Х, встречающийся в Тимофеевском, Милославском, Великосельском и других могильниках. В единичном случае встречен орнамент, завершающийся так называемыми «кистями». Он известен в Фатьяновском, Горкинском и Кривцовском могильниках.

Почти шестая часть сосудов из Волосово-Даниловского могильника имеет типичный балановский орнамент в виде широкого зигзага со штриховкой внутри, двойного зигзага, зигзага из трех насечек, поставленных под углом друг к другу, очерченных ромбов и групп вертикальных нарезок. Сосуды с балановским орнаментом найдены в погр. № 7, 8, 12, 13, 14, 15. В погр. № 7 почти все сосуды (8) имеют балановские черты. Ниже мы подробнее остановимся на этом вопросе.

На днищах 15 сосудов имеются различные узоры. Вокруг «ямок» в один, два и три круга нанесены «солярные» изображения. Эти круговые рисунки выполнены или насечками косыми, или «точками», а иногда и теми и другими. Орнамент в виде «точек» или мелких ямок встречается на днищах сосудов из Фатьяновского, Тимофеевского, Олочинского и других могильников.

Мы указывали выше, что бóльшая часть сосудов обнаружена в обломках, разбросанных по всей могиле. Только несколько мелких сосудов сохранились целыми. Количество сосудов в погребениях различно — от одного до восьми, в женских погребениях их всегда больше, чем в мужских и детских. Одновременно в могилах бывают крупные, средние и мелкие сосуды. Сосуды амфорного типа обнаружены в погр. № 1, 2, 5, 7, 9, 13, 15, 17 по одному экземпляру, за исключением первых двух погребений, где найдено по два сосуда. На многих сосудах заметна закопченность.

Мелкие сосуды были сделаны, вероятно, специально для погребений: по своей форме они подражают большим сосудам и как бы являются их заменителями.

К сожалению, мы не во всех погребениях можем восстановить первоначальное положение сосудов. В мужских погребениях они, как правило, ставились в ногах, а в женских и детских встречаются и около головы, за спиной и в других местах. Сосуды ставились на дно и вверх дном. Последнее положение встречается в московских памятниках (Ивановогорском и Сущевском могильниках), ярославско-калининских (Фатьяновском, Мытищинском, Тимофеевском и Скомороховском могильниках), чувашских (Балановском могильнике) главным образом в женских и детских погребениях.

Почти все сосуды залощены. Основная примесь в тесте — песок; иногда встречаются дресва, кусочки кварца и пр. Ленточная техника лепки очень хорошо прослеживается на многих сосудах.

Из других глиняных изделий в погр. № 2 найдены небольшая ложка, подобная ложке Горкинского могильника [16].

Каменных сверленых топоров-молотков найдено пять экземпляров. Из них три в погр. № 3, 14, 16 и два из разрушенных карьером могил. Длина топоров различна — от 12,5 до 17 *см*. Сверлины у всех цилиндрические с нарезками. Топор из погр. № 3 не боевой, а рабочий с обитым обухом и затупленным лезвием, найден он был на краю могилы, как бы выброшенным из нее. Два небольших топора (рис. 3, *1*, *2*) сопровождали погребения мальчиков (№ 14, 16, неразрушенные).

---

[16] О. А. Кривцова-Гракова. Горкинский могильник. Тр. ГИМ, VIII, 1938, стр. 64, табл. IV. *2*.

Из пяти топоров три принадлежат к длиннолопастному типу и два к обушковому. Упомянутый выше лопастной хордовый топор выделяется своей изящной формой (рис. 3, *3*). Он типичен для поздних фатьяновских памятников Ярославского Поволжья. Подобные топоры обнаружены в Фатьяновском, Великосельском, Мельничногорском, Говядиновском, Вауловском, Краснохолмском, Желобнянском и других могильниках [17]. Длиннолопастные топоры строго локализованы на территории восточной части Калининской обл., в северной половине Ярославской обл. и части Костромской, примыкающей к Ярославской [18]. Они очень редки на территории распространения памятников Московской группы и в Белоруссии. В. А. Городцов прав, считая этот тип топора присущим только фатьяновской культуре (ярославским памятникам ее.— *Д. К.)* [19]. По изяществу и отчасти по форме они близки топорам коротколопастного типа, распространенным на юге Московской группы фатьяновских памятников. На Средней Волге, в Белоруссии, Поволжье и на Западе это так называемый «континентальный — европейский» тип топора-молотка, в ярославских памятниках не встречающийся.

Выше мы упоминали о двух небольших топорах из детских погребений (№ 14, 16). Это первый случай находки каменных топоров-молотков в детских погребениях Ярославско-Калининской группы. Поскольку в более ранних могильниках (Олочинском, Тимофеевском и др.) подобные находки не наблюдались, то мы вправе считать наличие их в детских могилах поздним признаком и еще более поздним — замену их глиняными моделями. Известно, что в Балановском могильнике в детских погребениях обычны находки глиняных моделей каменных сверленых топоров-молотков [20]. Сейчас трудно решить вопрос, чем вызвано подобное явление (возможно, усилением военных столкновений, о чем свидетельствуют усовершенствованные формы боевых каменных топоров и появление еще более грозного оружия — медных вислообушных топоров, медных наконечников копий и пр.).

Кремневый инвентарь Волосово-Даниловского могильника немногочислен также, вероятно, из-за ограбления. Пять кремневых клиновидных топоров найдено в погр. № 2, 5, 11, 14 и в карьере. Все они небольшие, от 7 до 9,5 *см* длиной, линзовидные в разрезе (рис. 4, *1—5*). Форма их трапециевидная, треугольная и прямоугольная. Лезвия имеют вторичную заточку. По краям видны выбоины и ретушь от первичной обработки. Они производят впечатление поздних форм. В ранних памятниках фатьяновской культуры встречаются большей частью массивные, прямоугольные в сечении клинья с толстым и средним обухом [21]. В более поздних могильниках Московской [22] и Ярославско-Калининской группы [23] клинья с линзовидным сечением преобладают. В Балановском могильнике все клинья, за исключением одного, линзовидные и небольших размеров [24]. Миниатюрные кремневые клинья появляются в детских погребениях только в позднее фатьяновское время (Волосово-Даниловском, Кривцовском и Балановском могильниках).

Из других кремневых изделий найдены: узкая пластинка, скребок на конце узкой пластинки, обломок проколки, обломок пластинки и два от-

---

[17] Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа.

[18] Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа. САИ. В1-19. М., 1963.

[19] В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. Отчет ИРИМ за 1914 г. М., 1915, стр. 16.

[20] О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 181, рис. 117.

[21] Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа, табл. XIX.

[22] Там же, табл. III, IV. Верейский, Буньковский и пр.

[23] Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа.

[24] О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 183.

щепа (погр. № 7, 8, 9, 16). Эти изделия также носят поздние черты. Они отличаются от кремневых изделий московских могильников, где большинство имеет законченные формы определенных орудий, хорошую ретушь и пр. Изживание подлинных кремневых орудий из инвентаря погребений и замена их осколками, отщепами, обломками орудий и прочими «символами» их свидетельствует о поздней дате могильника. Такая картина наблюдается во всех поздних могильниках фатьяновской культуры и особенно в Балановском могильнике, где, по мнению О. Н. Бадера, кремневые отщепы не являлись орудиями труда, а имели культовое значение [25].

Костяные орудия и украшения более часты в могильнике. Среди них есть долотовидные орудия, сделанные из крупных костей коровы и лося (погр. № 12, 13). Подобные орудия встречаются в Тимофеевском, Сущевском, Халдеевском и других могильниках, главным образом в мужских погребениях. Представляет интерес длинное изогнутое орудие из рога лося (погр. № 5), подобное орудиям из Тимофеевского могильника, погр. № 3, Мытищинского могильника, погр. № 2, Лихачевского могильника, погр. № 1 и др.[26]. Это орудие очень часто встречается в могильниках Ярославско-Калининской группы.

В большем количестве (девять вещей) найдены проколки и шилья (погр. № 1, 2, 5, 7, 8, 9, 12) и пронизки из зубов животных и птичьих трубчатых костей (погр. № 1, 3, 5, 7, 9, 14, 16). Особенно много (около 185) пронизок было найдено в погр. 3. В погр. № 7 обнаружен большой клык кабана со следами окиси меди. По-видимому, пронизки из зубов животных и птичьих трубчатых костей входили в состав ожерелья или украшали головной убор. Отдельные просверленные зубы встречались около плеч, рук и ног. Они, возможно, служили украшением одежды или амулетами. Наряду с костяными пронизками в погр. № 3 и 7 найдены круглые пронизки, сделанные из речных раковин. Такие пронизки встречаются в могильниках и Московской (Сущевский, Буланинский и др.) и Ярославско-Калининской группы (Лихачевском, Великосельском, Милославском и др.). Из других находок следует отметить куски вара, найденные под сосудом и рядом с пронизками в погр. № 7.

Волосово-Даниловский могильник особенно интересен находками металлических предметов. Следы окиси меди есть на костях и черепах значительного количества погребений (№ 5, 5б, 7, 11, 14), что свидетельствует о достаточно широком применении металла.

В раскопанных погребениях найдены: медное шильце (погр. № 7), височная проволочная привеска в полтора оборота (погр. № 11), обломки тонкого колечка (погр. № 14), обломок пронизки (погр. № 14), обломок круглой продолговатой пронизки или браслета, изогнутого, скрученного в виде трубочки (погр. № 5). Две пронизки в виде трубочек длиной 6,3 *см* и диаметром 0,7 *см* найдены около разрушенного погребения (рядом с могилой № 5). Исключительными являются находки наконечника копья и вислообушного топора. Они обнаружены в погребениях у южной стенки карьера во время добычи гравия и песка.

Медный наконечник перистого втульчатого копья был найден с остатками древка, к сожалению, не сохранившегося. Длина его 16,5 *см*. Копье кованое. На одной стороне втулки — щель, суживающаяся к концу пера. По бокам основания втулки имеются два отверстия для гвоздей — одно округлой, а другое подквадратной (ромбической) формы (рис. 2, *1*).

Втулка наконечника копья орнаментирована нарезным «елочным» узором, одинаковым с обеих сторон. Подобные узоры встречаются на сосудах фатьяновских могильников; особенно характерны они для восточных фатьяновских памятников.

---

[25] О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 183.

[26] Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа.

Подобные копья еще не встречались в фатьяновских могильниках, эта находка является уникальной.

Интересен и медный вислообушный массивный топор длиной 14,5 *см*. По верху обуха сделан гребень, по краям обуха заметна расковка, лезвие широкое. Подобные орудия найдены в Фатьяновском[27], Вауловском[28], Горкинском[29], Губцевском[30], Балановском[31], Чурачикском[32], Солнечногорском[33] могильниках и несколько топоров в виде случайных находок известны из Костромской и Горьковской областей. Во всех могильниках они обнаружены в погребениях «знатных» воинов, по-видимому, служили исключительно боевым оружием. Почти все эти топоры одинаковой формы, что позволило В. А. Городцову выделить их в особый фатьяновский тип, который отличается от вислообушных топоров срубного, абашевского, среднеднепровского, галичского, уральского и прикамского типов.

Химический состав металлических изделий, найденных в Волосово-Даниловском могильнике, определен Е. Н. Черных. Выяснено, что все эти вещи изготовлены из чистой меди с рядом микропримесей, перешедших в металл из исходных руд. Наибольшие концентрации принадлежат серебру (Ag) в пределах от 0,10 до 0,70%. Особенно высок процент серебра в копье — 0,70%.

По примесям и составу основного металла эти предметы близки всем другим фатьяновским медным вещам, как например, мытищинскому браслету, вауловским топорам и пр., что позволяет предположить единый рудный источник получения металла, а именно — месторождения медистых песчаников Среднего Поволжья.

Этот факт, а также фатьяновская орнаментика копья, браслета из Мытищинского и перстня из Вауловского могильников еще раз подтверждают наше мнение о местном фатьяновском производстве металла. Это мнение, высказанное нами еще в конце 30-х годов[34], встретило резкие возражения со стороны ряда исследователей, часть которых и поныне считает металлические изделия типа мытищинского браслета — унетицкими[35]. Таким образом, определения Е. Н. Черных[36] подтвердили местное фатьяновское металлургическое производство, что является важным фактором при решении вопроса о происхождении фатьяновской культуры. Ее, например, никак нельзя выводить из зоны распространения катакомбной культуры, как это считает возможным А. Я. Брюсов[37], не только по соображениям явного несоответствия инвентаря катакомбных и фатьяновских погребений, но и по резкой разнице в химическом составе металла этих двух культур. Металл катакомбной культуры связан с кавказским

---

[27] Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа.

[28] Д. А. Крайнов. Вауловский могильник.

[29] О. А. Кривцова-Гракова. Горкинский могильник.

[30] О. С. Гадзяцкая. Фатьяновские памятники Владимирской области. КСИА АН СССР, 93, 1963, стр. 51, рис. 18, *7*.

[31] О. Н. Бадер. Балановский могильник.

[32] В. Ф. Каховский. Чурачикский курган в Чувашии. СА, 1963, 3, стр. 176, рис. 6, *6*.

[33] О. С. Гадзяцкая. Фатьяновский медный топор из г. Солнечногорска. СА, 1961, 1, стр. 245, рис. 1.

[34] Д. А. Крайнов. Вауловский могильник, стр. 125—128.

[35] О. Н. Бадер. Мытищинский могильник. КСИИМК, 75, 1959; А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952; его же. Об экспансии культур с боевыми топорами. СА, 1961, 3, стр. 26; О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры. КСИИМК, XVI, 1947, стр. 32.

[36] Е. Н. Черных. Спектральные исследования медных изделий из могильников балановского и фатьяновского типов. В кн.: О. Н. Бадер. Балановский могильник. стр. 363—369.

[37] А. Я. Брюсов. Об экспансии «культур с боевыми топорами». СА, 1961, 3 стр. 25, 26.

металлом[38], а металл изделий фатьяновской культуры резко от него отличается по своему химическому составу и связан с иными источниками сырья, по всей вероятности (как уже сказано выше),— со Средней Волгой.

Значительный интерес представляет ритуальное захоронение собаки, сопровождавшее погр. № 10. За пределами погребального сооружения могилы № 10, в юго-западной стороне, в головах погребенного здесь мужчины обнаружено небольшое сооружение длиной 1 *м*, шириной около 40 *см* и высотой около 20 *см*. В нем лежала собака на правом боку, головой на юго-восток. Передние ноги находились в состоянии как бы движения — правая впереди, левая позади. Задние ноги поджаты. Длина костяка собаки 80 *см*.

Еще два скелета собак при мужских погребениях были впервые обнаружены нами в Тимофеевском могильнике (погр. № 1, 15). В погр. № 1 ориентировка собаки та же, что и в погр. № 10 Волосово-Даниловского могильника. По всей вероятности, собаки играли большую роль в хозяйственной жизни фатьяновских племен, возможно, как сторожа стад. Можно предположить, что собаки в Тимофеевском и Волосово-Даниловском могильниках сопровождали знатных «воинов-пастухов», захороненных в центре могильников. Кости собак также найдены в Кузьминском, Скомороховском и Балановском могильниках, зубы собак часто встречаются в ожерельях в значительном количестве как пронизки и по отдельности как «обереги» (погр. № 10, 14 Тимофеевского могильника). Захоронения собак косвенным образом свидетельствуют о значении скотоводства и особой роли мужчин в этом хозяйстве.

Волосово-Даниловский могильник дал новые сведения и о хозяйстве фатьяновцев. В погр. № 13 и 15 найдены впервые зубы коровы. В погр. № 13 один зуб лежал около сосуда, а в погр. № 15 три зуба найдены вверху, над могилой, вместе с обломками разбитого глиняного сосуда, рассматриваемого нами как остатки тризны. До сих пор в могилах встречались только изделия из костей коровы (погр. № 12, 13), но костей ее, как остатков пищи, мы не находили. Возможно, на позднем этапе развития фатьяновской культуры корова стала занимать важное место в скотоводческом хозяйстве. Находки изделий из коровьих костей в центральных мужских погребениях подтверждают значение и роль мужчин в скотоводческом хозяйстве фатьяновцев.

Изученные В. И. Цалкиным костные остатки из Волосово-Даниловского могильника, а также зубы животных, служившие пронизками, позволили определить следующий видовой состав животных: корова, овца, коза, свинья, собака, т. е. все основные виды домашних животных, кроме лошади; из диких: медведь, лось, косуля и барсук. Больше всего поделок (шилья) из костей мелкого рогатого скота.

Интересно, что в ожерельях были зубы только трех видов животных — собаки, медведя и свиньи; по-видимому, эти три вида были священными. Часто клыки медведя, собаки и свиньи служат амулетами-оберегами. Собака оберегала стада, медведь — покровитель скота, свинья — основная мясная пища, что подтверждается частым присутствием костей свиньи в фатьяновских могильниках.

Поскольку раскопки описанного нами могильника еще не закончены, нам трудно установить его время. Все же по ряду признаков Волосово-Даниловский могильник может быть отнесен к поздним могильникам фатьяновской культуры, не ранее второй половины II тысячелетия до н. э.

Этот могильник является самым большим в Ярославско-Калининской группе фатьяновских памятников и уступает по количеству погребений только Балановскому могильнику. Этот факт с нашей точки зрения яв-

[38] Е. Н. Черных. Ук. соч., стр. 368—369.

ляется поздним признаком. Изучение могильников Московской, Ярославско-Калининской и Чувашской групп (до появления курганных захоронений) показывает увеличение количества погребений в могильниках в направлении с юго-запада на северо-восток.

Наличие значительного количества металлических изделий также указывает на более позднее время, что особенно подтверждается поздней формой медного копья и наличием медных украшений в детском погребении. А. А. Спицын, анализируя металлические изделия из фатьяновских могильников, писал по поводу медного колечка на медвежьем клыке из Фатьяновского могильника, что «там, где медь играет уже второстепенную роль, очевидно, она уже не составляет предмета исключительной редкости». Он относил фатьяновскую культуру к расцвету бронзовой эпохи или даже к концу ее [39].

О поздней дате свидетельствуют и находки линзовидных в сечении, кремневых клиновидных топоров и обломков кремневых орудий и просто отщепов без обработки, положенных в могилы вместо целых и полноценных орудий. На позднюю дату указывает и большое количество шаровидных (амфорного типа) сосудов, встречающихся в более поздних фатьяновских могильниках (Вауловском, Фатьяновском, Великосельском, Холмовогорским, Мытищинском, Горкинском, Балановском и др.). Появление каменных сверленых топоров-молотков и кремневых клиновидных топоров в детских погребениях (№ 14, 16) также, по-видимому, является поздним признаком. К этому следует прибавить наличие костей коровы и «вотивных» — маленьких сосудов, изготовленных специально для сопровождения погребенных. Самым же главным доказательством поздней даты могильника является наличие сосудов балановского типа с присущими им формой и орнаментикой. В могильниках Ярославско-Калининской группы сосуды балановского типа появляются в поздних могильниках (Волосово-Даниловский, Кривцовский, Скомороховский и пр.).

Таким образом, Волосово-Даниловский могильник, находящийся на территории так называемого «классического фатьяна» и являясь по обряду погребения и погребальному инвентарю типичным могильником фатьяновской культуры, имеет в то же время и яркие черты, типичные для памятников балановского облика. К этим балановским признакам относятся: 1) узоры на сосудах: в виде ромбов с обводкой контуров (рис. 7, *1, 4, 5*), широких зигзаговых полос, заштрихованных мелкозубчатым штампом (рис. 7, *3*); наклонных полос, поставленных под углом друг к другу (рис. 7, *2*); двойных и тройных зигзагов и пр.; 2) крупные низкошейные шаровидные сосуды (амфорного типа) с налепами в средней части тулова; 3) наличие у сосуда амфорного типа ручек с небольшим отверстием; 4) линзовидные кремневые небольшие клиновидные топоры; 5) медные пронизки в виде трубочек (рис. 2, *3*); 6) обломок медной гривны (рис. 2, *4*).

Если к этому прибавить и перечисленные при датировке другие «балановские» признаки, то перед нами встает вопрос — чем объяснить данное явление? Мы считаем, что наличие в Волосово-Даниловском могильнике (типичном могильнике фатьяновской культуры) сосудов балановского типа, балановских узоров на них, а также присутствие в могильнике характерных поздних «балановских» признаков в обряде погребения, вряд ли можно объяснить связями и обменом фатьяновцев с балановцами, а также военной добычей и т. п. Сосуды балановского типа обнаружены в разных погребениях: в мужских, женских и детских. «Чуждые» сосуды фатьяновцы не стали бы ставить в могилы, и, кстати, некоторые сосуды балановского облика небольшого размера и, по-видимому, были приготовлены специально для погребений. Видимо, все эти сосуды надо рассматривать как фатьяновские. Их появление в ярославских, ивановских, кост-

[39] А. А. Спицын. Медный век в Верхнем Поволжье. ЗОРСА, V, 1, СПб., 1903.

ромских и московских поздних фатьяновских могильниках закономерно и знаменует собой переходный этап к «балановской» стадии развития фатьяновской культуры. Этот вывод подтверждается и присутствием упомянутых выше других балановских признаков в обряде погребения.

Нами отмечалось, что более половины сосудов из могильников Московской группы имеет орнаментику, присущую балановским памятникам [40]. Особенно балановские черты в орнаментике проявляются в таких могильниках, как: Бужаровском, Николо-Перевоз, Буньковском, Верейском, Протасовском и Истринском. В поздних памятниках Ярославско-Калининской группы также появляются балановские черты в орнаментике и формо сосудов (Вауловский, Фатьяновский, Великосельский, Говядиновский, Юрьевецкий, Горкинский). В последние годы Верхне-Волжской экспедицией обнаружено несколько могильников, характеризующих переходный этап к «балановской стадии», это — Волосово-Даниловский, Кривцовский и Ильинско-Хованский могильники и, наконец, в Ивановской обл. раскопан могильник балановского типа — Скомороховский [41]. Вряд ли все это можно объяснить связями и обменом с балановцами, как это пытается сделать О. Н. Бадер в отношении сосуда из Буньковского могильника [42]. Сейчас известны не единичные, а десятки мест находок сосудов с балановским орнаментом на территории Калининской, Ярославской, Московской, Костромской, Ивановской, Владимирской, Рязанской и Горьковской областей, т. е. на всей территории распространения фатьяновской культуры. Все перечисленные факты не являются опорой для выделения самостоятельной балановской культуры, охарактеризованной О. Н. Бадером [43]. Ярким противоречием его выводам и доказательствам в пользу выделения самостоятельной балановской культуры служит карта распространения памятников «балановской» культуры, изданная им в книге «Балановский могильник» [44]. На ней нанесены памятники «балановской» культуры, находящиеся на территории распространения фатьяновской культуры.

Итак, раскопки новых фатьяновских могильников, а также изучение других памятников приводят нас к выводу о существовании во II тысячелетии до н. э. на Верхней и Средней Волге единой фатьяновской культуры. По-видимому, придется согласиться с мнением О. А. Кривцовой-Граковой в отношении выделения ею Чувашской группы фатьяновских памятников как позднего этапа в развитии фатьяновской культуры [45].

Дальнейшие раскопки Волосово-Даниловского могильника и могильников Ивановской обл. дадут окончательный ответ на этот дискуссионный и сложный вопрос в истории развития фатьяновских племен.

---

[40] Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа, стр. 26 и 27, табл. VIII.

[41] О. С. Гадзяцкая. Фатьяновский могильник балановского типа в Ивановской области. СА, 1963, 1.

[42] О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 240.

[43] О. Н. Бадер. Балановская культура. СА, 1961, 4; его же. Балановский могильник.

[44] О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 212, рис. 145.

[45] О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры, стр. 23.

Б. А. ШРАМКО

ДРЕВНИЙ ДЕРЕВЯННЫЙ ПЛУГ ИЗ СЕРГЕЕВСКОГО ТОРФЯНИКА

(В связи с проблемой возникновения пашенного земледелия в Восточной Европе)

Древнейшие орудия для вспашки почвы, которыми пользовались земледельцы Восточной Европы, известны нам еще очень мало. О таких орудиях бронзового века мы можем судить пока лишь по изображениям на известняковой стеле из кургана в урочище Бахчи-Эли у Симферополя [1], где имеются два рисунка прямогрядильных рал. Из подлинных орудий для вспашки земли, которые можно отнести к раннему железному веку, до недавнего времени было известно лишь одно, происходящее из торфяника у с. Токари [2]. Поэтому каждая новая находка, несомненно, представляет большой интерес и заслуживает самого тщательного исследования.

В 1953 г. В. И. Довженок во дворе колхозника с. Сергеевск Стародубского района Брянской обл. случайно обнаружил среди дров еще один экземпляр древнего деревянного плуга, происходящего из расположенного рядом торфяника. В своей монографии В. И. Довженок по понятным причинам не имел возможности подробно описывать этот плуг, который непосредственно не связан с более сложными средневековыми древнерусскими орудиями, и, по-видимому, поэтому ограничился очень краткими сведениями и схематическим рисунком [3]. В данной статье, благодаря любезному разрешению В. И. Довженка, дается более обстоятельная характеристика сергеевского плуга и делается попытка определить его место в истории европейских земледельческих орудий.

Сергеевский плуг сделан из дубовой рассохи (отрезок ствола с большим суком) таким образом, что часть ствола дерева использована для изготовления горизонтальной рабочей части орудия — ползуна, а дугообразно отходящий вверх и в сторону сук применялся в качестве грядиля (рис. 1 и 2). Наружная сторона дерева в настоящее время почти черная, а цвет внутренней части древесины — бурый. Несмотря на то что от долгого нахождения в торфяном болоте и от последующего быстрого высыхания на воздухе поверхность дерева покрылась множеством трещин, все же и сейчас видно, что деревянный плуг был тщательно отесан, по-видимому, топором и теслом [4]. Именно при помощи небольшого тесла, а не

[1] Н. Л. Эрнст. Летопись археологических раскопок и разведок в Крыму за 10 лет (1921—1930 гг.). ИТОИАЭ, IV, 1930, стр. 76 и 79; A. M. Tallgren. La Pontide préscythique après l'introduction des métaux. ESA, II, Helsinki, 1926, стр. 49, рис. 36, *B6*.

[2] Д. Т. Березовец. Плуг с токарівського торфовища. Археологія, VII, Київ 1952, стр. 174—175; Б. А. Шрамко. К вопросу о технике земледелия у племен скифского времени в Восточной Европе. СА, 1961, 1, стр. 73 сл.

[3] В. И. Довженок. Землеробство древньої Русі до середини XIII ст. Київ, 1961 стр. 68—69, рис. 32.

[4] Эта обработка деревянной заготовки для плуга из рассохи показана на одной из античных гемм Британского музея. A. S. F. Gow. The Ancient Plough. JHS, XXXIV 2, London, 1914, табл. XVII, *3*.

топора могла быть сделана выемка с правой стороны орудия в месте перехода от ползуна к грядилю. Характерно, что конец пятки ползуна не отпилен, а просто обрублен. Передний конец ползуна тщательно заострен, а в тыльном конце (пятка) выдолблено прямоугольное отверстие не совсем правильной формы для вставления стояка рукоятки (рис. 1;

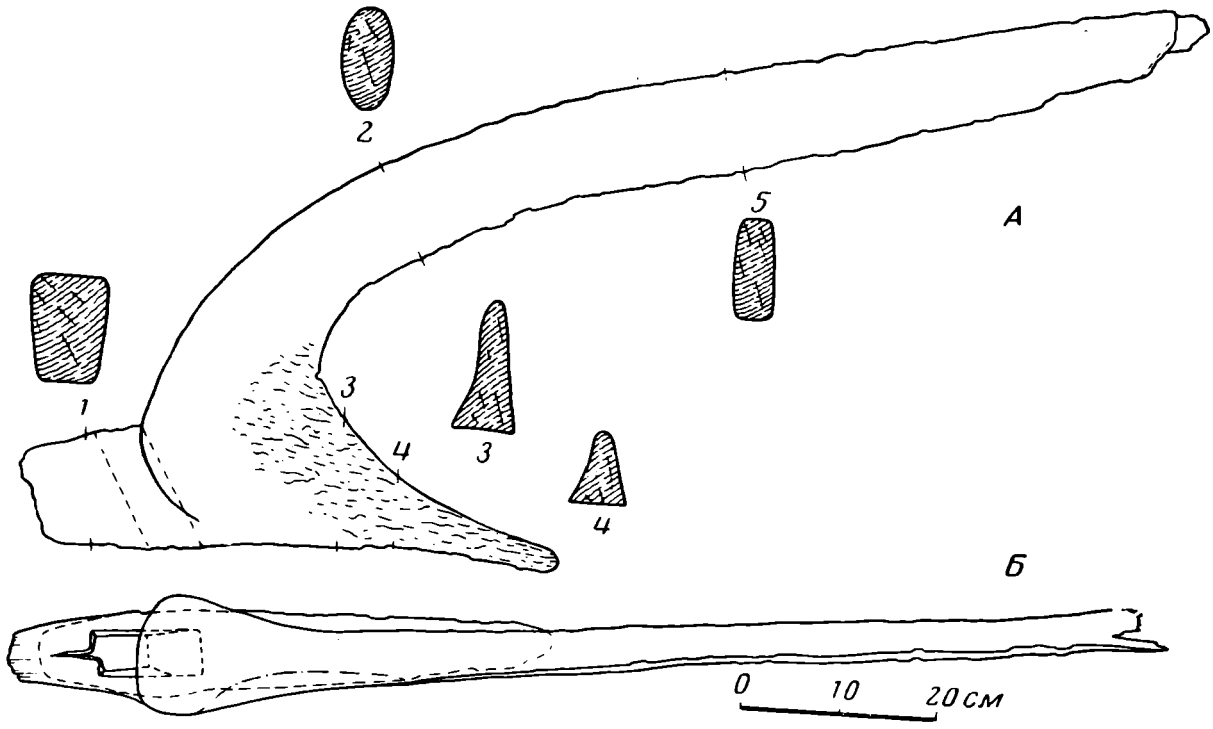


Рис. 1. Деревянный плуг из торфяника у с. Сергеевск

А — вид сбоку; *Б* — вид сверху; *1—5* — поперечные сечения. Точками обозначена зашлифованная часть ползуна и основания грядиля

рис. 3, *Б*). Ширина отверстия 4,5 *см*, длина 5 *см*. Передняя и задняя стенки отверстия наклонены назад под углом 60°. Сам стояк и рукоятка не сохранились.

Между стояком рукоятки и концом пятки ползуна остается еще небольшая площадка (длина 8 *см*), нужная для того, чтобы пахарь мог прижимать ногой тыльную часть плуга, которая при вспашке стремилась приподняться. Этот прием хорошо показан на античном медальоне Коммода, где пашущий Геркулес прижимает правой ногой пятку плуга сзади стояка рукоятки [5]; применяется он и в наше время при использовании деревянных орудий старинного типа [6].

Общая длина плуга, считая по горизонтали от конца пятки ползуна до перпендикуляра, опущенного с конца грядиля,— 116 *см*. Высота плуга по линии того же перпендикуляра 61,5 *см*. Общая длина ползуна 53,5 *см*, а длина его подошвы 49 *см*. Наибольшая ширина подошвы ползуна 8,5 *см*, а наибольшая высота ползуна 12 *см*. Подошва ползуна преднамеренно сделана вогнутой и в результате работы сильно зашлифована. Высота дуги изгиба подошвы 1,5 *см*. Заостренный кончик ползуна в настоящее время немного обломан.

---

[5] A. S. F. Gow. Ук. соч., табл. XVII, *6*. При изучении древних пахотных орудий по их изображениям не всегда можно точно установить, действовало ли оно как симметричное рало, т. е. только разрыхляло почву, разваливая ее по обе стороны ползуна, или как плуг (асимметричное орудие), приподнимая и переворачивая землю на одну сторону. Поэтому термин «плуг» употребляется в литературе и в данной статье не только в его узком смысле, но и в более широком — для обозначения пахотных орудий вообще.

[6] В. С. Мамонов. Старинные орудия для обработки почвы из с. Староселье на Днепре. СЭ, 1952, 4 стр. 77; R. Aitken. Ploughs (Ards) of West Nepal. «Man», LXIII, 1963, стр. 170, рис. 4.

Грядиль сергеевского плуга дугообразно изогнут в начальной части, а затем на протяжении 65 *см* поднимается наклонно под углом $\approx 15^\circ$ к линии горизонта. При этом грядиль изогнут таким образом, что вертикальная плоскость его немного отклонена влево по отношению к продольной оси ползуна. Сук, из которого сделан грядиль, сильно стесан с боковых

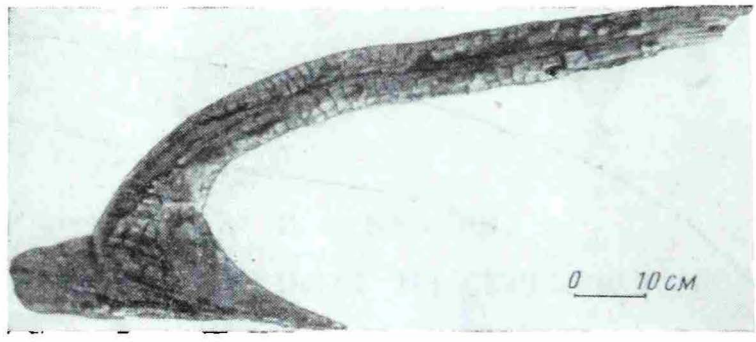


Рис. 2. Общий вид деревянного плуга из торфяника у с. Сергеевск

сторон и имеет в сечении форму овала или прямоугольника с закругленными углами. Высота грядиля в средней части 10 *см*, а толщина 4,5 *см*. Конец грядиля к моменту обнаружения плуга В. И. Довженком, к сожалению, был уже надрублен, отломан и сожжен. Можно лишь отметить, что древесина плуга хорошо сохранилась в торфянике: даже после нескольких ударов топором конец грядиля с трудом удалось отломать лишь

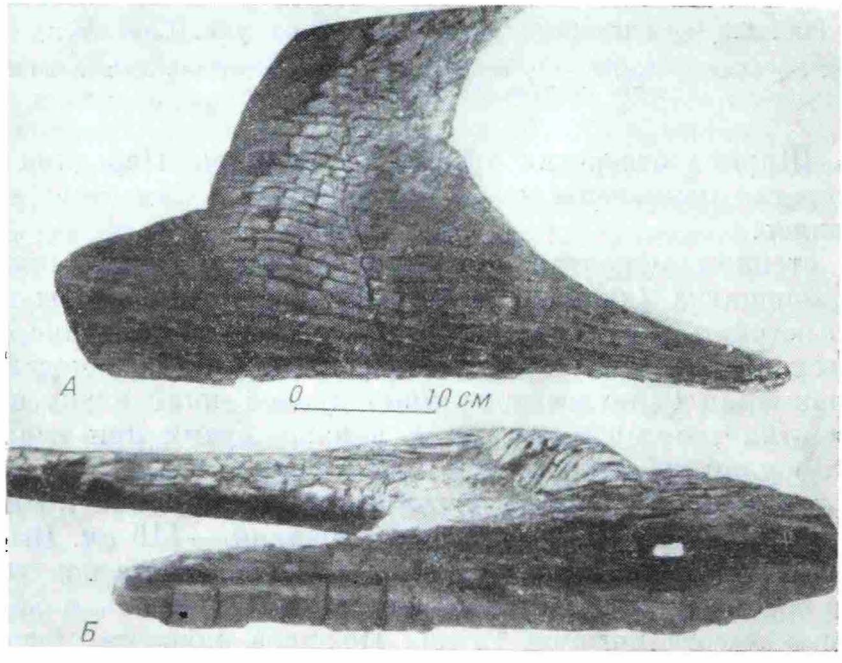


Рис. 3. Детали сергеевского плуга

А — вид ползуна и нижней части грядиля с правой стороны; *Б* — вид подошвы плуга

тогда, когда он был расщеплен и измочален. Следы двух ударов рубящим орудием в виде зарубок длиной 5,5 и 8 *см* имеются и на основании грядиля с левой стороны на высоте 13,5 *см* от подошвы.

При осмотре сергеевского плуга бросается в глаза особенная массивность того места, где основание грядиля переходит в ползун, а также значительная крутизна подъема спинки передней части ползуна (от 25 до 40°) (рис. 3, *Б*). Здесь мы видим, пожалуй, самую интересную кон-

структивную деталь, отличающую этот плуг от многих других древних деревянных орудий для вспашки земли, в том числе и от территориально наиболее близкой к нему находки в торфянике у с. Токари. Верхняя часть ползуна и нижняя передняя часть основания грядиля токаревского плуга обработаны равномерно с двух сторон [7], и поэтому орудие такой конструкции могло только разрыхлять почву, разваливая приподнимаемый пласт земли на обе стороны. Совершенно иначе устроен плуг из Сергеевского торфяника. С правой стороны в его утолщенной нижней части при переходе от ползуна к грядилю сделана выемка, хорошо заметная на плане плуга (обозначена штрих-пунктирной линией) и на сечениях № 3 и 4 (рис. 1). Эта выемка образует своеобразный отвал, который соединен плавным переходом с передней частью ползуна, игравшей роль лемеха. Подрезаемый плугом пласт земли приподнимался с правой стороны крутой передней частью ползуна и, попадая затем на параболоидальную выемку в основании грядиля, переворачивался. Следы именно такой работы и сейчас хорошо видны на сергеевском плуге. Передняя часть ползуна и правой стороны основания грядиля (на чертеже покрыта точками), а также подошва ползуна сильно зашлифованы от постоянного трения о них частиц земли во время работы плуга (рис. 1; рис. 3, *А*). В других местах — на левой стороне основания грядиля и на остальных частях ползуна — плуг гладко отесан, но не имеет следов такой шлифовки.

Сергеевский плуг несомненно использовался для вспашки земли без металлического лемеха, так как никаких следов подгонки и закрепления последнего (потертостей от лемеха или остатков ржавчины от железа) на передней части ползуна не видно. Более того, подошва ползуна зашлифована равномерно на всем протяжении, в то время как при наличии металлического лемеха места, прикрытые им, не были бы заглажены землей. Таким образом, предположение В. И. Довженка о том, что у сергеевского плуга железный наральник (лемех), возможно, был, но не сохранился [8], при изучении подлинника не находит подтверждения.

По всем основным признакам, связанным с формой и техникой изготовления, а также со следами использования плуга из Сергеевского торфяника, его нужно считать орудием, типичным для раннего железного века. Об этом свидетельствуют многочисленные аналогии, причем совпадения наблюдаются не только в общих для большой группы орудий признаках, но даже в мелких деталях, которые систематически прослеживаются именно на орудиях раннего железного века.

При сопоставлении плуга из Сергеевска с подобными древними орудиями для вспашки земли прежде всего необходимо обратить внимание на такую важную особенность, как применение рассохи для изготовления из одного куска дерева без всяких дополнительных скреплений естественно соединенного грядиля и горизонтального ползуна. Из трех основных частей такого плуга или рала (ползун, изогнутый грядиль и стояк с рукояткой) только стояк с рукояткой являлся приставным и закреплялся в специальном отверстии, которое пробито обычно в пятке горизонтального ползуна.

Кривогрядильные рала являются орудиями очень древнего типа. К самому концу IV — началу III тысячелетия до н. э. исследователи относят образцы шумерийского пиктографического письма (культура Урука IV), среди знаков которого имеются древнейшие изображения двурукояточной разновидности кривогрядильного рала [9]. Карл Нарр недавно предложил ряд реконструкций рал по этим пиктограммам и высказал вполне вероятное предположение, что пиктограммы Урука указывают на существование в Двуречье кривогрядильного рала с горизонтальным пол

[7] Б. А. Шрамко. Ук. соч., стр. 76, рис. 2.

[8] В. И. Довженок. Ук. соч., стр. 68.

[9] Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 201, рис. 64, *1*; Н. Д. Флиттнер. Культура и искусство Двуречья. М.— Л., 1958, стр. 69.

зуном [10]. Бесспорные изображения ранних образцов рала с горизонтальным ползуном в качестве основной рабочей части зафиксированы в памятниках III и начала II тысячелетия до н. э. Сюда относятся кипрская глиняная скульптурная группа из Вунуса и знаки на критских глиняных табличках из Кносса [11].

Наконец, довольно ясное представление об устройстве древнейших орудий рассматриваемого типа дают находки на севере Европы. Здесь имеются наскальные рисунки и остатки подлинных орудий из торфяников (Финнторп 1, Литслеби, Валле, Хворслев), которые современные исследователи единодушно относят к концу бронзового века [12].

В раннем железном веке простые деревянные кривогрядильные рала получили широкое распространение на большой территории [13] в тех странах древнего мира, где пашенное земледелие играло большую роль в хозяйстве. Причем рассматриваемые орудия применялись не только у первобытных племен, но господствовали и в рабовладельческих хозяйствах античных государств. О цельном деревянном плуге (рале), рассоху для которого лучше всего подбирать из дуба, говорил еще в конце VIII в. до н. э. беотийский поэт Гесиод (Работы и дни, 427—436).

Рало, имевшее кривой грядиль, естественно соединенный с горизонтальным ползуном, не только было очень распространено в античном мире, но и явилось уже в этот период родоначальником ряда внешне очень похожих, но конструктивно более сложных пахотных орудий, у которых все три основные части — грядиль, ползун и ручка — представляют собой отдельно изготовленные детали. Обычно у этих составных орудий изогнутый грядиль вставлен одним концом в ползун и закреплен в нем с помощью клина или штыря, что заметно на рисунках известной чаши Никосфена [14] и даже на некоторых монетах [15]. Различные варианты этого позднего (усложненного) типа кривогрядильного деревянного рала или плуга этнографически зафиксированы и в наше время [16]. Однако у этих пережиточных форм сходство с древними ралами бронзового и раннего железного века сохраняется лишь в общей схеме орудия, в то время как образцы подлинных древних рал, как будет показано ниже, сближаются даже в мелких деталях.

Второй особенностью сергеевского плуга является довольно длинный и узкий ползун с плоским в поперечном сечении основанием. Гребень верхней передней поверхности ползуна изгибается очень плавно, а это

---

[10] K. J. Narr. Frühe Pflüge. Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien, XCII, Wien, 1962, стр. 228—229, рис. 2.

[11] A. J. Evans. Scripta Minoa, I, Oxford, 1909, стр. 190, № 26; P. Dikaios. Ploughing in Cyprus in the Early Bronze Age. «Man», XXXIII, 1933, № 134; рис. 1—2; B. Brentjes. Untersuchungen zur Geschichte des Pfluges. Wissenschaftliche Zeitschift der M.-Luther Universität Halle — Wittenberg, II, 1952/53. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe, тетр. 10, стр. 461.

[12] P. V. Gløb. Ard og plov i Nordens Oldtid. Aarhus, 1951, стр. 110; H. Kothe. Völkerkundliches zur Frage der neolithischen Anbautechnik in Europa. Beiträge zur Frühgeschichte der Landwirtschaft, I. Wissenschaftliche Abhandlungen, 6/1, Berlin, 1953, стр. 19—20; V. Urbancova. K vyvoju slovensweho orneho naradia na zaklade materialu z musealnych zbirok. «Slovenský narodopis», 1, VIII, 1960, стр. 79; Z. Podwińska. Technika uprawi roli w Polsce średniowiecznej. Wroclaw — Warszawa, 1962, стр. 54—55.

[13] C. W. Bishop. Origin and Early Diffusion of the Traction-ploug. «Antiquity», X, 39, 1936, стр. 263, рис. 1; A. G. Haudricourt, M. J. B. Delamarre. L'Homme et la charrue a travers le monde. Paris, 1955, стр. 264—265, рис. 5; P. V. Gløb. Уч. соч., стр. 13, рис. 5.

[14] G. Perrot, Ch. Chipiez. Histoire de l'Art dans l'antiquite, X, Paris, 1914, стр. 265, рис. 171.

[15] A. S. F. Gow. Ук. соч., табл. XVII, 7.

[16] З. А. Никольская, Е. М. Шиллинг. Горное пахотное орудие террасовых полей Дагестана. СЭ, 1952, 4, стр. 96, рис. 2; Л. И. Лавров. Рутульцы в прошлом и настоящем. ТИЭ, 79, М.— Л., 1962, стр. 129, рис. 3; R. Braungart. Die Urheimat der Landwirtschaft. Heidelberg, 1912, стр. 113 сл.; F. B. Nopcsa. Zur Genese der primitiven Pflugtypen. ZE, 51, 1919, стр. 239.

имело для данного орудия важное значение, так как предупреждало преждевременное разламывание приподнимаемого пласта земли на отдельные куски. Пятка ползуна значительно короче передней части, игравшей роль лемеха. При сопоставлении с другими находками подлинных древних деревянных пахотных орудий такое устройство ползуна больше всего сближает находку в Сергеевске с ралом из Хворслева (Дания). У последнего даже в деталях поперечное сечение переднего и заднего конца ползуна такое же: у переднего конца основание плоское, а выпуклые боковые стороны постепенно сходятся кверху; у пятки это сделано иначе — плоская нижняя и верхняя поверхности соединяются боковыми гранями, которые кверху расходятся [17].

Третий признак — вогнутость подошвы ползуна, так же, как известно, важный для успешной работы пахотного орудия, можно наблюдать не только у подлинных древних плугов из Токарей, Хворслева, Валле, Сейбека Веббеструпа, Папово, Нисума и Даберготца [18], но даже на ряде древних изображений: на плужной рассохе, которую держит в руках один из сражающихся в сцене на этрусском терракотовом рельефе [19], на ситуле V в. до н. э. из Чертозы [20], на некоторых античных вазах,— особенно отчетливо на краснофигурном кратере из Кум [21].

Четвертой характерной особенностью является способ закрепления стояка ручки, связанный с различными приемами управления плугом. Предварительно следует напомнить, что большинство ранних безколесных деревянных плугов вообще отличалось небольшими размерами и легкостью. Это имело немаловажное значение, если учесть, что к месту работы такой плуг пахарь переносил часто на собственном плече, как это показано на упомянутой выше ситуле из Чертозы. Легкость конструкции создавала одновременно и некоторые трудности в работе с деревянным плугом: в то время как ползун врезался в почву, пятка плуга стремилась подняться вверх, а передний конец грядиля — опуститься. Если при этом сильно не нажимать на тыльную часть плуга, то он становится неустойчивым, его трудно удержать в борозде, трудно обеспечить ровную и достаточно глубокую вспашку [22]. Для того чтобы противодействовать этой тенденции, прибегали к различным приемам. С одной стороны, передний конец грядиля часто уже в древности делали с заметным изгибом вниз, как это можно видеть у остатков деревянных плугов из Вивиорок, Папова и Даберготца, на плугах, изображенных на монетах Херсонеса Фракийского и Александра [23], на античных геммах [24], на южнофракийском каменном надгробье из археологического музея в Софии [25] и др. При такой форме грядиля прикрепленное к нему в наклонном положении дышло, передний конец которого приподнят вверх к ярму [26], при работе не только передавало плугу усилие, тянущее его вперед, но и препятствовало чрезмерному опусканию переднего конца грядиля.

---

[17] P. V. Glob. Ук. соч., стр. 14, рис. 7; Б. А. Шрамко. Ук. соч., стр. 82.

[18] Сводка изображений перечисленных находок дана в статье автора: Б. А. Шрамко. К вопросу о технике земледелия у племен скифского времени в Восточной Европе. СА, 1961, 1, стр. 76 сл. Пользуясь случаем, выражаю искреннюю благодарность проф. В. Гензелю, приславшему мне фотографии и другие материалы по древним плугам, найденным на территории Польши, и проф. В. Якобайту, приславшему мне фотографии плуга из Даберготца.

[19] A. S. F. Gow. Ук. соч., табл. XIX, *2*.

[20] M. Hörnes. Urgeschichte der bildenen Kunst in Europa. Weimar, 1898, стр. 656, табл. 32.

[21] A. Baumaister. Denkmäler der klassischen Altertums, I, Leipzig, 1899. стр. 12, рис. 14.

[22] Ср. Плиний. Естественная история, XVIII, 179.

[23] A. S. F. Gow. Ук. соч., табл. XVII, *5*, *9*.

[24] Там же, табл. XVII, *2*, *4*.

[25] Г. И. Кацаровъ. Единъ паметник за земедѣлието въ древна Тракия. ИБАИ XII, 2, 1938, София, 1939, стр. 405—406, рис. 185.

[26] С. А. Токарев. Этнография народов СССР. М., 1958, стр. 263.

С другой стороны, предотвратить опрокидывание плуга вперед можно было также при помощи сильного давления на его рукоятку и непосредственно на пятку ползуна. При этом в зависимости от длины ползуна, пятки и от мест приложения сил получались различные рычаги, используя которые, пахарь мог получить определенный выигрыш в силе и удержать плуг в требуемом положении. У сергеевского плуга грядиль полностью не сохранился [27], и поэтому мы можем рассмотреть более обстоятельно лишь способы управления плугом, связанные с устройством пятки ползуна и местом укрепления стояка рукоятки.

Все известные мне древние деревянные плуги с горизонтальным ползуном и одной ручкой, сделанные из рассох, а также древние изображения их, относящиеся к бронзовому и раннему железному веку, можно с указанной точки зрения разделить на следующие типы:

I. Плуги с длинной пяткой ползуна, у которых между основанием грядиля и стояком рукоятки оставался довольно большой свободный участок. Во время вспашки на этот участок становился одной ногой пахарь. К таким орудиям относятся: плуг, показанный в сцене пахоты на известном чернофигурном сосуде из Лувра (рис. 4, *2*), плуг [28] на краснофигурной вазе Берлинского музея (рис. 4, *3*), упомянутый выше плуг на южнофракийском надгробье (рис. 4, *1*).

II. Плуги, у которых стояк ручки располагался близко или вплотную к основанию грядиля, но за стояком оставался еще свободный участок пятки ползуна, на который пахарь мог нажимать ногой при вспашке. Плуги второго типа получили в древности наибольшее распространение и подразделяются в свою очередь на три вида.

А. Плуги с длинной пяткой ползуна. К ним относятся находки в Нисуме, Валле (рис. 4, *4*), Веббеструпе (рис. 4, *5*), плуг на наскальном изображении Финнторп 2, плуг на коринфской [29] монете 338—330 гг. до н. э. (рис. 4, *6*) и др.

Б. Плуги с короткой пяткой ползуна. К ним относятся находки в Хворслеве (рис. 4, *7*), Папово, плуг на кратере из Кум (рис. 4, *8*), плуг на монете II в. до н. э. из Энны (рис. 4, *9*), на статуэтке этого же времени из Чивита Кастелляна [30].

В. Плуги с короткой пяткой ползуна и с отверстием на изгибе грядиля. К ним относятся плуги из с. Токари из Даберготца, хотя они не вполне идентичны и, как будет сказано ниже, имеют некоторые особенности (рис. 4, *10*, *11*).

III. Плуги с очень короткой пяткой ползуна, у которых за стояком совсем не остается места для упора ногой. Хорошее изображение такого орудия дает терракотовая скульптура из Танагры, которая относится ко времени около 700 г. до н. э. [31], этот же тип плуга показан на ряде греческих античных скульптур [32] из бронзы (рис. 4, *12*) на многих римских монетах (рис. 4, *13*, *14*).

IV. Плуги с горизонтальным ползуном, но без пятки, у которых ручка укреплялась прямо в основании грядиля, как это видно на критских глиняных табличках, на римской бронзовой пластинке [33] из Копенгагена (рис. 4, *16*), или составляла с ним одно целое, как у другого римского

---

[27] По этой причине при характеристике сергеевского плуга трудно применить схему П. В. Глоба, в которой он при классификации находок древних деревянных плугов учитывает длину грядиля и форму ползуна. P. V. Glob. Ук. соч., стр. 113.

[28] A. Neuburger. Die Technik des Altertums. Leipzig, 1921, стр. 86, рис. 140.

[29] Здесь и далее на табл. 4 рисунки плугов, изображенных на монетах, сделаны по фотографиям, которые имеются в упомянутой работе Гоу, табл. XVII.

[30] M. Rostovtzeff. Economics and Social History of the Roman Empire. Oxford, 1926, стр. 20, табл. 3.

[31] D. H. Mode, B. Brentjes, P. Kruger, H. Wolle. Das Altertum in Bildern. Berlin, 1955, табл. 117 *c*.

[32] D. E. L. Haynes. A Group of East Greek Bronses. JHS, LXXII, 1952, стр. 74, табл. I.

[33] A. S. F. Gow. Ук. соч., стр. 252, рис. 2.

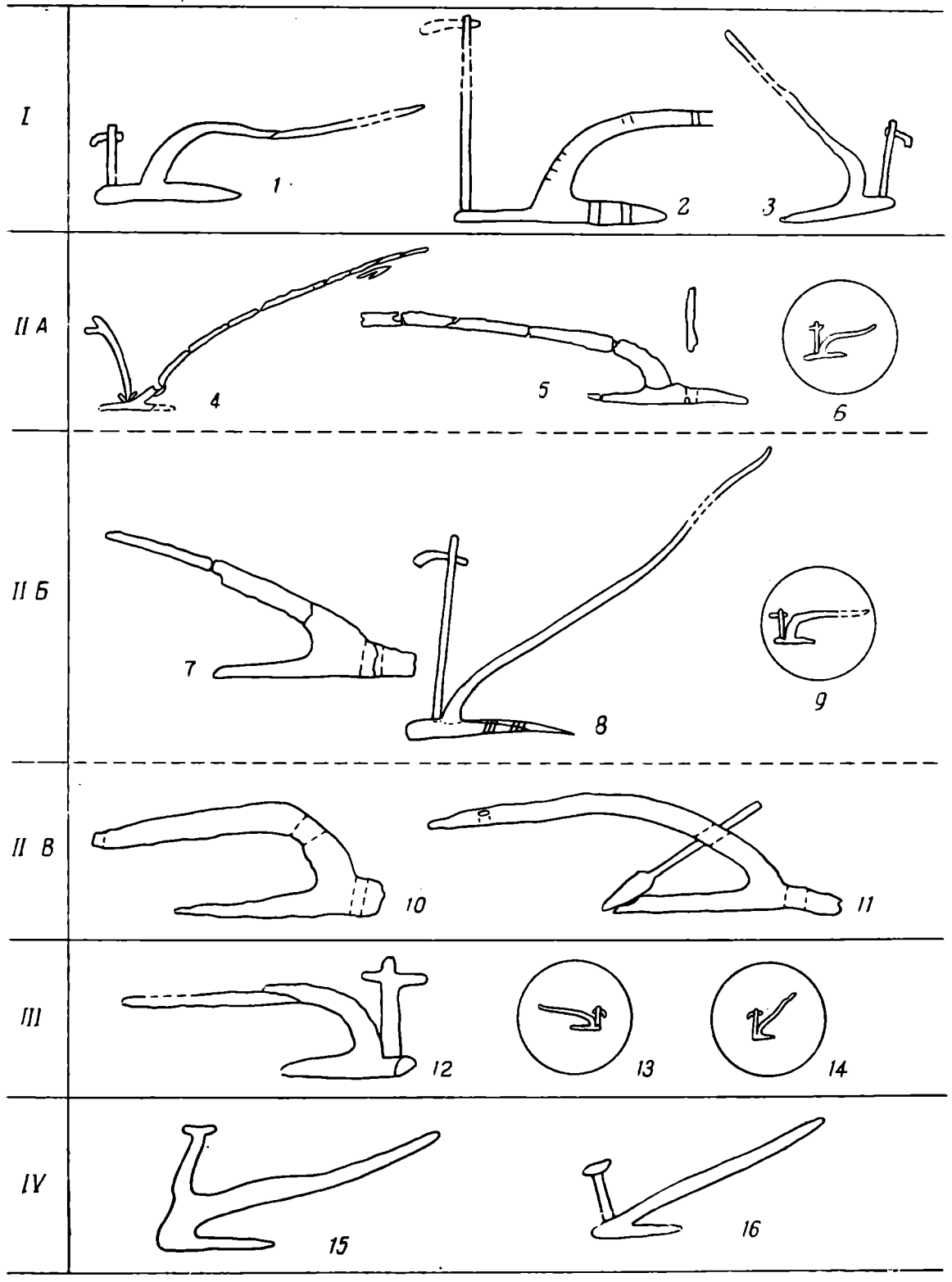


Рис. 4. Основные типы древнейших деревянных кривогрядильных рал (плугов) с горизонтальным ползуном, сделанных из рассох

плуга [34] императорской эпохи (рис. 4, *15*). Здесь, как и при использовании плугов третьего типа, пахарь мог управлять орудием, рассчитывая только на рукоятку. Причем такое закрепление рукоятки в верхней точке, вынесенной довольно далеко вперед, было самым неудачным, так как требовало от пахаря больших усилий для удержания плуга в нужном положении. Поэтому большого распространения эти орудия, по-видимому, не получили.

[34] P. Leser. Ук. соч., стр. 224, рис. 100.

Сергеевский и токаревский плуги, хранящийся в Черниговском музее, плуг из торфяника у с. Полесье (Жабчичи) в Черниговской обл.[35], а также плуги, изображенные на пантикапейских монетах III—II вв. до н. э.[36], т. е. все известные сейчас на территории Восточной Европы плуги, которые можно относить к раннему железному веку, типологически очень близки и принадлежат ко второму и третьему виду орудий второго типа. Эта общность, по-видимому, объясняется единством происхождения и развитием в сходных географических и хозяйственных условиях.

Пятая особенность рассматриваемого плуга — отсутствие железного лемеха и вообще полное отсутствие всяких следов применения каких-либо металлических деталей — также весьма показательна. Упоминания в письменных источниках, античные изображения и археологические находки убедительно свидетельствуют о том, что в раннем железном веке (начиная с позднего гальштата, этап «D») на территории Европы появляются железные лемехи (наральники, сошники) разных типов[37]. Даже на ряде архаических памятников VI в. до н. э. можно видеть уже полные изображения орудий с лемехами (чернофигурная ваза из Лувра, берлинская чаша Никосфена, статуэтка из Ареццо). Начиная с поздней латенской эпохи, зафиксированы и железные чересла[38]. Плиний Старший говорит уже, как о заурядной вещи, о плуге, у которого имеется чересло (culter) в виде кривого ножа, разрезающего землю, прежде чем она будет приподнята горизонтальным лемехом[39].

При этом следует учесть, что чересла могут применяться независимо от наличия у пахотного орудия металлического лемеха (наральника), а также могут отсутствовать у пахотных орудий, предназначенных для переворачивания пластов земли и снабженных металлическим лемехом[40]. Б. Братанич, Ф. Шах и другие исследователи убедительно доказали, что само по себе каждое древнее чересло нельзя рассматривать слишком узко, только как деталь плуга с асимметричным лемехом и отвалом. Чересло может выполнять и функцию рабочей части самостоятельного пахотного орудия, предназначенного для вертикального разрезания плотной почвы, может работать с той же целью и перед симметричным лемехом рала[41].

Обычно же задача чересла заключается в том, чтобы облегчить работу горизонтальной или наклонной пашущей части орудия путем предварительного вертикального разрезания почвы. Если это важно для плугов с железным лемехом, то тем более это было важно для менее прочных деревянных рал или плугов, сделанных из рассох, в тех случаях, когда

---

[35] Инв. № ЧИМ-И-5835. Мной в 1963 г. был осмотрен не только сам плуг, но и место находки его в торфянике. Полученные наблюдения позволяют стратиграфически датировать плуг из с. Полесье концом бронзового — началом железного века. Морфологические особенности вполне соответствуют этому. Плуг найден колхозницей Е. Ф. Пошенко.

[36] А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, 16, 1951, табл. XLI, *12*.

[37] P. Leser. Entstehung und verbreitung des Pfluges. «Antropos», III, тетр. 3, 1931, табл. 5; A. Haudricourt, M. Delamarre. Ук. соч., стр. 107, рис. 25; L. Schmidt. Antike und mittelalterliche Pflugscharen in Österreich. «Archaeologia Austriaca», тетр. 19/20, 1956, стр. 227 сл.; J. Filip. Keltové ve středni Evrope. Praha, 1956, CXXI, *5*. стр. 382; F. Šach. Radlo a pluh na územi Československa, I, Praha, 1961, стр. 50 сл.

[38] F. G. Payne. The Plough in Ancient Britain. AJ, CIV, 1948, стр. 92, рис. 3; J. Szombathy. Das Grabfeld zu Idria bei Bača. Mittheilungen der Prähistorischen Commission der Kaiserl. Akademie d. Wissenschaften, I, 5, Wien, стр. 359—360. рис. 121, 147; J. Kretzschmar. Die Herkunft der frühgeschichtlichen Pflugscharen in Sachsen. «Sachsen Vorzeit», 1940, 4, стр. 48; Fr. Šach. Ук. соч., стр. 95.

[39] Plin. N. H., XVIII, 171.

[40] Д. В. Найдич-Москаленко. О принципах классификации пахотных орудий. СЭ, 1949, 1, стр. 49, рис. 3—4; R. Braungart. Ук. соч., стр. 115, рис. 74; стр. 245, рис. 192—193 и др.

[41] B. Bratanič. Nešto o starosti pluga kod Slavena. Uspomeni Lubora Niderlea. Zbornik radova filizofskog fakultetà, 2, Zagreb, 1954, стр. 279; Fr. Šach. Ук. соч., стр. 104—105.

ими нужно было поднять залежь, вспахать целину или травянистые участки в пойме. Поэтому надо полагать, что железные чересла применялись и с древними целиком деревянными плугами.

Все же факты говорят о том, что даже греческие и римские пахотные орудия далеко не всегда снабжались металлическими рабочими частями. То, что железные лемехи (наральники, сошники) и чересла применяли не все земледельцы даже в передовых странах античного мира, конечно, не может рассматриваться как свидетельство того, что эти приспособления были мало известны. По-видимому, главной причиной этого явления была дороговизна крупных железных изделий. Земледельцы первобытных общин, надо думать, по той же причине применяли железные лемехи и чересла в раннем железном веке еще реже. Во всяком случае должен еще раз подчеркнуть, что ни токаревское рало, ни сергеевский плуг железного лемеха никогда не имели. Наклонное отверстие в грядиле токаревского рала могло, как уже отмечалось [42], служить для закрепления чересла, а не деревянного копьевидного лемеха, как у рала из Даберготца. При всем огромном сходстве этих двух орудий они имеют все же одно важное отличие в устройстве ползуна. Передний конец ползуна рала из Даберготца имеет выемку, на которую опирался наклонный копьевидный лемех. У рала из Токарей эта выемка отсутствует. Здесь утерянная деталь закреплялась только в грядиле и не опиралась на ползун, передний конец которого конусовидно заострен. Таким образом, можно предполагать, что несохранившаяся деталь токаревского рала скорей всего была именно чересло́м.

Время существования кривогрядильных рал с деревянным копьевидным лемехом, по-видимому, должно быть ограничено эпохой до 600—500 гг. до н. э., так как в позднем гальштате (гальштат «D») уже появляются железные копьевидные наральники, подражающие более ранним деревянным формам [43].

У сергеевского плуга, как у токаревского и у многих других древних орудий, грядиль сделан с изгибом вверх и влево, что обеспечивало определенные выгоды при вспашке. Для получения грядиля такой конфигурации либо подбиралось дерево с рассохой соответствующей формы, либо, как указывают этнографические материалы, часть дерева, используемую для изготовления грядиля, специально парят и выгибают до тех пор, пока оно не приобретает нужную форму [44].

Длинный ползун при отсутствии металлического лемеха и чересла указывает на то, что сергеевский плуг был предназначен для сравнительно глубокой вспашки мягких, незадернованных, очевидно, старопахотных земель.

Наконец, необходимо подчеркнуть, что при строгом соблюдении определенных конструктивных норм, обеспечивающих хорошую для данного типа орудия работу, сергеевский плуг отличается, как мы видим, исключительной простотой и даже некоторой примитивностью техники обработки первоначальной заготовки в виде куска дубового ствола с суком. Человек, изготовивший плуг, не использовал пилу, а работал преимущественно топором и теслом. Только для пробивки отверстия в пятке ползуна было применено долото. Эта исключительная простота вместе с указанными выше многочисленными аналогиями в конструктивных деталях свидетельствует в пользу того, что сергеевский плуг следует отнести к раннему железному веку.

---

[42] Б. А. Шрамко. Ук. соч., стр. 81. Копьевидный лемех рала из Даберготца здесь ошибочно назван чересло́м.

[43] P. Weiershausen. Taleae ferreae. «Mannus», 34, тетр. 1—2, 1942, стр. 84 сл.; Z. Podwinska. Ук. соч., стр. 64—65.

[44] В. С. Мамонов. Старинные орудия для обработки почвы из с. Староселье на Днепре. СЭ, 1952, 4, стр. 80.

Совокупность всех рассмотренных до сих пор особенностей сближает сергеевский плуг больше всего с деревянным пахотным орудием, найденным в 1942 г. у Хворслева в Дании. Анализ пыльцы, сохранившейся в трещинах этого орудия, позволяет датировать его концом суббореального периода, т. е. концом бронзового или самым началом железного века[45]. Однако у сергеевского плуга имеется еще одна важная деталь, которая отличает его от рала из Хворслева и в рамках той же основной конструкции делает более совершенным, чем все известные сейчас европейские древние орудия такого типа.

Ни одно из дошедших до нас древних деревянных пахотных орудий, сделанных из рассох, не имеют абсолютного сходства с другими. Такого сходства и не может быть уже хотя бы по той причине, что невозможно найти в лесу два совершенно одинаковых по размерам дерева, у которых расположение и форма ветвей полностью совпадали бы. К тому же каждый владелец деревянного плуга, даже копируя во всех основных деталях какой-то образец, все же старался при изготовлении собственного экземпляра в определенной мере учесть и свои индивидуальные особенности. Все это уже вело к некоторым отклонениям, но они не были существенными. Самое главное было в том, что некоторые земледельцы стремились существенно усовершенствовать это важное для них орудие, пытались лучше приспособить его к местным условиям, не лишаясь, однако, таких важных качеств, как простота конструкции, доступность и дешевизна материала. Это стремление к усовершенствованию вызывало появление таких вариантов, которые, при общем и даже детальном сходстве с однотипными орудиями, отличались все же от них какой-то особенностью, позволявшей иногда значительно улучшить обработку почвы.

Именно такой особенностью обладает деревянное пахотное орудие из Сергеевска. Оно представляет собой уникальный образец несимметричного кривогрядильного деревянного орудия с горизонтальным ползуном, имеющего своеобразный отвал. Этот отвал превращает его из рала в плуг в узком смысле этого слова, т. е. в орудие, предназначенное не для простого разрыхления почвы, а для одновременного переворачивания пласта ее на одну сторону. Пусть этот плуг был еще весьма примитивным, пусть земля переворачивалась им, по-видимому, еще не полностью, но в данном случае важно прежде всего появление на очень простом древнем орудии нового приспособления — криволинейного отвала, который в будущем в усовершенствованном виде станет обязательной принадлежностью многих типов железных плугов.

Вспашка с переворачиванием пласта земли была уже известна земледельцам античной эпохи и описана древними авторами[46]. Изображения античных пахотных орудий не всегда позволяют уверенно говорить о всех особенностях его работы, не позволяют во всех случаях уверенно отличить рало от примитивного плуга. Но в некоторых случаях изображения настолько характерны, что не оставляют сомнения в назначении данного орудия. Так, хорошей вещественной иллюстрацией к описаниям плужной вспашки у Плиния и Колумеллы может служить вотивная бронзовая статуэтка из Теламоне, изображающая италийский деревянный плуг, имевший очень массивный ползун со скошенной передней частью[47]. М. Е. Сергеенко, очень тщательно исследовавшая материалы по истории древнего земледелия в Италии, пришла к весьма убедительному выводу, что ползун такого плуга играл роль примитивного плоского отвала, при котором пахарь должен был слегка гнуть плуг в сторону и «вероятно, еще

---

[45] P. V. Glob. Ук. соч., стр. 14 и 100; Дж. Г. Д. Кларк. Доисторическая Европа. М., 1953, стр. 110.

[46] Plin N. H., XVIII, 176; Columella. De re rust, II, 2,25; II, 1, 6.

[47] A. S. F. Gow. Ук. соч., табл. XX, *3*; М. Е. Сергеенко. Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М., 1958. P. Leser. Ук. соч., табл. 10.

отпихивать и придавливать ногой поднятый земляной пласт, т. е. работать так, как работали на Украине сабаном с его неудобным прямоугольным отвалом. Не исключена, однако, возможность, что в подошве («голенище») была вырезана широкая и глубокая впадина: додуматься до такого усовершенствования было не так уже трудно» [48]. Именно это усовершенствование наблюдается у плуга из Сергеевского торфяника. С правой стороны этого плуга, как мы уже видели, имеется большая выемка, превращающая основание грядиля в отвал.

Если сравнивать сергеевский плуг с другими подлинными экземплярами однотипных древних деревянных орудий, сделанных из россох, то, насколько можно судить по имеющимся публикациям и по известным мне de visu древним орудиям, ни у одного из них нет такого отвала. Нечто подобное можно было бы предполагать у рала из Папово (Польша) [49]. Последнее также сделано из рассохи, подобранной таким образом, что основание грядиля получилось очень массивным, а ползун немного несимметричным. Однако у этого орудия боковые стороны ползуна не плавно переходят в грядиль, а отделены от него заметным уступом. Следовательно, основание грядиля в данном случае не предназначалось для преднамеренного использования его в качестве примитивного отвала.

Д. Т. Березовец и В. И. Довженок предполагали, что деревянное рало из с. Токари имело отвал в виде доски [50]. О том, что реконструкция отвала, предлагаемая Д. Т. Березовцом, не представляется убедительной, я уже говорил [51]. В. И. Довженок подходит к этому вопросу более осторожно и лишь в предположительной форме дает другой вариант. Он пишет, что отверстие в изгибе грядиля служило для укрепления стояка, который «соединял грядиль с ползуном и служил для укрепления орудия, а также для прикрепления отвальной доски, в том случае, если она тут существовала». К сожалению, с этим вариантом реконструкции также трудно согласиться, так как она излишне усложняет токаревское рало, предполагая наличие у него таких деталей, которые не подсказывает форма сохранившихся частей орудия. Во-первых, токаревское рало сделано из рассохи, естественно соединяющей грядиль и ползун, и поэтому оно не нуждается в стояке, который применяется у более сложных составных орудий для дополнительного скрепления грядиля и ползуна, изготовленных из отдельных кусков дерева. Во-вторых, необходимо учитывать, что стояк должен был прочно закрепляться не только в грядиле, но и в ползуне. Между тем, у токаревского рала верхняя поверхность (спинка) ползуна дугообразна и не имеет никакого отверстия или выемки для закрепления нижнего конца предполагаемой стойки. Таким образом, можно уверенно говорить, что токаревское орудие не имело отвала и служило лишь для разрыхления почвы.

Следовательно, находка в Сергеевске дает нам не только прекрасный образец древнего деревянного плуга с отвалом, который на основании указанных выше аналогий может быть отнесен к раннему железному веку, скорее всего к середине I тысячелетия до н. э., но, по-видимому, пока единственный во всей Европе подлинный экземпляр древнего плуга с архаическим криволинейным отвалом.

Сравнительно раннее появление этого орудия не должно нас особенно удивлять, так как сам принцип пахоты с переворачиванием пласта земли, как мы знаем, уже был хорошо известен в эту эпоху. Кроме того, процесс творческих исканий древних земледельцев несомненно был сложным.

---

[48] М. Е. Сергеенко. Ук. соч., стр. 45—46.

[49] J. Werner. Die Zoche, eine primitive Pflugform. ZE, тетр. V, 1903, стр. 716, рис. 1; K. Moszyński. Kultura ludowa Slowian, I, Kraków, 1929, стр. 148, рис. 119 *B*; P. V. Glob. Ук. соч., рис. 18; Z. Podwińska. Ук. соч., стр. 62—63, рис. 16. Можно согласиться с Подвиньской, которая вновь предложила датировать рала из Папово и Вивиорок временем около начала нашей эры.

[50] Д. Т. Березовец. Ук. соч., стр. 174; В. И. Довженок. Ук. соч., стр. 68.

[51] Б. А. Шрамко. Ук. соч., стр. 79—80.

Нельзя пытаться непременно уложить историю развития орудий для пашенного земледелия в прокрустово ложе стройной прямолинейной схемы с переходами от более простых форм к более сложным без всяких отклонений. История техники знает много открытий, которые до поры до времени не получили признания и не имели широкого распространения, хотя являлись прообразами весьма прогрессивных типов орудий. К числу таких ранних, может быть даже случайных, открытий относится и сергеевский плуг с криволинейным отвалом.

Материал, который мы рассмотрели в связи с выяснением особенностей сергеевского плуга и его места среди других древних земледельческих орудий, неизбежно приводит нас к общей проблеме возникновения пашенного земледелия на территории Восточной Европы. Сделанные из рассох кривогрядильные рала с горизонтальным ползуном, найденные в лесостепи и на юге лесной зоны Восточной Европы, хотя и относятся к числу очень древних орудий, но все же, по-видимому, являются не самой древней и уж во всяком случае не единственной древней формой пахотных орудий на нашей территории.

Мы уже упоминали об изображении рал на каменной плите (стеле), найденной Н. Л. Эрнстом в кург. № 1 в урочище Бахчи-Эли (ныне Красная горка) под Симферополем [52]. Не совсем удачная фотография одной из сторон этой стелы была опубликована еще в 1926 г. А. М. Тальгреном [53] и затем полностью или в прорисовке деталей неоднократно воспроизводилась в работах различных исследователей. Однако, к сожалению, при этом не учитывалось то обстоятельство, что сам Н. Л. Эрнст не считал лишь эту фотографию таким вариантом, который единственно правильно передает все изображения на рассматриваемой стороне стелы. Он несколько раз пытался разобраться в рисунках, высеченных на каменной плите, выявил дополнительные детали и при этом сделал несколько разных снимков, негативы которых хранятся в фондах Симферопольского музея. В совокупности они дают более полное и более точное представление об изображениях на стеле из Бахчи-Эли. Между тем в результате распространения первого, не совсем удачного варианта фотографии возникли даже сомнения относительно возможности использовать рисунки на симферопольской стеле для изучения истории древнейших земледельческих орудий [54].

Только недавно А. А. Формозов опубликовал фотографии, показывающие рисунки, высеченные на всех четырех сторонах каменной плиты, дал подробные сведения об условиях находки и указал, что эта вещь должна относиться ко времени не более позднему, чем период существования катакомбной культуры [55]. А. А. Щепинский дополнил эту публикацию взятыми из дневника Н. Л. Эрнста рисунками несохранившихся глиняных сосудов, найденных в яме под каменной плитой, а также вполне убедительно отнес этот комплекс к памятникам кеми-обинской культуры и датировал его первой половиной II тысячелетия до н. э. [56]. Все же А. А. Формозов вновь воспроизвел такой же, как у А. М. Тальгрена, вариант фотографии, а А. А. Щепинский дает лишь очень схематичные рисунки стелы. При этом ни тот, ни другой ничего не говорят о наличии на ней изображений земледельческих орудий.

---

[52] Н. Л. Эрнст. Летопись археологических раскопок и разведок в Крыму за 10 лет..., стр. 79.

[53] A. Tallgren. La Pontide préscythique..., стр. 49, рис. 36, *B6*.

[54] B. Brentjes. Untersuchungen zur Geschichte des Pfluges, III, Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther Universität Halle — Wittenberg, III, 1953/54. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe, тетр. 2, стр. 395—396, табл. III, *40*.

[55] А. А. Формозов. Материалы к изучению искусства эпохи бронзы юга СССР. СА, 1958, 2, стр. 137—139.

[56] А. А. Щепинский. Памятники искусства эпохи раннего металла в Крыму. СА, 1963, 3, стр. 42—44, рис. 4, *13*; 5, *7—9*.

Поэтому здесь мы помещаем фотографию одной из сторон стелы (рис. 5), заново сделанную нами с подлинника, хранящегося в Симферопольском музее[57]. В отличие от ранее опубликованного снимка, здесь показаны все без исключения рисунки, которые были высечены на поверхности камня, независимо от того, понятны или непонятны изображаемые предметы. Дополнительно даем прорисовку основных изображений, связанных с рассматриваемым нами вопросом.

Рис. 5. Общий вид изображений на одной из сторон каменной стелы из кургана в урочище Бахчи-Эли у Симферополя

Еще А. А. Формозов совершенно правильно указал, что рассматриваемый предмет не предназначался для перекрытия ямы. Это была стела, которая когда-то стояла вертикально вкопанная в землю и, судя по двум рядам чашевидных углублений на верхней поверхности, предназначалась для жертвоприношений во время исполнения каких-то культовых обрядов.

Среди рисунков особо интересны две человеческие фигуры около предметов, явно изображающих прямогрядильные рукояточные рала. В одном случае (рис. 5; рис. 6, *1*) человек с расставленными в стороны руками стоит около рабочей части рала. В другом (рис. 5; рис. 6, *2*) человек показан у конца грядиля аналогичного рала. Руки его раскинуты в стороны и пальцы растопырены. От левой руки в сторону отходит какая-то изогнутая линия. При вертикальном положении стелы эта фигура оказывается изображенной головой вниз, как иногда в первобытном искусстве показывали мертвых[58]. В обоих случаях даны рисунки однотипных прямогрядильных рал, у которых стояк с ручкой заканчивается в нижней части небольшим горизонтальным ползуном.

Как уже отмечалось рядом исследователей, рала на симферопольской стеле аналогичны древнейшим европейским ралам, известным по лигурийским наскальным рисункам из Вал Фонтанальба (вторая половина II тысячелетия до н. э.) и по несколько более поздним наскальным рисункам из

[57] Автор чрезвычайно благодарен научной сотруднице музея Е. Н. Черепановой за ее содействие в этой работе.

[58] А. А. Формозов. Ук. соч., стр. 139.

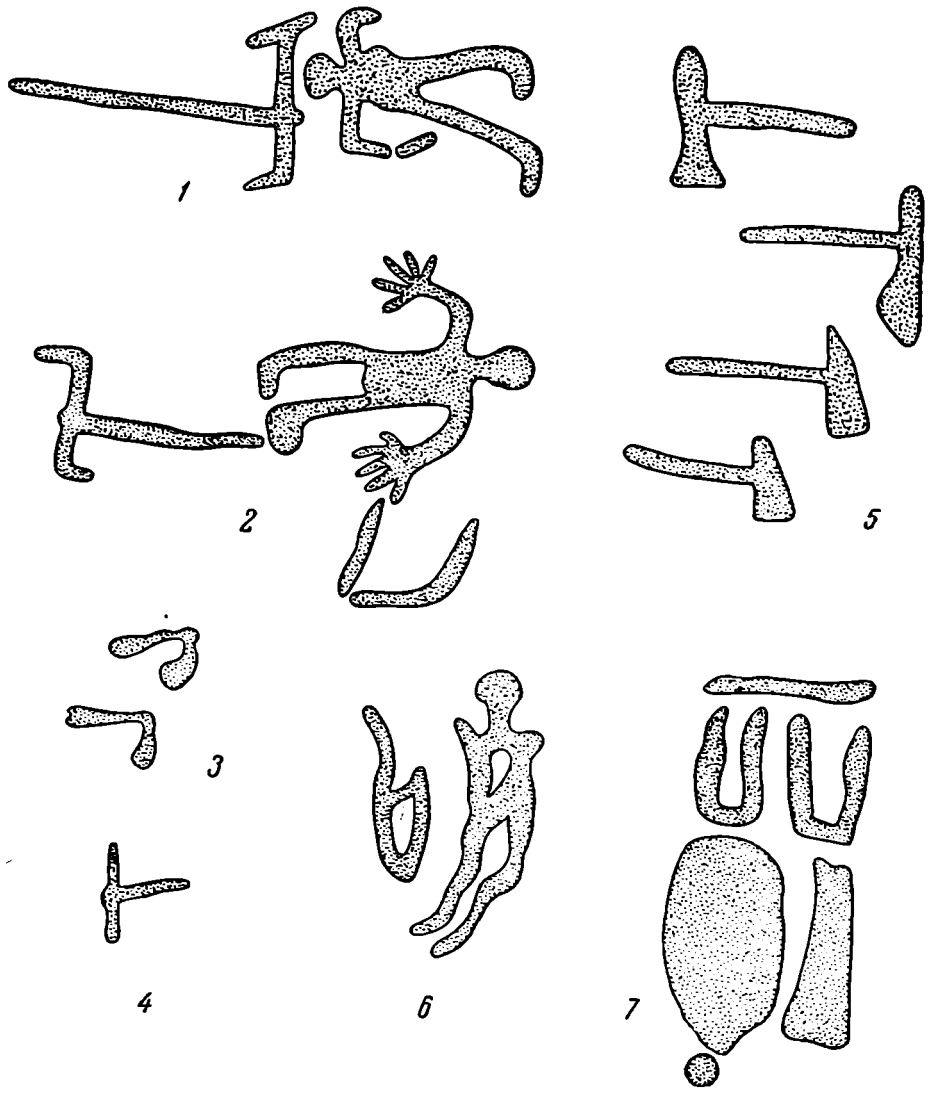


Рис. 6. Отдельные рисунки, изображенные на симферопольской стеле

1 — рало и фигура живого человека; *2* — рало и фигура мертвого человека; *3* — мотыги; *4* — кирка; *5*— топоры; *6* — человек около орудия, напоминающего сложную мотыгу; *7* — быки и ярмо

Вал. Камоника[59]. Пережиточные формы таких рал известны и по этнографическим материалам. Например, сирийское деревянное прямогрядильное рало прекрасно помогает понять устройство рал на симферопольской стеле. У него стояк рукоятки и короткий ползун составляют одно целое. В стояке закреплен тыльный конец грядиля, а выше небольшая рукоятка[60]. Около рисунков людей и рал на стеле имеется еще группа фигур (рис. 6, *7*), которую, по-видимому, можно рассматривать как изображение двух быков с ярмом. Еще далее влево от этой группы имеется не совсем ясный рисунок одного или двух людей около орудия (рис. 6, *6*), напоминающего мотыгу[61]. Среди остальных рисунков видны очень четкие изображения топоров (рис. 6, *5*), мотыг (рис. 6, *3*) и кирки (рис. 6, *4*).

Б. Брентьез, который, исходя из фотографии, опубликованной А. М. Тальгреном, рассматривал только одно изображение рала, принимает

---

[59] J. Déchelette. Manuel d'archéologie préhistorique celtique et gallo-romaine, II, Paris, 1910. стр. 16, рис. 1; P. Leser. Ук. соч., табл. 12; H. Kothe. Ук. соч., стр. 20; F. G. Payne. Ук. соч., табл. V; E. Anati. Les travaux et les jours aux âges des Métaux du Val Camonica. «L'Antropologie», 63, 3—4, 1959, стр. 257, рис. 7, табл. XVII; K. J. Narr. Ук. соч., стр. 232.

[60] Народы Передней Азии. Очерки. М., 1957, стр. 454, рис. 1.

[61] И. Лурье, К. Ляпунова, М. Матье, Б. Пиотровский, Н. Флиттнер. Очерки по истории техники Древнего Востока. М.— Л., 1940, стр. 151, рис. 12

его за рисунок топора и в пользу своей точки зрения выдвинул следующие доводы: 1) рисунок, трактуемый как рало (плуг), находится рядом с изображениями, которые несомненно являются проушными топорами; 2) около изображения рала на стеле нет запряженных животных; 3) человеческая фигура почти касается плуга головой, но руки ее повернуты от плуга [62].

Однако все эти возражения неубедительны. Прежде всего, на рассматриваемой стороне стелы, как теперь ясно, имеется не одно, а два изображения рал с людьми около них. Дважды первобытный художник точно повторил все характерные черты рала, отметил даже немного выступающий из отверстия в стояке конец грядиля. Эти две фигуры совсем не похожи на другие рисунки, которые действительно изображают проушные топоры с расширяющимся книзу лезвием. Важно и то, что хотя на стеле показано несколько типов топоров, но все они существенно отличаются от изображений рал. Особенности устройства изображенного здесь прямогрядильного рала с небольшим ползуном, очевидно, связаны со спецификой пахоты в местных условиях Крыма, на каменистых участках горных склонов с небольшим почвенным слоем, где нужно было быстро маневрировать орудием, вынимая его из почвы при встрече с препятствием. Короткий ползун этого рала неглубоко входил в землю и был удобен для такой работы.

Неубедительность двух остальных доводов Брентьеза объясняется прежде всего тем, что он, пользуясь неудачной фотографией, не мог рассмотреть все имеющиеся на стеле фигуры и поэтому не понял общего смысла композиции. Если пытаться рассматривать всю композицию как сцену пахоты, то тогда действительно может смущать отсутствие упряжных животных (хотя на самом деле они показаны) и странное, на первый взгляд, положение одной человеческой фигуры (о второй он вообще не говорит, так как не замечает на стеле второго рала). На самом деле рисунки на симферопольской стеле вовсе не изображают сцену пахоты. Скорей всего здесь воспроизведена культовая сцена подготовки к пахоте, которая должна была магически способствовать получению хорошего урожая, увеличивать плодородие полей. Поэтому орудия, связанные с земледельческими работами, изображены, но не показаны в действии. Рядом наготове стоит бычья упряжка. Человеческие фигуры — это, очевидно, не пахари, а умирающее и воскресающее божество плодородия, хорошо известное по многим земледельческим культам. У правого рала это божество показано умершим в виде повернутой вниз головой фигуры. Беспомощно раскинутые руки с растопыренными пальцами хорошо подчеркивают ее безжизненность. У левого рала мы видим уже воскресшего бога, который распростер руки над полем и как бы благословляет его.

Таким образом, на симферопольской стеле имеется не только древнейшее на нашей территории изображение прямогрядильных рал, но и целая сцена, связанная с земледельческим культом и свидетельствующая о том, что уже к первой половине II тысячелетия до н. э. на юге Восточной Европы сложились прочные традиции пашенного земледелия, истоки которого должны находиться в энеолите. Только при этом условии будет понятен земледельческий характер такой высокоразвитой для своего времени культуры, как трипольская. Пашенное земледелие неразрывно связано с использованием тягловой силы животных. В энеолите эта предпосылка уже имелась, как свидетельствует находка деревянной арбы в кургане древнеямной культуры [63]. Пока еще трудно сказать, является ли наличие кривогрядильных рал на нашей территории вторым этапом развития пахотных орудий или они существовали параллельно с прямогря-

---

[62] B. Brentjes. Ук. соч., стр. 395—396.

[63] О. І. Тереножкін. Курган Сторожова могила. Археологія, V, Київ, 1951, стр. 186, рис. 3—7.

дильными ралами в иных природных условиях на равнинных почвах Восточной Европы. Если учитывать большую древность кривогрядильных рал, то последнее будет более вероятно. Соха, также очень древнее самостоятельное изобретение, была приспособлена к обработке земли в условиях более северного лесного земледелия[64]. Это очень хорошо подтверждается и ареалом распространения сох[65].

Случайность находки сергеевского плуга не позволяет пока точно ответить на вопрос о том, с какой археологической культурой можно связывать эту вещь. Территория Стародубского района Брянской обл., охватываемая главным образом правыми притоками р. Судость (приток Десны), является областью соприкосновения юхновской[66] и милоградской[67] культур раннего железного века. Дальнейшие археологические исследования на этой территории и, в частности, в окрестностях с. Сергеевска позволят уточнить этот вопрос.

---

[64] П. Н. Третьяков. Подсечное земледелие в Восточной Европе. ИГАИМК, XIV, 1, 1932, стр. 25—26; А. К. Супинский. К истории земледелия на русском Севере. СЭ, 1949, 2, стр. 138—141.

[65] B. Bratanič. Nekoliko napomena o tehničkoj konstrukciji starog slavenskog pluga. «Etnografia Polska», III, 1960, рис. 2, карта.

[66] Л. В. Артишевская. Разведка в верховьях Десны. КСИИМК, 68, 1957, стр. 84 сл.; В. П. Левенок. Городища юхновской культуры. КСИА, 7, 1957, стр. 49.

[67] О. Н. Мельниковская. Древнейшие городища Южной Белоруссии. КСИИМК, 70, 1957, стр. 28 сл.; ее же. Памятники раннего железного века Верхнего Поднепровья. КСИА, 7, стр. 46 сл.; П. Н. Третьяков. Работы Верхне-Днепровской археологической экспедиции 1957 г. КСИИМК, 79, 1960, стр. 80 сл.

Н. И. СОКОЛЬСКИЙ

СВЯТИЛИЩЕ АФРОДИТЫ В КЕПАХ

Таманская экспедиция в 1963 г. продолжала свои работы по исследованию северной части Таманского полуострова. Главными объектами работ были Кепы [1], крепости на Фанталовском полуострове [2] и остатки укрепления на юго-западном берегу Ахтанизовского лимана, где открыта серия синдских скульптур.

В Кепах основные усилия были направлены на раскопки некрополя [3], давшего новые материалы по этническому составу населения города и его культуры, а также ряд интересных находок. Основная часть городища в этом сезоне не раскапывалась. Исследованию подвергся район, расположенный непосредственно к востоку от предполагаемой восточной границы города. Здесь от края косогора в северном направлении раскинулся ряд домов поселка с огородами; вдоль улицы проходит дорога, которая срезала вершину этого косогора. У дороги был заложен небольшой (77 *м*^{2}) раскоп «М» (рис. 1).

Основанием для раскопок в этом месте послужила находка мраморной головки куроса в 1961 г. [4], а также находки на дороге нескольких мелких обломков мрамора и монет эллинистического времени. В 1962 г. были проведены подготовительные мероприятия, в частности расширена дорога для объезда места раскопок.

Раскоп 1963 г. был ориентирован в зависимости от направления дороги и разбит так, что западная его половина легла на нетронутую часть косогора, а восточная — на дорогу, лежавшую ниже современной поверхности косогора у западного борта раскопа на 1—1,2 *м*. На дороге культурный слой срезан и сохранился его нижний испорченный пласт толщиной 0,10—0,25 *м;* под покровом залегал материк — желто-коричневый песок. Западная половина раскопа дала возможность проследить историю участка, на котором выделяется, помимо современного, четыре слоя. Первый (нижний) слой относится к эпохе эллинизма. Он является основным для раскопа и представляет собой главным образом остатки святилища (рис. 2, *1*), о котором речь пойдет ниже. Второй слой датируется I—II вв.; в его грунте, желтой супеси, находок немного, они указывают, что в первые столетия нашей эры над руинами святилища был пустырь. Третий слой, состоящий из серо-желтой золистой супеси, относится к III—IV вв.

[1] Н. И. Сокольский. Кепы. В сб.: «Античный город». М., 1963, стр. 97—114. О раскопках в Кепах см. статьи Н. И. Сокольского в КСИА АН СССР, 78, 83, 86, 89, 91 и 95.

[2] Н. И. Сокольский. Крепость на городище у хут. Батарейка. СА, 1963, 1, стр. 179—191; его же. К истории северо-западной части Таманского полуострова в античную эпоху. Acta antiqua philippolitana. Studia archaeologica. София, 1963, стр. 11—25.

[3] О раскопках грунтового некрополя Кеп в предыдущие годы см. статьи Н. П. Сорокиной в КСИА АН СССР, 91 и 95.

[4] Н. И. Сокольский. Курос из Кеп. СА, 1962, 2, стр. 134—141.

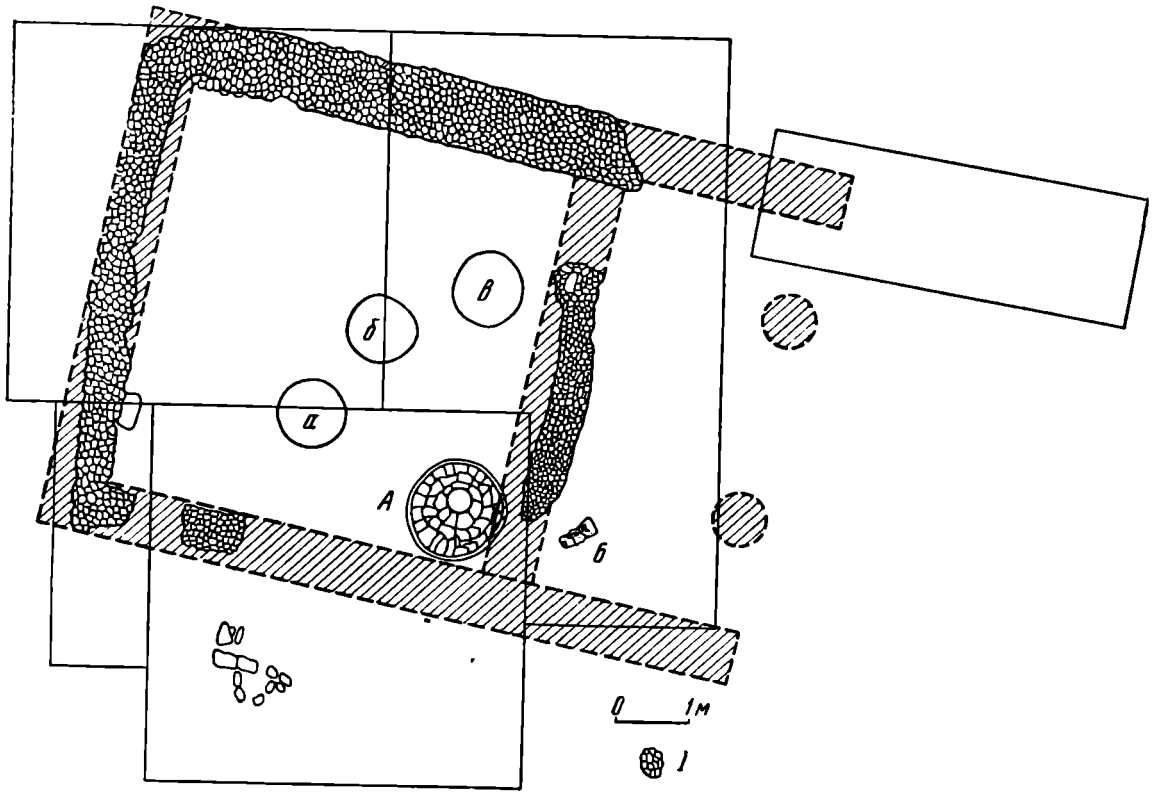


Рис. 1. Раскоп «М». План фундаментов

а, б, в — ямы; *А* — пифос; *Б* — мраморная статуя; *I* — сохранившийся фундамен.

Строительных остатков I—IV вв. на раскопанном участке не обнаружено, но характер грунта и значительное количество фрагментов позднеантичной керамики показывают, что в период III—IV вв. участок был обжитым. Четвертый, верхний слой, состоящий из гуммированной супеси, оказался наследием средневекового времени (VIII—X вв.), когда на месте Кеп возникло довольно обширное поселение. Здесь на участке раскопа существовали, видимо, дома, о чем говорит хозяйственная мусорная яма этого времени и большой красноглиняный пифос, обнаруженный в юго-восточном углу святилища, где он оказался случайно, будучи глубоко врезанным в грунт.

Возвратимся к нижнему слою. В нем обнаружены остатки строения, покоившиеся на материковом песке. Это указывает, что здание сооружено было на пустыре, не входившем до того в границы города. Бóльшую часть грунта слоя толщиной до 0,3—0,4 *м* составляли пласты плотной светло-желтой глины. В прорывах этих пластов, снизу и поверх них находился золистый суглинок, иногда переходящий в зольные скопления. Происхождение глинистых пластов не совсем ясно. Внизу, непосредственно по материковому песку, проходил сплошной глинистый пласт толщиной 0,04—0,10 *м*, заключенный в рамки фундаментов строения; нужно думать, что он служил основанием несохранившегося пола. Выше более толстый и неровно лежащий пласт не был сплошным, причем он налегал на остатки фундамента, выходя за его границы. Можно предположить, что этот желтоглиняный массив образовался в результате разрушения стен. Возможно, что кладка стен была комбинированной, каменно-глиняной. Характерно, что в самой глине этого пласта никаких находок не обнаружено. Находки располагались частично непосредственно поверх этого пласта, но главным образом в прорывах его и под ним, в золистом грунте на нижней глинистой подстилке.

Остатки здания представлены фундаментами, составляющими квадрат, внутренняя сторона которого равна 5,4 *м*. Площадь помещения составляла около 30 $м^2$. Здание было ориентировано по странам света с откло-

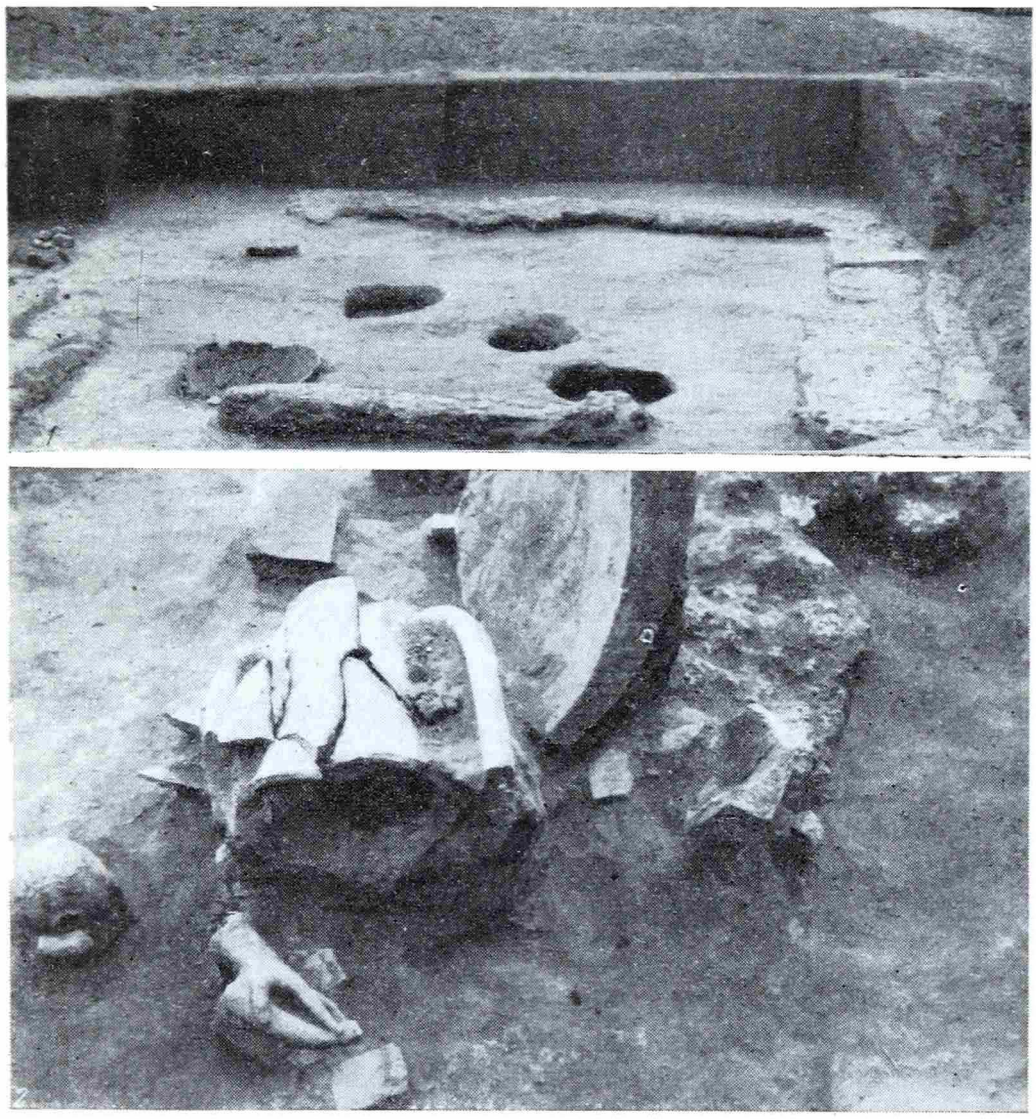


Рис. 2. Святилище

1 — фундаменты; *2* — находки на полу в момент раскопок

нешем в несколько градусов. Однако это отклонение, возможно, является результатом деформации, произошедшей в результате того, что сооружение покоилось на песке и расположено было на краю песчаного косогора. Деформация заключается, во-первых, в том, что западный и восточный фундаменты сдвинулись к востоку, т. е. в сторону склона, а плоскость их накренилась в том же направлении; во-вторых, произошел наклон всей плоскости фундамента в юго-восточном направлении, так что восточный фундамент лежит теперь ниже западного на 0,3 *м*. Лучше других сохранился северный фундамент шириной 0,9 *м*. Однако мы полагаем, что он был несколько у́же, так как при наклоне в южную сторону он несколько расплылся. В его кладке было заложено несколько фрагментов пантикапейской черепицы эллинистического времени: донца синопской и книдской амфор, фрагменты стенки родосской амфоры и несколько фрагментов других амфор эллинистического времени. Западный фундамент сохранился на всю длину, но имеет оборванные продольные края. От южного и восточного остались только части шириной 0,6 *м*. Фундаменты представляют собой тонкие (0,10—0,12 *м*) дорожки из плотно уложенных на глине мелких осколков ракушечника с примесью осколков камней и других пород. Эти дорожки были плотно утрамбованы и сцементированы известняковой крошкой так, что, несмотря на небольшую толщину, они представляли прочное и ровное основание для выкладки стен, конструкция

которых нам неизвестна. Однако о том, что в них был применен камень, говорят несколько обломков тесаных квадров ракушечника, обнаруженных с южной стороны здания рядом с группой мелких необработанных камней, составлявших небольшое полукружие, а также часть тесаного блока у западного фундамента. Один из этих блоков имеет выступ, он происходит, вероятнее всего, от карниза, так как сохранил следы розовой краски; бурую раскраску имеет обломок и другого небольшого блока.

С полной уверенностью говорить о плане сооружения трудно по причине разрушений. Однако есть основание полагать, что здание представляло собой тип храма в антах. Несмотря на то, что восточные концы фундаментов разрушены дорогой и оборваны проходящей здесь канавой, хорошо видно, что восточный конец северного фундамента продолжался за линию восточного фундамента и, видимо, составлял ант. В таком случае вход в помещение был с востока. План, ориентировка, расположение между городищем и некрополем и особенно состав находок приводят к мысли о том, что перед нами действительно открылись остатки культового сооружения, святилища или небольшого храма. Его укороченная длина вполне согласуется с пропорциями, характерными для храмов эллинистического времени. Пронаос его разрушен дорогой и канавой. Аналогией, исходя из нашей реконструкции плана, кепскому святилищу может быть небольшой храм у мыса Тенар в Пелопоннесе [5], почти совпадающий по размерам с кепским и близкий по времени. Однако до окончания исследования мы воздержимся от решительных выводов о типе постройки. Укажем только, что святилище было покрыто черепицей, многочисленные фрагменты которой обнаружены среди прочих находок. Среди черепицы преобладает пантикапейская эллинистического времени; на одном фрагменте сохранилось клеймо царской мастерской; характерны граненые калиптеры. Кроме того, обнаружено некоторое количество оранжевоглиняной (фанагорийской или кепской) черепицы, а также спреневой синопской, возможно, примененных при ремонте крыши. Судя по небольшому мраморному акротерию (рис. 3, *1*) в виде аканфового листа, крыша была богато украшена.

Внутри помещение целлы было отделано штукатуркой, основным фоном ее был молочно-розоватый цвет, по которому проходила богатая яркая орнаментальная роспись (овы и косы бурого и черного цвета, красные полосы). Полное представление о росписи создать трудно, так как многочисленные кусочки штукатурки сильно измельчены.

В рамках квадрата фундаментов целлы обнаружены три ямы (рис. 1, *а*, *б*, *в*), вырытые в материковом песке и расположенные по диагонали с юго-запада на северо-восток. По верху диаметр ям составлял около 0,9 *м*, к низу они немного расширялись, дно их округлое, глубина 1 *м*. Все три ямы заполнены зольной супесью и мусорно-перегнойным грунтом. Обнаруженные в них находки соответствуют тем, которые найдены по всей площади остатков святилища, однако в яме *а* оказались находки ранней группы всего комплекса, из чего следует, что ямы создавались последовательно и служили, вероятно, для ссыпания мусора и пепла при совершении религиозных обрядов.

Как строительные остатки, так и вещественные находки красноречиво говорят о том, что святилище было разграблено и разрушено до основания. Даже камни стен, за исключением упомянутых нескольких обломков, были вывезены, по-видимому, вместе с приставшей к ним штукатуркой, так как нигде не обнаружено крупных кусков и завалов штукатурки, отпавшей от стен. Выборка камня стен, а возможно и пола, объясняет тот факт, что все находки сильно дроблены и перемешаны, они лежали в бес-

---

[5] Всеобщая история архитектуры, II, кн. I. Архитектура древней Греции. М., 1949, стр. 335. рис. 364, табл. 153, *3*.

порядке, причем нередко части одного и того же предмета оказывались в разных местах. Наибольшее скопление находок было около южного (рис. 2, *2*), северного и по обеим сторонам восточного фундаментов. Нужно думать, что все ценные и крупные вещи были взяты и оставлено лишь то, что сочтено было бесполезным или случайно ускользнуло от

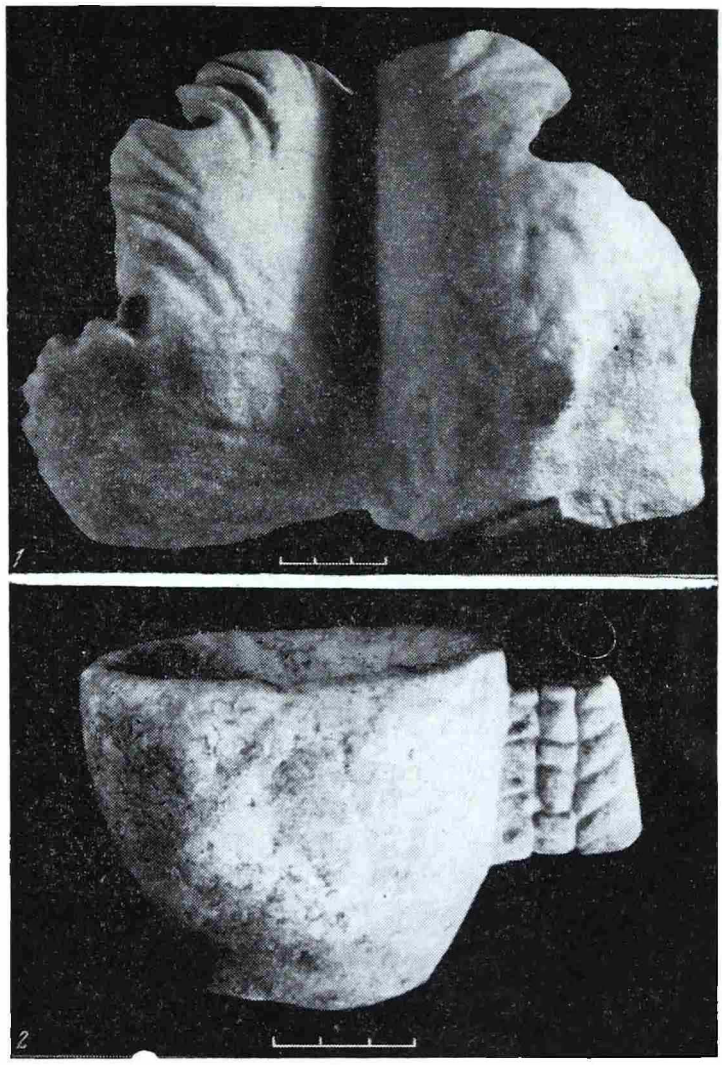


Рис. 3. Находки в святилище

1 — мраморный акротерий; *2* — мраморный ковш

взгляда. Несмотря на раздробленность находок, хронологически они составляют компактную группу, дающую возможность заключить, что святилище было построено в первой половине II в. до н. э. и разрушено в I в. до н. э., в период бурных событий, характерных для этого времени на Боспоре, связанных с войнами Митридата, Фарнака, восстанием дандариев и аспургиан, борьбой претендентов на боспорский престол. С каким из этих событий связано разрушение святилища — определить трудно, но отметим, что находок, относящихся к I в., здесь нет. Наиболее интенсивная жизнь святилища относится, судя по находкам, ко второй половине II и началу I в. до н. э. В этом отношении особенно показательны монеты, из которых три бронзовые боспорские монеты второй половины II в. до н. э., одна первой половины II в. до н. э. найдены в нижнем горизонте глинистого пласта и одна монета Митридата Евпатора в его верхнем горизонте. Кроме того, на дороге, на месте разрушенного святилища и рядом с ним местными жителями и членами экспедиции подобрано 10 монет, из которых девять относятся ко II в. до н. э. и одна была монетой Асандра

выпуска 47—41 гг. до н. э. Находки более ранние, чем II в. до н. э., редки [6].

Количество находок относительно невелико, но они отличаются большим разнообразием, поскольку включают предметы бытовые и культовые, декоративные и вотивные. Ряд предметов заслуживает специального рассмотрения и исследования, которое в одной статье провести невозможно. Дадим характеристику находок по основным группам.

О черепице, штукатурке и монетах мы уже упоминали. По количеству фрагментов среди находок преобладает керамика, причем отсутствуют пифосы, что естественно для культового сооружения. Из толстостенных сосудов обнаружено несколько фрагментов маленьких лутериев боспорского и синопского производств. Фрагментов амфор насчитывается около 2000. Все представленные типы амфор относятся к эллинистической эпохе, но не ранее III—II вв. до н. э. Среди них есть синопские, косские, родосские, сходные по форме с гераклейскими, коричневоглиняные II—I вв. до н. э., амфоры с желудеобразной ножкой. Некоторые ручки амфор имеют клейма (косские, родосские и неизвестного центра). Наиболее поздними являются несколько фрагментов от светлоглиняных узкогорлых амфор самого раннего типа (I в. до н. э.). Простые сосуды, изготовленные на гончарном круге, представлены фрагментами кувшинов, кастрюль, горшков, чашек, блюдец, унгвентариев, по форме и составу глины аналогичных находимым в слоях II—I вв. до н. э. на Кепском городище и особенно в тризнах грунтового некрополя этого времени. Особо отметим три донца плоских чашечек с характерным клеймом кепской мастерской и бо́льшую часть лагиноса кепского производства, скрепленного свинцовыми заклепками. Лепной керамики почти нет, исключая фрагменты двух небольших горшочков и одной чашечки. Немного и чернолаковой посуды (тарелки, чашки, каннелированные канфары), в том числе имеются фрагменты сероглиняного сосуда III—II вв. до н. э. Особенно характерен каннелированный флакон черно-красного лака. Существование святилища относится ко времени, когда чернолаковая керамика начинает уступать свое место краснолаковой, что вполне подтверждается нашими находками. В этот период популярной становится керамика с рельефным орнаментом, в частности так называемые «мегарские чаши», фрагменты которых здесь также найдены. Несомненно, что вся группа чернолаковой керамики отражает в основном ранний этап жизни святилища, т. е. II в. до н. э. Краснолаковая же керамика характеризует его второй и последний этап, т. е. в основном I в. до н. э. Группа фрагментов краснолаковых сосудов (чашек, кувшинов, тарелок, рыбного блюда) весьма характерна для раннего этапа развития этого типа керамики. Лак ее темно-бурый, неблестящий, похож на краску. Интересны фрагменты килика, сосуда редкой формы среди краснолаковой керамики. Это экземпляр, фиксирующий переход от черного к красному лаку. Нужно отметить несколько фрагментов сосудов коричневого лака, характерного для позднеэллинистического времени.

Среди других керамических изделий отметим шесть пирамидальных ткацких грузил небольшого размера, ручку сосуда местной глины, украшенную высокорельефной маской актера (раба) из новогреческой комедии (рис. 4, *3*), а также фрагменты нескольких маленьких чашечек типа солонок, в которых сохранились остатки красной и зеленой краски. Красная краска обнаружена также в больших перламутровых раковинах и отдельными кусочками в разных местах святилища. Чашечки и раковины

---

[6] Найденная в этом районе в 1961 г. головка куроса представляет собою исключение, так как иных находок архаической эпохи здесь нет. Эта головка имела, по-видимому, сложную историю, пока не попала в качестве вотива в святилище. Это замечание следует считать дополнением к нашей статье «Курос из Кеп» (стр. 134—141).

Рис. 5. Отдыхающий рыбак. Терракота

Рис. 5а

Рис. 4. Находки в святилище

1 — чернолаковый флакон; *2* — терракота — мальчик с гусем; *3* — ручка сосуда с налепом в виде маски актера; *4* — мраморная женская головка

с краской, несомненно, были культового назначения. Заметим, что красная краска и раковины особенно характерны для культа Афродиты [7].

Значительный интерес представляют найденные здесь терракоты. Выдающимся произведением коропластики несомненно является полая внутри статуэтка (рис. 5, 5а) сидящего на корточках рыбака или сборщика винограда, скрестившего ноги с крупными широкими ступнями, привыкшими обходиться без обуви; он сидит в задумчивой позе, подперев правой рукой голову. С правого плеча его спускается на спину короткий плащ. С левой стороны изображены круглая и пирамидальная корзины (одна на колонке). Жанровый характер изображения полностью отвечает духу искусства эллинистической эпохи [8]. По выразительности, художественности композиции жанровой сцены и технике эта терракота относится

[7] Plin., Nat. hist. IX. 30; XXXII. 5; L. Séchan. Venus. DAGR, стр. 721; Л. Стефани. Объяснение нескольких художественных произведений, найденных в южной России. ОАК за 1870—1871 гг. Приложение, стр. 130 сл.

[8] Э. Лёви. Греческая скульптура. Пгр., 1915, стр. 104—105.

Рис. 6. Сидящая в кресле богиня. Терракота

к классу лучших произведений коропластики II—I вв. до н. э. К сожалению, утеряна голова, но и без нее можно видеть, что изображение дает тип варвара, не грека. Вследствие этого, а также в силу наличия в Кепах собственного производства высокохудожественных терракот, можно думать, что статуэтка не была привозной. Состав ее глины близок глине кепских изделий.

Довольно тонкой моделировкой отличается фигурка мальчика с гусем (рис. 4, *2*), женские головки в высоком головном уборе, торсы юношей. Несколько суммарнее моделирована сидящая в кресле богиня в калафе, держащая в правой руке фиалу (рис. 6). На богине высокий грибообразный головной убор. Здесь же найдена нижняя часть второй подобной терракоты и части керамической формы для их изготовления. Образ этой богини был популярен в азиатском Боспоре эллинистической эпохи [9], и изображение ее очень близко изображению Кибелы [10]. Однако терракота не имеет основного атрибута Кибелы — льва. Вероятно, это было изображение Геры или Деметры.

Помимо формы для изготовления сидящей богини, были обнаружены части других раздробленных форм и две целые. Одна из них служила для оттиска фигуры танцующего Эрота (рис. 7, *1, 2*) в духе эллинистического времени; поза Эрота очень близка позе танцующих менад. В другой форме (рис. 7, *3, 4*) изготовлялась закутанная в плащ фигура крылатой девочки, вероятно Психеи. Рядом была найдена верхняя часть терракоты, вышедшей из этой формы. Все терракотовые статуэтки сделаны из глины, подобной глине сосудов с клеймом кепской мастерской. Все это, и особенно формы для изготовления, впервые доказали широкое производство высокохудожественных терракот в Кепах II — I вв. до н. э.

В числе находок из железа было несколько фрагментов гвоздей, часть клинка меча, плоский наконечник и втулка дротика, трехлопастный наконечник стрелы с длинным черешком, лезвия маленького и средних размеров ножей, одно лезвие маленьких ножниц, часть ключа, фрагменты рукояти, кольца. Особого внимания заслуживает миниатюрный железный виноградарский нож.

[9] Е. О. Прушевская. Художественная обработка металла. АГСП. М.—Л., 1955, рис. 30, 33; А. П. Иванова. Скульптура и живопись Боспора. Киев, 1961, стр. 59—60.

[10] Т. Н. Книпович. Основные линии развития искусства городов Северного Причерноморья в античную эпоху. АГСП, рис. 3.

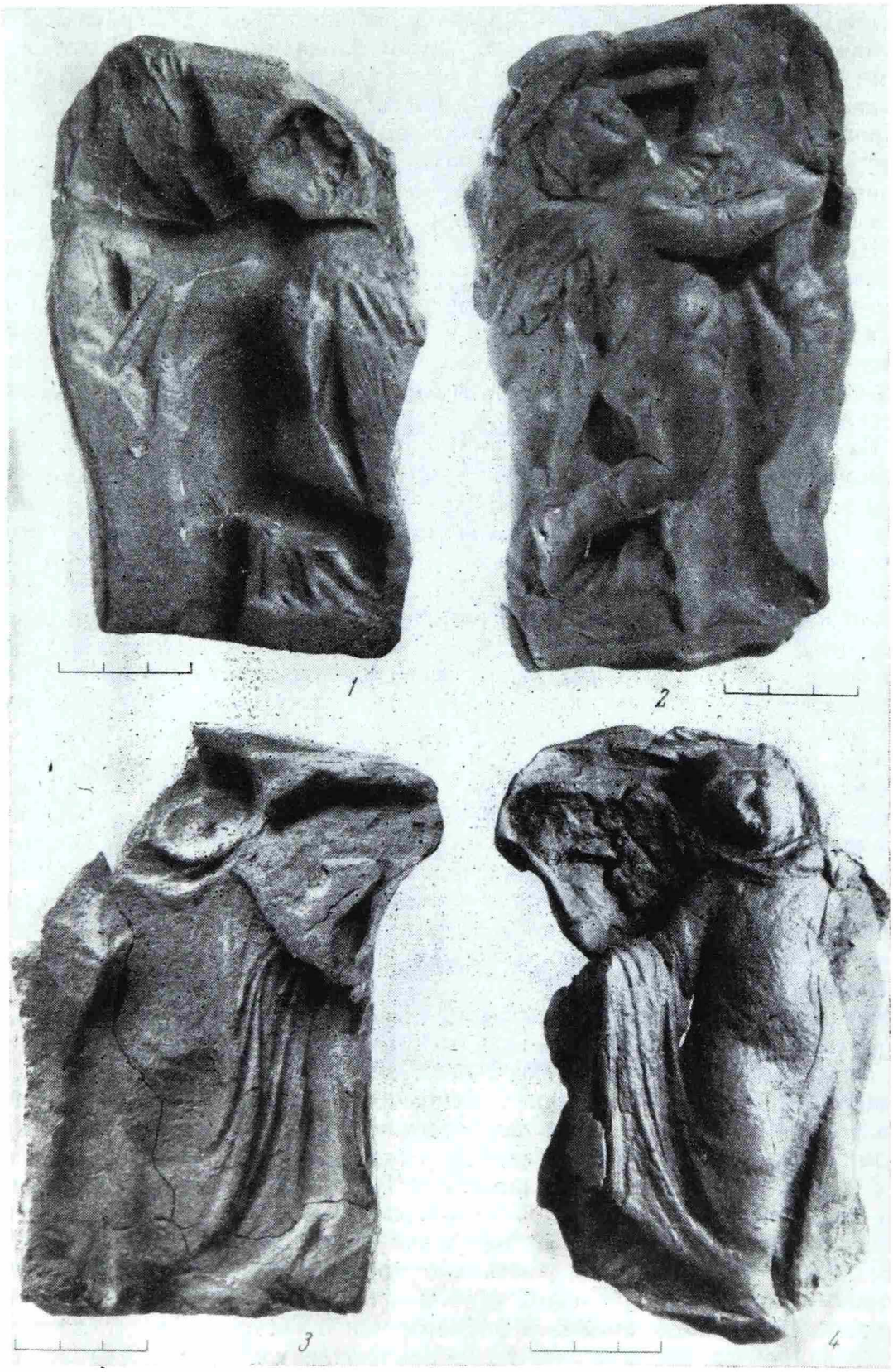


Рис. 7. Формы для изготовления терракот и оттиски из них

1 — форма для оттиска фигуры танцующего Эрота; *2* — оттиск из нее; *3* — форма для оттиска крылатой девичьей фигуры; *4* — оттиск из нее

Из бронзовых предметов упомянем гвоздь с широкой шляпкой, горизонтальную рельефную ручку сосуда, сложенную вдвое пластинку с заклепками, видимо от обивки краев деревянного сосуда, трехлопастный втульчатый наконечник стрелы, дужку от ларца и другие фрагменты. Помимо железных и бронзовых предметов здесь найдены и свинцовые (шайбочка с дыркой, свернутая пластина, части свинцовой заливки, видимо, для закрепления статуи в постаменте, кольцо), а также серебряный наконечник ремня или ножен. Костяных предметов, кроме половины рашпиля для обработки мрамора, не найдено. Встречены также куски печины от жаровни и немного осколков раковин-мидий.

Найдены некоторые изделия из камня. Отметим часть топора эпохи бронзы из серого диорита, использовавшегося в античную эпоху в качестве терочника; два округло-овальных хорошо обточенных камешка, связываемых с культом Афродиты [11]; точильный светло-коричневый брусок, долго бывший в употреблении; фрагмент известняковой формы, вероятно, для оттиска терракот; прямоугольная капитель колонки (рис. 8, *1*) из известняка размером 0,225 × 0,155 *м*, высотой 0,09 *м*.

Важную группу составляют мраморные вещи. Заслуживают внимания мраморный ковш (рис. 3, *2*), у которого сохранившееся основание ручки украшено резным орнаментом. Ковш снизу закопчен, внутри него обнаружены остатки заизвестковавшейся массы и красной краски. Нужно думать, что этот ковш являлся принадлежностью культового инвентаря. В юго-западной части святилища найдены половина маленького (0,36 × ×0,36 *м*) квадратного тарапана (рис. 8, *2*) из серого мрамора, часть большой полусферической серомраморной чаши диаметром 0,6 *м*, миниатюрное беломраморное рыболовное грузило с перехватом для веревки, повторяющее форму больших каменных грузил, и несколько осколков мраморных плит толщиной 0,03—0,035 *м*.

Бóльшую часть находок из мрамора составляют части скульптур. Среди них имеется маленькая женская головка (рис. 4, *4*), возможно, принадлежавшая статуэтке Афродиты, а также отдельно сделанная, несомненно вотивная изящная женская рука, держащая ритон (рис. 9, *1*); ее размер — в половину натуральной величины. Здесь найдены также фрагмент небольшой скульптуры — левая рука, положенная на капитель колонки, миниатюрная рука статуэтки (рис. 9, *2*), держащая что-то в сжатом кулачке, часть ноги (голень) от небольшой статуэтки, фрагменты драпировки от мраморной скульптуры. Любопытна мраморная пластинка, на которой имеются четыре ребра, изображающие, видимо, пальцы руки (рис. 9, *3*). Оборотная ее сторона сохранила остатки гипса для прикрепления, вероятно, к стене. Это несомненно вотив, так же как и несколько отдельно сделанных в натуральную величину человеческих пальцев (рис. 9, *4*). Некоторые из этих пальцев имеют также остатки гипса на срезе для прикрепления. Нужно думать, что эти изображения частей человеческого тела принесены в дар божеству, как благодарность за исцеление от болезней. Ярким примером такого рода пожертвований являются находки в остатках храма Асклепия в Коринфе. Но не только части рук были вотивными. Значительная, если не бóльшая, часть всех предметов, вероятно, представляла вотивы, о чем говорит, с одной стороны, их качество, с другой — миниатюрность ряда вещей, имеющих размеры менее натуральных. В святилище жертвовались предметы искусства (терракоты, скульптуры), а также часто специально сделанные в уменьшенном масштабе предметы, связанные с родом занятий дарителя (виноградарский нож, тарапан, формы для терракот, оружие, сосуды с клеймом), сосуды и различного рода бытовые предметы.

---

[11] O. Broneer. Excavations on the North Slope on the Acropolis in Athens. «Hesperia», II, 1933, стр. 342; IV, 1935, стр. 119; М. М. Худяк. Из истории Нимфея. Л., 1962, стр. 26—28, табл. 20, *4*.

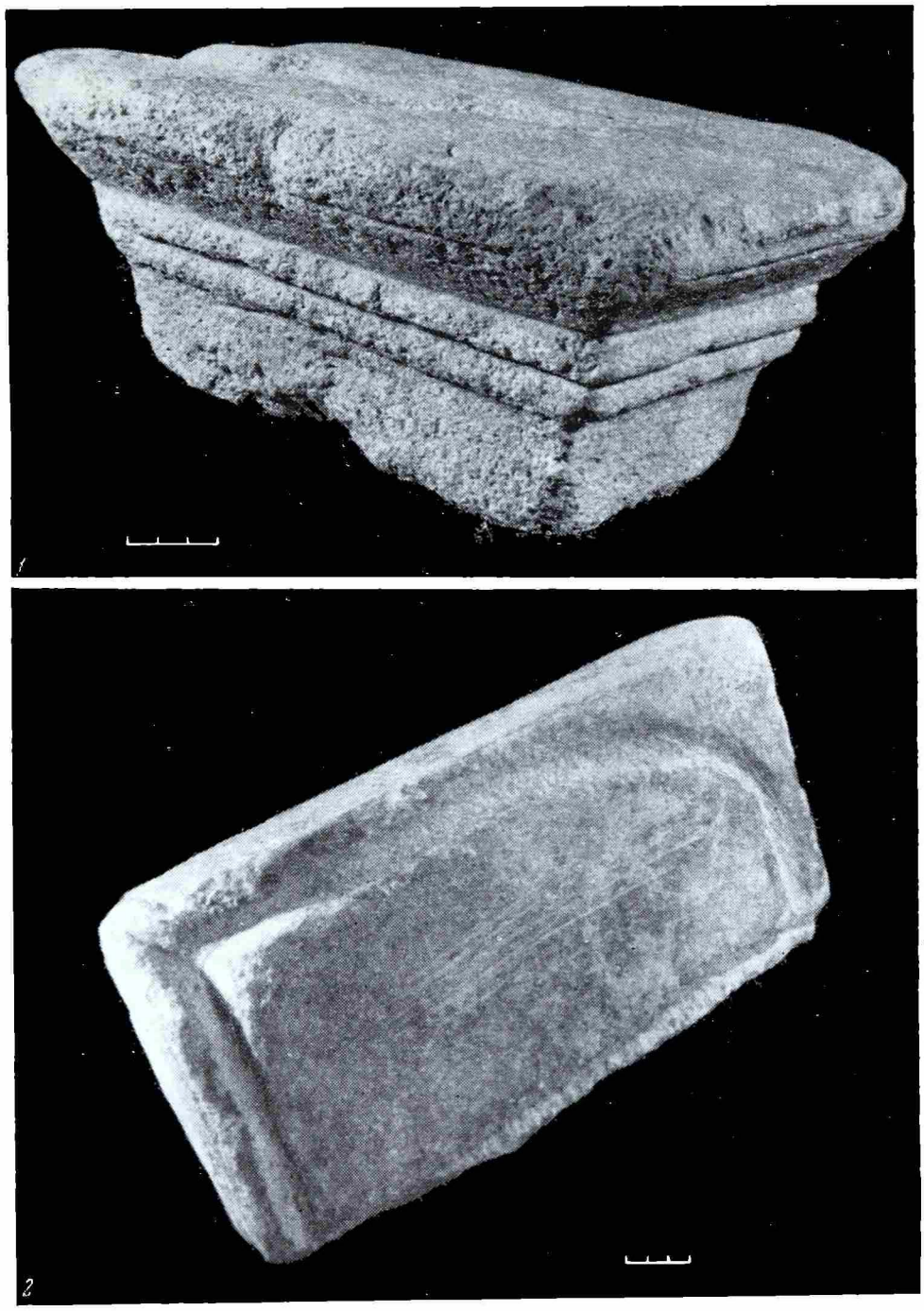


Рис. 8. Капитель и тарапан

1 — капитель колонки из известняка; *2* — половинка небольшого серомраморного тарапана

Наиболее выдающейся находкой в остатках святилища, бесспорно, является небольшая женская статуя, получившая название «Афродиты Таманской» (рис. 10). Она обнаружена с восточной стороны восточного фундамента, глубоко погруженной своей верхней частью в материковый песок, непосредственно под дорогой. Голова и нижние части рук утеряны. Это затрудняет интерпретацию скульптуры. Статуя не имела никаких атрибутов, облегчающих ее определение. Подобная фигура могла изображать Афродиту или нимфу [12]. Однако сведения о большом распространении культа Афродиты на Таманском полуострове в античную эпоху и некоторые другие данные заставляют предполагать в нашей скульптуре изображение богини Афродиты.

[12] G. Jacopi. Monumenti di sculptura del Museo Archeologico di Rodi, II, 1931. стр. 16—22; Clara Rhodos, V, Rodi, 1928.

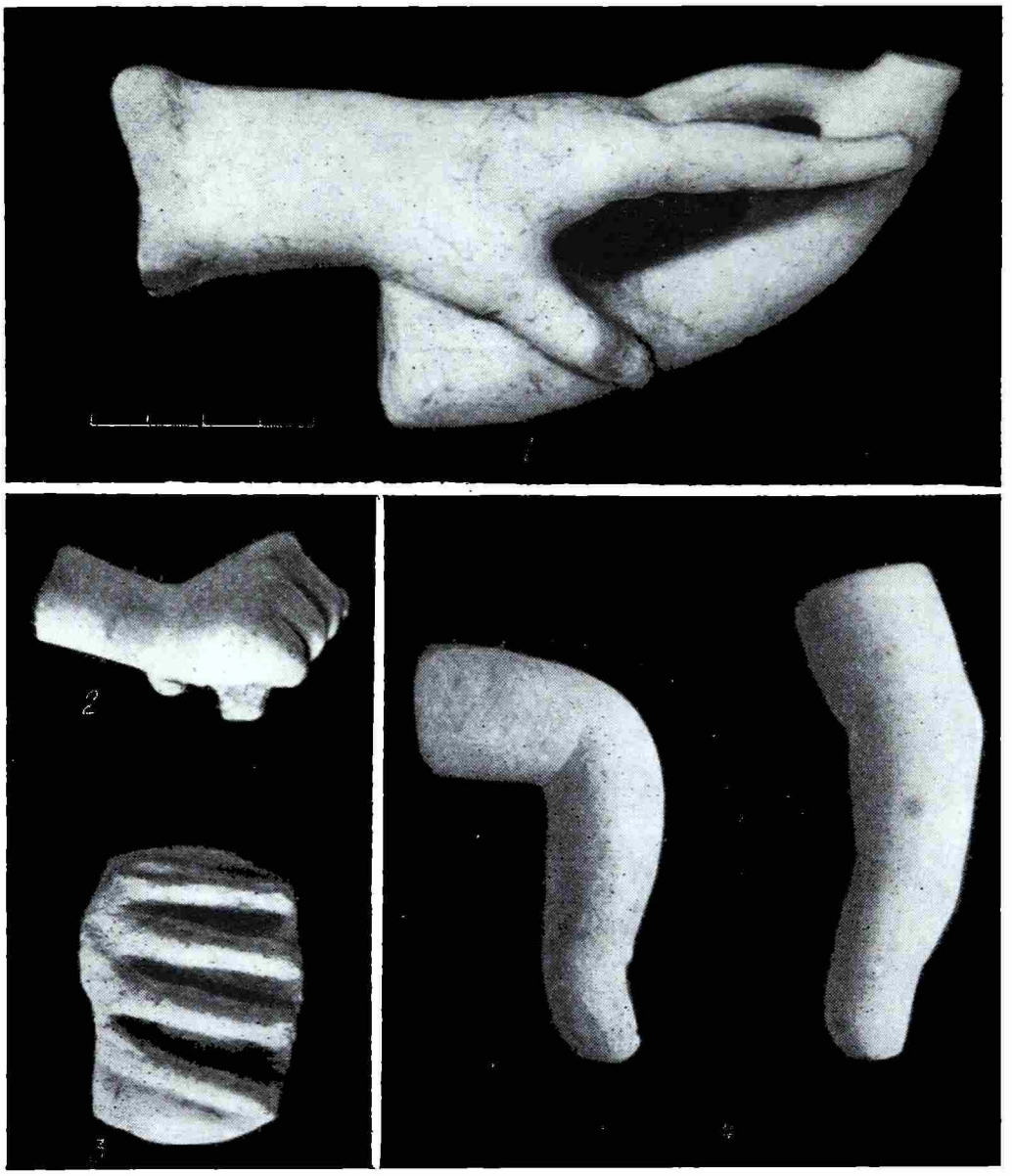


Рис. 9. Вотивные предметы из мрамора

1 — женская рука с ритоном; *2* — рука статуэтки; *3* — пластинка с рельефными пальцами; *4* — отдельные пальцы

Высота статуи без головы достигает 45,5 *см*, вместе с головой должна была составить примерно 52—53 *см*. Голова, нижние части рук и носок левой ступни были сделаны отдельно и прикреплены металлическими штырями, схваченными тонким известковым раствором.

Фигура Афродиты сохранилась относительно хорошо. У статуи раздавлена передняя часть подножия. При реставрации, Н. М. Немноновой были восстановлены отбитые, но найденные тут же несколько складок драпировки, а также снят известковый налет. Мрамор, однако, сохранил пятна интенсивной желто-коричневой патины. Статуя изваяна из бело-молочного зернистого мрамора, характерного для восточных островов Эгейского моря.

Богиня изображена повернутой к эрителю правой стороной, ее торс сильно наклонен вперед и несколько влево, левая нога согнута под прямым углом и поставлена на высокий постамент, представляющий собой скалу. Этот мотив является наиболее характерной чертой. Голова была обращена в сторону зрителя. Центр тяжести фигуры равномерно распределяется на обе ноги. Согнутая левая рука спокойно опирается на левое колено. Положение правой руки менее ясно, вероятно, она была согнута под прямым углом и кистью лежала на левом бедре.

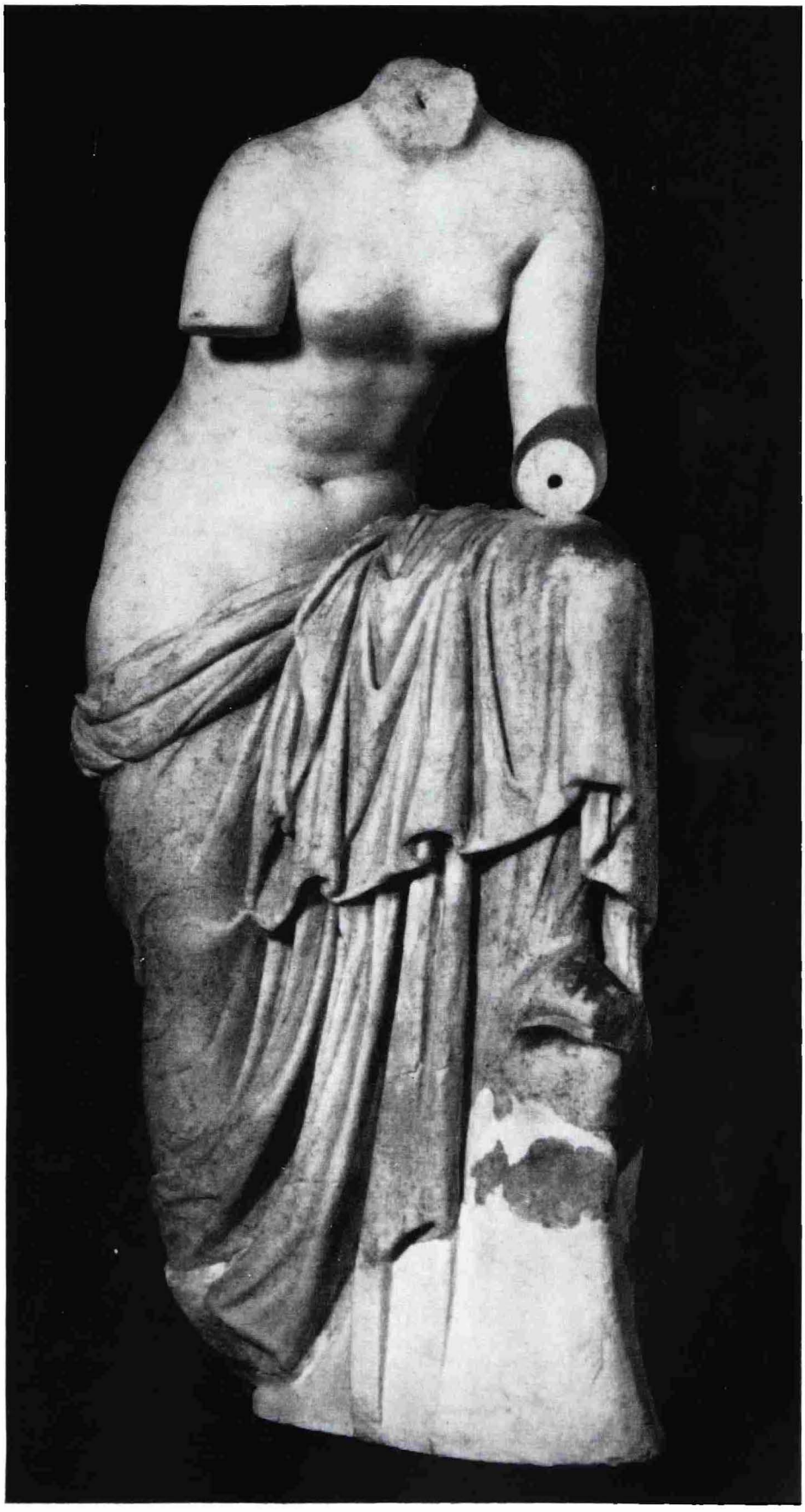


Рис. 10. Афродита Таманская

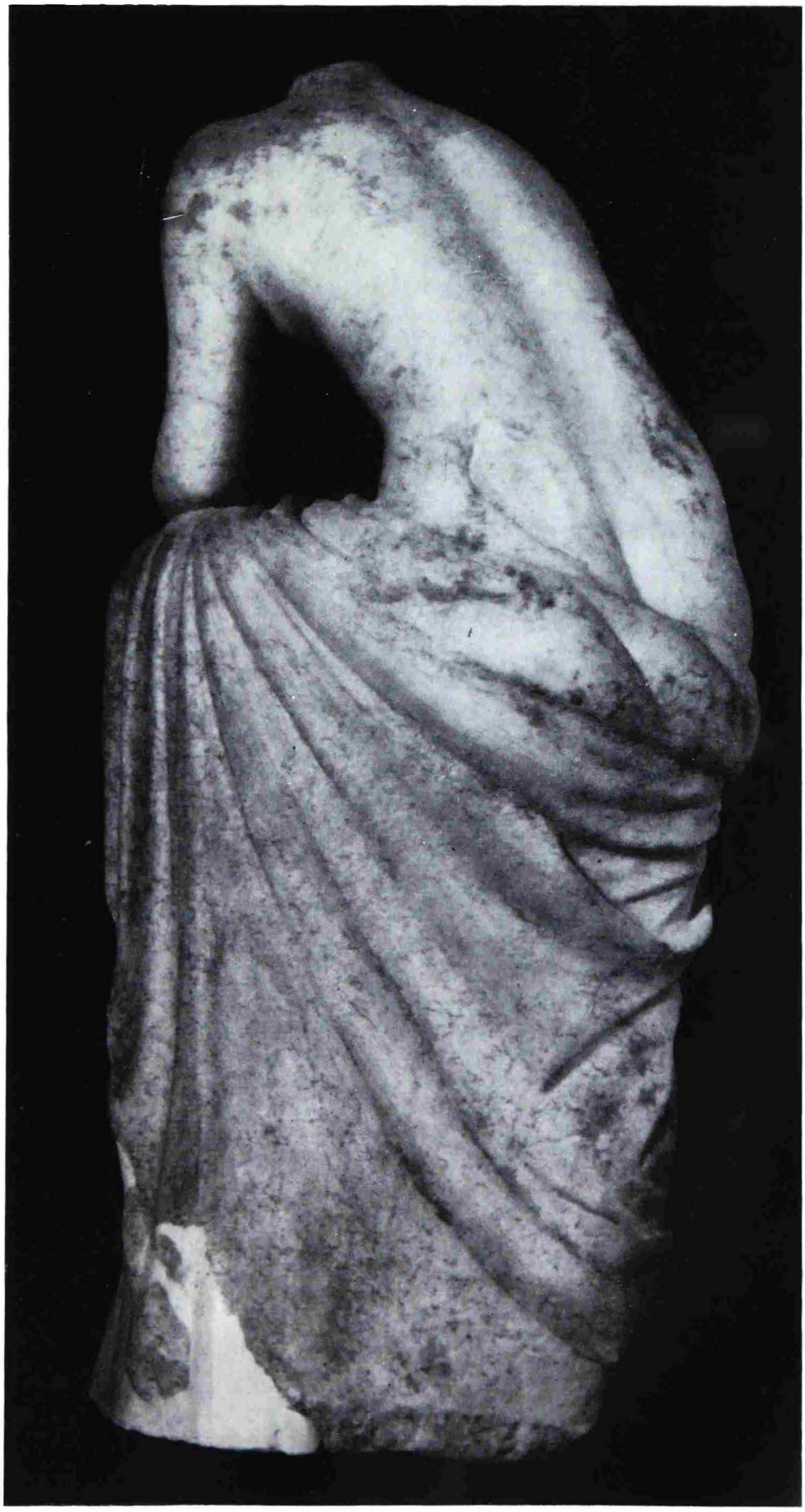


Рис. 10а. Афродита Таманская

Пропорции торса, мягкие линии полуобнаженного тела безукоризненны, фигура очень красива и жизненно правдива.

Нижняя часть фигуры прикрыта драпировкой. Край драпировки спускается с левого бедра на переднюю сторону вторым рядом складок. Вокруг бедер драпировка проходит крупной складкой, расположенной в той же схеме, что и у известной статуи Афродиты из Капуи [13], а также у статуй богини [14] типа Афродиты с о. Мелоса. Трактовка двойной складки на бедрах наиболее близка изображению складок драпировки Венеры Милосской [15]. Точно так же, как у последней, создается впечатление, что покрывало может соскользнуть с бедер.

Ступня правой ноги отбита, она была прикрыта складками драпировки; левая же нога, обутая в сандалию, открыта до пятки. Обращает на себя внимание тонкая моделировка одежды на правой ноге, под складками чувствуется живое тело. Это сделано с присущим эллинистической скульптуре мастерством, высшим выражением которого является изображение одежды статуи Ники Самофракийской. В складках драпировки сохранились остатки розовой краски, а на ранте сандалии левой ноги — красной. Полихромия сильно увеличивала в свое время декоративность скульптуры.

Представляя собой круглую скульптуру, статуя была рассчитана на обозрение с одной стороны. Об этом говорит композиция фигуры, а также сравнение трактовки и техники обработки обеих сторон ее. В противоположность безукоризненной проработке правой и передней сторон, со сложным изгибом тела, с тщательной моделировкой деталей, левая сторона изваяна суммарнее, контур фигуры здесь более плоскостен; складки драпировки прорезаны менее глубоко. Левая сторона не была рассчитана на зрителя, вследствие чего двойная складка плаща на левом бедре не показана — здесь сохранилась часть поверхности необработанного блока, над которой имеется продолговатое углубление с остатками тонкого известкового раствора, прикреплявшего накладку на месте случайного скола в процессе обработки блока. На левой стороне различимы следы инструмента (траянки). Эти детали техники указывают, что скульптура была связана с расположенным непосредственно за ней фоном, вероятно, стеной. Судя по наиболее выгодному обзору, маловероятно, чтобы статуя украшала фронтон. Скорее всего она служила украшением внутренней части святилища и была расположена в выемке стены. Статуя имела свой пьедестал, так как внизу есть косые срезы для удобства установки. Углубленная на 15 *мм* в выемку пьедестала, она закреплена была тремя металлическими штырями, от которых остались отверстия.

Приведенные выше археологические материалы дают прочное основание для датировки вновь найденной статуи. Исходя из того, что она была связана с архитектурным декором здания, мы не вправе относить скульптуру к заключительному периоду существования святилища, т. е. к I в. до н. э. Статуя связана с начальным этапом его функционирования, а потому должна быть отнесена к первой половине II в. до н. э.

Стилистический анализ, сравнение с другими образцами скульптуры эллинистического времени подтверждают эту датировку. Так, реализм в изображении зрелого женского тела, схема распределения обнаженной и задрапированной частей находят параллели в кругу позднеэллинистической скульптуры времени, близком созданию Афродиты Милосской. Несмотря на различие образов Афродиты и размеров этих статуй, мы видим сходство в трактовке плеч, бюста, драпировки. Сходные элементы стиля можно отметить и в других изображениях богини позднеэллинистического времени, например с Родоса [16]. Решить вопрос о месте изготовления статуи

---

[13] G. Dickins. Hellenistic Sculpture. Oxford, 1920, рис. 5.

[14] S. Reinach. Répertoire de la statuaire grecque et romaine, II, Paris, 1897, стр. 338.

[15] M. Bieber. The Sculpture of the Hellenistic Age. New York, 1955, рис. 674—675.

[16] M. Bieber. Ук. соч., стр. 154, рис. 520.

из Кеп непросто. Возможно, она привезена из одного из центров Восточного Средиземноморья, о чем может говорить мягкость форм, элементы сходства с Венерой Милосской и родосской скульптурой. Однако связь скульптуры со зданием заставляет думать, что не статуя была привезена, а мастер был приглашен на Боспор, в Кепы. Приглашение скульпторов в другие города было распространенным явлением в эллинском мире с раннего времени [17].

Вновь открытая статуя является редкой находкой для юга нашей страны. Ее отличает высокий уровень искусства ваяния и тип изображения. Несмотря на небольшие размеры скульптуры, соразмерность пропорций, компактность композиции и высокое качество работы выдают руку опытного мастера и заставляют отнести ее к числу выдающихся памятников античной пластики. Статуя не только обогащает не столь обширный репертуар мраморной скульптуры из античных городов Северного Причерноморья, но благодаря особенностям типа и достаточно точной датировке, она может помочь изучению некоторых сторон скульптуры эллинистической эпохи в целом.

В этом плане отметим, что кепская статуя представляет собой особый, редко встречающийся вариант женской скульптуры (Афродиты). Особенностью этого варианта является постановка ноги на высокий постамент в сочетании с сильно наклоненным вперед обнаженным торсом и задрапированной в аналогичной схеме нижней частью фигуры. Что касается мотива постановки ноги на высокий постамент, то он встречается в вазописи с эпохи архаики, затем в рельефах и позже в скульптуре (Лизипп) при изображении ряда персонажей. Но в применении к изображению Афродиты или нимфы, подобному кепской статуе, этот мотив редок. Скульптур, близких Афродите Таманской, вообще мало. Дж. Якопи, публикуя статую с Родоса, считает возможным сопоставить ее только с четырьмя экземплярами [18]. Из них очень близко напоминает таманскую статуэтка, хранящаяся в Константинопольском музее, происходящая из Кизика и относимая С. Рейнаком к изображениям Афродиты [19].

Еще более близкой аналогией Афродите Таманской является статуя с Родоса, найденная в 1927 г. [20]. По размерам она несколько превосходит кепскую (высота родосской 87,5 *см*), но по типу и технике очень близка ей. Помимо мелких деталей, различие заключается в том, что родосская статуя повернута к зрителю левой стороной, вследствие чего на постамент оперта правая нога. Дж. Якопи относит скульптуру к родосской школе, процветавшей с III по I в. до н. э., но не решается определить ее Афродитой или нимфой [21].

Таманская статуя дает основание отнести родосскую ко II в. до н. э. В свою очередь, родосская позволяет предположить, что скульптор, создавший таманскую статую, был родосец, тем более, что на большом археологическом материале уже ранее зафиксированы интенсивные связи боспорских городов с Родосом во II в. до н. э.

Аналогии, хотя и немногочисленные, указывают на то, что скульптура, найденная на Таманском полуострове, представляет определенный об-

---

[17] М. М. Кобылина. Аттическая скульптура. М., 1953, стр. 45; M. Bieber. Ук. соч., стр. 71—73; G. Richter. Sculpture and Sculptors of the Greeks. New-Haven, 150, стр. 112 сл.; В. Д. Блаватский. Греческая скульптура. М.— Л., 1939, стр. 164.

[18] G. Jacopi. Ук. соч., стр. 22, примеч. 1—4.

[19] S. Reinach. Ук. соч., III, 1904, стр. 103, № 6.

[20] G. Jacopi. Ук. соч., стр. 16—22, табл. II, *9—12*.

[21] В итальянской энциклопедии античного искусства приведена фотография этой скульптуры, которая предположительно называется нимфой.— Enciclopedia dell'arte antica. Roma, V, 1963, стр. 504, рис. 645. Однако мы не видим явных указаний на такое определение. Нам представляется, что изображение нимфы должно сопровождаться определенными аксессуарами. Примером тому может служить близкая по типу скульптура из коллекции Chavlars, изображающая нимфу у фонтана. Здесь гидрия, на которую опирается нимфа, служит определением персонажа (S. Reinach. Ук. соч., I, 1897, стр. 437, *5*).

раз и тип, известный в различных районах античного мира и имевший устойчивую традицию. Однако этот вариант еще не подвергся обстоятельному изучению. В этом плане укажем на необходимость привлечения терракот. Действительно близкие аналогии мы находим среди терракотовых статуэток из Сицилии, определяемых как изображение Афродиты [22]. Одна из сицилийских статуэток особенно близка Афродите Таманской и позволяет понять положение головы последней [23].

На основании близости изображений Афродиты из Кизика, Родоса, Сицилии и Кеп можно сделать вывод о том, что все они имели общий прототип в несохранившейся или пока не найденной более известной скульптуре, по-видимому, относящейся к IV в. до н. э., т. е. к тому времени, когда в греческой скульптуре резко усиливается реалистическое стремление приблизить образ божества к изображению человека [24]. В частности, это выразилось в том, что богиня Афродита стала изображаться, как правило, обнаженной или полуобнаженной [25], чему дал яркий пример и вызвал многочисленные подражания Пракситель [26], хотя наша статуя не может относиться к кругу скульптур этого мастера. Образ Афродиты разрабатывался в IV в. многими скульпторами [27], произведения которых до нас не дошли. Тип Афродиты, представленный статуей из Кеп, нужно думать, уходит в еще более раннее время. В этом отношении интересна терракотовая статуэтка второй половины V или начала IV в. до н. э. из Пантикапея [28], которая изображает Афродиту с Эротом, задрапированную в стиле V в. до н. э., но также с левой ногой, поставленной на высокий скальный постамент. Заметим, что эта статуэтка рассеивает сомнения в определении кепской скульптуры как Афродиты. Ее постамент идентичен постаменту родосской скульптуры. По-видимому, к тому же кругу скульптур относится и Афродита из Дрездена [29].

Раскопки остатков святилища и находки в нем имеют весьма важное историческое значение. Они уточняют и расширяют наши знания по экономической и культурной истории Кеп, отраженной в святилище, как в фокусе. Мы получили дополнительные данные о строительной технике, об обработке мрамора; впервые зафиксировано производство в Кепах терракот. Находки сосудов кепской глины, в том числе с клеймом, свидетельствуют о гончарном ремесле, глиняные грузила — о ткачестве. Ярко выступает большое значение для Кеп виноделия и виноградарства, рыболовства по вотивам, связанным с этими занятиями. Другие предметы рисуют бытовую жизнь жителей города (ножницы, ножи, ключ от сундука, сосуды и т. д.). Находки предметов вооружения (фрагмент меча, наконечники стрел, копья) показывают, что население было вооружено. Это важно отметить потому, что в погребениях кепского некрополя того же времени оружие не встречается, в противоположность погребениям VI—V вв. до н. э. Видимо, изменился не столько образ жизни, сколько обряд погребения и идеологические представления. Импортные товары фиксируют интенсивные торговые связи боспорских городов с южнопричерноморскими и островными центрами. Материалы святилища подтверждают расцвет Кеп во II в. до н. э., замеченный при наших предшествующих работах [30]. Статуя Афродиты значительно расширяет наши представления о культе

---

[22] R. Kékulé. Die Terracotten von Sicilien. Berlin und Stuttgart, 1884. табл. XLII, *1*, *3*, *4*.

[23] Там же, табл. XLII, *4*.

[24] В. Д. Блаватский. Греческая скульптура, стр. 155.

[25] L. Séchan. Ук. соч.

[26] A. Furtwängler. Aphrodite. RL, I, Berlin, 1884, стр. 410 сл.

[27] J. J. Bernully. Aphrodite. Leipzig, 1873, стр. 10 сл.

[28] В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1908 г. ИАК, 40, 1911, стр. 87, рис. 28; И. Б. Брашинский. Афины и Северное Причерноморье в VI—IV вв. до н. э. М., 1963, рис. на стр. 87.

[29] S. Reinach. Ук. соч., I, стр. 319, № 2.

[30] Н. И. Сокольский. Кепы, стр. 105.

этой богини на азиатской стороне Боспора. Мы склонны думать, что само святилище было посвящено Афродите [31]. Конечно, такие находки, как вотивы, изображающие части рук, с большим основанием можно было бы связать с храмом Асклепия или Аполлона-Врача, культ которого на Боспоре хорошо засвидетельствован [32]. Но таких вотивов немного. Разнообразие приношений предполагает более сильное и универсальное божество, каким нам рисуется Афродита, культ которой имел широкое распространение на Боспоре и главным образом в его азиатской части [33]. Существование храмов и святилищ Афродиты засвидетельствовано в расположенных здесь городах — Фанагории, Гермонассе, Горгиппии. Помимо того, существовало особое святилище Афродиты — Апатур [34]. Широкое распространение культа этой богини в Азиатском Боспоре, по-видимому, объяснялось участием в нем не только греков, но и местного населения — синдов [35].

Согласно литературным и эпиграфическим свидетельствам, богиня почиталась здесь в основном под именем Афродиты Урании, т. е. Афродиты небесной [36], богини строгой и могущественной, простирающей свою власть на небо, море и землю [37]. Поэтому вполне возможно, что почитание Афродиты поглотило здесь почитание местного женского божества в процессе сильной эллинизации синдского общества. В этом плане следует отметить, что раннегреческий культ Афродиты близко связан с культом древневосточной богини, известной под именами Иштар, Астарта [38]. Вероятно, синдское женское божество имело те же черты. Более того, в начале XIX в. у Ахтанизовского лимана, на г. Бориса и Глеба была найдена статуя Астары [39], поставленная боспорской царицей Комосарией, видимо, синдянкой по происхождению. Связь имени синдской Астары IV в. до н. э. с древневосточными Астартой и Иштар несомненны, а исчезновение в последующее время имени Астары и повсеместное распространение культа Афродиты подтверждает мысль о слиянии культов Астары и Афродиты.

В настоящее время можно считать твердо установленным, что культ Афродиты в Кепах занимал первостепенное место. Еще ранее, при раскопках городища нами были найдены фрагменты чернолаковой посуды IV в. до н. э. с монограммой-посвящением Афродите [40]. В 1957 г. найдена грубоватая терракотовая фигурка, изображающая Афродиту [41], тип которой восходит к книдской статуе Праксителя, а в 1963 г. здесь, в 200 *м* от святилища, найден фрагмент мраморного постамента для статуи (рис. 11) с частью надписи, из которой следует, что статуя была посвящена Афродите при боспорском царе Спартоке, сыне Перисада (середина III в. до н. э.). Возможно, что само название города — Кепы, что означает «Сады», способствовало развитию здесь этого культа. Хорошо известно, что по-

---

[31] Размеры, наличие зольных ям, глинобитный пол, украшенная акротериями крыша, разнообразие приношений и т. д. могут быть вполне сопоставлены с находками в остатках святилища Афродиты в Нимфее (М. М. Худяк. Из истории Нимфея, стр. 23—30).

[32] IOSPE, II, № 6, 10, 15, 348.

[33] Л. П. Харко. Культ Афродиты на Боспоре Киммерийском. КСИИМК. XIII, 1946, стр. 141; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 210—214.

[34] Strabo. XI, *2*, *10*.

[35] Л. П. Харко. Ук. соч., стр. 138 сл.; В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч., стр. 212—213.

[36] IOSPE, II, № 19, 28, 343; IV, № 418.

[37] L. R. Farnell. The Cults of the Greek States, II, Oxford, 1896, стр. 629 сл.

[38] L. R. Farnell. Ук. соч., I, стр. 643 сл.

[39] А. П. Иванова. Скульптура и живопись Боспора. Киев, 1691, стр. 65—72.

[40] Н. И. Сокольский. Раскопки в Кепах в 1959 г. КСИА АН СССР, 86, 1961, стр. 55—56, рис. 24.

[41] Н. И. Сокольский. Раскопки в Кепах в 1957 году. КСИИМК, 78. 1960, стр. 55, рис. 17.

Рис. 11. Часть мраморного постамента с надписью-посвящением Афродите

читание Афродиты у эллинов связывалось с садами и рощами [42]. В Аттике существовал даже особый культ «Афродиты-Урании в садах» [43], статую которой изваял знаменитый Алкомен.

К сожалению, наши источники еще очень ограничены, и мы не можем ответить на ряд важных вопросов, связанных с историей культов, кото-

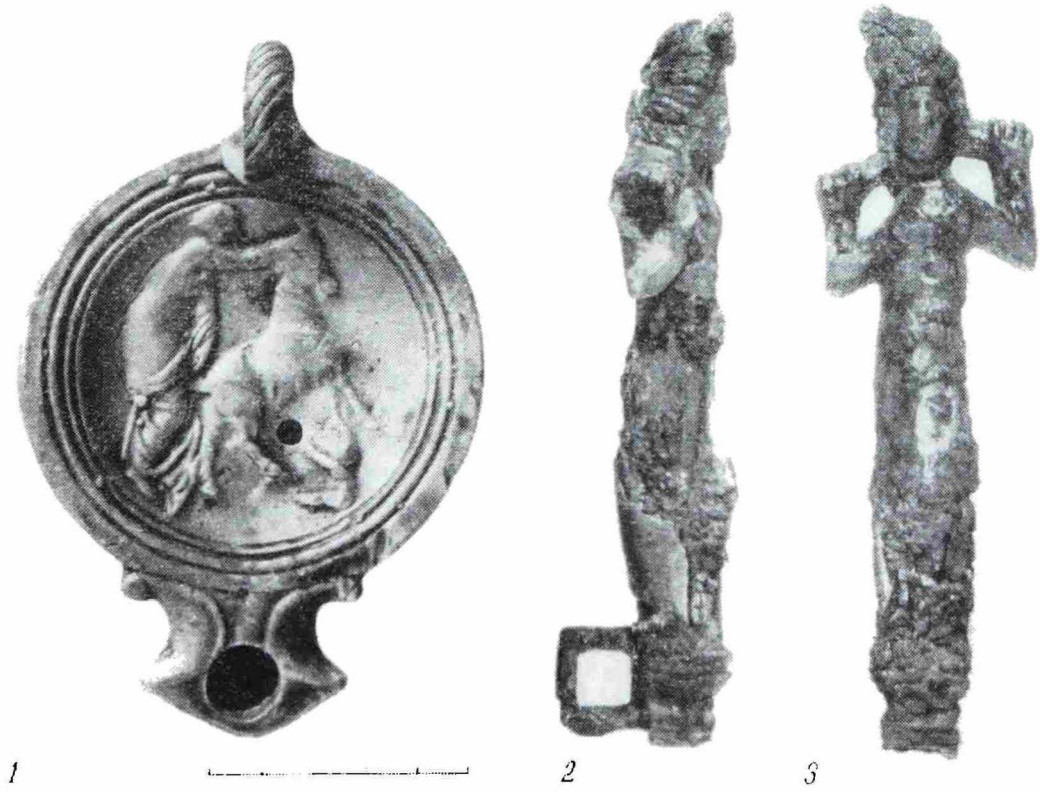


Рис. 12. Изображения богини Афродиты

1 — краснолаковый светильник из кург. № 11 в Кепах (Пандемос); *2—3* — бронзовая замковая накладка из раскопок Батарейки II (Анадиомена)

рым не уделяется достаточного внимания. Тем не менее важно подчеркнуть, что в культе Афродиты на Боспоре сохранилось более чем в Греции древних черт, связанных с пониманием ее как богини неба, рожденной

[42] A. Furtwängler, Ук. соч., стр. 392 сл.
[43] Plin. Nat. hist, XXXVI, 16; Paus., I, 19, 2.

Ураном, имеющей власть не только на земле, но и на море, строго соблюдающей законы любви и брака между людьми. Поэтому она здесь в основном называлась Уранией, а также почиталась под именем Навархиды (Судоначальницы) [44]. В Ольвии известен культ Афродиты Эвплойи, покровительницы плавания [45]. В Греции в эпоху эллинизма усиливается понимание Афродиты как богини простой человеческой любви, что выразилось в распространении почитания Афродиты Пандемос [46] и стирания граней между Афродитой Уранией и Пандемос [47]. Несомненно, что эти веяния достигали в той или иной мере и Боспора, подтверждением чему может служить краснолаковый светильник (рис. 12, *1*), обнаруженный в 1963 г. в одной из могил кепского некрополя. На щитке его изображена Афродита Пандемос с козлом, являющимся обычным ее спутником. Судя по эпиграфическим данным, культ Афродиты Урании на Боспоре и в первые столетия оставался важнейшим. Однако, как и ранее, встречаются и другие изображения этой богини. В качестве примера приведем изображение Афродиты Анадиомены на бронзовой замковой накладке сундука I в. (рис. 12, *2—3*), обнаруженной на городище Батарейка II в 1963 г., в 20 *км* от городища Кепы.

---

[44] IOSPE, II, № 25.
[45] IOSPE, II, № 168.
[46] О. Ф. Вальдгауэр. Афродита Урания и Афродита Пандемос. ИРАИМК, II, Пгр., 1922, стр. 221 сл.
[47] J. J. Bernully. Ук. соч., стр. 57—59.

Н. И. КРАШЕНИННИКОВА, Г. А. ПУГАЧЕНКОВА

КРУГЛЫЙ ХРАМ ПАРФЯНСКОЙ НИСЫ

(*Археологическое исследование и вопросы реконструкции*)

В застройке огромного Южного архитектурного комплекса на городище Старая Ниса — династической крепости парфянских царей, именовавшейся Митридатокертом, большой интерес представляет юго-западная группа. Оплывшие руины благодаря повышенному рельефу материкового грунта в данном месте, а главное — большой массе завалов, возвышающихся до 9 *м* над первоначальным уровнем, доминируют над городищем и прилегающей местностью. Как показали многолетние раскопки Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ), группа эта состояла из Круглого зала, двухэтажного сооружения с массивной платформой («башня»), системы окружающих их коридоров и небольших комнаток второстепенного порядка. Все эти разновысотные помещения были объединены в прямоугольник сплошной застройки (65 × 70,6 *м*), обращенный главными выходами в северо-восточную сторону и соприкасающийся своим восточным углом с дворцовым комплексом. Между главным фасадом последнего, северо-восточным фасадом упомянутой группы сооружений и северо-западным фасом крепостной стены лежал обширный двор.

К настоящему времени в намеченном прямоугольнике строений вскрыто 1630 $м^2$, что составляет свыше одной трети всей площади [1]. Раскопкам подвергнута центральная группа строений и частично обводные коридоры. Судить о планировке еще не вскрытой прилежащей застройки позволяет микрорельеф возвышающихся развалин, а также выходы стен, видимые в обрезах некоторых траншей 30-х годов, пробитых в разных местах и направлениях, чаще всего на незначительную глубину.

Стены центральных строений достигают в настоящее время 5—8 *м* высоты; к краям комплекса они резко идут на смыв.

---

[1] Раскопочные работы в юго-западной части Южного комплекса Старой Нисы были начаты в 1934—1936 гг. А. А. Марущенко и С. А. Ершовым; они свелись к закладке беспорядочных траншей и шурфов, выявивших случайные участки кладок и линии некоторых стен и крайне исказивших археологический микрорельеф. С 1949 г. в течение восьми полевых сезонов здесь осуществлялись систематические раскопки ЮТАКЭ под общим руководством М. Е. Массона при участии Е. А. Давидович, Д. Г. Зильпер, М. С. Мерщиева, Н. Б. Немцевой, Л. М. Рутковской; историко-архитектурные наблюдения велись Г. А. Пугаченковой. Основные археологические работы были проведены Н. И. Крашенинниковой. Более детально об истории изучения этого объекта см. в предварительных публикациях ЮТАКЭ. М. Е. Массон. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948—1952 гг. Тр. ЮТАКЭ, V, Ашхабад. 1955, стр. 206, 227; Н. И. Крашенинникова. К вопросу о взаимосвязи «Круглого храма» с так называемой «башней» Старой Нисы. ИАН ТуркмССР, сер. обществ. наук, 1960, 4, стр. 38 сл. (на стр. 38 вкралась досадная опечатка — вместо 1936 г. указан 1946 г.).

Настоящая статья затрагивает лишь итоги исследований главного зала. В плане — это круг диаметром 17 *м*, вписанный в четырехугольный (почти квадратный — 23,7 × 24,5 *м*) контур внешних стен (рис. 1). В зал первоначально вели три прохода разной длины и ширины. Юго-западный лежит на оси здания, северо-восточный и северный проходы расположены почти на диагоналях внешнего контура. Спустя некоторое время после возведения здания вдоль его юго-западного фаса была пристроена стена

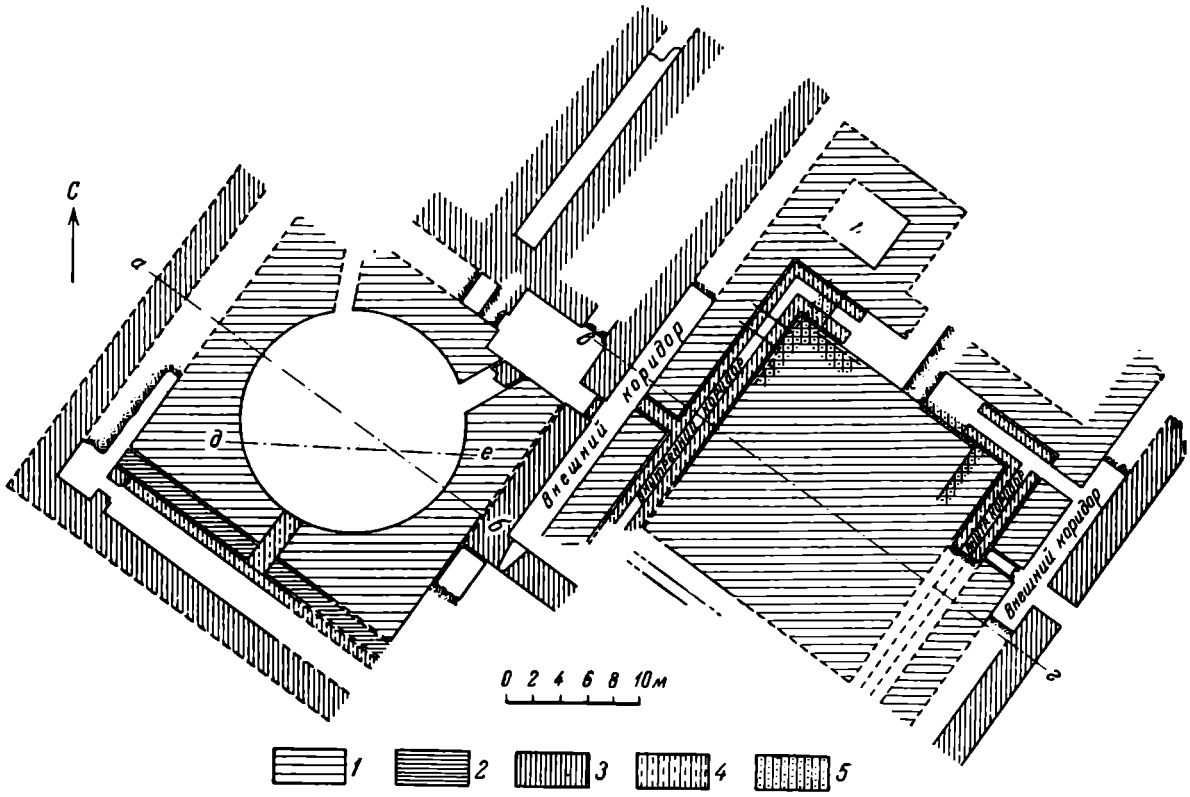


Рис. 1. План центральной части храмового комплекса: Круглый зал и двухэтажное сооружение

1 — стены I этапа возведения; *2* — стены IIа этапа возведения; *3* — стены IIб этапа возведения; *4* — стены III этапа возведения; *5* — стены второго этажа

шириной 1,55 *м*. Проход здесь еще продолжал функционировать, северо-восточный же закладывался тонкой стенкой, превратившей его в небольшое служебное помещение (2,05 × 2,6—3,5 *м*), которое, вероятно, со стороны зала закрывалось завесой. К возникшей при этом уступчатой сырцовой закладке пристраивается сложенный из жженых кирпичей и декоративных терракотовых плит на толстом слое глиняного раствора резервуар (размером 1,05 × 0,7 *м* при сохранившейся высоте 0,35 *м*), тщательно оштукатуренный белоснежным гипсом.

Во втором крупном строительном периоде (этап II б) почти по всему внешнему периметру здания возводятся дополнительные стены и возникает обводной коридор. Юго-западный проход закладывается полностью, функционирует только северный. Если первоначально между Круглым залом и двухэтажным зданием был разрыв, то теперь система коридоров соединяет их воедино.

К последнему строительному этапу можно отнести дополнительную стену метровой ширины, выстроенную вдоль наружного юго-западного фаса зала.

Те же хронологические этапы характеризуют процесс возведения и застройки сооружения, находящегося к востоку от Круглого зала [2].

Основным строительным материалом служил сырец прекрасного качества с добавкой большого количества рубленой соломы. Кирпич квадрат-

[2] Н. И. Крашенинникова. Ук. соч., стр. 43—44.

ный, преобладающий размер стороны 40 *см* (варианты 38—42 *см*) при толщине 14 *см* (варианты 12—15 *см*). Отмечено более высокое качество сырца в ранних строительных этапах. В конструкции колонн был использован жженый кирпич двух форм: квадратный (размер стороны 38 *см*, толщина 8 *см*) — в кладке плинтов и сегментовидный (четверть круга) с циркульным очертанием наружного края — в кладке стволов и баз. Формовка тщательная, особенно у кирпичей лекального профиля; перед обжигом кирпичи антобировались. Прочность их очень высока, по данным лабораторных исследований она соответствует марке «100». Кирпичи укладывались на слое гипсового раствора толщиной 1—2,5 *см*. В гипс в качестве замедлителя схватывания и с целью экономии этого ценного в то время сырья добавляли цемянку. Облицовочная штукатурка под окраску колонн, стен зала, грунтовка глиняных статуй, терракот и акантов производилась чистым белым гипсом [3].

Дерево применялось в перекрытиях зала и проходов. На щековых стенках обоих вскрытых проходов в сырцовых кладках через каждые 43 *см* были поставлены балки (диаметром 30 *см* при высоте до 3,2 *м*) со слегка подтесанной под плоскость внешней стороной. Они служили опорой для горизонтальных балок перемычки такого же диаметра, отесанных с двух сторон до 16 *см*. Это плоское перекрытие несло всю тяжесть лежащих выше кладок.

В завалах верхних участков стен встречались рассыпавшиеся кусочки балок диаметрами 7—9 и 14—17 *см*, истлевших уже к моменту древних обрушений стен. Рядом с ними всегда находились обломки гипсового раствора с отпечатками балок круглого сечения таких же диаметров или отесанных топором. Микроскопический анализ дерева, произведенный С. Ю. Рожановским, показал его принадлежность к разновидности местного можжевельника — арчи *Juniperus turcomanica B. Fedtsch.*, произрастающей на горных склонах Копет-Дага. Длина бревен этих деревьев при крупном диаметре не превышает 3—3,5 *м*.

В высотном решении Круглый зал представлял собою двухъярусное в интерьере сооружение, окруженное по периметру в уровне нижнего яруса коридором. К настоящему времени сохранились лишь стены нижнего яруса на высоту до 5 *м* от подошвы с ясно читаемой кладкой и еще выше на 1 *м* — из разрыхленного сырца. Начало верхнего яруса находилось во всяком случае выше 5 *м*. Предпринятые на этом уровне расчистки юго-восточного массива кладки стены показали характер выкладки кирпичей при сооружении круглого в плане интерьера и почти квадратного внешнего контура (рис. 2). Укладка каждого горизонтального ряда производилась не одновременно и начиналась от юго-западного прохода, расположенного на главной оси здания. Сначала выводили круг диаметром 17 *м*, выложенный в два с половиной кирпича (ширина его 1,1 *м*), затем выкладывался наружный контур в четыре ряда кирпича. Внутреннее пространство образовавшихся в углах треугольников заполнялось сырцом. На неодновременность процесса возведения внутреннего кольца и основного массива стен указывают разные уровни их горизонтальных рядов, использование половинок кирпичей для создания вертикальной перевязки в кладке внутреннего кольца и отсутствие перевязки кирпичей последнего с основным массивом стены. Расчистка кладки кирпичей над перемычкой северного прохода показала здесь диагональное по отношению к оси расположение сырца. Кладки верхнего яруса стен, достигающих толщины 2,35 *м*, давно обрушились, заполнив внутреннюю чашу зала и оплыв ча-

[3] Н. С. Гражданкина. Древние строительные материалы Туркмении. Тр ЮТАКЭ, VIII, Ашхабад, 1958, стр. 46—49, 205—206. По определению Н. С. Гражданкиной, в условиях жаркого климата Южной Туркмении с пониженной влажностью воздуха гипс был наилучшим вяжущим материалом в древнем и средневековом строительстве. Известь, проявляющая свои лучшие качества в условиях более низкой температуры и большей влажности, не применялась в парфянских постройках Нисы.

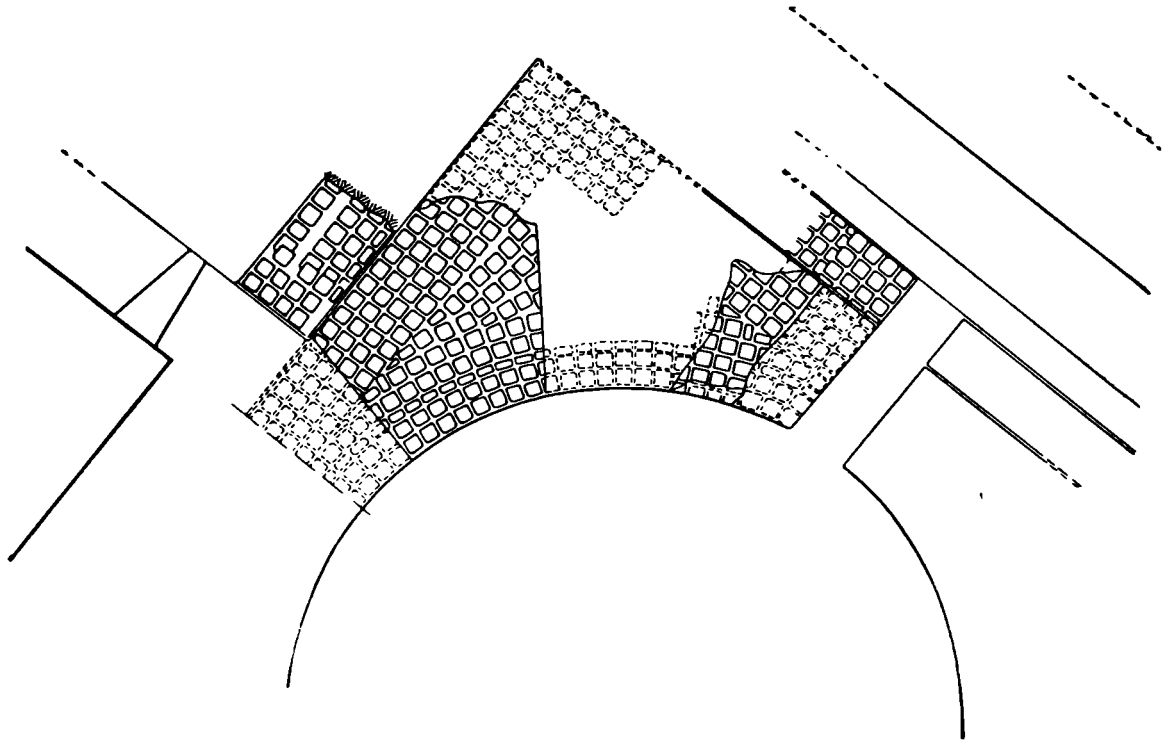


Рис. 2. Характер выкладки кирпичей в ю.-в. части здания при переходе от круга к квадрату

стично наружу. В завалах находились обломки колонн из жженых кирпичей с лекальным краем диаметром 47,5; 48; 51 и 52,5 *см*, многие десятки фрагментов отдельных кирпичей тех же диаметров, а также гипсовых валов от баз и терракотовых акантов. Под завалами найдены фрагменты крупных разбитых глиняных окрашенных статуй.

Поскольку стены нижнего яруса сохранили гладкую оштукатуренную поверхность на высоту до 4,25 *м* от пола и никаких следов наличия колонн на полу и под полом здания не обнаружено, совершенно несомненно существование пристенной колоннады в верхнем ярусе. Судя по размерам плинтов баз, глубина колоннады достигала 0,80—0,85 *м*. Становится ясной необходимость точного выведения внутреннего кольца стен зала для получения кольца колоннады верхнего яруса и установки в интерколумниях глиняных статуй.

Выше уже говорилось о строительных периодах изучаемого объекта. В интерьере зала они отмечены тремя слоями гипсовой штукатурки стен по двум глиняно-саманным смазкам и тремя слоями промазки пола. Архитектурный декор — аканты и декоративные плиты, а также глиняные статуи, несут следы неоднократной окраски по гипсовой грунтовке, иногда с изменением цвета. Наиболее употребительными были бордовый, ало-розовый, бирюзовый и цвет слоновой кости. Узкие углубленные места у волос статуй, складок одежд, у прожилок акантов и профилей карнизов декоративных плит часто тонировались черной краской, подчеркивая выпуклость форм.

Значительная часть зала была вскрыта ниже пола на 42 *см*, и здесь же были заложены три глубоких шурфа. Вскрытия показали, что фундамента у здания нет. Перед возведением стен была проведена подготовительная работа, выразившаяся в подсыпке земли с целью выравнивания рельефа материка. В виде специального основания был уложен пласт плотно утрамбованной сырой глины толщиной 21 *см*, с прослойкой посредине глиняной промазки, содержавшей большое количество рубленой соломы. До сооружения этого основания на снивелированном материке было уложено несколько десятков куч камней, не превысивших своими вершинами промазки первого пола. Они, видимо, выполняли роль нивелировочных

точек для уровня пола. Высота обмазок пола также равна 21 *см*. Отсутствие фундаментов под стенами здания связано с особым качеством материка Старой Нисы, обладающего высокой прочностью благодаря большому содержанию гипсовых солей, цементирующих его.

Стратиграфическая картина завала, заполняющего зал на высоту от 4 до 6 *м*, представлена на рис. 3. На самом полу, в слое, относящемся к первому периоду запустения зала, залегал слой строительного мусора значительной толщины. Он состоял из мелких фрагментов черепицы, архитектурного декора, фрагментов обожженных кирпичей от колонн и огромной массы гипсового раствора — от колонн и еще каких-то профилированных частей (по-видимому, от потолка). Здесь явно были видны следы осуществленной еще в древности разборки перекрытия и сброшенных колонн. Кое-где по отвалам связывающего раствора можно было проследить места расположения сброшенных стволов колонн. Ценный строительный материал — крупные балки перекрытий, черепица, жженый кирпич — был изъят сразу же после заброса здания; обломки стволов колонн и целые жженые кирпичи уцелели лишь там, где они попали под крупные обвалы сырцовых кладок. На этот слой строительного мусора были сброшены из второго яруса куски глиняных статуй. После этого зал разрушали только естественные силы природы: ветер, осадки, землетрясения.

Позднее, когда на полу зала уже сложился слой разрушения (толщиной около 0,6 *м* в середине и до 1,5 *м* у стен), площадь зала и окружающих коридоров (и это не единственный пример на Старой Нисе) в последний раз использует человек. В течение длительного времени здесь находили пристанище пастухи, сложившие из кусков кирпичей грубые очаги, оставившие следы около двух десятков кострищ, кости домашних животных, обломки грубого кухонного котла из глины с примесью дресвы, чашек, кувшинов и жаровен. Топливом служили части жердей, видимо, извлекавшихся из завалов, и верблюжья колючка. Штукатурки стен в юго-западной части зала, а также стенок северо-восточного прохода, к тому времени еще сохранившего перекрытие, обожжены до красноты на высоту до 1,0—1,5 *м*. Значителен и слой отвала золы.

Далее историю разрушения зала характеризует ряд мощных обвалов стен верхнего яруса, продолжавшихся со значительными перерывами вплоть до XV в. После этого происходит постепенный размыв и выветривание верха массива стен нижнего яруса, а также продолжается заполнение зала натечными слоями. Из многовековых слоев, отложившихся в зале, датированы лишь два: к XII в. относится слой с керамикой, покрытой голубой и темно-зеленой глазурью, кувшином со штампованным орнаментом и фрагментами стеклянных изделий. Слой XV в. содержит кашинную керамику с росписью растительного орнамента кобальтом под бесцветной глазурью.

Коридоры, обводящие зал, соединяли его с двухэтажным сооружением, возможно, с группой комнат к югу от него, а также с помещениями к северу от зала. Восточный коридор не доходит до конца наружного фаса зала, фактически являясь наружным обводным коридором двухэтажного сооружения, и уходит далеко на север, за пределы Круглого зала. Этот коридор сохранил часть сводчатого перекрытия, выведенного в два ряда сырца при помощи кружал, на что указывает наличие полочек шириной 15 *см* на высоте 3,9 *м* от пола.

Свод сложен из радиально положенных рядов сырца. Сохранившееся основание свода позволяет судить о характере кривизны его, как несколько превышающей полуциркульное очертание. Сводчатые перекрытия характерны и для других коридоров зала. Южная стена коридора сохранила световой проем (48 × 93 *см*), доходящий своим верхом до уровня пят свода коридора. С целью получения большего пучка света в стене, достигающей 2,5 *м* толщины, проем выведен со скосами, расширяющими его к внутренней плоскости до размера 1,35 × 1,93 *м*.

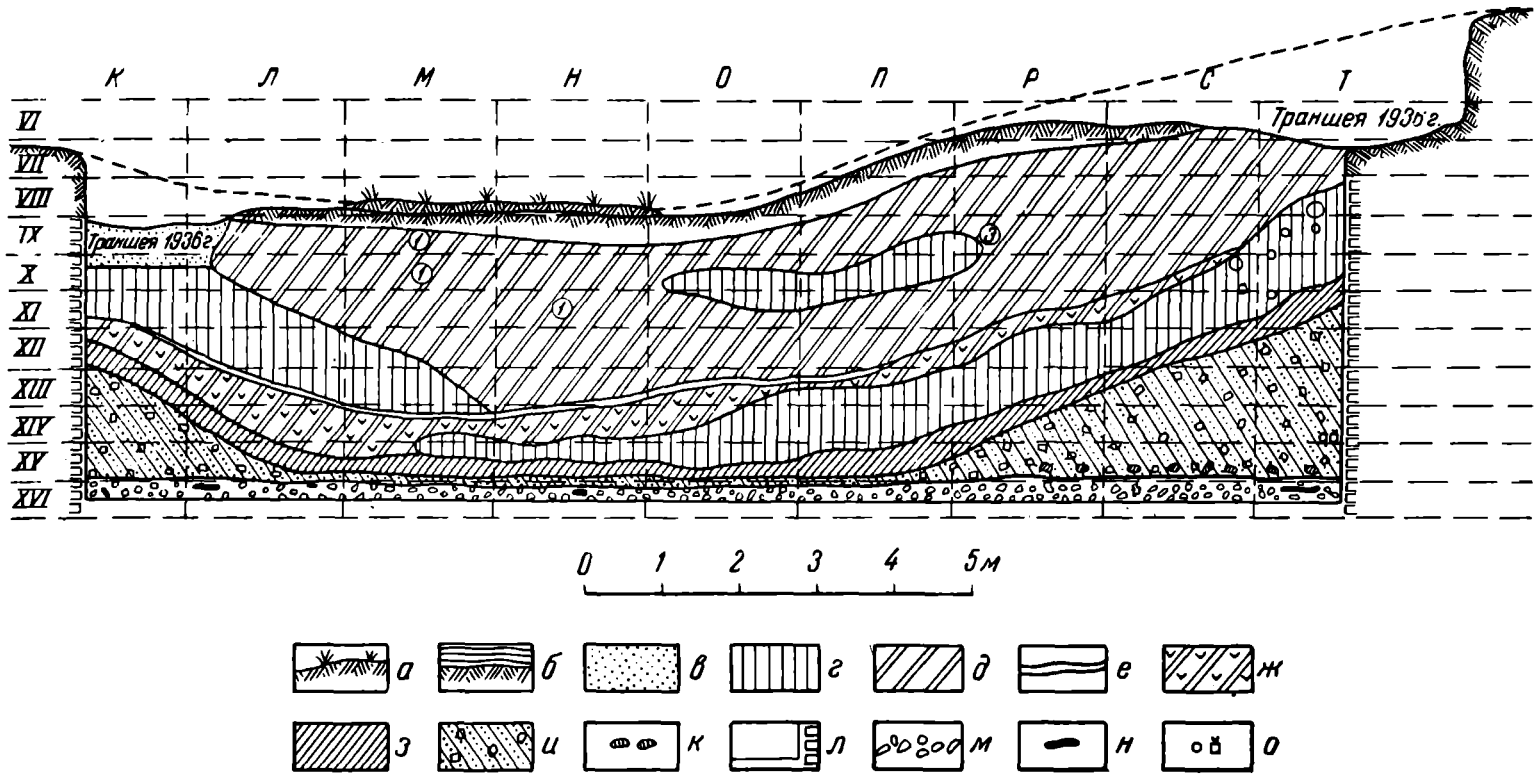


Рис. 3. Разрез слоев в зале по линии *д—е*

а — современный дерновый слой; *б* — погребенный дерновый слой; *в* — насыпная земля; *г* — завал крупных кусков сырца, включающий куски истлевших балок и гипса; *д* — рыхлый натечно-надувной слой с редким включением мелких обломков кирпича-сырца, к центру значительно уплотняется; *е* — рыхлая зеленоватая прослойка (смесь лёсса и гипса); *ж* — чистый слоистый натек средней плотности; *з* — рыхлый натечный слой с включением мелких кусков кирпича-сырца; *и* — рыхлый натечно-надувной слой с обломками сырца, переходящий в очень плотный натек в центре зала; *к* — куски сырцовой массы с отпечатками камыша; *л* — уровень пола и сырцовая стена зала; *м* — слой строительного мусора на полу зала; *н* — пласты скульптурной глины; *о* — гипсовые шары с оттисками монет

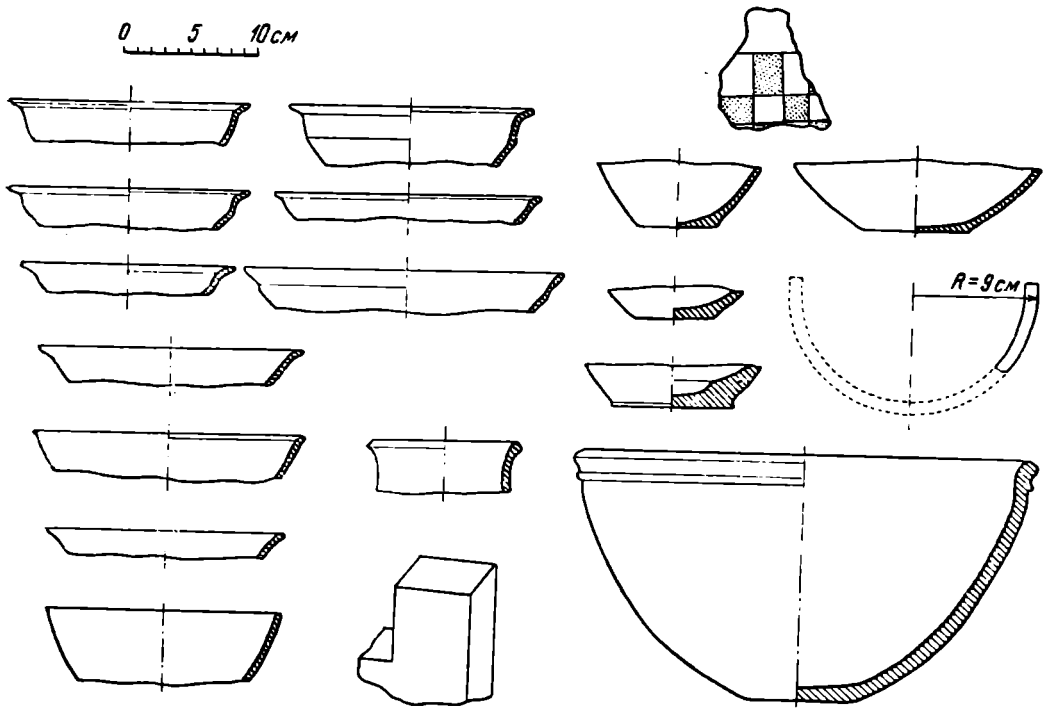


Рис. 4. Находки в промазке нижнего пола

Находки под полом и в его первой промазке связаны со временем сооружения зала (рис. 4). Среди них несколько фрагментов тонкостенных красноглиняных чашечек отличного качества, в профиль имеющих изломы в верхней части и отвороты закраин наружу. Подобные типы чашечек относятся к наиболее раннему комплексу парфянской керамики Старой Нисы и датируются II в. до н. э. Традиция излома стенок чашек близ венчика уходит своими корнями в предпарфянское время. Точно датированные остраками комплексы керамики из винохранилищ I в. до н. э. дают чашечки с более грубым черепком, в профиле в верхней части не излом, а легкое скругление. На стенках чашечек, собранных из-под пола зала, сохранились остатки черной, бордовой, терракотовой, ало-розовой, белой краски. Кроме того, в промазке нижнего пола был обнаружен шарик чистой ало-розовой краски и ком зеленоватой пластичной глины, из которой изготовлялись статуи. Эти находки с несомненностью указывают, что время появления статуй в зале и их окраска восходят к изначальному периоду возведения зала. В промазке пола найден разбитый открытый глубокий чашевидный сосуд, содержавший некогда готовый к употреблению гипс, который растекся и застыл толстыми наплывами, а также зубец от одной из декоративных плит. В подстилающем слое под зданием был найден фрагмент сосуда с росписью коричневой краской, относящегося по типу к культуре Анау I. В данном месте он случаен, но факт нахождения черепка в насыпном слое является показателем существования где-то поблизости поселения эпохи энеолита, откуда и была выбрана земля для нужд строительства на Нисе.

Находки на полу свидетельствуют об особом назначении зала: в составе их нет ничего бытового. Со временем функционирования зала и обводных коридоров связаны находки белых шаров и геммы-интальи. 17 шаров (рис. 5) диаметром от 7 до 10 *см* сформованы от руки из пластичного гипса с примесью яичного белка (видны осколки скорлупы). Пустоты внутри шаров заполнены семенами дикорастущего катрана, имеющего большое содержание крахмала и обладающего бродильными качествами. По предположению М. Е. Массона, шары эти являлись вотивными приношениями и были связаны с какими-то религиозными обрядами, а рас-

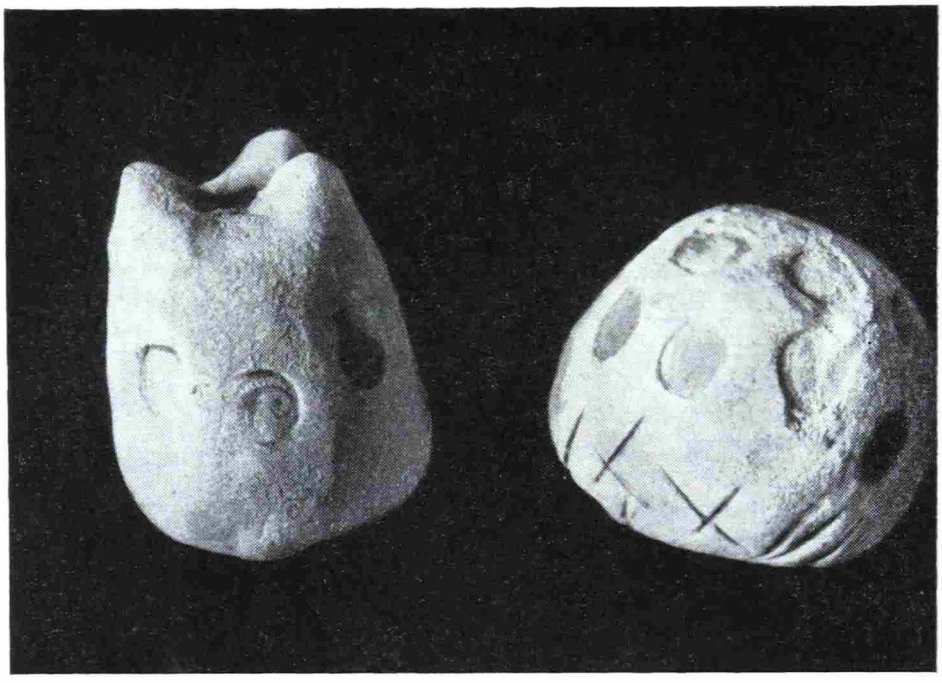


Рис. 5. Гипсовые шары с оттисками драхмы Фраата IV

тение, может быть, служило сырьем для производства священного напитка хаомы [4].

Поверхность шаров покрыта насечками и оттисками монет — аверса или реверса. На двух из них на кружке диаметром 1,5 *см* в точечном круге определяется изображение головы бородатого человека, повернутой вправо (на монете соответственно влево). Три ряда лент перехватывают длинные пряди его волос и ниспадают сзади, перед лбом расположена луна со звездой. Подобное изображение имеет драхма Фраата IV (38/37—3/2 гг. до н. э.) [5] (рис. 6).

Рис. 6. Прорисовка оттиска аверса драхмы Фраата IV на гипсовом шаре

Сфероконические и конусовидные предметы, изготовленные из камня или терракоты, были встречены при раскопках на Мальте, на Кипре, в Винче (Югославия). Символический смысл их пока не выяснен, но вотивное назначение совершенно несомненно. Об этом наглядно свидетельствует, в частности, находка двух таких каменных конусов in situ в Митреуме парфянского города Дура-Европос [6]. Ниса дает более ранний пример использования этого рода посвятительных предметов в парфянской культовой обрядности.

Найденная в Круглом зале гемма из полупрозрачного коричневого камня представляет собой овальный скарабеоид (16 × 13,5 *мм* при максимальной высоте 7,5 *мм*), выпуклый сверху, со скошенными боковыми гранями. Вдоль камня просверлено отверстие для ношения на шнуре. На плоской части помещено превосходно выполненное углубленное изображение скачущего оленя (рис. 7). Среди оттисков печатей на черной массе, происходящих из Большого дома Старой Нисы, подобного оттиска нет [7]. Изображение оленя имеется на монетах Орода I и Фраата IV (вто-

[4] М. Е. Массон. Новые археологические данные по истории рабовладельческого общества на территории Южного Туркменистана. ВДИ. 1953. 1. стр. 149.

[5] J. de Morgan. Manuel de numismatique orientale. 1. Paris, 1923—1936. стр. 159.

[6] E. de Manneville. Le betyle de Malte. «Melanges syriens offert à m. R. Dussaut». 2. Paris, 1939. стр. 893 сл.

[7] М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова. Оттиски парфянских печатей из Нисы. ВДИ. 1954. 4. стр. 159—169.

рая половина I в. до н. э.) [8]. Олень на гемме близок великолепной горельефной протоме скачущего оленя с ветвистыми рогами на бронзовом зеркале II в. до н. э. из Старой Нисы [9]. Нашу гемму также можно отнести ко времени II—I вв. до н. э.

Архитектурный декор из верхнего яруса Круглого зала очень сходен с декором Квадратного дворцового зала, который восходит ко II в. до н. э.

а) архивольты с основанием дуги немногим более 1 *м*, оформлявшие либо световые проемы, либо ниши для статуй в интерколумниях;

Рис. 7. Оттиск геммы-интальи из Круглого зала

б) декоративные плиты — с зубчатым оформлением двух сторон плиты при гладком поле (34 × 36 × × 5 *см*), с рельефной двенадцатилепестковой розеттой или пальметтой на плоских плитах, верхний и нижний края которых оформлены шестью почти сомкнутыми полусферическими «горошинами»;

в) декоративные плиты (36 × × 37 × 5 *см*), оформленные вверху и внизу карнизами с шестью мотивами орнаментации в центре, между двух стреловидных сквозных прорезей четырех типов. Среди этих орнаментальных мотивов — сквозная прорезь полумесяца, врезанные знаки в виде «селевкидского якоря» и четырехлепестковой розетки, рельефная палица Геракла, колчан со стрелами, львиная маска [10];

г) пятиступенчатые терракотовые зубцы-мерлоны высотой 26,5 *см* со стреловидными сквозными прорезями высотой 13,5 *см;*

д) терракотовые аканты пяти типов с характерным четырехкратным горельефным членением листа, со свисающей вершиной, рельефно выделенным центральным прожилком и с мягко заостренными контурами лепестков (рис. 8). Они различаются по высоте, степени изогнутости вертикального и горизонтального профилей, а также размером и профилем основания. Максимальная высота у встреченных нами акантов в Круглом зале не превышает 27,5 *см* (в фрагментарном состоянии). Однако для наиболее крупных акантов, оформлявших, судя по профилю, четыре угла под абакой, можно предположить бóльшую высоту. Наличие трех типов небольших акантов и двух типов крупных свидетельствует о двухрядном акантовом оформлении капителей.

Терракотовый декор крепился на толстом слое гипса, аканты же дополнительно крепились одним-тремя штырями. Детали декора оттискивались из глины в формах, после чего, особенно аканты, подправлялись резцом. Исключением являются четыре фрагмента от ремонтных зубцов-мерлонов, изготовленных резцом из тонкой плитки глиняного теста, с аморфным вырезом взамен стройной стреловидной прорези.

О статуях Круглого зала известно пока немного, так как остатки их еще не извлечены. Можно лишь говорить о технике их выделки и мате-

[8] J. de Morgan. Ук. соч., рис. 143, стр. 144.

[9] Г. А. Пугаченкова, Л. Я. Елькович. Очерки по истории искусства Туркменистана. Ашхабад, 1956, стр. 23.

[10] Мы не останавливаемся на детальном анализе этих мотивов, их интерпретации и датировке, поскольку они уже опубликованы. См. Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Нисы. Тр. ЮТАКЭ, I, Ашхабад, 1949, стр. 216—226; ее же. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. Тр. ЮТАКЭ, VI. М., 1958, стр. 81—84, 96—97.

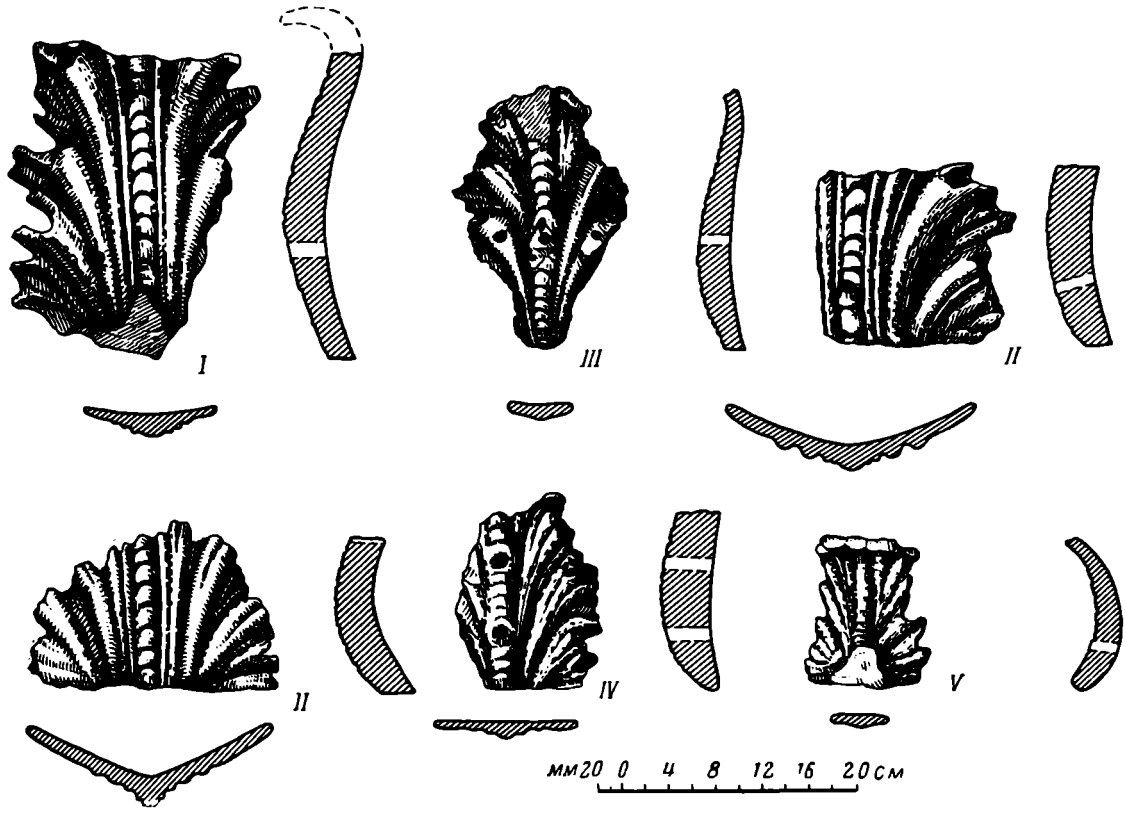


Рис. 8. Аканты Круглого зала, разрезы вертикальных профилей и оснований

риале, из которого они изготовлены. На деревянный каркас наращивались слои специально заготовленной зеленоватой пластичной глины; окончательная отделка статуи заключалась в обмазке слоем желтой тонкоотмученной глины толщиной в несколько миллиметров. По слою тончайшей белоснежной гипсовой грунтовки фигуры окрашивались минеральными красками в бордовый, черный, синий и другие цвета [11]. В качестве арматуры использовалась также толстая свинцовая проволока, возможно и камыш.

На основании анализа архитектурного декора и немногих упомянутых выше находок (керамика из-под пола, гемма) время сооружения Круглого зала можно отнести ко II в. до н. э. Скорее всего оно восходит к эпохе Митридата I (171—138 гг. до н. э.).

Последним временем активного функционирования уже обросшего пристройками и подвергавшегося ремонтам зала был конец I в. до н. э., на это указывают вотивные шары с отпечатками монеты Фраата IV. От эпохи младших аршакидов в зале не встречено следов. Видимо, юго-западная группа построек, как и вся крепость, лишилась того внимания, которое уделялось старшими аршакидами. Мы не видим здесь нового строительства, хотя здания сберегаются и, возможно, время от времени еще используются.

Парадное оформление Круглого зала, отсутствие каких-либо бытовых остатков, находки вотивных шаров с оттисками царского профиля, резервуар ритуального назначения в маленькой комнате, образованной из северо-восточного прохода,— все это приводит к заключению о его культовом назначении. К этому выводу, как будет показано дальше, приводит нас и анализ его архитектуры.

Одним из важных элементов итога любого историко-архитектурного ис-

[11] Материал, техника изготовления, окраска статуй аналогичны статуям Квадратного зала. См. по этому вопросу: Л. И. Ремпель. Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы. Тр. ЮТАКЭ, I, стр. 355—372; его же. Новые материалы к изучению древней скульптуры Южной Туркмении. Тр. ЮТАКЭ. II. Ашхабад, 1953. стр. 184—185.

следования в тех случаях (а их большинство), когда памятник прошлого доходит до наших дней в виде руин, является реконструкция его первоначального вида. Основанная, с одной стороны, на сумме конструктивно-технических и археологических наблюдений, с другой — на данных сравнительного анализа и стилевых аналогий, она позволяет воссоздать ведущие принципы архитектурной композиции и характер отдельных архитектурных форм. Даже если при этом некоторые детали спорны, высотные соотношения приблизительны, последующие изыскания позволят со временем внести разного рода частные коррективы. Но сколько бы ни живописать словами о том, чем памятник «мог быть» — лишь реконструкция дает наиболее отчетливое представление о его образном строе, который всей силой своих художественных средств воздействовал на современников, порождая силу тех эмоциональных переживаний, вне которых немыслимо подлинное творение архитектуры. А ведь за этим следует и более расширенный смысл постижения тех художественных закономерностей, которые формировали эстетические воззрения народов и особенностей стилевых направлений в архитектуре различных стран. Археология не вправе замыкаться лишь в рамках истории материальной культуры, ибо там, где речь идет об археологических открытиях памятников искусства и архитектуры, они неизбежно уводят мысль исследователя в область духовной культуры прошлого.

При всей разрушенности Круглого зала Старой Нисы, он дает достаточно реального материала и наблюдений для составления его графической реконструкции [12].

Как уже сказано выше, нижний ярус внутреннего цилиндра сохранился до 5 *м* высоты, а с остатками оплывшего, разрыхленного кирпича — до 6 *м*. Таким образом, высота 1-го яруса устанавливается в пределах 6 *м*. Стены его были гладко оштукатурены глино-саманным слоем, с чистой гипсовой побелкой поверх; штукатурка прослеживается до 4,25 *м*, выше она уже смыта. Спокойную гладь нижнего яруса перебивали лишь три дверных проема, подчеркивающих расчленение круга натрое: южный вход лежит на главной оси, два других — под углом несколько менее 60° по отношению к ней.

Второй архитектурный ярус, полностью разрушенный, отступал от внутреннего контура стены, что было предусмотрено уже в начале строительства. Это отчетливо выражено самой техникой сырцовой кладки в виде внутреннего кольца в 2,5 кирпича (1,1 *м* со швами), прослеженного при снятии слоя пушонки и зачистках в юго-восточном секторе здания. В течение долгих веков кладки и архитектурные элементы этого 2-го яруса, так же как рухнувшее перекрытие, заполняли зал. По предварительному подсчету высота его должна была достигать около 6 *м*.

С этим совпадают и более уточненные данные, полученные на основании исчисленных ордерных отношений располагавшейся здесь кирпичной колоннады. Отрезки упавших колонн и фрагменты лекальных кирпичей от их стволов имеют радиусы от 47,5 до 53 *см*; эти колебания размеров явственно указывают на применение энтазиса. Исходя из соотношений коринфизированных колонн Квадратного зала Старой Нисы (деревянный, оштукатуренный глиной и гипсом ствол одной из них при раскопках был найден упавшим на пол) [13], приближающихся к классическому соотношению 1 : 10, получаем высоту колонн близкой к 5 *м*. К этому прибавляется 36 *см* высоты пьедестала и 60 *см* на антаблемент (о них — ниже); таким образом, общая высота 2-го яруса была близка к 6 *м*.

---

[12] Первый вариант реконструкции Круглого зала, основанный на неполных данных вскрытий 1950—1953 гг., был опубликован. Г. А. Пугаченкова. Пути развития..., стр. 100 сл.

[13] См. С. А. Ершов. Археологические исследования на городище Старая Иса в 1946 году. Тр. ЮТАКЭ. I. рис. 8; Г. А. Пугаченкова. Реконструкция Квадратного зала парфянского ансамбля Старой Нисы. Тр. ЮТАКЭ, II, стр. 144.

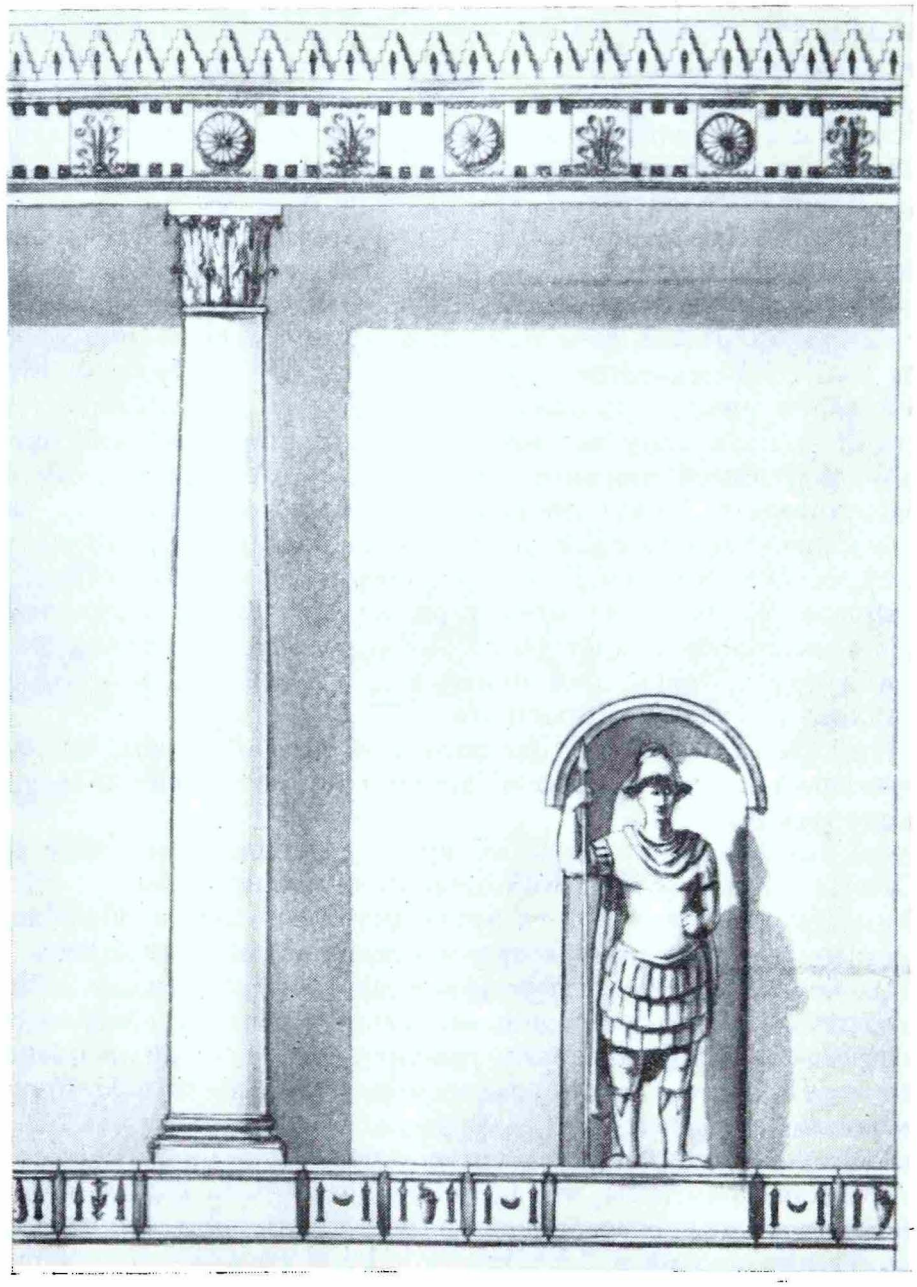


Рис. 9. Деталь реконструкции интерьера верхнего яруса зала

Детали ордера реконструируются по многочисленным фрагментам, обнаруженным в завалах (рис. 9). Колонны имели базы, от которых найдены каменные плинты и гипсовые обломы в виде двух типов валов диаметром 76—78 *см* (при высоте 10—11 *см*) и диаметром 56 *см*. Таким образом, все говорит о применении баз «аттического» профиля, которые использованы и в других помещениях Южного комплекса Старой Нисы и вообще имели широкое распространение в античной архитектуре Среднего Востока [14].

Колонны были круглыми — они примыкали к стене лишь плинтами баз. Кирпичные стволы их, как указано выше, выводились с энтазисом; поверхность стволов также оштукатурена гипсом. Что касается капителей, то их оформляли терракотовые аканты, скреплявшиеся с кладкой на гипсовом растворе и металлическими штырями [15]. На некоторых из них видны следы окраски в малиновый, бордовый, бирюзовый и палевый цвета.

[14] Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Нисы, стр. 210 сл.

[15] Характеристику акантов из Квадратного зала и юго-западной части Южного комплекса Старой Нисы см.: Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Нисы, стр. 226 сл.; Е. А. Давидович. Отчет о раскопках 1947 г. на площади Квадратного зала Старой Нисы. Тр. ЮТАКЭ, II, стр. 114 сл.; Г. А. Пугаченкова.

Находки в Круглом зале (и за ним) значительного числа фрагментов массивных терракотовых плит с рельефными изображениями полумесяца, розетки, горита, палицы, фигурного знака-тампп и львиной маски (уже известных ранее из Квадратного зала) [16] выдвинули вопрос о первоначальном их местонахождении. Здесь на помощь приходит аналогия из эллинистического строительства — мы имеем в виду круглый храм Арсиноэн на Самофраке, где подобные рельефные элементы входили в основание 2-го колонного яруса над гладью нижнего участка стены [17]. Очевидно, и в нашем случае венчанием 1-го яруса и, вместе с тем, основанием 2-го служил пояс, выделявшийся бордовой окраской на белом фоне стен. Здесь шло чередование упомянутых рельефных облицовочных плит с пьедесталами колонн и скульптурных фигур.

В архитектурную разработку антаблемента входили тяги, несложно-профилированные полками и четвертными выкружками, а также те терракотовые плиты с рельефными розетками или пальметтами, чередующиеся с плоскими плитами, имеющими трезубчатые края, которые известны по Квадратному залу Нисы. Возможно, что в завершение ордера входила вереница терракотовых зубцов-мерлонов со стреловидными прорезями, найденных в завалах (хотя мы допускаем, что они могли принадлежать и внешнему карнизу здания). Выше следовало перекрытие.

Что касается окрашенных глиняных статуй, размещавшихся в интерколумниях, то сброшенные наземь при разрушении здания отдельные куски их были обнаружены на полу в виде бесформенных пятен, расчистка которых с участием опытного реставратора отложена на будущее. По отдельным фрагментам (складки одежд, пряди волос) можно судить, что они были более натуральной величины, достигая 2,2—2,3 *м*. Находки терракотовых фрагментов профилированных архивольтов диаметром до 1,1 *м* указывают, что статуи располагались на фоне неглубоких арочных ниш [18].

Каково же было число колонн и статуй? Исходя из наличия трех проходов, мы допускали первоначально, что число их могло равняться как минимум 12 [19]. Однако при этом пролет архитравных балок между колоннами равнялся бы около 4,4 *м*, что превышает рабочую длину ствола копет-дагской арчи, равную в среднем 3—3,5 *м*. А этому размеру практически соответствует 16-кратная разбивка внутреннего цилиндра стен. При еще большем числе колонн пролеты интерколумниев будут уже слишком узки для установки статуй. Таким образом, число колонн скорее всего равнялось 16. Это число и наиболее отвечает форме плана, квадратной снаружи. К нему подводит нас и подсчет, основанный на размерах черепиц, извлеченных из завалов, так как при укладке плоских черепиц на 16-гранник стропильно-шатрового перекрытия расхождение граней внизу каждого ряда (с учетом бортиков) было равно 20 *см*, чему соответствует внутренний диаметр желобчатых черепиц, перекрывавших стыки граней, равный 22 *см*.

Вопрос о конструкции перекрытия разрешается следующим образом. Оно не могло быть купольным — ни сырцовый купол 17-метрового пролета, ни купол из жженого кирпича для этой эпохи невозможны (не говоря уже о куполах бетонных, которых Восток не знал). Между тем в зава-

---

Пути развития..., стр. 84. Так же, как и «аттические базы», акантизированные капители имели широкий ареал распространения в архитектуре Среднего Востока античной поры.

[16] Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Нисы, стр. 216 сл.; ее же. Пути развития..., стр. 96 сл.

[17] G. Nemann. Der Rundbau der Arsinoe. «Archaeologische Untersuchungen auf Samothrake». Wien, 1875, рис. 31.

[18] Эти архивольты не могли принадлежать оформлению дверных проемов 1-го яруса, перекрытых прямыми перемычками и имевших значительно более обширные пролеты — 1,5; 1,55 и 2,05 *м*.

[19] Тр. ЮТАКЭ, VI, вклейка, 3, *а*, стр. 104.

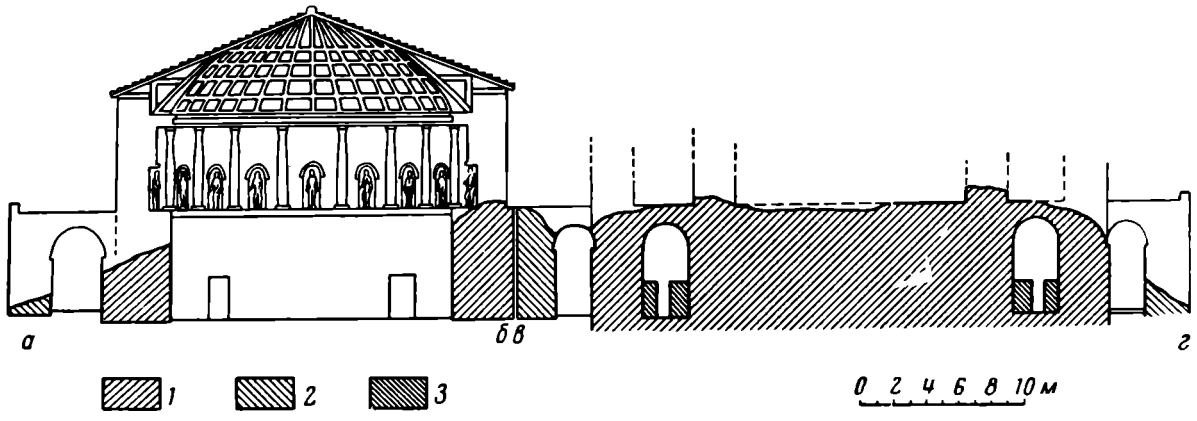


Рис. 10. Разрез руин центральных строений храмового комплекса по линии *а — б — в — г* с реконструкцией верхнего яруса Круглого зала

1 — I строительный этап; *2* — II строительный этап; *3* — III строительный этап

лах, как уже было показано, в большом числе встречены истлевшие фрагменты деревянных частей, хотя крупные деревянные элементы кровли и были при разрушении здания унесены. Однако при 17-метровом диаметре перекрытие не могло быть осуществлено и в традиционном для массового строительства Средней Азии приеме плоской кровли. Единственно возможная конструкция — это стропильно-шатровое перекрытие. Несущие стропильные балки и обвязки сплачивались системой врубок из отдельных отрезков деревянных стволов местной копет-дагской арчи, отличающейся исключительной прочностью и долговечностью. О покрытии Круглого зала скатной шатровой крышей говорят находки черепиц — плоских, желобчатых и треугольных в сечении (калиптеров). Судя по упомянутым фрагментам профилированных гипсовых обмазок по деревянным брускам и балкам, плафон был оформлен кессонами.

Техника стропильно-шатровых конструкций и черепичных покрытий чужда среднеазиатской традиции, она имела в парфянской Нисе чужеземный характер и явно связана с использованием приемов эллинистической архитектуры. В зодчестве эллинизма известны большепролетные, круглые в плане постройки с такого рода перекрытиями — Фимела в Эпидавре и Филиппейон в Олимпии (конец IV в. до н. э.), храм Арсинойон на Самофраке (III в. до н. э.). Освещение нисийского зала могло осуществляться через оконные проемы во 2-м ярусе (толщина стен достигает здесь 2,35 *м*) и через устроенный в шатровой конструкции световой фонарь [20].

Все приведенные выше данные легли в основу реконструкции первоначального вида Круглого зала (рис. 10). Что касается прилежащих обводных коридоров, то их сводчатые перекрытия в участках, зажатых между Круглым залом и «башней», сохранились местами целиком, с очертанием кривой, близким полуциркульному. Этот тип свода следовал, несомненно, по всему периметру обводных коридоров, в том числе и с западной стороны Круглого зала.

Вопрос о назначении Круглого зала возник с самого начала работ ЮТАКЭ. Предположение о том, что это мавзолей, не подкрепляется ни находками в нем, ни особенностями парфянского погребального обряда. Этому истолкованию противоречат как известные к настоящему времени данные о приемах парфянских захоронений в узких сводчатых замурованных камерах (Сузы, Дура-Европос, Новая Ниса), так и данные полного исследования Круглого зала. Раскопками установлено отсутствие каких-либо следов погребальных устройств на полу или под полами, а наличие в зале трех входов было бы неуместным для мавзолея, архитектуре которого должна быть присуща полная замкнутость интерьера.

[20] За отсутствием определенных данных на разрезе фонарь не показан.

Вместе с тем, архитектуру нисийского зала отличает особый, небытовой характер. Необычна сама по себе его круглая форма. В монументальном зодчестве эпохи эллинизма она, как правило, связана была с культовыми сооружениями, каковы уже упомянутые Фимела, Филиппейон, Арсиноэон на западе, а на востоке — круглый зал чайтьи в Гунтупале [21] и «Абсидального храма» Таксилы (воздвигнутого в правление индо-парфянских царей) [22]. Исследователи Кой-Крылган-Калы в Хорезме пришли к заключению, что этот круглый в плане комплекс являл собою культовое сооружение, связанное с династическим культом хорезмийских царей [23]. Уместно напомнить, что гораздо позднее сабейцы, которые придавали планам своих храмовых сооружений формы различных геометрических фигур, видя в этом — по Масуди — «символы и тайну, которую они скрывают», делали круглыми храм Миропорядка, храм Необходимости и храм Души [24].

На храмовую функцию Круглого зала Нисы указывает и обведение его коридорами. Оно характерно для квадратных в плане храмов в парфянских дворцово-храмовых комплексах Хатры (Ирак) [25] и Кухи-Ходжа (Сеистан) [26]. Коридоры вокруг нисийского зала, с одной стороны, осуществляли изоляцию его от внешнего мира, с другой,— служили, очевидно, целям ритуальных процессий. Периметр этих коридоров, обводящих Круглый зал, огромен, в то время как число непосредственно примыкающих подсобных помещений незначительно. Между тем, например, в дворцовой группе того же южного комплекса Старой Нисы вокруг главного аудиенц-зала сосредоточены разного рода помещения, соединенные проходами, в то время как коридоры играют здесь незначительную роль.

Приведенные наблюдения позволяют с уверенностью говорить о храмовом назначении Круглого зала и «башни», взаимосвязанных, очевидно, в своих культовых функциях [27].

Вопрос о характере этого культа значительно сложнее, к его разрешению можно пока подойти лишь с определенными оговорками. Ввиду того, что до настоящего времени не установлены особенности древних локальных культов Средней Азии, проблема назначения храмовых сооружений неизбежно порождает дискуссию среди археологов. Достаточно, например, напомнить, что исследователи пенджикентских храмов до сих пор не

---

[21] С. И. Тюляев. Архитектура Индии. М., 1939, рис. 16.

[22] J. Marshall. Taxila. Cambridge, 1951, I, стр. 152—153; III, табл. 24.

[23] С. П. Толстов. Работы Хорезмской археологической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. Тр. ХЭ, II, М., 1958, стр. 192; С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Раппопорт. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1957 г. Материалы ХЭ, 4, М., 1960, стр. 12.

[24] А. М. Беленицкий. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам пянджикентских храмов. В сб.: «Живопись древнего Пянджикента». М., 1954, стр. 65.

[25] K. Erdmann. Das Iranische Feuerheiligtum. Leipzig, 1941, стр. 23 сл.

[26] E. Herzfeld. Iran in the Ancient East. London — New York, 1941, стр. 301.

[27] Реконструкция Круглого храма Старой Нисы, предварительная публикация которой вошла в VI том Трудов ЮТАКЭ, и его храмовое назначение были поставлены под сомнение В. Л. Ворониной (В. Л. Воронина. Доисламские культовые сооружения Средней Азии. СА, 1960, 2, стр. 45—46, прим. 3). Никакой веской аргументации при этом не приводится. Ссылка на отсутствие якобы в литературе указаний, на какую высоту сохранились стены зала, основана на незнакомстве с публикацией: М. Е. Массон. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ..., стр. 227. Считая, что «при гигантской общей высоте стен в 14 *м* (в действительности до 12,5 *м*.— *Г. П., Н. К.*) мы должны представить зал в виде глубокого цилиндра, особенно неприятного в сочетании с коническим перекрытием», В. Л. Воронина становится на позиции чисто субъективной оценки «приятного» и «неприятного» в архитектуре. Но уместно в этой связи заметить, что отношение общей высоты Круглого зала к его пролету было близко к пропорциям такого классического памятника, как римский Пантеон. Отрицая возможность применения стропильного шатрового перекрытия (не выдвигая при этом никакого другого возможного варианта), В. Л. Воронина мотивирует это тем, что «такая конструкция никак не отвечает сложившимся в Средней Азии приемам». Но, как показано выше, система перекрытия Круглого зала была связана с использованием опыта эллинистической строительной техники.

пришли к единому взгляду — связаны ли они с манихейством или с местной разновидностью маздеизма.

Основные монументальные постройки Южного комплекса Старой Нисы восходят к периоду оформления при Митридате I (171—138 гг. до н. э.) царской крепости, получившей по имени основателя наименование Митридатокерт. В число их входят Круглый храм, «Башня», Квадратный аудиенц-зал и др. Воздвигнутый в период филэллинства старших Аршакидов, когда в сфере художественного творчества наблюдается жадная тяга к приобщению к высоким достижениям эллинистической культуры, Круглый храм отражает определенные тенденции верхушки парфянского общества.

Филэллины-аршакиды нередко демонстрировали свое внимание к греческим божествам, что нашло отражение в их монетном чекане, где встречаются образы Зевса, Геракла, Ники, Афины, Артемиды и др.[28] Полный цикл 12 верховных олимпийских богов предстает в многочисленных повторениях на культовых ритонах из Старой Нисы[29]. Следует, однако, иметь в виду, что на местной почве чужеземные боги сливались с близкими по значению божествами местных религий, стойкая приверженность к которым не давала возможности эллинистическим культам пустить здесь глубокие корни, хотя их иконографические образы (а может быть, и обрядовая сторона) охотно воспринимались. В Парфавнисе, лежавшей в самом сердце коренных парфянских земель, преобладал в те времена зороастризм. Об этом красноречиво говорит набор теофорных имен, содержащихся на учетных документах-остраках из Старой Нисы, среди которых упоминаются Ормузд, Спендармат, Веретрагна, Тир, Сраоша, особенно часто — Митра (чье имя носили и два могущественнейших царя из старшей ветви Аршакидского дома — Митридаты I и II)[30]. В западнопарфянских областях греческие боги сливались с локальными семитическими божествами. Так, в Хатре Афина становится Аллатой, Дионис — Дурсаром, Гадес — Ададом[31]. В Армении аршакид Арташес водрузил захваченные им греческие статуи Афины в храме Анахит, Зевса — в храме Ормузда, Гефеста — в храме Митры и т. д.[32]

Есть все основания полагать, что во II в. до н. э. на восточнопарфянской почве в среде правящей верхушки, поддерживавшей филэллинские тенденции аршакидских царей, божества греческого пантеона, сохраняя эллинизированную статуарную иконографию, также наделялись функциями более или менее близких по значению божеств зороастрийского круга. Им-то, этим смешанным божествам, и мог быть посвящен парадный, обширный Круглый храм Новой Нисы. Исходя из иконографии богов на нисийских ритонах, можно предположить здесь сходные статуарные образы. Во II в. до н. э. они еще были близки к эллинистическим прототипам, облик их еще не столь резко «парфянизирован», как это наблюдается в первых веках нашей эры, например в скульптуре Хатры.

В архитектурном стиле Круглого храма наглядно видно, как в пору парфянского филэллинства заимствованная из восточноэллинистического зодчества композиционная идея и в целом и в деталях получает своеобразное преломление на базе местных творческих методов и традиций. При общем взгляде на восстановленный по археологическим данным интерьер бросается в глаза его общность с уникальным памятником восточного

---

[28] J. de Morgan. Ук. соч., рис. 143.

[29] М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова. Парфянские ритоны Нисы. Тр. ЮТАКЭ, IV, Ашхабад, 1959, стр. 156 сл.; Альбом — М.— Ашхабад, 1956, табл. I—XXXV.

[30] И. М. Дьяконов, В. А. Лившиц. Документы из Нисы, I в. до н. э. М., 1960, стр. 23—24.

[31] Shinji Fukai. The Artifacts of Hatra and Parthian Art. «East and West», II, 2—3, 1960, стр. 173 сл.

[32] Моисей Хоренский. История Армении. Пер. Н. С. Эмина. М., 1893, стр. 64—65.

эллинизма — самофракийским Арсинойоном (281 г. до н. э.) [33]: гладь стен внизу, оформленный колоннадой верхний ярус, шатрово-стропильное перекрытие. Совпадают и детали архитектурной разработки: коринфизированный ордер колонн, особые рельефно-орнаментированные блоки у их основания, кессонированный плафон, черепичное покрытие кровли. Однако едва только мы приступаем к более детальному сопоставлению, как выступает специфика восточнопарфянского строительного дела. Отличны исходные строительные и декоративно-отделочные материалы: в нисийском храме применен сырец в кладке стен, жженый кирпич — в выкладке колонн, терракоты — в облицовках, в самофракийском же использован исключительно мрамор. Отличны мотивы упомянутых рельефов в основании колоннады: культовые и династические эмблемы Аршакидов в Нисе, жертвенные чаши и букрании в Арсинойоне; чисто парфянскую декоративную деталь составляют терракотовые зубцы-мерлоны. Мраморные статуи богов располагались в Арсинойоне на полу, а раскрашенные глиняные статуи Круглого храма были подняты вверх, в ярус завершающей колоннады. И в этом — дань парфянской традиции, ибо статуи Зала обожествленных предков на Старой Нисе расположены были также во 2-м ярусе [34], а на своде (или куполе) дворца Вологазов в Вавилоне представлены были золоченые фигуры богов [35]. И, наконец, уже чисто восточный характер отличает наружную композицию Круглого храма Нисы: в нижней своей половине он был не круглым, как Арсинойон, но квадратным, переходя с уровня 2-го яруса к цилиндру, увенчанному конической скуфьей [36].

Таким образом, Круглый храм Старой Нисы предстает перед нами, как памятник того своеобразного стиля раннепарфянской архитектуры, в котором наглядно запечатлен синтез эллинистических и парфянских традиций. И в этом отношении весьма догматично звучат слова В. Л. Ворониной о «рискованности» сопоставления Круглого храма Нисы с Арсинойоном, так как, по ее мнению, «обращение к античным образцам мало согласуется с утверждением о самобытности архитектуры Нисы» [37]. Между тем, никакого противоречия здесь нет, ибо в III—I вв. до н. э. диалектика процесса критического освоения эллинистической культуры на среднеазиатской почве как раз и заключалась в преломлении новых для местной среды принципов в русле самостоятельного формотворчества.

---

[33] G. Nemann. Ук. соч., стр. 79—87, табл. XXIX; LIII—LXVIII, *30—36*; Всеобщая история архитектуры, II, кн. 1, М., 1949, стр. 315—319.

[34] Г. А. Пугаченкова. Реконструкция Квадратного зала..., стр. 144.

[35] Филострат. Жизнеописание Аполлония Тианского, 1, 25, 2 (в кн.: В. П. Зубов, Ф. А. Петровский. Архитектура античного мира. М., 1940, стр. 485).

[36] Архитектурная система: квадратная призма — цилиндрический объем — шатровое перекрытие — получит в Средней Азии совершенно обновленное разрешение много столетий спустя во внешней композиции «шатровых мавзолеев» средневековья. Мы далеки, разумеется, от мысли вести прямую генетическую нить, скажем, от мавзолея Текеша в Куня-Ургенче к Круглому храму Нисы, хотя, как видим, уже здесь зарождается в среднеазиатской архитектуре объемно-композиционное сочетание куб — цилиндр — конус, к которому заново и другими путями придет зодчество феодального Востока.

[37] В. Л. Воронина. Ук. соч., стр. 50. Там же автор совершенно необоснованно приписывает нам сопоставление Круглого храма с Парфеноном.

В. А. КУЗНЕЦОВ

СЕВЕРНЫЙ ЗЕЛЕНЧУКСКИЙ ХРАМ X ВЕКА

В ущелье р. Большой Зеленчук на Северном Кавказе сохранились три древних христианских храма, получивших в литературе наименование Зеленчукских [1]. Они расположены в живописной горной долине на высоте около 1150 *м* над уровнем моря, окаймленной лесистыми хребтами Ужум и Мыцешта, и венчают огромное Нижне-Архызское городище X—XII вв. Храмы достаточно значительны по размерам и вполне хорошо сохранились. Поэтому царское правительство и Синод, стремившиеся «восстановить» христианство на Северном Кавказе и использовать его как орудие своей колонизаторской политики и духовного порабощения горцев, открыли здесь в 1889 г. Александро-Афонский мужской монастырь. Южный и средний храмы были отремонтированы для нужд монастыря, причем серьезно пострадали. Нетронутым остался лишь северный Зеленчукский храм, дошедший до нас в своем первозданном виде, никогда не подвергавшийся ремонтам и перестройкам [2]. Ценность его повышается тем, что сохранившиеся памятники древней церковной архитектуры на Северном Кавказе весьма немногочисленны. Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что этот памятник является важным историческим источником, позволяющим судить не только о христианстве на Северном Кавказе, но и о глубоких алано-абхазо-византийских связях в X—XI вв. и о ряде больших исторических вопросов, связанных с историей и культурой кавказской средневековой Алании.

К сожалению, Зеленчукские храмы до сих пор изучены совершенно недостаточно, а их публикации носят весьма поверхностный иллюстративный характер. Сделанные в XIX в. планы храмов неточны и содержат ряд ошибок [3]. После Великой Отечественной войны обмеры зеленчукских храмов произвели П. Д. Барановский, Н. Г. Чубинашвили и К. Н. Афанасьев, но их материалы остались неопубликованными. Между тем нельзя не признать, что включение этих памятников в научный оборот крайне желательно и давно назрело. Изучение Зеленчукских храмов важно не только в историко-архитектурном плане, но и в плане широко развернувшихся на Кавказе археологических исследований.

[1] Памятники находятся в Зеленчукском районе Карачаево-Черкесской автономной области, в 22 *км* к югу от станицы Зеленчукской, на территории современного поселка Нижний Архыз.

[2] С 1959 г. на северном Зеленчукском храме начались реставрационные работы, проводимые на средства Карачаево-Черкесского облисполкома архитектором-реставратором В. И. Бородиным.

[3] Отчет гг. Нарышкиных, совершивших путешествие на Кавказ (Сванетию) с археологической целью в 1867 году. ИРАО, VIII, вып. 4, СПб., 1876, стр. 362—366, табл. III; В. М. Сысоев. Поездка на реки: Зеленчук, Кубань и Теберду летом 1895 года. МАК, VII, М., 1898, стр. 122—123, рис. 19; Древнехристианские храмы и св. Александро-Афонский Зеленчукский монастырь в Зеленчукском ущелии Кавказского хребта Кубанской области Баталпашинского отдела. Одесса, 1904, стр. 9; Альбом древних христианских храмов, принадлежащих св. Александро-Афонскому монастырю. Одесса, 1891, рисунки, сделанные со снимков, опубликованных в МАК, VII.

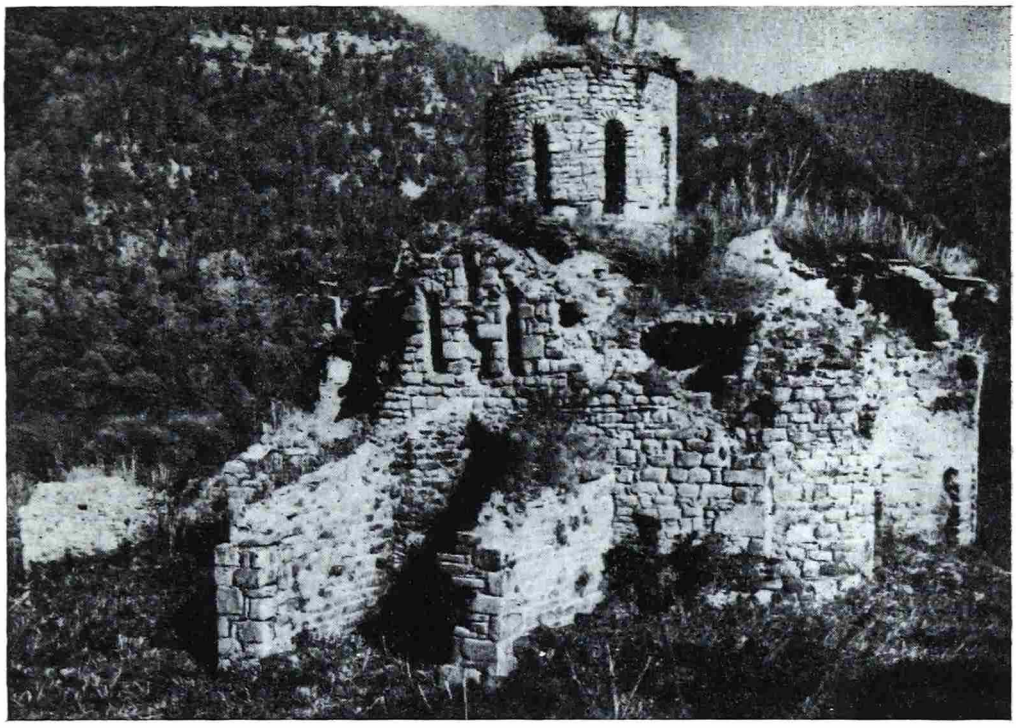


Рис. 1. Вид на храм с юго-восточной стороны. Снимок 1953 г.

Настоящая статья посвящена северному Зеленчукскому храму. Она преследует цели — привлечь внимание специалистов и широкой научной общественности к этому памятнику; дать о нем хотя бы начальное представление, основанное не только на внешних наблюдениях, но и на раскопках внутри храма и вокруг него; поставить вопрос о роли Кавказской Алании в сложении монументальной архитектуры на территории Причерноморья, находившейся под византийским влиянием.

Описываемый храм (рис. 1) расположен в северной части Нижне-Архызского городища, укрепленной с напольной стороны мощной каменной стеной, остатки которой сохранились до сих пор. Вокруг него хорошо заметны многочисленные руины разрушенных каменных зданий. Храм построен на левом берегу небольшой балки Церковной, по которой с хребта Ужум в Большой Зеленчук течет ручей, и вкомпанован в створ ущелья, образуемого этой балкой. Сразу от апсидной части храма начинается древний конус выноса балки, на котором также есть остатки построек.

Из прилагаемого плана (рис. 2) [4] видно, что рассматриваемый храм относится к числу трехапсидных крестовокупольных шестистолпных храмов. С севера, юга и запада он имеет притворы. Корабль храма двумя рядами квадратных пилонов разделен на три продольных нефа, причем средний неф шире боковых. Соответственно шире и средняя алтарная апсида, выступающая по сравнению с боковыми апсидами. Роль четвертой пары столбов выполняет западная стена корабля, прорезанная тремя достаточно широкими дверными проемами. Последние ведут в весьма важную часть храма — нартекс, к которому примыкает западный притвор. Между западной стеной южного притвора и нартексом имеется более поздняя пристройка, выявленная в результате раскопок. Длина памятника 25,50 *м*, ширина с притворами 19,50 *м*. Размеры храма (с нартексом) строго пропорциональны: длина 21 *м* при ширине 10,50 *м*, т. е. ширина равна половине длины здания. Подкупольное звено плана представляет равносторонний квадрат, одна сторона которого равна ширине западного поперечного нефа и сумме восточного и алтарного нефов. Заметим также, что толщина

[4] Публикуемые план и разрез были выполнены в 1959 г. группой сотрудников ЦНРМ при участии В. И. Бородина, который любезно предоставил эти чертежи в мое распоряжение, за что выражаю ему свою глубокую благодарность.

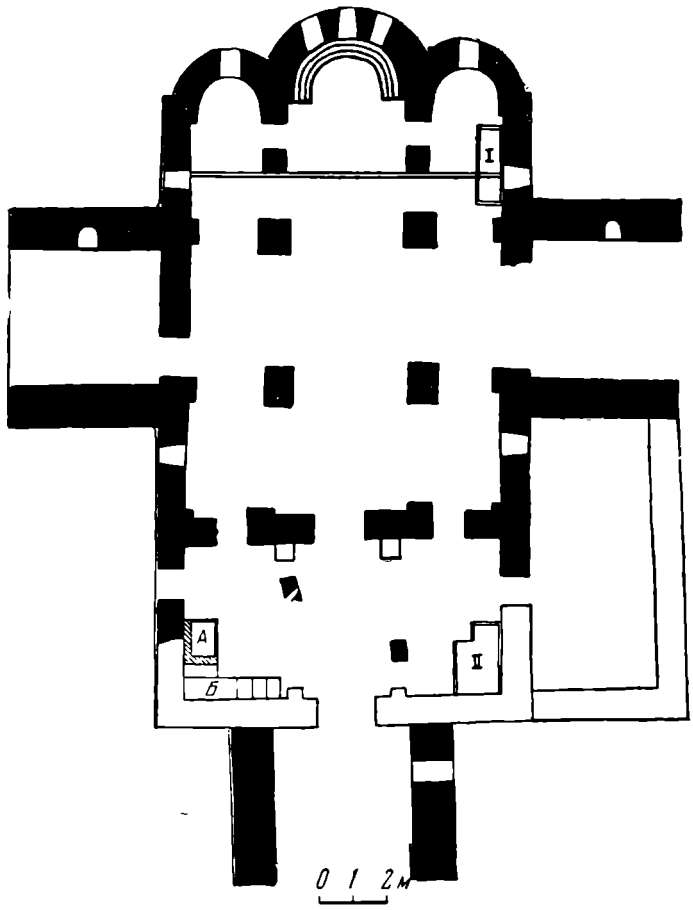


Рис. 2. План северного Зеленчукского храма. Не залиты тушью те части, которые были открыты раскопками 1960 г.

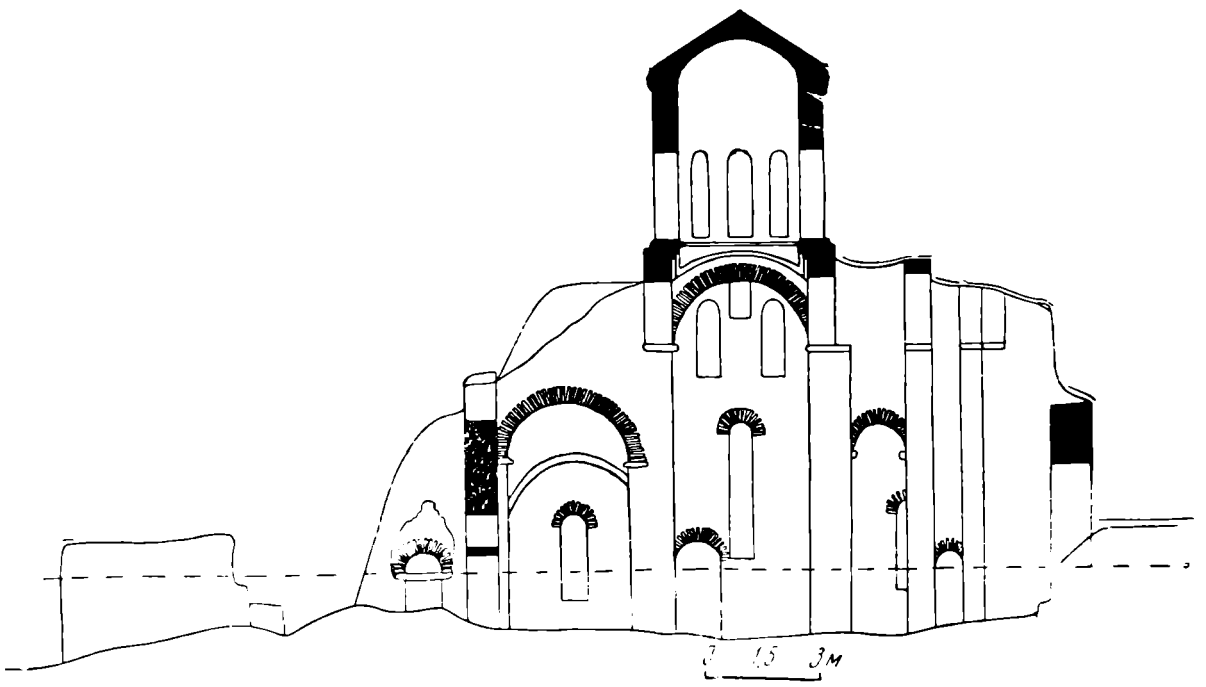


Рис. 3. Разрез северного Зеленчукского храма по продольной оси, до производства раскопок

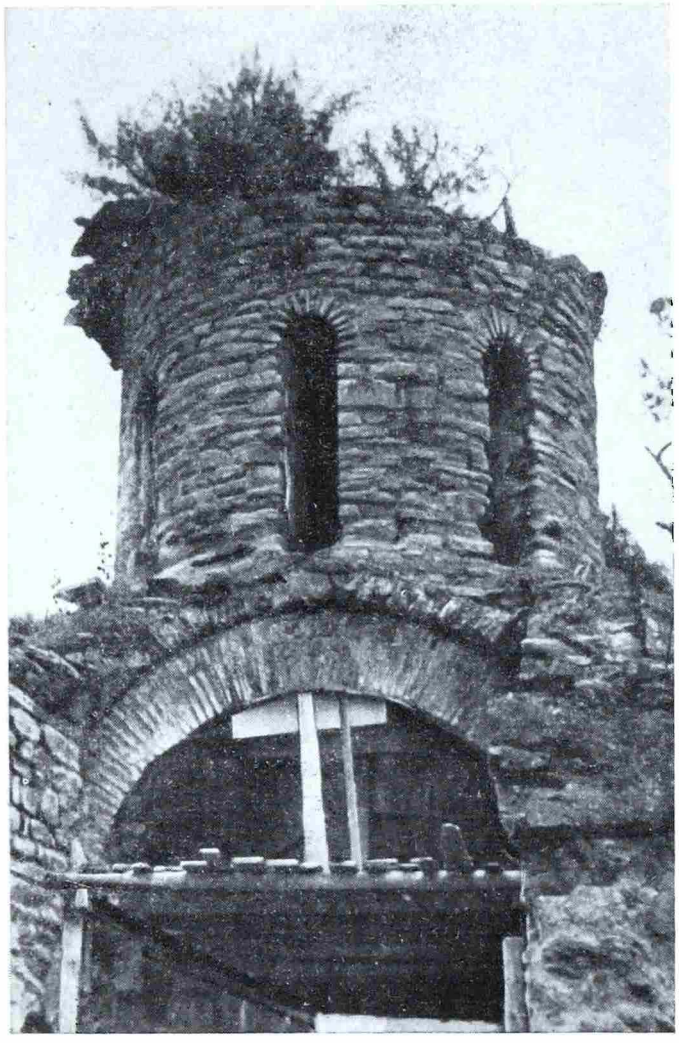


Рис. 4. Барабан с восточной стороны. Видна обнажившаяся подпружная арка и остатки коробового свода

пилонов равна толщине стен храма, а ширина нартекса равна ширине западного нефа (со столбами) и длине и ширине притворов. Высота храма от пяты купола до уровня древнего пола почти равна его длине (около 20 *м*). Апсиды сравнительно неглубокие и имеют полуциркульную форму. Северная и южная апсиды (жертвенник и диаконник) значительно меньше средней. Они соединяются с алтарем узкими проходами с низкими полуарочными завершениями.

Таковы основные черты плана храма.

Глава храма состоит из барабана, увенчанного куполом (рис. 3). Четыре мощных подкупольных пилона несут подпружные арки, сложенные из кирпича на толстом (4—5 *см*) слое раствора. Переход от подкупольного квадрата к барабану осуществлен при помощи парусных сводов — пандативов, выложенных тщательно и точно. Барабан цилиндрической формы (рис. 4) прорезан восемью узкими (0,60 *м*) окнами. Диаметр барабана равен его высоте. Вверху барабан имеет выступающий карниз, сложенный из нависающих камней, а еще выше — орнаментальный пояс из камней, выступающих углом наружу. Над карнизом, как это хорошо видно с южной стороны, нависали плоские плиты покрытия купола.

Необходимо отметить одну интересную деталь — покрытие купола на переходе к карнизу и стенам барабана имело прокладку из многих слоев бересты. Такие же многослойные берестяные прокладки наблюдаются в переходе от покрытия к карнизу в северо-восточном углу храма, на стыке северной апсиды со стеной северного нефа. По-видимому, зодчий учел

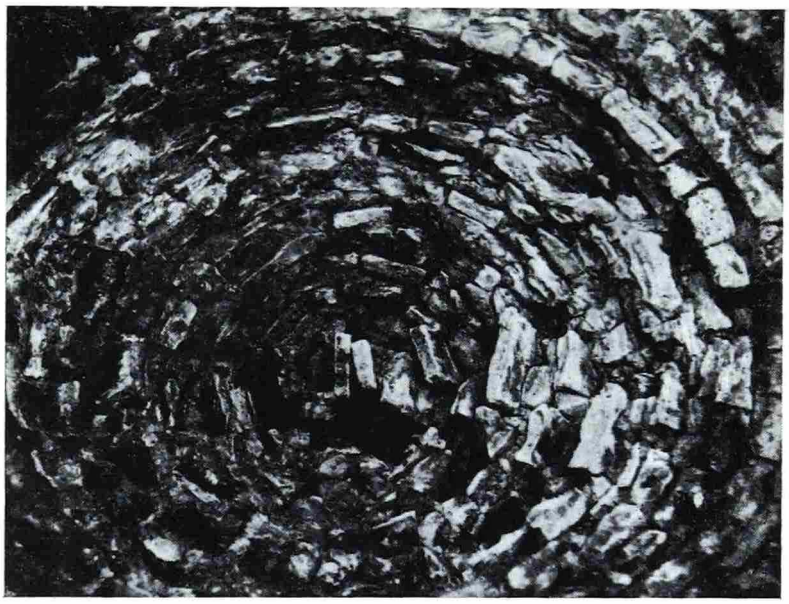


Рис. 5. Каменная кладка купола изнутри

местные климатические условия и сделал эти прокладки с целью гидроизоляции, для чего лучшим подручным материалом и была береста. Берестяные многослойные прокладки должны были предохранять стены здания от проникновения в них дождевых вод и преждевременного вымывания раствора.

Купол в разрезе изнутри имеет сферическую форму. Он сложен из отесанных и хорошо подогнанных камней с двумя замковыми камнями в центре (рис. 5). Снаружи купол был выложен плоскими песчаниковыми плитами, напущенными одна на другую и, несомненно, имел форму низкого конуса. О подобной шатровой форме купола лучше всего говорит гравюра, сделанная по фотографии 1867 г. и представляющая наиболее ранний и достоверный документ о состоянии памятника сто лет назад [5].

Перекрытия храма и притворов были коробовые, с двускатными и односкатными кровлями, также крытыми тонким плитняком. О наличии коробовых сводов свидетельствуют их остатки в северном (рис. 6) и южном притворах [6]. Заметны следы коробового свода и у основания барабана в центральном нефе, где в результате обвала перекрытия открылась восточная подпружная арка (рис. 4). По-видимому, коробовым было перекрытие и в нартексе, который сохранился хуже остальных частей храма. На это могут указывать остатки двух упавших внутрь нартекса кирпичных арок, опиравшихся на четыре пилястры (рис. 2).

Дверные и оконные проемы имеют арочные завершения, выложенные из нестандартного разноразмерного кирпича (длина колеблется от 24 до 34 *см* при толщине от 3,5 до 5 *см*). Центральная апсида имеет три окна, боковые — по одному окну. По два окна имеют восточный и западный нефы. О наличии окон в нартексе судить трудно из-за отсутствия данных. Главное внимание при распределении света зодчий уделил подкупольному пространству. Оно освещается 16 окнами, из которых восемь приходится на барабан и по четыре окна с каждой стороны среднего поперечного нефа (рис. 6). Таким образом, это не только композиционный, но и световой центр храма. Три окна, достаточно ярко освещавшие центральную апсиду.

---

[5] Отчет гг. Нарышкиных..., табл. III.

[6] Коробовый свод на южном притворе хорошо виден на той же гравюре у Нарышкиных и в брошюре «Древнехристианские храмы и св. Александро-Афонский Зеленчукский монастырь...», стр. 9, рисунок.

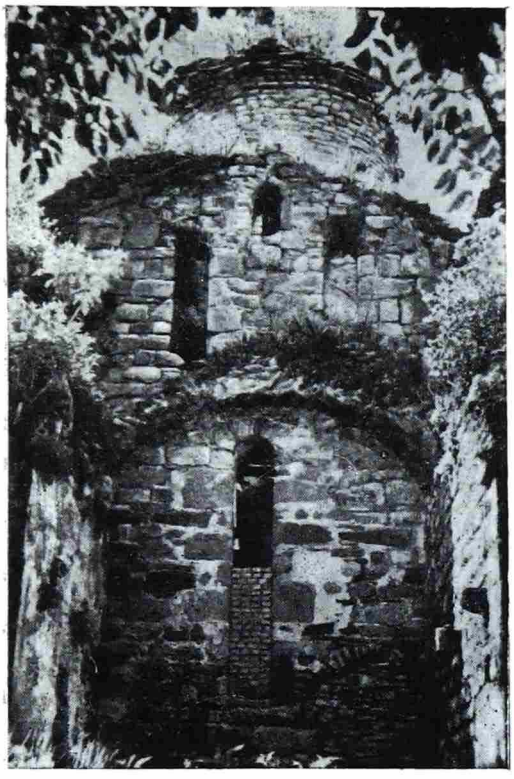


Рис. 6. Часть северного фасада и северный притвор. Видны остатки коробового свода

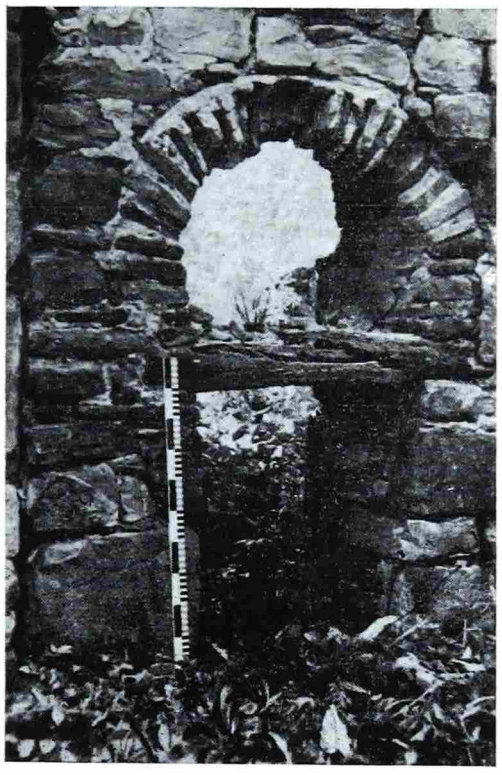


Рис. 7. Дверной проем с люнетом в северной стене нартекса

должны были подчеркивать значение алтаря, выделенного в сравнении с боковыми затененными помещениями.

Основной вход в храм находится с западной стороны. Это широкий (1,45 *м*) и высокий проем, ведущий в центральный неф. По бокам — еще два проема, ведущих в северный и южный нефы; их ширина 0,90—0,93 *м*. Кроме того, есть два дополнительных входа в храм через северный и южный притворы. Они соразмерны входам, ведущим в северный и южный нефы с запада. Нартекс имеет три входа — с запада, севера и юга. Все дверные проемы, насколько об этом можно судить по наиболее сохранившимся, имели вверху открытые люнеты, отделенные от двери горизонтально лежащими толстыми плитами (рис. 7).

Интересной деталью храма является смещенность к западу северного и южного входов в корабль, что несколько нарушает строгую симметричность в построении композиции. Однако с учетом ширины нартекса это впечатление исчезает, ибо в таком случае эти входы расположены почти по поперечной оси храма. Смещенность северного и южного входов, вероятно, следует объяснить наличием в этих стенах большого числа световых проемов, и без того сильно сокративших несущие возможности стены. Размещение входного проема по центру притвора и среднего поперечного нефа (ради соблюдения симметрии!) было бы чревато обвалом стен, что и было учтено архитектором. Не остановившись на этом, последний, прекрасно владевший строительным искусством своего времени, именно данные стены храма подкрепил с внешней стороны мощными притворами, выполнявшими роль контрфорсов.

Притворы предназначались для размещения так называемых «оглашенных», которым не дозволялось входить в храм. Все три притвора, несомненно, были открытыми [7]. В восточных стенах боковых притворов

[7] С целью проверки в 1961 г. мы произвели раскопки в северном и южном притворах, в результате чего были обнаружены остатки заклада притворов, но относящиеся к значительно более позднему времени, чем храм.

Рис. 8. Остатки фрески на восточной поверхности северо-восточного пилона

сделаны полуциркульные ниши, вероятно, имевшие значение алтарей для совершения мелких треб. По мнению Г. Ф. Корзухиной, ниш указывают на то, что притворы могли являться приделами [8].

Интерьер храма строг и величествен, архитектурный декор скуп. Продольные стены расчленены пилястрами, между которыми переброшены широкие арки (по три на каждой стене), сложенные из профилированных тесаных плит. Пяты арок опираются на выступающие полочки, вмонтированные в пилястры. Вряд ли эти арки имели какое-нибудь конструктивное значение, скорее всего их можно связывать с внутренним декором. Декоративные арки, увеличиваясь по высоте к центру, подчеркивают внутренние объемы и их нарастающий к центру ритм. Капителей над столбами и пилястрами нет — они заменены простыми выступающими полочками из тонких плит.

[8] Г. Ф. Корзухина-Воронина. Рязань в сложении архитектурных форм XII—XIII веков. Сборник Бюро по делам аспирантов ГАИМК, I, Л., 1929, стр. 81. Иногда для размещения оглашенных служили открытые портики по сторонам храма, как например в базилике V в. в Ереруйке. Н. Г. Буниатов, Ю. С. Яралов. Архитектура Армении, М., 1950, стр. 33, рис. 14.

Поверхность стен была покрыта белой известковой штукатуркой, местами еще сохранившейся. Анализ штукатурки, произведенный в химической лаборатории Центральных научно-реставрационных мастерских под руководством Н. П. Зворыкина, показал наличие в ней соломы или трубчатых стеблей травы, белковых веществ. Реакция на присутствие крови показала ее следы (вероятно, бычья). Наибольшие участки штукатурки уцелели в тех местах, где меньше сказывались эрозионные процессы: в простенках между окон барабана, в окнах центральной апсиды, в тех частях нефов, где есть еще перекрытия. В древности на штукатурке имелась богатая фресковая живопись, от которой до нас дошли ничтожные фрагменты. В простенке между северными окнами барабана можно различить изображение человеческой фигуры, одетой в богатое византийское платье, орнаментированное внизу рядами правильных концентрических кругов с точками между линиями [9]. На груди видна другая ткань с орнаментом в виде ромбиков; внутри каждого ромбика — кружок. На плечи накинут плащ, застегнутый ниже шеи круглой фибулой. Лицо, руки и иные аксессуары костюма не сохранились. Хорошо заметен контур шеи и начинающийся от левого плеча нимб. Орнаменты платья нанесены по темному фону белой краской.

Цветовая гамма фрески характеризуется темно-серыми и коричнево-черными тонами, но необходимо заметить, что поверхность фрески не только сильно побита, но и закопчена дымом костров, которые разводились раньше в храме пастухами-горцами.

Остатки второй фрески четко видны в верхней части северо-восточного пилона, на поверхности, обращенной к алтарю. Это лик какого-то святого, обрамленный нимбом (рис. 8). Фреска написана коричнево-красной краской, иных цветов нет. Обращает на себя внимание графический стиль фрески [10]. Наконец, в северном окне центральной апсиды имеются остатки геометрического орнамента, состоящего из широких ломаных полос черного, серого, белого и коричневого цветов.

Внешние массы храма лишены всяких украшений и декоративных элементов. Не удалось обнаружить и следов оштукатуривания храма снаружи. Однако это не значит, что его не было,— вряд ли кладка храма могла быть открытой при известной грубости строительного материала, не обладавшего естественными декоративными качествами. Сложен храм из отесанных квадров и плит местного серого песчаника на прочном известковом растворе, снаружи сильно выветрившемся. Очень характерная кладка наблюдается в угловых выступах, особенно в притворах — длинные четырехугольные плиты положены поочередно то вдоль стены, то поперек. Такая же техника кладки углов типична и для среднего Зеленчукского храма (так называемая кладка тычком и ложком).

Таковы основные черты конструкции северного Зеленчукского храма. Летом 1960 г. мы произвели раскопки внутри памятника, очистив его от многовекового слоя завалов и земли. Толщина завала в корабле имела в среднем 1,0—1,20 *м*, сильно увеличиваясь в апсидах, а в нартексе достигала 2,0—2,25 *м*. В результате раскопок удалось выявить ранее неизвестные детали, проливающие свет на значение храма. В центральной апсиде был обнаружен трехступенчатый синтрон (рис. 9), предназначенный для церковного клира. Синтрон был покрыт снаружи толстым слоем коричнево-красной цемянки. Такая же цемянка покрывала в древности и пол всех трех апсид (следы ее сохранились). Нарышкин, производивший раскопки

[9] Аналогичный орнамент, но состоящий только из точек, покрывает тунику царицы Ирины в Боянской церкви в Болгарии. Андрей Грабаръ. Боянската църква. Художествени паметници на България. София, 1924, табл. В.

[10] Побывавший первым в северном Зеленчукском храме в 1802 г. майор русской армии Потемкин зарисовал в нем образ Николая Чудотворца с греческой надписью вокруг головы. П. Г. Бутков. О древнегреческих церквах в верховьях р. Большого Зеленчука, осмотренных в 1802 г. майором Потемкиным. «Библиографические листы» Кеппена, № 30, СПб., 1825, стр. 432.

Рис. 9. Синтрон в центральной апсиде

Рис. 10. Остатки солеи в северной апсиде. На переднем плане у основания пилона видны остатки древнего пола храма

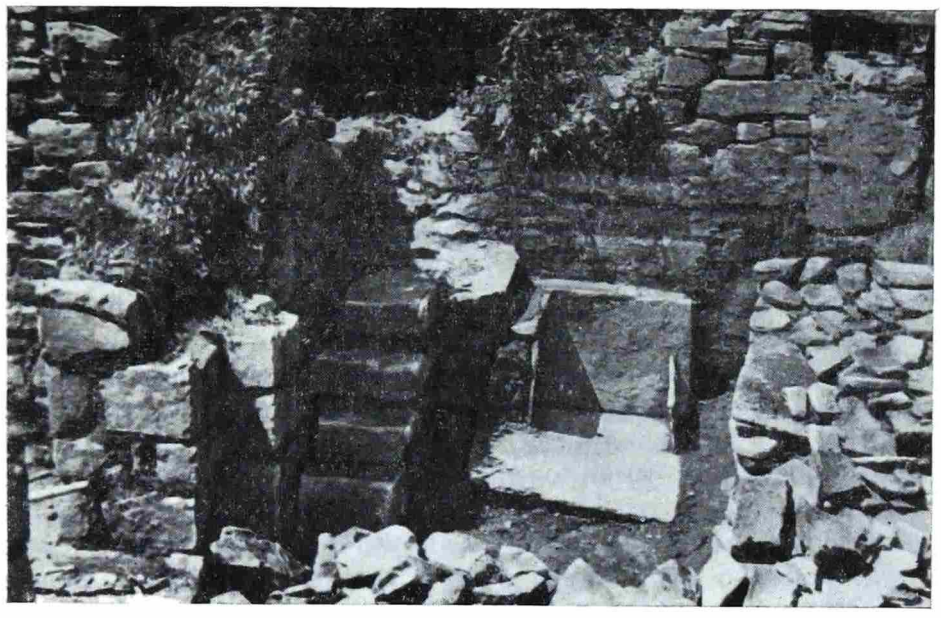


Рис. 11. Остатки крещальни в северо-западном углу нартекса

в средней апсиде в 1867 г., описывает обнаруженные здесь остатки основания престола «в виде четырехугольной площадки, не более 8 вершков в поперечнике, сложенной из камней, связанных с цементом; под ними лежала четырехугольная ровная каменная плита, а затем бут»[11]. Нам не удалось найти какие-либо следы престола, который, возможно, был разрушен и выброшен кладоискателями, не раз рывшимися в апсидах и особенно сильно повредившими пол в жертвеннике.

Далее к западу была расчищена двуступенчатая солея (рис. 10), отделявшая алтарную часть храма от зала. Высота солеи 37 *см*, в плане она пересекает весь храм по линии предалтарных столбов. Солея, вероятно, служила и амвоном. В южном нефе под верхнюю ступень солеи был впущен каменный ящик, сложенный из тщательно отесанных плит. В верхней плите зияло огромное отверстие; погребение, от которого сохранилось несколько больших костей, было ограблено. Нет особых оснований сомневаться в том, что в этом ящике было захоронено какое-то весьма значительное (может быть, духовное?) лицо.

В северном нефе сохранился небольшой участок древнего пола, примыкающего одной стороной к солее, другой — к северо-восточному подкупольному столбу (рис. 10). Сверху пол был покрыт слоем цемянки толщиной 2—3 *см*, лежащей на слое битого мелкого камня и речных голышей, залитых известковым раствором. Поверхность цемянки вылощена до блеска.

Дальнейшая расчистка, произведенная в корабле до отметки древнего пола, никаких новых деталей конструкции не выявила. Цемяночный пол сплошь разбит и перерыт, мощный слой завала никаких археологических находок не дал и состоял из земли, насыщенной битым строительным материалом — в основном от рухнувших внутрь сводов. Как уже отмечалось, завал был особенно значительным в апсидах, хотя все конхи сохранились почти целиком.

Наиболее интересное сооружение удалось обнаружить в северо-западном углу нартекса (рис. 11). Оно состоит из четырех массивных каменных ступеней, ведущих на небольшую площадку, сложенную из плит и тесаных камней. Высота площадки идентична высоте верхней ступени — 1,15 *м*. На ступенях сохранились остатки цемянки. Площадка в восточном направлении образует выступ длиной 35 *см*. Здесь к ней примыкает кубической формы «ящик», составленный из пяти гладких плит. Северная и западная

[11] Отчет гг. Нарышкиных..., стр. 365. Тот же автор отметил, что пол алтаря был «замазан глиной красного цвета», т. е. цемянкой (стр. 364).

плиты отделены от стены нартекса и от восточной стены площади кладками толщиной 22—26 *см*. Хорошо прослеживался шов между западной стеной «ящика» и восточной стеной площадки. В шве заметен слой штукатурки, оставшейся между стен. Таким образом, создается впечатление, что «ящик» был пристроен к площадке позже ее строительства. Размеры плоских плит «ящика»: западной 80×72, восточной 72×50, северной 1,0× × 90, южной 132 × 88 *см*. Плиты образуют камеру, на полу которой лежала пятая плита, размером 90 × 72 *см*, с круглым отверстием в центре. Диаметр отверстия 5 *см*. «Ящик» изнутри (вероятно и снаружи) был покрыт слоем той же цемянки.

Описанное сооружение скорее всего представляет остатки крещальни, состоявшей из ступеней, небольшой открытой паперти, с которой произносилась молитва перед крещением, и каменной купели («ящик»). Об использовании последнего именно как купели говорит и отверстие в полу, служившее для стока воды. По мнению Н. П. Кондакова, ссылавшегося на Гоара, при отсутствии специального баптистерия могли пользоваться нартексом [12]. Устройство крещальни в северном Зеленчукском храме оригинально. Особенно это можно отметить в отношении наземной купели, сложенной в соответствии с древними местными строительными традициями.

В «Церемониях византийского двора», написанных императором Константином Багрянородным в первой половине X в., упоминаются крещальни при храмах Богородицы и св. Стефана в Дафни, причем последний имел мраморную купель, углубленную в пол. Края купели были почти вровень с полом, в нее спускались по ступеням [13]. Таковы купели в собственно византийских храмах [14]. Купель в нашем храме сделана значительно примитивнее, что отразилось и в качестве материала.

При разборке завала внутри нартекса были выявлены четыре пилястры, расположенные по сторонам главного входа. Они должны были нести две арки, поддерживавшие коробовый свод нартекса. В 1959 г. В. И. Бородин удачно заложенным шурфом нащупал остатки одной из арок, упавшей на пол. Нам удалось расчистить остатки обеих арок, состоявших из кирпича на толстом слое раствора. Один обломок арки состоял из шести, второй из восьми кирпичей.

Южная дверь нартекса, выявленная после раскопок и во всю свою высоту заложенная в позднейшее время тесаными плитами, ведет в пристройку. Последняя расположена между южной стеной нартекса и западной стеной южного притвора, размеры ее 8,0×3,5 *м*. От пристройки сохранилась лишь нижняя часть стен с цоколем. Кладка стен и их толщина аналогичны стенам храма. В стыках со стенами нартекса и притвора были заметны строительные швы, отделявшие эти кладки. Отсутствие между ними органической связи отнюдь не свидетельствует о разновременности строительства. Так, кладка южного и северного притворов не связана с кладкой храма, кладка храма не связана с кладкой нартекса, а кладка нартекса — с кладкой западного притвора. Зодчий, несомненно, сознательно не связал кладку разных частей храма, так как при различной высоте они испытывали неодинаковую нагрузку и давали разную осадку.

Во время шурфовок 1959 г. В. И. Бородин внутри пристройки обнаружил несколько каменных ящиков с погребениями без инвентаря. Время этих погребений неясно [15], в связи с чем остается открытым вопрос хроно-

[12] Н. П. Кондаков. Древняя архитектура Грузии. М., 1876, стр. 20. Он же приводит в качестве примера купель, находящуюся в экседре нартекса Сафарского монастыря в Грузии.

[13] Иеромонах Иоанн. Обрядник византийского двора (De cerimoniis aula Byzantinae) как церковно-исторический источник. М., 1895. стр. 54.

[14] В византийский период в нартексе выполнялся и обряд литии, т. е. отпевания умерших. Н. В. Покровский. Церковная археология в связи с историей христианского искусства. Птгр. 1916, стр. 48.

[15] При раскопках вокруг храма в 1960 и 1962 гг. были исследованы 85 каменных ящиков с погребениями, датируемыми по находкам XI—XIV вв. Возможно, что могилы в пристройке относятся тоже к этому времени.

логического соотношения храма и описанной пристройки. Предварительно можно предположить, что пристройка была добавлена к храму вскоре после его строительства и предназначалась для погребений, как склеп. Возможно, что она использовалась и как ризница.

При разборке завалов и раскопках с внешней стороны храма были выявлены некоторые детали конструкции цоколя. Установлено, что цоколь храма был трехступенчатым, ширина ступеней в среднем 10—15 *см*. Ниже третьей ступени начинается фундамент, вскрыть который мы не могли. Особенно тщательно ступени цоколя выведены в апсидах. Притворы имеют цоколь из двух ступеней, расположенных несколько глубже цоколя храма. Расширение цоколя и фундамента за счет ступенчатости, несомненно, имело практическое значение; судя по материалам Грузии, расширение основания имело антисейсмическое назначение [16].

У восточной стены южного притвора, на глубине 1,45—1,50 *м* от южного окна восточного поперечного нефа прослежен древний дневной горизонт. Он был отмечен тонким слоем строительного мусора, состоявшего из песка, кусочков раствора, углей, битого кирпича, костей животных. Строительный слой подстилает желто-коричневый суглинок с гравием. Стратиграфически слой строительного мусора соответствует уровню нижней ступени цоколя.

В заключение описания храма отметим, что во время раскопок у восточной его части неоднократно были найдены мелкие кусочки тонкого прозрачного оконного стекла со следами призации. Некоторые обломки имели закругленные края, показывающие, что это были круглые и плоские стеклянные диски, вставляющиеся в окна. Дисковидные оконные стекла в XI—XIII вв. производились в Киеве [17], но значительно раньше были известны в странах, ближе соприкасавшихся с Византией. Обломки таких стеклянных дисков диаметром 16 *см* были найдены в 1948—1949 гг. при раскопках монастыря Волкашина у Преславы, в Болгарии [18]. Этот памятник относится к концу IX—X в. [19].

Здесь мы подходим к вопросу о датировке северного Зеленчукского храма. В старой литературе утвердилась датировка всей зеленчукской группы храмов X—XI вв. В целом датировка верная, но в настоящее время для северного храма ее можно несколько уточнить. Последнее возможно не только путем аналогий с уже датированными памятниками и архитектурно-стилистического анализа, но и привлечением накопившихся археологических и эпиграфических данных.

Уже не раз отмечалась большая близость между северным Зеленчукским храмом и Лыхненским храмом в Абхазии [20]. Новейшие наблюдения на современном научном уровне были произведены К. Н. Афанасьевым. В результате детального типологического и пропорционального анализа северного Зеленчукского и Лыхненского храмов К. Н. Афанасьев пришел к заключению, что при внимательном сравнении планов этих двух храмов можно убедиться в совпадении ряда размеров, позволяющем говорить о наличии между этими сооружениями прямой и непосредственной связи. Совершенно очевидно, что церкви эти сооружены в одно время и принадлежат одной архитектурной школе [21].

---

[16] Д. М. Мшвениерадзе. Некоторые вопросы строительного искусства в древней Грузии. Тбилиси, 1949, стр. 22, рис. 12.

[17] Ю. Л. Щапова. Стеклянные изделия в древнем Новгороде. Автореф. канд. дис. М., 1961, стр. 6.

[18] Л. Огненова. С. Георгиева. Разкопките на манастира под Вълкашина в Преслав през 1948—1949 г. ИАИ, XX, София, 1955, стр. 392, рис. 20.

[19] Там же, стр. 413.

[20] П. С. Уварова. Христианские памятники. МАК, IV, М., 1894, стр. 16; В. М. Сысоев. Ук. соч., стр. 122—123.

[21] Пользуюсь любезно предоставленной мне К. Н. Афанасьевым рукописью его неопубликованной работы «Типологический и пропорциональный анализ группы храмов Северного Кавказа» и выражаю ему свою глубокую благодарность.

Северный Зеленчукский и Лыхненский храмы сближаются не только самой значительной общностью плана и основных модульных размеров, но и многочисленными совпадениями в деталях. Укажем в качестве примера на наличие там и здесь одинаковых открытых притворов, трехступенчатых цоколей, двуступенчатой солеи, одинакового расположения окон над боковыми притворами [22] и т. д. Все это окончательно убеждает в синхронности обоих сопоставляемых памятников.

Что касается даты Лыхненского храма, то она определялась в дореволюционной литературе как X—XI вв. [23]. А. С. Башкиров довольно неопределенно относит этот храм к типу памятников XI—XIII вв. [24] В настоящее время дата Лыхненского храма уточнена и определена как X век [25]. Не останавливаясь подробнее на датировке Лыхненского храма, отметим, что здесь мы получаем достаточно прочную опорную дату.

Археологический и эпиграфический материал целиком подтверждает эту дату. В 1802 г. на кладбище около интересующего нас храма майор Потемкин зафиксировал каменный крест с греческой надписью, датированной 1013 г. [26]. Таким образом, могильник у северного храма существовал уже в самом начале XI в. Но так как могильник возник вокруг храма позже его строительства (что подтверждено нашими раскопками), ясно, что храм должен быть сооружен в непосредственно предшествующее время.

В 1940 г. внутри северного Зеленчукского храма произвела раскопки экспедиция Карачаевского НИИ под руководством К. М. Петролевича и Х. О. Лайпанова. У юго-восточной (?) стены, на глубине 2,5 *м*, был открыт большой каменный ящик. Скелета в могиле не обнаружено (он, очевидно, целиком истлел), зато был найден богатейший могильный инвентарь, состоявший в основном из золотых украшений [27]. В числе находок имелась альмандиновая печать с арабской надписью, содержащей имя армянского царя Ашота, сына Смбата (886—891 гг.) [28]. Эта печать, сделанная в конце IX в., вряд ли могла попасть в Зеленчукский храм раньше X в. Следовательно, и сам храм не мог быть построен раньше X в.— такова естественная логика, вытекающая из фактов.

Третий эпиграфический памятник, имеющий прямое отношение к рассматриваемому храму, был найден во время наших раскопок 1960 г. в северной части нартекса. Это массивный бронзовый крест с греческой надписью в 21 строку. Из текста надписи видно, что крест (первоначально бывший выносным) был обновлен пресвитером Фомой в 1067 г. [29]. В нижней ветви креста ясно виден след слома, в результате чего крест лишился рукояти или подставки. Его «обновление» состояло в том, что были пробиты четыре отверстия, при помощи которых крест был прибит к стене, и

---

[22] См. П. С. Уварова. Ук. соч., стр. 14—16, табл. II, IV, рис. 4; Н. П. Северов. Памятники грузинского зодчества. М., 1947, табл. 96.

[23] П. С. Уварова. Ук. соч., стр. 14; Н. П. Кондаков. Ук. соч., стр. 59; А. Леонид. Абхазия и ее христианские древности. М., 1887, стр. 44.

[24] А. С. Башкиров. Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 года. Изв Абхазск. научн. о-ва, IV, Сухуми, 1926, стр. 51.

[25] Н. П. Северов. Ук. соч., стр. 194; И. Адзинба. Архитектурные памятники Абхазии. Сухуми, 1958, стр. 54. Есть сведения, что после сооружения храма в Лыхнах царем Багратом III в 1012 г. был построен город Зуфу. П. Иоселиани. Туземные города, существовавшие и существующие в Грузии. ЖМВД, ч. VI, СПб., 1844. стр. 403.

[26] Klaproth. Sur les anciennes églises chrétiennes dans le Caucase au-delá du Kouban. NJA, V, 1830. стр. 382—384; И. Помяловский. Сборник греческих и латинских надписей Кавказа. СПб., 1881, стр. 7—8; Древнехристианские храмы и св. Александро-Афонский Зеленчукский монастырь..., стр. 23.

[27] Х. О. Лайпанов. К истории карачаевцев и балкарцев. Черкесск, 1957, стр. 53—55. Материал хранится в ГИМ.

[28] В. А. Крачковская. Печать Багратида Ашота с арабской надписью. КСИИМК, XII, 1946, стр. 112—117.

[29] Е. Ч. Скржинская. Греческая надпись из средневековой Алании. ВВ. XXI, 1962, стр. 118—126.

сделана надпись в честь этого события. Ясно, что до «обновления» крест какое-то время не использовался из-за поломки, но отлит был еще раньше. Можно предполагать, что это было в первой половине XI в., когда храм уже существовал и функционировал.

Приведенные выше материалы дают достаточно оснований для датировки северного Зеленчукского храма X в. Добавим, что исторически эта дата наиболее вероятна. Из византийских письменных источников известно, что христианизация алан, соседствовавших с Абхазией, произошла во время второго патриаршества Николая Мистика, т. е. между 912 и 925 гг. [30]. Понятно, что в связи с христианизацией (и вскоре после нее) в Алании развернулось церковное строительство. Именно в этот период — во второй четверти X в. при абхазском царе Георгии II (920—955 гг.), принимавшем активное участие в христианизации алан, и был построен северный храм [31].

Северный Зеленчукский храм не только великолепное произведение древнего зодчества, но и важнейший исторический источник. Нет сомнения в том, что он играл первостепенную роль в духовной жизни Алании. Уже в 1893 г. В. Ф. Миллер предположительно связал Зеленчукские храмы и расположенное здесь городище с центром Аланской епархии [32]. Время и новейшие археологические исследования подтвердили правильность данных предположений. Учитывая это, необходимо обратить внимание на следующие интересные факты. Северный Зеленчукский храм не только значительнее всех прочих северокавказских храмов по площади, но и наделен рядом весьма характерных деталей, таких как притворы с культовыми нишами, нартекс, крещальня, солея, трехступенчатый синтрон, каменный престол, раскопанный Нарышкиным. Не случайно именно в этом храме находился «честной» крест, которому в X в. посвящались особые праздники и службы [33]. Все это убеждает нас в том, что северный Зеленчукский храм занимал центральное место в числе других храмов Аланской епархии и был ее кафедралом. Поэтому можно полагать, что именно здесь имели свое местопребывание аланские митрополиты.

Тесно связанный с группой абхазских храмов X в., северный Зеленчукский храм указывает на интенсивные политические и культурные сношения западной части Алании с Абхазией во время ее наибольшего подъема — в X—XI вв. В то же время северный Зеленчукский храм несет в себе явные черты византийской архитектурной школы.

Сильное византийское влияние сказалось не только в плане храма и оформлении его главы и купола, но и в отдельных деталях и строительной технике. Таковы, например, люнеты над входами, характерная кладка углов из тесаных квадров, положенных то в длину, то в ширину стены, орнаментальный пояс из камней или кирпичей, выступающим острым углом в верхней части барабана, и т. д. [34].

Вместе с тем, северный Зеленчукский храм некоторыми чертами перекликается с рядом архитектурных памятников X в. Болгарии [35] и Киев-

---

[30] Ю. Кулаковский. Христианство у алан. ВВ, I, вып. 1—2, СПб., 1898, стр. 3—7.

[31] Выше мы ограничились сопоставлением северного Зеленчукского храма с храмом в Лыхнах. Однако этим круг аналогий с храмами X в. Абхазии не исчерпывается. Северный Зеленчукский храм имеет немало точек соприкосновения с такими памятниками, как Пицундский храм и храм Симона Кананита — см. Н. П. Кондаков. Ук. соч., стр. 17, рис. 1; П. С. Уварова. Ук. соч., стр. 9, рис. 1; Н. П. Северов. Ук. соч., стр. 195.

[32] В. Ф. Миллер. Древнеосетинский памятник из Кубанской области. МАК, III, М., 1893, стр. 118.

[33] Иеромонах Иоанн. Ук. соч., стр. 79.

[34] Ср. с византийскими церквами окрестностей Трапезунта — D. Winfield, I. Wainright. Some Byzantine Churches from the Pontus. AS, XII, 1962, стр. 131—161, табл. XXII, XXIII (люнет), XXVI (угловая кладка).

[35] Интересны аналогии в церквах X в. Болгарии. Н. Мавродинов. Еднокорабната и кръстовидната църква по Българските земи до края на XV в. София, 1931,

ской Руси. Таким образом, возникает вопрос о сложении на так называемой «византийской периферии» своеобразных направлений в развитии архитектуры, имеющих много общего и в то же время отличавшихся друг от друга, что характерно для периода формирования национальных культур. Публикуемый памятник, несомненно, расширяет материал, необходимый для решения этой интересной и важной проблемы.

Когда и почему запустели Зеленчукские храмы? Представляется вероятным, что это было связано с глубокими политическими, экономическими и этническими изменениями, произошедшими на Северном Кавказе после монгольских завоеваний во второй половине XIII в. Начиная с этого времени аланская епархия постепенно идет к упадку, хотя в актах Константинопольского патриархата она упоминается еще в середине XIV в. Окончательное ее крушение, по-видимому, можно связать с разрушительным походом Тимура в 1396 г., когда этот завоеватель «в горах взял бесчисленные области... сжег сухое и мокрое, разрушил все их церкви и капища идолов» [36].

стр. 74—75 (церковь И. Предтечи в Месемврии); его же. Старобългарското изкуство. Софпя, 1959, стр. 111—112, рис. 101—103 (церковь Иоанна Крестителя в Несебре).

[36] Низам-ад-дин Шами. Книга побед. СМОИЗО, II, М.— Л., 1941, стр. 123.

Г. Н. АНПИЛОГОВ

БОРТНЫЕ ЗНАМЕНА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

(По Путивльским и Рыльским переписным материалам конца XVI и 20-х годов XVII в.)

Путивльские и рыльские бортные знамена как исторический источник и юридические знаки не изучались [1]. Нами ставится задача рассмотреть этот источник и опубликовать небольшую часть рисунков этих знамен.

В работе не преследуются цели изучать знамена как памятник обычного или феодального права. Историко-юридическая сторона темы нами рассматривается кратко и только во вспомогательных целях. В основу работы положены архивные материалы, Список с Путивльской переписной книги 1594 г. писца Ивана Семеновича Вохрамеева и подьячего Олексея Малахова об устройстве земельным жалованием самопальников [2]. В книге содержатся интересные факты о раздаче в Путивльском уезде служилым людям за четвертную пашню оброчных бортных ухожеев с знаменами. Книга написана на бумаге в четверть листа скорописью XVI в., начало ее оглавления утрачено и испорчено. На полях рукописи имеется скрепа дьяка Поместного приказа Гавриила Мартемьянова.

Исключительным источником по теме является переписная книга путивльским оброчным бортным ухожеям 1628—1629 гг. писца Петра Мусорского и подьячего Гавриила Федорова [3]. Рукопись книги подлинная, в ней подробно описаны по волостям и урочищам оброчные бортные ухожеи со знаменами. Перечисляются не только названия знамен, но и даются их рисунки в том виде, в каком они были изображены на бортных деревьях. Эти рисунки знамен сделаны подьячим Гавриилом Федоровым не произвольно, а списаны им со старых документов. В отдельных случаях, когда бортные знамена возникали недавно — вновь, они записывались писцом по сказке первозаимщика с прибавлением к названию избранного им рисунка бортного знамени слов: «новое», «красное» или «червленое».

В том же году эти же писцы произвели описание Рыльского уезда и составили Писцовую книгу [4]. Она содержит подробные сведения о поместных и вотчинных бортных ухожеях и их знаменах. При составлении Рыльской писцовой книги писцы использовали выписи из отдельных книг, а также из Писцовой книги 1594 г. писца Федора Яковлева и подьячего

---

[1] Слово «знаменить» употреблялось в значении рисовать, знаменщик — рисовальщик (И. Е. Забелин. Домашний быт русских царей, ч. 2, М., 1869, стр. 658. Приложение, стр. 116, 169, 174).

[2] ЦГАДА, ф. 1209, Поместный приказ, кн. 367.

[3] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 368.

[4] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 10554, 10555.

Ивана Злобина[5]. Существенно дополняют сведения писцовых книг о населении этих уездов книги Посольского приказа, так называемые Польские дела — 1592—1593 гг. Они сообщают сведения о бортниках и севрюках, казаках, крестьянах и служилых людях Путивльского, Рыльского и других юго-западных уездов, которым литовские люди после окончания Ливонской войны причиняли убытки и разорение. В них подробно показывается характер разорения и размеры убытков, причиненных отдельным лицам[6].

Кроме архивных материалов при подготовке работы изучены и привлечены свидетельства о бортных знаменах и бортничестве летописей, Русской Правды, Статута Великого княжества Литовского, актовые материалы[7] и другие источники. Они дают возможность полнее изучить названия и рисунки рассматриваемых нами бортных знамен, которые являются ценным историческим источником.

Знамена, пятна, тамги, печати и другие знаки собственности давно привлекли к себе внимание ученых. Многие буржуазные ученые занимались их изучением односторонне в историко-юридическом плане[8]. Советские ученые дали ряд ценных исследований о знаках собственности, но изучением бортных знамен юго-западных уездов Русского государства не занимались[9]. Содержание публикуемой работы было изложено автором в докладе на научной конференции «Ломоносовские чтения» в Московском университете[10]. В начале 1964 г. вышла в свет статья Н. С. Котковой «Название русских бортных знамен — историко-лингвистический источник»[11], в которой основной фактический и иллюстративный материал заимствован из Путивльских и Рыльских переписных материалов 20-х годов XVII в., а обобщения делаются общерусские. Автор не проявил необходимой осторожности в истолковании источников с учетом места и времени их возникновения.

Бортный промысел — древнее и важное занятие славян. Киевские князья в первой половине X в. собирали дань с населения медом и скорою. В 946 г. древляне после убийства кн. Игоря, признав власть его жены кн. Ольги, согласились платить ей дань медом и скорою[12].

О большом количестве сбора меда в княжескую казну — X—XII вв.— говорят известия летописи. В 996 г. кн. Владимир Святославович в честь победы над печенегами устроил «Праздник велик», на угощение приглашенных «...300 берковцев меду рассыти»[13], т. е. 3000 пудов. В 1146 г. в погребах киевского князя Святослава хранилось «500 берковцев меду» — 5000 пудов[14] и т. д. Такое количество меду вряд ли добывалось в княжеских вотчинах; наиболее вероятно, что бóльшая часть меду собиралась князем в виде оброка и дани с подвластного населения, занимающегося бортным промыслом.

---

[5] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 10554, л. 147.

[6] ЦГАДА, ф. 79, Польские дела, кн. 22.

[7] АЮБ, I, СПб., 1858.

[8] П. Ефименко. Юридические знаки. Опыты исследования по обычному праву. ЖМНП, 1874, ч. CXXVI; Е. Т. Соловьев. О тамгах или знаках собственности на некоторых предметах древнего быта. Археологический очерк. Казань, 1885; И. Н. Миклашевский. К истории хозяйственного быта Московского государства, ч. I, М., 1894; И. М. Покровский. Бортничество (пчеловодство), как один из видов натуральных промыслов, близ Казани. ИО АИЭКУ, XVI, Казань, 1901; Н. Н. Оглоблин. Остяцкие знамена. «Истор. вестн.», 1889; А. Шифнер. Об этнографической важности знаков собственности. «Уч. зап. АН», 1—3 отд., 1885, и др.

[9] Н. П. Лихачев. Труды Музея палеографии. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики; Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XI вв. СА, VI, 1940, и др.

[10] Научная конференция. Ломоносовские чтения. МГУ, апрель, 1963, стр. 33 (Программа).

[11] Исследования по лингвистическому источниковедению. Сб. АН СССР. М., 1963.

[12] ПСРЛ, I, стр. 58.

[13] Новгородская летопись. М.— Л., 1950, стр. 166.

[14] ПСРЛ, II; III Ипатьевская летопись. СПб., 1843, стр. 27.

Обычай отмечать бортные деревья знаками-знаменами очень древний. Он означал право владения и право собственности на бортные деревья задолго до появления Русской Правды. Русская Правда XI—XII вв. содержит статьи о защите прав владения и собственности бортника угодьями и знаменами [15]. Она устанавливает большой штраф за порчу и уничтожение бортных знамен в одинаковом размере со взысканиями за нарушение межевых знаков [16].

Постановления Русской Правды о бортничестве и бортных знаменах нашли отражение в Статутах Великого княжества Литовского 1529 и 1588 гг. Они предусматривают деление бортных угодий на княжеские (господарские), боярские (панские) и шляхетские (землянские), которыми эти феодалы распоряжаются на правах собственности, а их подданные крестьяне-бортники за владение этими угодьями выполняют в пользу феодалов разные повинности. Бортники отыскивают в лесах бортные деревья, делают борти, накладывают на них свои знаки-знамена, распоряжаются ими в пределах границы владений «панов своих». За нарушение этого законодательства они подлежали наказанию своими же господами, а бортные деревья со знаменем бортника «...тое дерево да ся тому пану мает» [17].

При судебных разбирательствах о знаменах Статутом устанавливался так называемый «суд знамен» и порядок решать дело в пользу того, «чые старшое и вроследшее знамя будет, тому входы и борти сказать мает» [18]. За порчу бортного дерева Статутом устанавливалось взыскание, даже в том случае, если при обработке «нивы» земледельцем на ней будет чужое бортное дерево. Владельцам этих полей-«нив» предлагалось не обрабатывать земли вблизи бортных деревьев, чтобы их не подрезать сошником-«осном», в противном случае они будут повинны за «тое дерево платить...» [19].

За уничтожение на бортных деревьях знамен, за их переделку виновные были обязаны платить «пану чие дерево», за борть со пчелами — 3 рубля, за деревья, где пчелы только посажены, «по две копы грошей» за дерево, а за изготовленное бортное дерево без пчел «одну копу грошей», кроме того, за мед «полкопы грошей» [20].

Сведения, сообщаемые Литовским Статутом о бортниках, бортных деревьях и знаменах, имеют непосредственное отношение к теме о бортных знаменах в Путивльском и Рыльском уездах, так как территория этих уездов до начала XVI в. длительное время входила в состав Великого княжества Литовского.

Немаловажное значение для изучения названия и рисунков путивльских и рыльских бортных знамен имеют свидетельства письменных источников XV — начала XVII в. о бортничестве и бортных знаменах в центральных, заволжских и северных уездах Русского государства. Они позволяют заняться их сравнением с путивльскими и рыльскими знаменами. В оброчной грамоте 1478 г. митрополита Геронтия говорится о пожаловании своих бортников: Семенка Улыбышева с детьми и Оладка Гаврилова, «во Владимире за рекою Клязьмою деревнями, пустошами, пожнями и кулижкою со всеми угодьями, что к ним и потягли исстари», а также бортными ухожями со знаменами, которые до этого принадлежали

---

[15] Русская Правда, II, М.—Л., 1947, ст. 32, стр. 297, ст. 71—73, 75, 76, стр. 554—560, 565—568.

[16] Там же.

[17] Статут Великого княжества Литовского, 1588. Артикул 6, стр. 276. Изв. МОИД.

[18] Там же.

[19] Там же. Артикул 3, стр. 274.

[20] Там же. Артикул 13, стр. 278—279. Копа была равна 60 грошам, а грош в 1600 г. равнялся 5,5 копейкам. В сб.: «Белоруссия в эпоху феодализма», I, Минск, 1959, стр. 466, 470.

бортникам. Эти знамена имели рисунки с изображениями кнеи, вил с лягалом, косы с рубежом и т. д. [21].

В 1533 г. помещик Иван Иванович Любовшин подал Великому князю Василию Ивановичу челобитную о переводе из его поместного с. Курмур четырех бортников с семьями в черную волость, так как они самовольно живут в этом селе и владеют девятью знаменами, за которые платят в казну оброку — 5 пудов меду в год [22]. Просьба челобитчика была удовлетворена, бортники переведены, а ухожей отдан ему на оброк. Это известие говорит о том, что до появления помещика в данной местности жили крестьяне-бортники, которые изготовили в Курмурском лесу борти и наложили на них свои знамена, являющиеся не знаками их собственности, а знаками оброчного владения. В выписи из Писцовой книги 1632 г. по Нижегородскому уезду писца Афанасия Блохина и подьячего Григория Козлова содержатся сведения о том, что Великовским бортным ухожеем с шестью знаменами до 1594 г. владели: Нижегородский посадский человек Митька Малков и Ногулинский бортник Третьячко Яковлев. Они платили за него оброку 3 пуда меду и 3 куницы в год, кроме пошлин деньгами. После них этим ухожеем владел бортник Курмышского уезда Лыковской волости Баженко Голиков [23]. В 1629 г. по грамоте патриарха Филарета ухожей пожалован строителям Макарьевского монастыря в пустыне Нижегородского уезда на Желтых водах [24]. Кроме этих известий факты о том, что на бортные деревья знамена накладывают бортники, занимавшиеся их изготовлением, хорошо подтверждаются письменными источниками по Казанскому уезду.

О значительном развитии в XVI в. бортных промыслов в Заволжье по рекам Казанке и Каме свидетельствуют Писцовые книги Казанского уезда 1566—1568 гг. В них упоминается о запрещении рубить на государево дело бортные деревья [25]. Бортные угодья в недавно завоеванном крае были не только важным источником дохода казны, но и лакомым куском для русских духовных и светских феодалов. Первый казанский архиепископ Гурий по росписи 1555 г. получал с местных бортных промыслов 500 пудов, а Свияжский архимандрит — 200 пудов меду. Причем Казанскому епископу рекомендовалось «звати по часту новокрещенов ясти, поити их у себя за столом квасами, а после стола посылати их поити медом на загородный двор».

В Писцовой книге 1623—1624 гг. писца Ивана Леонтьевича Скобельцина и подьячего Якова Власьева сообщается о том, что бортники-татары владеют ухожеями с 45 знаменами, принадлежащими казанскому архиепископу, и платят ему оброк. Эти знамена были наложены бортниками-первозаимщиками как знаки их старого владения. Писцы отметили такой примечательный факт начального наложения бортником своего знамени на изготовленные им бортные деревья. Житель митрополичьей вотчины — дер. Селик батрак Теребердеев сообщает: «Хожу де вновь в вотчине, а еще деревья не наделывал, а оброку даю батман меду, пять алтын 4 деньги». На бортные деревья он накладывает свое «Знамя Батракова» в виде двух косиц на черте, наверху между ними — тен, а внизу — параллельная черта [26].

Представляют большой интерес сведения о бортных знаменах в Орловском уезде, сообщаемые во Ввозной грамоте 1623 г., выданной кн. Григо-

---

[21] АЮБ, II, СПб., 1864, стр. 545—546.

[22] Там же, стр. 557—559.

[23] АЮБ, I, СПб., 1858, стр. 185—186. Знамена Великовского ухожея: 1) косы на черте с рубежом; 2) калита с поясом; 3) калита с рубежом; 4) лежая с двумя рубежами; 5) четыре рубежа.

[24] Там же.

[25] Список с Писцовых книг г. Казани с уездом. Казань, 1877, стр. 54.

[26] И. Покровский. Ук. соч., стр. 67—73. Приложение: таблица 45 бортных знамен.

рию Афанасьевичу Мещерскому на владение поместьем своего отца, в с. Руковичи на р. Горностаевке. В ней упоминается о том, что в этом селе его крестьяне: Сплка Копнин с товарищами, совместно с крестьянами помещика соседней дер. Долгой, принадлежавшей Григорию Тухачевскому, владеют бортными ухожеями «Руковицким» и «Исаковским», в которых пять знамен. Эти крестьяне платят за них оброк в Приказ Большого дворца по пуду меду с каждого ухожея. Орловские бортные знамена, находясь в смежной местности с рыльскими, имели некоторое сходство в их названии с рыльскими и путивльскими, а также значительное сходство в изображении их рисунков [27]. Эта грамота свидетельствует о том, что с. Руковичи не раньше последней четверти XVI в. было отдано в поместье кн. А. Мещерскому, а жители села оброчные бортники-земледельцы стали его крепостными крестьянами. Село Руковичи было старым, в нем находилась «ветхая церковь», а ее притч владел пашней, сенокосом и бортным ухожеем со знаменем «Куриная лапа», расположенным в одном урочище с ухожеем крестьянским за р. Десною в «Черном бору».

Эти факты примечательны тем, что они показывают не только сходство бортных знамен с такими же знаменами в соседних южных уездах, но и на общность в них судьбы оброчных бортников-земледельцев, которые закабаляются помещиками и вотчинниками. Этот процесс нашел яркое отражение в Путивльских и Рыльских переписных материалах 1594 г., 1628—1629 гг. [28].

Итак, краткое рассмотрение бортных знамен в этих уездах позволяет сказать о том, что их нельзя отождествлять с другими юридическими знаками собственности, так как они так же, как и земли, являются собственностью феодалов, а не бортников-первозаимщиков, наложивших на бортные деревья изображения своих знамен. Они пользовались ими на правах владения с уплатой оброка и пошлины, могли передать другим лицам вместе со своими обязанностями в пределах владения своего феодала. Эта особенность является общей для всех бортных угодий и знамен на всей территории; что касается изображения рисунка знамен, то они брались первозаимщиками из окружающей их жизни, отражая ее местные особенности, разнообразие известных им предметов и общих понятий, которые и являлись символами этих знаков.

Бортные знамена на территории Путивльского и Рыльского уездов в XVI и 20-х годах XVII в. получили более полное и разностороннее отражение в переписных материалах этого времени. Поэтому без малейшего преувеличения можно сказать, что их изучение поможет решению многих неясных вопросов в изучении истории и языкознания.

Большую трудность представляет датировка времени появления большинства рисунков бортных знамен, не имеющих добавления к их основному названию пояснений: «новое», «красное», «червленое» [29]. Знамена с такими дополнениями немногочисленны. Они появились после составления в 1594 г. путивльских и рыльских писцовых и переписных книг [30] или других юридических актов, близких им по времени. Долговременность старых бортных деревьев и их знамен, особенно на дубах, которые часто упоминаются в письменных источниках, могла исчисляться веками. Многие известные нам рисунки бортных знамен и их названия имеют большую древность, об этом прямо и косвенно говорят писцовые книги. Они сооб-

---

[27] Рисунки Орловских знамен: вилы с откоском; вилы с переводою и четырьмя тны; вилы вверх рогами с откосками, меж рогами тен, а под ними перевора и два тна; грань на верху вилки, а под нею два тна; лежайка вверху тен; куриная лапа. ИРАО, 8, 1877, стр. 178—180.

[28] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 367, 368, 10554, 10555.

[29] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 368, лл. 401, 487, 488, 490; кн. 10554 и 71; кн. 10555, л. 1224 и др.

[30] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 367. В кн. 10554 л. 147 и др. упоминается о писцовой книге по Рыльскому уезду, составленной в 1594 г. писцом Федором Яковлевым и подьячим Григорием Злобиным.

щают факты об их существовании в начале XVI в., когда в Северской земле еще не были ликвидированы удельные княжества. В это время князь Василий Иванович Шемякин пожаловал рыльским церквям имени Николы Чудотворца и Афонасия Александрийского в Рыльском уезде бортные ухожеи со знаменами, которые носили название имен своих первозаимщиков и назывались «Гавриловской», «Яковлевской», «Карповской», «Михалковской» и др.[31]. Знамена имели рисунки с изображением сохи, тебенека, дуги, треноги, белки, взвилья, бороды, острожка, шелома и др.[32]. Рисунки некоторых знамен ко времени их пожалования имели добавления к их основному изображению — рисунки с дополнениями «тен», «хвост» и т. д. (рис. 1, *25*; рис. 2, *107*, *108*; рис. 5, *265*, *277*; рис. 6, *360а*[33]). Эти добавления показывают, что они появились в связи с переменой владельцев этих бортных знамен. Следовательно, появление этих знамен в бортных ухожеях, пожалованных князем Василием Шемякиным, относится ко времени более раннему, чем начало XVI в.

В Писцовой книге имеются и такие сведения. Бортник Якушко Петров сын Изонин в 1623 г. дал церкви Дмитрия Солунского в Рыльском уезде Свапской волости «дуб бортный старые дели во всю волость, пока места его ухожеи»[34], а в ней без пчел пять деревьев. Они имеют знамя с рисунком «белки с приметком», а именно: к рисунку белки добавлены на бортных дубах «крест» и «уруб». Это известие говорит не только о древнем происхождении знамени, но и о том, что оно вначале было общинным — волостным с рисунком белки на всех бортных деревьях. Этот волостной ухожей давно был разделен между бортниками в единоличное владение, а на бортных деревьях владельцы в своих жеребьях к старому знамени сделали «приметки». В данном случае таким приметком в ухожеи бортника Я. Изонина стали «крест» и «уруб». По свидетельству переписных и других материалов XVI и первой четверти XVII в., оброчные бортники-волощане кроме бортных деревьев в пределах своих ухожеев владели другими угодиями, некоторыми из них пользовались сообща — «вопче». В 1624 г. той же церкви Дмитрия Солунского волощане Городецкой волости, сотцкий Олешка Полуянов с бортниками и оброчниками дали для совместного с ними пользования рыбную ловлю на р. Сейм[35]. В Путивльском и Рыльском уездах общинное пользование оброчниками-волощанами угодьями: рыбной и звериной ловлей, бобровыми гонами, вспудами и перевесами и др.— было распространенным явлением, которое хорошо известно в источниках XVI и первой половины XVII в.[36].

Краткое рассмотрение названий и рисунков бортных знамен в Путивльских и Рыльских ухожеях и времени их возникновения позволяет выяснить некоторые особенности из истории жизни населения этого края, характер и уровень техники и технологии в хозяйственной жизни, которые имели решающее значение в его историческом развитии.

В. И. Ленин в статье «Карл Маркс», рассматривая вопросы материалистического понимания истории, подчеркивает мысль Маркса о том, что технология вскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а вместе с тем и его общественных условий жизни и проистекающих из них духовных представлений[37]. В этой связи особое значение приобретает рассматриваемый нами исторический источник, отражающий жизнь народа. Среди рисунков бортных знамен, изображающих разные орудия труда, предметы хозяйственного снаряжения, быта, природы и т. д., большое место занимают сельско-

---

[31] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 10555, лл. 1207—1212, 1231.
[32] Там же, кн. 10555, лл. 1207—1212, 1231.
[33] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 10555, лл. 1208, 1209, 1212.
[34] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 10554, л. 241.
[35] Там же.
[36] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 10553, лл. 815—818.
[37] В. И. Ленин. Карл Маркс. Полное собр. соч. Изд. 5, т. 26, М., 1961, стр. 56.

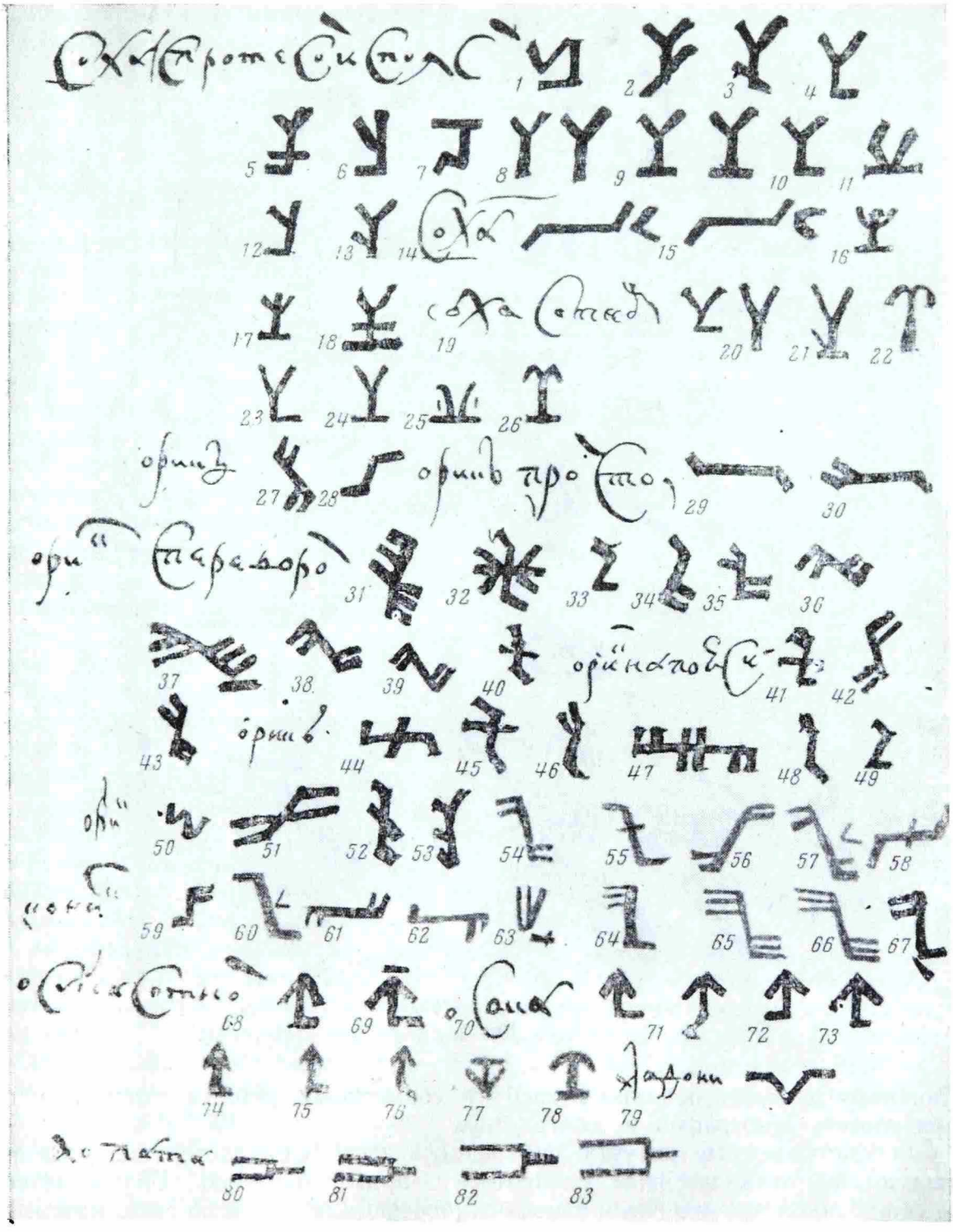


Рис. 1

хозяйственные орудия и предметы снаряжения. Особое внимание привлекают рисунки таких главных орудий, как сохи и ороки. Они многочисленны и отличаются большим разнообразием рисунков с изображением этих предметов, сходных в своей основе. Ороки и ори имеют в своем названии некоторую языковую общность с древнерусским ралом, а их изображение в рассматриваемых нами рисунках показывает, что они являются орудиями для пашни и рыхления земли (рис. 1, *1—67*) [38]. Это дает основание для высказывания предположения о том, что рало, плуг и борона, известные нам по сообщениям летописей и Русской Правды, передали им некоторые свои особенности, сохранившиеся в рисунках рассматриваемых нами сох, ориков и орей. Окончательное решение этого

[38] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 368, 10555.

Рис. 2

сложного и важного вопроса требует совместных усилий историков и археологов, этнографов и лингвистов.

Рассматриваемые рисунки сох разнообразны. Они состоят из угловатых линий, отличаются схематизмом и примитивностью. Большинство этих рисунков имеет в своей основе однорогую или безрогую сохи, которые сходны с простым орлом и орью.

Многие рисунки сох имеют ноги в виде безотвального сошника, обращенного в поле. Такие сошники были приспособлены для разрыхления дерна с обилием корней, особенно в лесной местности. Сохи имели не только деревянные «копаневые» сошники, но и железные ральники, так называемые «ладони» (рис. 1, *79*) [39]. В писцовых книгах нередко к названию сохи или других предметов в изображении бортных знамен делались добавления, которые облегчают понимание основного рисунка предмета и его сходство с другими подобными предметами и их назначение в жизни. Например, «соха с протесом и поясом» имеет к основному рисунку из двух линий добавление «протес» и «пояс» в виде угла, образованного двумя линиями над ногою сохи, обращенной в поле (рис. 1, *1*) [40].

[39] Ладонь — внутренняя сторона пясти, лемех, сошник, ральник, ток для молотьбы и т. д. В. Даль. Толковый словарь. М., 1955.

[40] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 368, л. 3.

Сохи с «приметком» изображаются в виде двурогой сохи с ногой и имеют добавление — черточку на ее пятке (рис. 1, *2*, *3*) [41]. Сохи «со тном» имеют в своей основе изображение однорогой сохи или простого орика, а их добавление — «тен» образует другой рогаль (рис. 1, *4*, *10*, *14*, *15*, *19*, *28* и *29* и др.) [42]. Большое сходство имеют однорогие сохи с простыми ориками, а безрогая соха, рассмотренная нами на рис. 1, *1*,— с орью. Рисунки ори на бортных знаменах содержатся в Рыльской писцовой книге 1628—1629 гг., они изображены с добавлениями из трех линий, называемых «двумя хвостами» и пересеком (рис. 1, *14*, *15*, *28*, *29*) [43]. К рисункам сохжердей, вероятно, относятся рисунки безногих сох (рис. 1, *8*, *9*, *20—22*, *26*; рис. 4 *203*, *206*), а также сохи, имеющие ноги в виде двусторонней подставки —очень сходные с рисунками, двурогого мотовила с подставкой.

Н. А. Горская в статье о земледельческих орудиях в Центральной Руси XVI, XVII вв. упоминает об оральных сохах, но не дает их описания; сделанное ею замечание о том, что они безотвальные, является правильным [44] и не противоречит основным рисункам сох, изображенных на рассматриваемых нами бортных знаменах. Эти рисунки не согласуются с мнением Д. Зеленина о том, что «соха это двузубое рало» [45]. Наиболее вероятно, что прежде всего это рало однозубое. Наличие среди рисунков чересла дает основание считать, что оно, так же как и сошник «ладони», относится к оснастке ори и сох плужного типа (рис. 4, *214*) [46]. Изучение этих названий и рисунков в сочетании с изучением миниатюр и археологических находок уточнит и расширит наши представления о древнем плуге, дополнит ценные наблюдения по этому вопросу, сделанные В. И. Довженком, исследовавшим древние земледельческие орудия [47] (приводимые здесь архивные материалы ему не были известны). Не привлекался этот источник и составителями интересной работы «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.» [48].

Большим разнообразием в названии и рисунках на бортных знаменах отличаются орики. Они называются: простыми, двойными, четверными, с передором, шестоперами, ориками на поясе и т. д., причем каждый вид этих пашенных — земледельческих орудий имеет одну общую основу в виде простого орика и оригинальные особенности (рис. 1, *25—67*). Среди них по названию выделяется «коник», но по рисунку он имеет большое сходство с ориками (рис. 1, *47*, *46*, *59*). Поэтому найденный нами один рисунок — коника считаем возможным отнести к рисункам, изображающим орики. Это разнообразие ориков указывает на рабочие особенности каждого из этих земледельческих орудий, которые применялись бортниками преимущественно на разрыхленных участках земли — «распашн» в лесной местности.

О распаханной земле в урочищах бортных ухожеев упоминают писцовые материалы. Известной нам рыльской церкви Афанасия Александрийского сын боярский Семен Иванов Поповкин дал из своего ухожея знамя — три косых палицы, а «к тому знамени распашь Костин клин» в урочище на р. Шелыге [49]. Таких распашей-клинов в расположении бортных ухожеев было много. Поэтому в хозяйстве бортников-земледельцев потребность в различных пашенных орудиях была очень велика. Разнообразие применяемых ими орудий получило свое отражение в рисунках рассматриваемых нами знамен с изображениями сох и ориков. Орики в

---

[41] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 368, лл. 9, 48.
[42] Там же, л. 48 и др.
[43] Там же, кн. 368, лл. 204, 211; кн. 10555.
[44] Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1959.
[45] Д. Зеленин. Русская соха, ее история, III, Вятка, 1907, стр. 116, 153, 155.
[46] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 368, л. 48.
[47] В. И. Довженок. Землеробство древньої Русі до середини XIII ст. Київ, 1961.
[48] Сб. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.», I, Тр. ГИМ, 32, М., 1956.
[49] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 10555, л. 1231.

Рис. 3

отличие от сох обладали при обработке почвы более разнообразными свойствами: простые орики всех видов, однорогие, с рогалями, орики на поясе и с передором. Все эти пашенные орудия, которые по характеру их изображения на рисунках мы полагаем возможным отнести в группе оральных сох (рис. 1, *28—30*, *32*, *33*, *40*, *41*, *44—49* и др.), очень слабо изучены. Орики — двойные, тройные, шестоперы и четверные — вверх рогами являются оборотными, их можно отнести к группе сот типа: черкуши, цапульки, двузубого, трезубого и многозубого рала, которые применялись на разрыхленной почве для заделки семян в землю (рис. 1, *68—78*) [50]. В. И. Довженок правильно замечает, что многозубые рали в своем дальнейшем развитии совершенствуются в культиваторы [51]. Раль-

[50] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 368, лл. 8, 48, 67, 187, 275, 290, 340; кн. 10555, л. 1242.
[51] В. И. Довженок. Ук. соч., стр. 64, рис. 30.

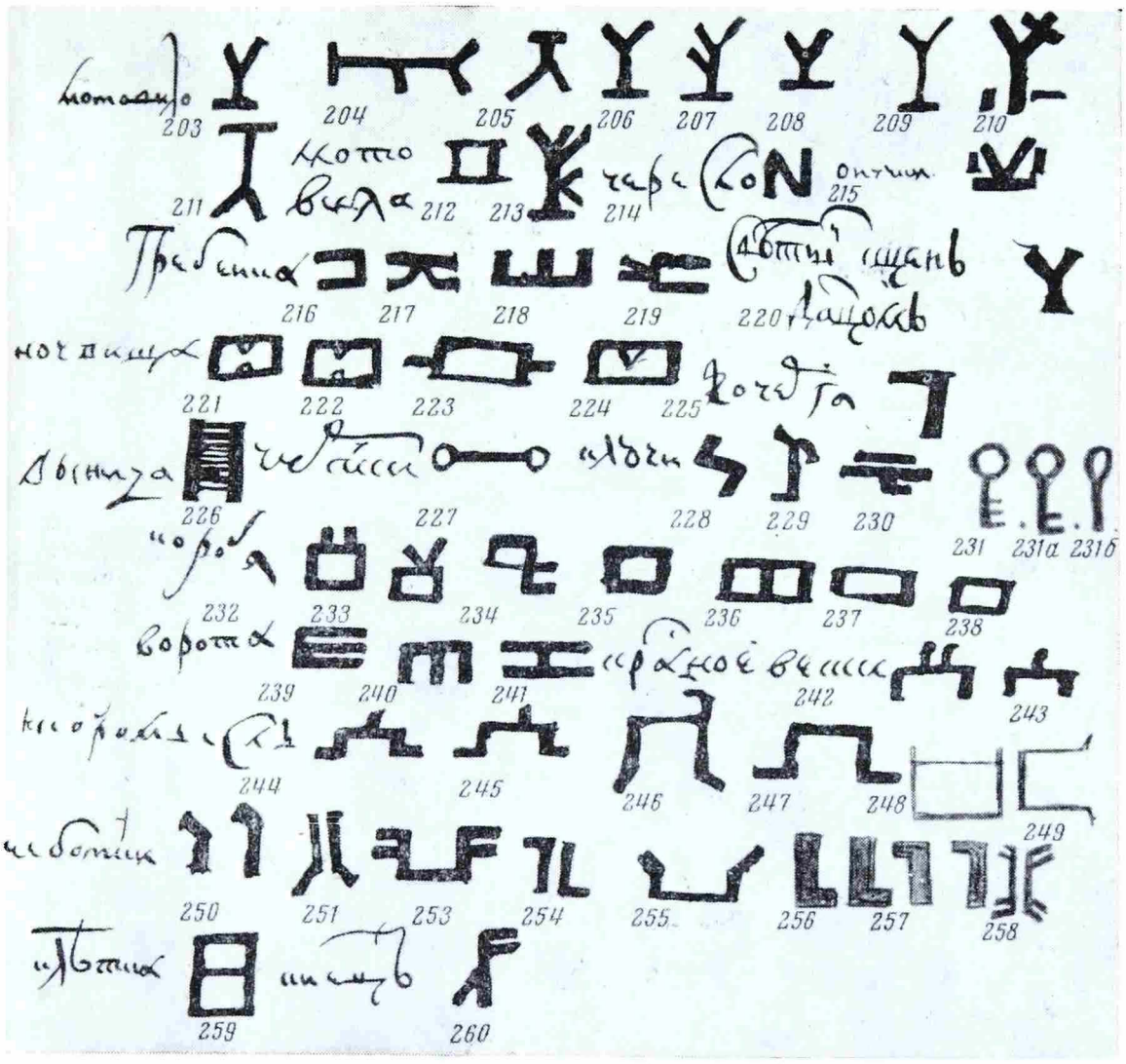
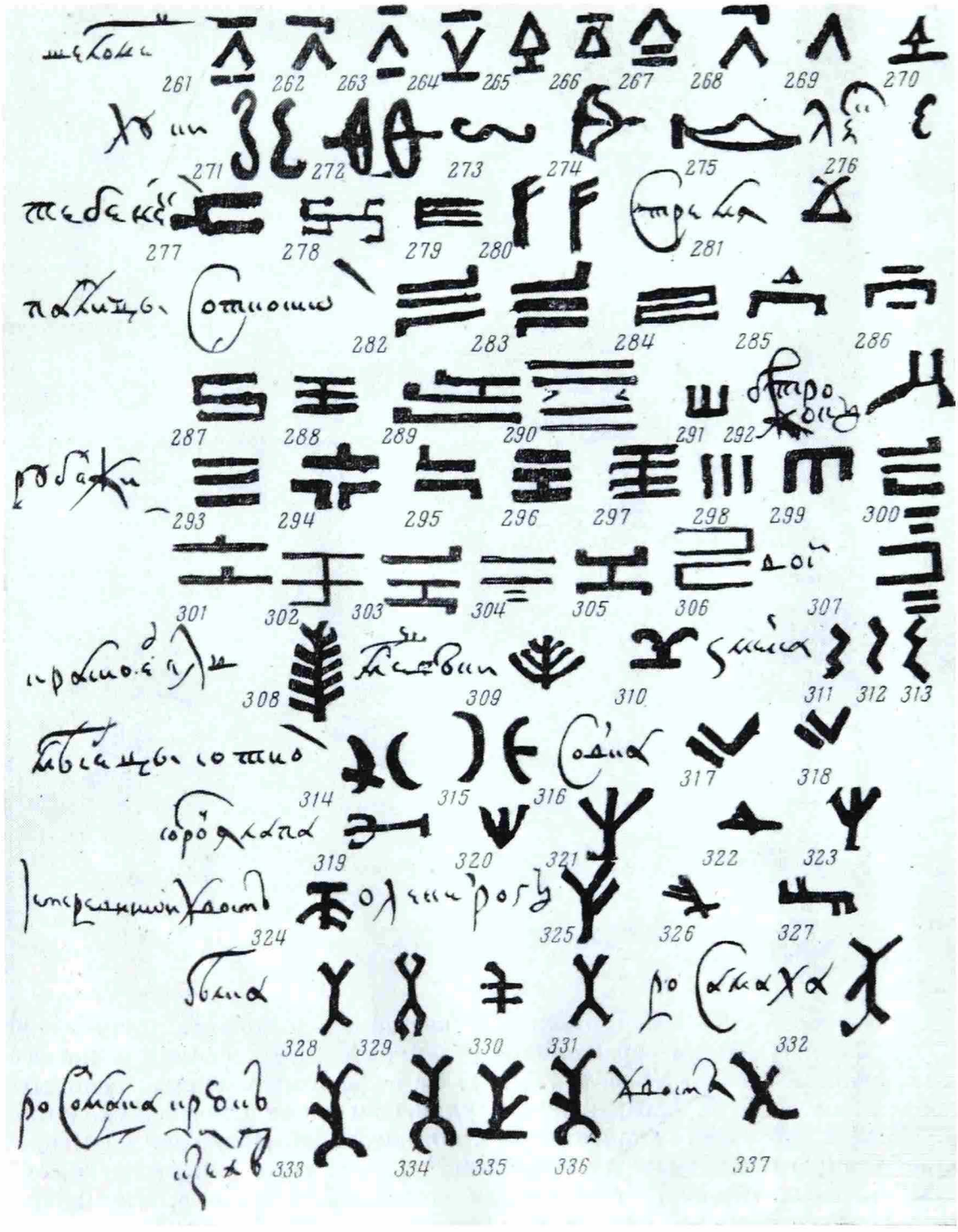


Рис. 4

ники у ориков были деревянными и с железной оковкой. Последние, по нашему мнению, нашли отражение в рисунках бортных знамен с названием «осука» и «осока» (рис. 1, *77*, *78*). На отдельных рисунках ральных наконечников заметно изображение втулки. Они имеют некоторое сходство с подобными ральными наконечниками, которые В. И. Довженок называет клинообразным симметричным снарядом [52]. Кроме того, они имеют некоторую языковую общность с железным сошником — «осном», упоминаемым в Статуте великого княжества Литовского 1589 г. (арт. 3).

В рассматриваемых нами переписных материалах среди большого разнообразия названий и рисунков, относящихся к земледельческим орудиям, не найдено изображения бороны. Это умалчивание бортников-первозаимщиков о бороне, хорошо известной со времени Русской Правды, вряд ли можно считать явлением случайным. Вероятно в условиях распашки небольших участков земли среди лесов и дубрав, на раскорчеванных площадях, где имелось много остатков корней, пней от деревьев и кустарников, борона не была приспособлена к обработке земли и заменялась многозубыми ориками. Поэтому в одноименном названии и разнообразии рисунков такие орики получили отражение в бортных знаменах. Эти рисунки не являются отвлеченными символами, а хорошо показывают рабочие свойства ориков, в том числе и заменяющие борону (двойные —

[52] В. И. Довженок. Ук. соч., стр. 55—58, рис. 24 и др.



Ри

рис. 1, *27, 35—37*; с передором — рис. 1, *31. 32;* шестопер со тном — рис. 1, *37*; четверной, вверх рогами — рис. 1, *47*).

Реалистичность рисунков рассмотренных нами сох и ориков могут подтвердить рисунки других сельскохозяйственных орудий в изображении бортных знамен, которые не требуют доказательств в своем сходстве с известными предметами. К ним относятся рисунки граблей: грабли с рукоятью, колодка граблей без рукояти и одного клевца, колодки граблей с клевцами (рис. 2, *84—86*) [53]. Писец не только сделал подробный чертеж бортного знамени с изображением лестницы, но и отметил такие подробности, что она «о девяти ступенях» (рис. 4, *226*) [54]. Очень хорошо на ри-

[53] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 368, л. 488; кн. 10554, л. 129, кп. 10555, л. 1087.
[54] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 10555, л. 1027.

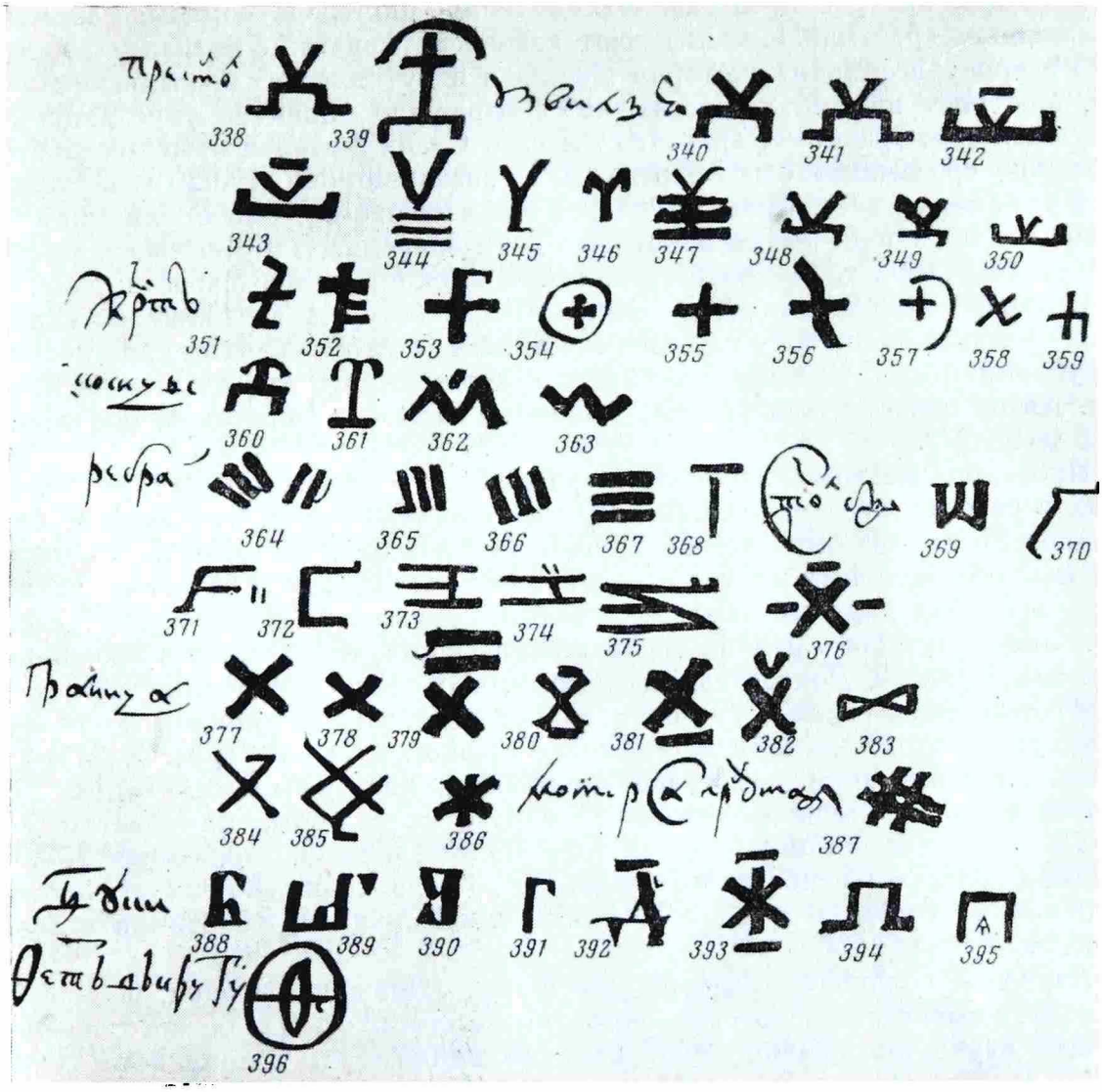


Рис. 6

сунке показаны деревянные двурогие вилы и вилки, деревянная лопата (рис. 2, *87—92*) [55]. Рисунки этих предметов настолько реалистичны, что нет необходимости в их объяснении.

Неплохо изображены в рисунках бортных знамен отдельные предметы транспортных средств: колеса, передок двуколки или дрог под названием «колея с оглобли» (рис. 2, *94—97*). Санный полоз изображен с такими деталями, как «копылец» и «ытвина», которые являются приспособлениями для устройства сидения и козырька в санях (рис. 2, *98*, *107*, *112*) [56]. Имеются и такие бортные знамена, у которых название одно, а рисунки, сходные в основе, различны. К ним относится островка (суковатка), изображение которой очень различается на рисунках. Это объясняется тем, что развитие техники земледелия, совершенствование земледельческих орудий сохи и ориков привело к тому, что островка-суковатка перестала быть орудием для разрыхления земли и получила другое назначение в хозяйстве. Применение ее стало более разнообразным, соответственно изменилась ее форма, а название оставалось старым. Она используется в качестве лестницы, опоры для жерди при кладке стогов сена, крепления при устройстве соломенной и тростниковой крыши, устройстве изгороди и т. д. (рис. 2, *114—118*) [57].

[55] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 368, лл. 3—9, 281, 334, 207, 215, 216.
[56] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 10554, л. 10; кн. 10555, лл. 842, 1207, 1208.
[57] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 368, лл. 8, 296, 299 и др.

Большой интерес представляет изучение рисунков бортных знамен с названием «росамака». Они имеют языковое сходство с названием хищного зверя «россомахи», которая водилась в путивльских и рыльских лесах. Местное название «росамаки» выражало понятие прозвища — «неуклюжий», «разиня», «растяпа» и т. п. Среди жителей этой местности прозвище «росамака» было нередким. Переселившийся в 1620 г. в Рыльский уезд черниговец Михаил Федоров имел прозвище «сын Росамакин»[58]. Такое же прозвище имели некоторые дети боярские, записанные в Елецкой десятне 1604 г. Рисунки «росамаки» имеют большое сходство с описанием разсохи, сделанным Д. Зелениным[59], которую он называет «кривой», раздваивающейся на своих нижних концах плахи или доски, вырубленной из комля дерева, иногда с «рожками» и «ножками» на концах. Автор относит ее к разряду «коловых сох» без ральников, обращенных в поле[60].

Прозвище местных жителей — «росамака» и высказывания Д. Зеленина о разсохе дают основания высказать мнение о том, что местное название «Росамака» было не чем другим, как разсохой, которая ко времени составления писцовых книг XVI—XVII вв., так же как и островка, давно была заменена другими земледельческими орудиями и сохранила свое название и рисунок в редких изображениях бортных знамен и в прозвище местных жителей. Доказательством тому, что рисунок росамаки является не изображением зверя, а разсохой, может служить дополнением к одному из рисунков этого знамени «росамака с крюком к земле» (рис. 5, *333*)[61]. Привлекает внимание место расположения знамен «росамаки». Они отмечаются писцами лишь в ближайшей округе на р. Сейм, по берегам ее притока р. Русы, а также у озера того же названия на территории Колодежской волости Путивльского уезда. На ее территории, по свидетельству источников начала 90-х годов XVI в., жили валощане,— бортники и севрюки[62].

Изучение большого числа рисунков сох, ориков и, наконец, росамаки позволяет высказать некоторые замечания о статье А. Д. Горского, посвященной изучению древнерусской сохи по миниатюрам летописного свода XVI в.[63]. Миниатюра как исторический источник требует более критического отношения. Она может увлечь своей иконописной картинностью рисунка далеко в сторону от реальной действительности, вызвать приукрашенное представление об облике пахаря-крестьянина и изображении одного из основных его земледельческих орудий — древнерусской сохи с «коловыми» деревянными сошниками и железными на их разсохе[64].

Кроме рассмотренных нами некоторых сельскохозяйственных орудий, в рисунках бортных знамен получило отражение много разных инструментов и хозяйственных принадлежностей, в том числе и для обслуживания бортного промысла. Среди них первое место занимают топоры. Это совершенно понятно, потому что они являлись важнейшим орудием в хозяйстве бортника, охотника и земледельца. Топоры имеют заметное различие в рисунках: одни с секирообразным «лезом» и длинной рукоятью — такими топорами пользовались при рубке деревьев и расчистке леса; плотничьи топоры более легкие, с широкой лопастью; столярные одноручные топоры (некоторые из них имеют топорище с лапою), а также облегченные одноручные бочарные топорики. Второе место в количественном отношении занимают скобели и скобелки, которые по форме имеют большое однообразие. Струги-медведки немногочисленны и разнообразны (рис. 3, *136—148*,

[58] В. Даль. Ук. соч.; ЦГАДА, ф. 1209, кн. 10555, л. 736.
[59] Д. Зеленин. Ук. соч., стр. 29.
[60] Там же.
[61] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 368 и 450.
[62] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 368, лл. 441, 449—452.
[63] А. Д. Горский. Древнерусская соха по миниатюрам Лицевого летописного свода XVI в. Историко-археологический сборник. М., 1962.
[64] Там же, стр. 348—351.

184, 185) [65]. При изготовлении бортных деревьев и их отделки внутри применялись кривые долота — копыльцы (рис. 3, *158, 182, 193*) [66]. С ними имеет большое сходство колейка, которая, вероятно, относится к этой группе инструментов. Большим сходством названия предмета с его изображением отличаются клещи, багры с железными наконечниками. Рисунки отдельных предметов понятны по их названию и изображению, но непонятны в смысле их хозяйственного назначения. Например, «кривоноги» и «кривоножки», «лыч». Последний носит разное местное название предметов, имеющих и не имеющих отношения к лыку и лычку, а именно: лычник, лыкодер, лыч (западное) — свиное рыло, отруб бревна, овощи и т. д. (рис. 3, *179—181, 187—190*) [67]. Изображение лыча на рисунке знамен, рассматриваемых нами, разнообразное [68], но со свиным рылом, одноименным названием овощей: редьки, моркови и т. п.,— никакого сходства не имеет. По всей вероятности, это инструменты для дирки лык и луба, которые имели большое применение в хозяйстве. Из лыка приготовляли веревки для гужей, подвои для сох и т. д. Лыко упоминается во многих народных поговорках [69].

Среди рисунков бортных знамен с изображением домашних предметов и утвари первое место по обилию рисунков занимает «мотовило» — приспособление для размотки пряжи в клубок и прядения шерсти. Оно имеет форму рогульки с двумя или тремя рогами, нередко с подставкой, а в отдельных редких рисунках — форму квадратного станка с рогами на его углах (рис. 4, *203—213*) [70]. Разные формы рисунка гребенок показывают, что они имели разное применение в домашнем хозяйстве и быту (рис. 4, *216—219*) [71]. Рисунки знамен изображают и такие предметы домашней утвари: «ночвы», «ночвища» — в виде выдолбленных деревянных лотков и корыт; разные коробьи и коробки, одинарные и двойные, квадратной и продолговатой формы и т. д.; деревянные коромысла и ведра; ворота и пробои, ключи и вески (рис. 4, *221—244, 259, 260*) [72]. Большинство этих предметов делалось из дерева, имелись и железные. В большом числе рисунков представлены изображения обуви: чеботки и сапожки и в единичных рисунках — «онучки». Рисунки обуви показывают, что она была простой — рабочей, и более совершенной — нарядной. Первые изготовлялись из сыромятной кожи и имели форму лапы, застегивались шнуром. Другие изготовлялись из кожи лучшей выработки и имели такое же название и форму сапог. Онучки изготовлялись из шерсти (рис. 4, *244—258*) [73]. Некоторые из этих предметов отличаются не только большим сходством названия и рисунка, но и выразительностью. Рисунок подсвечника на бортном знамени имеет такое название: «светычь с щендальцем» (рис. 4, *220*) [74]. Предметы домашнего обихода и утвари перечислены и описаны нами далеко не полно и не исчерпывают их многообразия, получившего отражение в рисунках бортных знамен. Они изготовлялись из дерева, волокна и шерсти, кожи, глины и металла, возможно и других материалов, которые нельзя проследить по названию предметов и примитивности их рисунков.

Большое число бортных знамен изображают шлем, лук со стрелами и без стрел, лук с двумя стрелами, палицы с откосом в форме боевого

---

[65] ЦГАДА, кн. 368, лл. 35, 37, 134, 217, 357 и др.
[66] ЦГАДА, кн. 368, лл. 14, 25, 1217.
[67] В. Даль. Ук. соч., стр. 276; ЦГАДА, ф. 1209, кн. 368, лл. 309, 348.
[68] В. Даль. Ук. соч., стр. 276.
[69] Там же.
[70] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 368, лл. 14, 18, 62, 149, 279, 348, 441, 505, 525 и др.; кн. 10544, л. 582 и др.
[71] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 368, лл. 16, 62, 203 и др.
[72] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 368, лл. 13, 23, 28, 83, 207, 211, 252, 265, 267, 269, 442, 511, 512.
[73] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 368, лл. 31, 47, 94, 111, 159, 265, 441, 520 и др.
[74] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 10555, л. 1218.

топора на длинной ручке — нередко в сочетании со шлемом. Разной формы бывают «тебенки» — это название имела кожаная сбруя, лопасти, подвешенные на пряжках по бокам седла; к снаряжению этого вида относится и единственный рисунок «стремя». К рисункам военного значения относится изображение «острожка» (рис. 5, *261—292*) [75]. Изучение этих рисунков представляет большой интерес не только потому, что на них изображены предметы, относящиеся к древнему оружию и доспехам, но и потому, что они были на вооружении путивльских, рыльских и других севрюков-бортников и земледельцев этого края. Они в XVI в., до 1571 г., защищали от татар и Литвы свои исконные земли, несли сторожевую и станичную службу на Северном Донце и других местах. За службу получали от московского правительства денежное жалованье, а за пользование бортными ухожеями, пашней и разными угодьями в волостях Путивльского, Рыльского и других уездов они платили в приказ Большого дворца оброк медом и куницами, а пошлину — деньгами. Источники 90-х годов XVI в. убедительно говорят о том, что бортники-севрюки в волостях Путивльского и Рыльского уездов во второй половине XVI в. составляли основную массу местного исконного населения [76]. Они, по удачному замечанию М. Н. Тихомирова, были воинственными и суровыми людьми, с которыми татары предпочитали не иметь дела во время своих опустошительных набегов на земли русского государства [77]. Память народная о севрюках сохранилась в песенном творчестве XIII—XVI вв. [78]. В исторических песнях говорится об их героической борьбе с татарами, Литвой, об исторических связях с донскими казаками с начала их зарождения. Для изучения истории исконной родины севрюков — бортников и земледельцев Северской земли путивльские и рыльские бортные знамена являются ценным и еще не изученным историческим источником.

Для изучения княжеской вотчины в древней Северской земле большой интерес представляют княжеские знаки собственности в рисунках бортных знамен. Они имеют название и рисунки: «Престол», «крест на престоле с вендом». К ним относятся некоторые рисунки с названием «взвилья» (рис. 6, *346—350*, *355—357* [79]), которые имеют почти полное сходство с изображением престола. Доказательством того, что они знаки княжеские, является символ княжеской власти, возвышающий князя над другими людьми,— престол, или «взвилья», который происходит от слова «взвить», что означало вознести, поднять и вполне соответствует назначению престола [80]. Простые люди — бортники-земледельцы или севрюки, будучи первозаимщиками в своих бортных ухожеях, не могли взять эти рисунки для изображения бортных знамен. Это могли делать только слуги князя. В переписных материалах бортных оброчных ухожеев в Путивльском уезде нет ни малейшего упоминания о бортных ухожеях княжеской вотчины, но старые знаки княжеской собственности в рисунках бортных знамен сохранились. Рисунок бортного знамени «крест на престоле с венцом» в XVI и начале XVII в. находился на деревьях во владении оброчных бортников. В 1614 г. он был по грамоте из Приказа Большого дворца пожалован церкви в г. Путивле. Этот ухожей находился в урочищах на р. Сейм и речке Снагости. До 1614 г. им владел бортник-оброчник Ермак Трубчанин [81], на этом обрываются сведения о его происхождении.

---

[75] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 368, 10553, 10554, 10555.

[76] ЦГАДА, ф. 79, Польские дела, кн. 22, 23.

[77] М. Н. Тихомиров. Россия в XVI столетии. М., 1962, стр. 407—408.

[78] Исторические песни XIII—XVI вв. АН СССР. М.—Л., 1960, № 192—193, стр. 279—281. В этих песнях севрюк рисуется в образе русского богатыря, храброго и мудрого. Он поборол семьсот казаков, восемьсот татар, девятьсот удалых добрых молодцев. А донских казаков не осилил. Пришли они и победили севрюка.

[79] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 368, лл. 263, 321, 374, 525; кн. 10544, л. 552; кн. 10555, лл. 1208, 1209.

[80] В. Даль. Ук. соч.

[81] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 368, лл. 525—526.

Краткое пояснение к рисункам бортных знамен

Название рисунков	№ рисунков	В том числе		Источники
		фотокопии	зарисовки	
Сохи	1—26	1—19	20—26	ЦГАДА, ф. 1209. Поместного приказа кн.: 368, 10553, 10554, 10555
Орики	27—67	27—52	53—58	
		29 67	60—67	
Орь	63	—	63	
Коник	59	59	—	
Осука, осока	68—78	68—73	74—78	
Ладони	79	79	—	
Лопаты	80—83	80—81	82—83	
Грабли	84—86	84—86	—	
Вилки	87—92	87—92	—	
Косы (с приметками)	86а, 93	86а	93	
Колеса	94—96	94—96	—	
Колея с оглоблями	97	97	—	
Дуги	98—108	98—108	—	
Тяглище	109	109	—	
Хомутцы	110—111	—	110—111	
Санной полоз	112	112	—	
Островки	113—118	113—114	115—118	
Крюки	119—125	119	120—122	
		123—125		
Куцыри	126—132	126—129	130—132	
Копыльцы	133—134	133—134	—	
Скобели и скобелки	135—141	135—136	137—141	
Топоры	142—154	142—150	151—153	
		154		
Хмелинки	155—157	155—157	—	
Клещи	158	158	—	
Бороды	159—167	159—163	164—167	
Путца	168	—	168	
Колейки	169—170	169—170	—	
Головы	171—173	171	172—173	
Великое	174—175	174—175	—	
Большое	176—178	—	176—178	
Лычи	178—181	179—181	—	
Бугры (Багры)	182—183	182—183	—	
Медвелки	184—185	—	184—185	
Бровки	186	186	—	
Кривоноги	187—188	187—188	—	
Кривоножка	189—190	189—190	—	
Кобылки	191—194	191—194	—	
Коза и козка	195—196	195—196	—	
Треноги	197—202	197—202	—	
Мотовила	203—213	203—213	—	
Чересло	214	214	—	
Онучки	215	215	—	
Гребенки	216—219	216—219	—	
Светычь (подсвечник)	220	220	—	
Ночвища, ночвы	221—224	221—224	—	
Кочерга	225	225	—	
Лестница	226	226	—	
Черпки	227	227	—	
Ключи, пробои	228—231б	228—230	231,231а,231б	
Коробьи и коробки	232—238	232—238	—	
Ворота	239—241	239—241	—	
Вески	242—243	242—243	—	
Коромысла	244—246	244—246	—	
Ведры	246—249	246—247	248—249	
Чеботки и сапожки	250—258	250—255	256—258	
Клетка	359	359	—	
Киец	260	260	—	
Шеломы (шлемы)	261—270	261—270	—	
Луки	271—276	271—276	—	
Тебеняки	277—280	277—280	—	
Стремя	281	281	—	

Продолжение

Название рисунков	№ рисунков	В том числе		Источники
		фотокопии	зарисовки	
Палицы	282—291	282—288 291	289—290	
Острожек	292	292	—	
Рубежи	293—306	296—300	301—306	
Бои	307	307	—	
Ель	308	308	—	
Медвеки-липа	309	309	—	
Дуб с косицами	310	310	—	
Змейки	311—313	311—313	—	
Месяцы	314—315	314—315	—	
Совки (личинки пчел)	317—318	317—318	—	
Сорочьи лапы	319—323	319—323	—	
Тетеревиный хвост	324	324	—	
Оленьи рога	325—326	325—326	—	
Лунево крыло	327	327	—	
Белки, векши	328—331	328—331	—	
Росамаха (вероятно описка вместо «Росамаки»)	332	332	—	
Росамака	333—336	333—336	—	
Хвосты	337	337	—	
Престол	338	338	—	
Крест на престоле	339	339	—	
Взвилья	340—350	340—349	350	
Кресты	351—359	351—356	357—359	
Косицы	360—363	360—363	—	
Ребра	364—367	364—367	—	
Тны	368	—	368	
Столбы	369—376	369	370—376	
Граница	377—383	377—382	383	
Моторсы	384—387	386—387	384—385	
Буквы древнерусского алфавита	388—396	388—394 396	395	

Изображение бортниками на рисунках своих знамен крестов разной формы с дополнениями к их названиям и рисункам показывают их равнодушное отношение к реликвии православной церкви. Крест ими изображается в виде простых пересекающихся под прямым углом линий, с искажениями и добавлениями, взятыми в виде предметов и понятий из окружающей жизни, которые не выражали религиозных чувств знаменщика. Кресты изображаются косыми, с лапками, рубежами и т. д. (рис. 6, *358—366*) [82]. Эти рисунки резко противоположны княжескому знаку с изображением креста на престоле, который от них отличается торжественностью и выразительностью символики княжеской власти.

Бортники в рисунках знамен хорошо показали понимание ими окружающей их природы. Реалистично и выразительно изображены ими в рисунках знамен: красавицы ели, «медвяки»-липы, могучие бортные дубы с зеленой короной-«косицами», серпообразные диски молодой луны — «месяцы» (рис. 5, *308—310, 314—315*) [83]. Трудности изображать на знаменах птиц и зверей, пчел и т. д. примитивными инструментами, которыми вырезались рисунки знамен на бортных деревьях, преодолевались бортниками таким образом: сложные рисунки они заменяют изображением отдельных деталей, например: «сорочья лапа», «тетеревиной хвост», «лунево крыло»,

[82] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 368, лл. 28, 104, 185, 248; кн. 10554, л. 158, 382; кн. 10555, л. 1246 и др.

[83] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 368, лл. 40—42; кн. 10554, л. 71; кн. 10555, л. 1217.

личинок пчел — «совки», «оленьих рог» и т. д. (рис. 5, *318—327*) [84]. Эти рисунки делались бортниками с большим мастерством и знанием природы. Сложные рисунки животных в изображении немногих бортных знамен сделать при помощи топора и насечки из угловатых линий было трудно. Поэтому немногие рисунки «белки» сделаны примитивно и схематично (рис. 5, *328—331)* [85]. Многочисленные рисунки бортных знамен в виде рубежей, столбов, ребер, границы и т. п. нами не рассмотрены.

Краткое изучение названия и рисунков бортных знамен Путивльского и Рыльского уездов является началом работы, которая представляет большой научный интерес. Оно является первой попыткой привлечь новый источник для изучения древней истории Северской земли и ее значения в составе русского государства XVI—XVII вв.

---

[84] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 368, лл. 26, 68, 39, 102, 164, 267, 269, 295 и др.; кн. 10554, лл. 12, 18; кн. 10555, л. 1215 и др.

[85] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 368, лл. 149, 164, 440; кн. 10555, д. 1207 и др.

Заметки

М. А. ТИХАНОВА

БИБЛИОТЕКА ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН СССР

(К 250-летию Библиотеки АН СССР)

Основанная при Петре I в 1714 г. Библиотека Академии наук отмечает в этом году свой двухсотпятидесятилетний юбилей. Среди гуманитарных отраслевых библиотек БАН видное место занимает библиотека Ленинградского Отделения Института археологии — крупнейший в Советском Союзе библиотечный центр по археологии. Она была организована в 1919 г. при Российской Академии Истории материальной культуры (РАИМК), преобразованной из Археологической комиссии, библиотека которой (около 25 000 томов), пополненная библиотекой Русского археологического общества (около 18 000 томов) и книжными собраниями ряда крупных ученых (Х. М. Лопарева, А. А. Бобринского, Я. И. Смирнова, Н. А. Путятина и др.) легла в основу библиотеки РАИМК — ГАИМК. Много позднее, в связи с реорганизацией Академии истории материальной культуры в Институт истории материальной культуры (ныне Институт археологии) Академии наук СССР (1937), библиотека института вошла (1938) в систему Библиотеки Академии наук, как библиотека Ленинградского отделения института.

В библиотеке представлены книги и журналы по археологии всех времен и народов, особенно полно — по археологии России и СССР (все издания Археологической комиссии, Русского Археологического общества, Общества истории и древностей Российских, Общества археологии и этнографии при Казанском университете, Одесского Общества истории и древностей, Архивных комиссий и т. д.). Широко представлены также первобытная археология Европы и Азии, археология древнего Востока и Греции, в том числе целым рядом полных комплектов иностранных журналов с первого года их издания, как-то Archaeologia, London (с 1770), Revue archéologique (с 1844), American Journal of Archaeology (с 1885), Archaeologia i Ertesitö» (с 1881), Praehistorische Zeitschrift (с 1909) и многие другие. Помимо собственно археологии библиотека включает также книги и журналы по истории и этнографии, искусству и архитектуре (от первобытности до средневековья) эпиграфике и нумизматике, сфрагистике, исторической географии и музееведению, а также палеоантропологии, палеозоологии, палеоботанике, археологической технологии и важнейшие работы по четвертичной геологии.

В настоящее время фонд библиотеки (на 1 июня 1964 г.) составляет 147 982 библиотечных единиц (из них 73 753 иностранных), в том числе

63 602 книг (из них зарубежных 24 080) и 82 000 журналов (из них зарубежных 49 673). Пополнение фонда отечественной литературы производится централизованно через Отдел Советского комплектования БАН. Комплектование зарубежной литературой ведется под руководством Библиотечного Совета ЛОИА, в который входят ведущие специалисты по основным разделам археологии. Осуществляется комплектование путем обмена и покупки книг и журналов на валюту, через Отдел Международного книгообмена БАН. Библиотека получает 260 иностранных журналов, главным образом по обмену, из 45 стран.

Будучи библиотекой закрытого типа, библиотека ЛОИА обслуживает, однако, не только сотрудников Института археологии и других ленинградских академических институтов, но также и научных работников родственных по профилю ленинградских учреждений, как-то Ленинградского Гос. Университета, Гос. Эрмитажа, Академии Художеств, Русского музея и др. Широко пользуются библиотекой ЛОИА и научные работники Академий, университетов, музеев Союзных республик, а также археологи, приезжающие в Ленинград из различных городов Советского Союза, аспиранты, студенты археологи и искусствоведы старших курсов. Работают в библиотеке во время их пребывания в Ленинграде и иностранные ученые из Польши, Чехословакии, Болгарии, Венгрии, Румынии, ГДР, Вьетнама, а также из Франции, Англии, Финляндии и ФРГ. Для удобства читателей в читальном зале библиотеки расположены не только справочные издания — словари, энциклопедии, библиографические труды, атласы, но и все издания ГАИМК — ИИМК и Института археологии, Археологической комиссии, Русского и Московского Археологических Обществ и ряд других. Среди ценных иностранных справочных изданий имеются такие как Pauly-Wissowa, Realencyclopädie der classischen Alterthumswissenschaft; M. Ebert, Reallexikon der Vorgeschichte; Daremberg et Saglio, Dictionnaire des antiquités grecques et romaines; A Survey of Persian art from prehistoric times to the present; Cambridge Ancient History; Encyclopédie de l'Islam, Paris. Здесь же библиографические издания, такие как Fasti archaeologici; Annual bulletin of classical archaeology, Firenze; Bibliographie annuelle de l'âge de la Pierre taillée (Paléolithique et Mésolithique), Paris; Archäologische Bibliobraphie des Deutschen Archäologischen Instituts, Berlin, а также ряд национальных библиографий, как то: Swedish archaeological bibliography 1939—1948, 1949—1953, Uppsala, 1951—1955; Annual bibliography of Indian archaeology с 1930; János Banner es Imre Jakabffy, A Közép-Dunamedence regeszeti bibliográfiája, Budapest, 1954. (Археологическая библиография бассейна Среднего Дуная, начиная с древнейших времен до XI в. Будапешт, 1954) то же 1954—1959, Budapest, 1961. С. Георгиева и В. Велков, Библиография на българската археология, 1879—1955, София, 1957; L. J. Luka, Bibliografia archeologii polskiej za lata 1944—1954, Warszawa, 1955 и др.

Ко всем этим изданиям читатель имеет свободный доступ. Еженедельно в читальном зале сменяется выставка новых поступлений.

В библиотеке имеются алфавитные каталоги русских и иностранных книг, алфавитный каталог Русского археологического общества (фонд хранится отдельно), каталоги русской и иностранной периодики, алфавитный каталог русских изданий XVIII в., каталог карт и, наконец, систематический каталог всей археологической литературы на русском и иностранных языках и статей русских и иностранных журналов, роспись которых была начата в 1937 г. Этот каталог, включающий в настоящее время около 70 000 карточек, составляется при постоянной консультации членов Библиотечного Совета и других ученых специалистов Института. Он является основой справочно-библиографической работы библиотеки и широко используется не только начинающими археологами, но и квалифицированными учеными.

Библиотека ЛОИА систематически и планомерно ведет библиографическую работу (четыре ее работника имеют археологическое образование). Эта работа находит свое отражение в картотеках, охватывающих всю выходящую в Советском Союзе археологическую литературу, начиная с первых дней Советской власти, и в печатных изданиях: погодные сводки в журнале «Советская археология» (1950—1957) и в сводных трудах. Первый том «Советская археологическая литература. Библиография, 1941—1957». М.-Л., 1959. 771 стр.; второй том — хронологически предшествующий, охватывающий литературу с 1918 по 1940 г. заканчивается подготовкой в 1964 г. Библиотека ЛОИА является постоянным участником издаваемого в Париже международного справочника по палеолиту и мезолиту (Bibliographie annuelle de la Pierre taillée), посылая ежегодно соответствующие сводки советской литературы.

Всю эту большую работу, осуществляемую малыми силами (в штате библиотеки всего шесть человек) библиотека ЛОИА могла и может проводить только благодаря подлинной любви к своему делу и огромному энтузиазму сотрудников. Ярко проявились они как в тяжелые для библиотеки первые послевоенные годы, когда ее работникам пришлось залечивать нанесенные блокадой раны, так и в не меньшей мере в последние годы, когда особенно широко развернулась научно-библиографическая работа библиотеки.

П. У. АУТЛЕВ

ГУБСКАЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА

За последние годы Адыгейский научно-исследовательский институт проделал значительную работу по выявлению и изучению палеолитических местонахождений на территории Прикубанья. Так, с 1958 по 1963 г. археологическими разведками в пределах Краснодарского края открыто 39 новых памятников древнекаменного века. Среди них крупные нижнепалеолитические местонахождения аллювиального типа, Абадзехское [1], Губское, Псефирское, Урупское и Колосовское.

Однако самым важным итогом археологических разведок можно считать обнаружение серии пещерных стоянок на р. Губсе близ ст. Баракаевской. Стоянки относятся к мустьерскому времени и к трем хронологическим группам позднего палеолита Кавказа по периодизации С. Н. Замятнина. Значение этих открытий станет понятным, если иметь в виду, что до 1961—1963 гг. мустьерская эпоха на территории Прикубанья и Кабарды освещалась в основном только по материалам одной стратиграфически выраженной Ильской стоянки [2].

Что же касается Прикубанья позднего палеолита, то достоверные сведения о нем совершенно отсутствовали. Поэтому исследователи вынужденно характеризовали историю позднепалеолитических человеческих общин на Северо-Западном Кавказе, опираясь не на местные, а на закавказские материалы [3].

---

[1] П. У. Аутлев. Абадзехская нижнепалеолитическая стоянка. Майкоп, 1963.

[2] Пещерные стоянки мустьерского и верхнепалеолитического времени на территории Прикубанья впервые открыты А. А. Формозовым. А. А. Формозов. Археологические исследования пещер в верховьях р. Белой. «Сб. материалов по археологии Адыгеи». Майкоп, 1961; его же. Палеолитические стоянки в пещерах Прикубанья. КСИА АН СССР, 98, 1964.

[3] Н. В. Анфимов. Древнейшее прошлое адыгейского народа. «Очерки истории Адыгеи», I, Майкоп, 1957, стр. 14.

Предлагаемое сообщение ставит своей целью ознакомить исследователей с некоторыми итогами изучения одного из пещерных палеолитических памятников Прикубанья — Губской мустьерской стоянки. Она, как и другие мустьерские и позднепалеолитические пещерные стоянки, открытые во время разведок, расположена в так называемом Борисовском ущелье в 9 *км* к западу от ст. Баракаевской Лабинского района, в верховьях р. Губс, левого притока р. Ходзь.

В указанное ущелье ведет дорога по надпойменной террасе реки, которая в этих местах прорезала «полосу гипсов» [4] и других горных пород. На 9-м *км* дорога подходит к месту, где с правой стороны в Губс впадает Лубочный ручей. От места слияния рек и ручья начинается подход к интересующей нас пещере. Далее около 600—700 *м* необходимо пройти вверх по берегу Губса, совершить подъем на террасовидный уступ и выйти к хорошо протоптанной «умпхинской» тропе, вдоль которой из-под скал пробивается родниковая вода. Над этим родничком и находится пещера. Выше по течению Губса в непосредственной близости от пещеры находится еще ряд навесов, содержащих верхнепалеолитические отложения.

Губская пещера, называемая у местных жителей «Монашеской», расположена у подошвы скалистых гор, сложенных из известняков с примесью песчаника. Над рекой пещера возвышается приблизительно на 90 *м*.

Длина пещеры равна 15 *м*, ширина у входа 10 *м* и наибольшая высота от теперешней поверхности отложений 5,5 *м*. Перед входом в пещеру расположена большая, немного наклонная к югу площадка, длиной около 390 $м^2$. Над этой площадкой нависает карниз высотой до 20 *м*, который хорошо защищает площадку от дождя и снега. Пещера и обширная площадка перед ней обращены на юг.

В скальных стенах пещеры, да и вообще в скалах Борисовского ущелья содержится большое количество разнопородных кремней. Сырьевой базой обитатели пещеры поэтому были полностью обеспечены. Впоследствии выяснилась однородность этих скальных кремней и материала орудий, извлеченных из культурного слоя.

При осмотре поверхности предпещерной площадки было подобрано 30 кремневых отщепов и некоторое количество обломков средневековой керамики. Эти находки остатков жизни древнего человека дали повод для закладки пробного шурфа размером 1,4 × 2 *м*, ориентированного с севера на юг. Шурф был заложен против центральной оси пещеры, недалеко от южной границы предпещерной площадки. В ходе работ шурф пришлось удлинить до 4 *м* в южном направлении (до откоса), с захватом части отложений на откосе. В общей сложности размеры разведывательного раскопа, без учета разобранного участка на откосе, определяются в 5,6 $м^2$. Шурф в определенной мере позволил выявить характер культурных отложений и степень их сохранности.

Палеолитические отложения, как выяснилось, перекрыты гумусно-пылевым слоем, частично перемешанным с суглинком и щебенками (рис. 1). В этом первом разрушенном горизонте (мощность 25—35 *см*) наряду с кремневыми изделиями встречено и значительное число керамических обломков, относящихся к III—I вв. до н. э. и VI—X вв. н. э.

Собственно палеолитические отложения находятся в суглинисто-щебенчатой глине. Верхний (второй) горизонт этих отложений с наибольшей мощностью 70 *см* разрушен меото-сарматскими и средневековыми поселенцами, о чем свидетельствуют его рыхлость, наличие гумусно-пылевых прослоек, а также находки керамических изделий. Нижний (третий) горизонт с наибольшей мощностью 50 *см* сохранился в непотревоженном состоянии. Он сложен из сильно уплотненного щебенчатого суглинка.

---

[4] М. А. Зубащенко. Карстовые явления в верхнеюрских гипсах на северном склоне Западного Кавказа. Изв. ВГПИ, IV, 1938, стр. 118. На эту статью мне любезно указал А. А. Формозов.

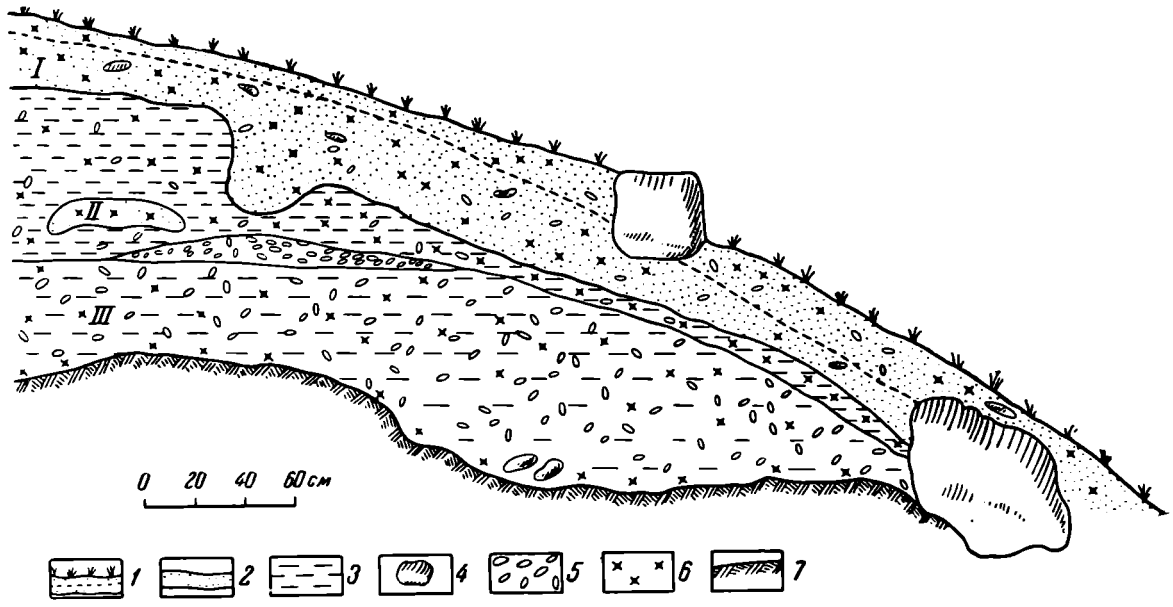


Рис. 1. Продольный профиль восточной стенки шурфа Губской пещеры

1 — пылевой слой; *2* — гумусный слой; *3* — суглинок; *4* — камни; *5* — щебенка; *6* — кремневые орудия; *7* — скала

Второй и третий горизонты палеолитических отложений представляют собой единый в хронологическом отношении культурный слой.

Скальное основание, обнаженное в результате шурфовки, имеет два уступа и постепенно понижается с севера на юг (рис. 1). В зависимости от рельефа этого основания культурные отложения также постепенно понижаются в том же направлении.

Культурный слой, вскрытый шурфом, был сравнительно обильно и равномерно насыщен кремневыми изделиями и фаунистическими остатками. Всего кремней из слоя было извлечено свыше 1000 экземпляров, среди которых имеется 570 выразительных изделий. Среди них 39 нуклеусов, 470 отщепов, 37 остроконечников, 13 скребел, 8 концевых скребков, 4 боковых резца и 2 изделия из кости. Одни и те же типы находок встречались как в потревоженных, так и в непотревоженных слоях.

Нуклеусы представлены следующими типами: 15 дисковидных с радиальным направлением сколов (рис. 2, *1*), 6 дисковидных со сколами в одном направлении, 6 дисковидных с одним крупным сколом в центре рабочей плоскости, 6 подтреугольных, 2 подчетырехугольных и 4 призматических (рис. 2, *2*).

Серия отщепов подразделяется на три группы. Собственно отщепов с подтреугольными и подчетырехугольными площадками (гладкие и покатые) в коллекции насчитывается 110 экземпляров. В состав этой группы по случайным очертаниям и другим признакам включено еще 30 экземпляров с гладкими и подправленными площадками типа «шапки жандарма». Крайние размеры заготовок: длина 5—3 *см* (преобладает 3,5—2,5 *см*), ширина 4—2,5 *см* (преобладает 3—2 *см*) и толщина 1,5—1 *см* (преобладает 1—0,5 *см*).

Во вторую группу заготовок входят 130 экземпляров подтреугольных отщепов (рис. 2, *3*), среди которых преобладают отщепы с площадками типа «шапки жандарма». В этой серии имеется, однако, и значительное количество отщепов с гладкими и подтреугольными площадками. Размеры рассматриваемых изделий различны, но преобладают экземпляры с соотношением $4 \times 2 \times 0{,}5$ *см*. Встречаются, конечно, и крупные подтреугольные отщепы (31 экз.), отдельные из которых имеют размеры $7 \times 6 \times 1{,}5$ *см*.

И, наконец, в третью группу объединены так называемые пластинчатые отщепы в количестве 200 экземпляров. Они характеризуются вытянутостью

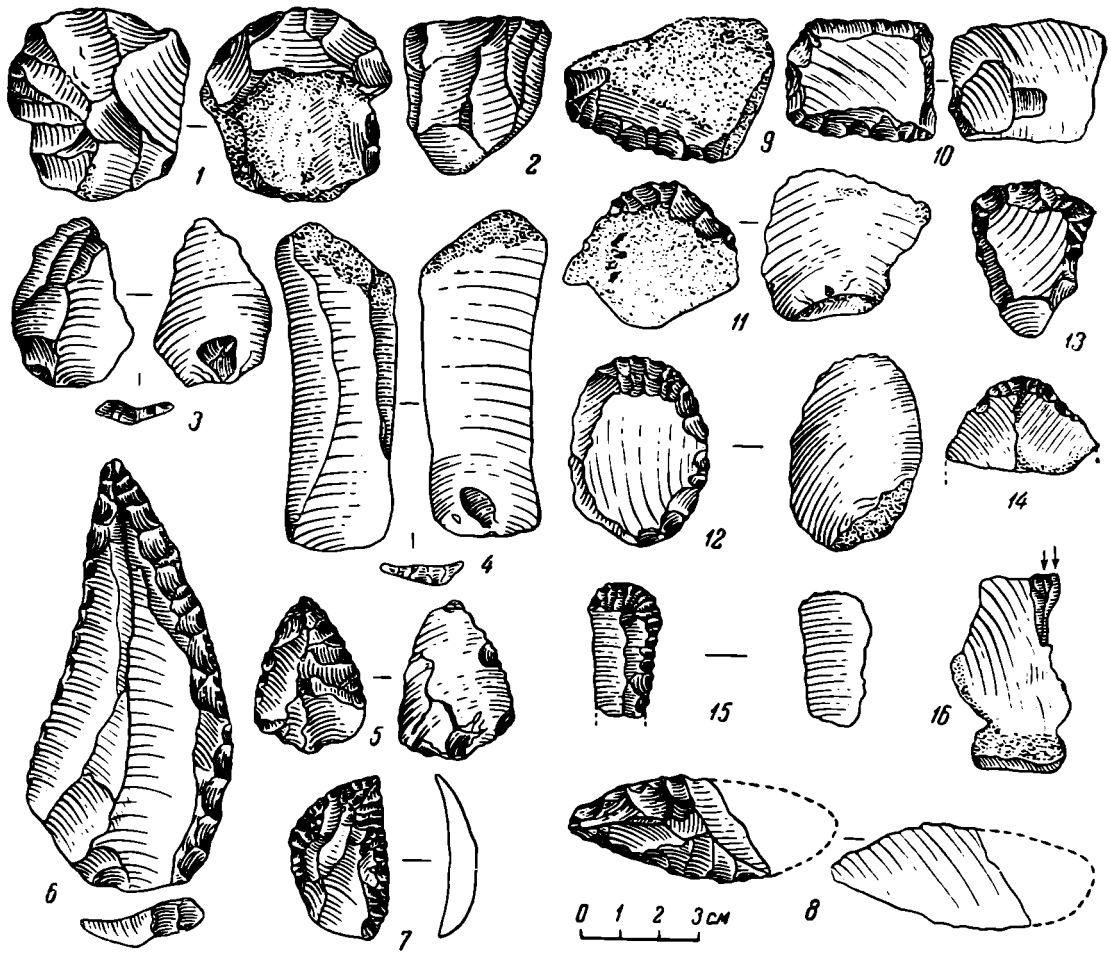


Рис. 2. Орудия труда Губской палеолитической стоянки

1, 2 — нуклеусы; *3, 4* — отщепы; *5—8* — остроконечники; *9, 10* — скребла; *11—15* — концевые скребки; *16* — резец

(имеются и экземпляры с одинаковыми длиной и шириной), следами от более или менее параллельных сколов на спинке, подтреугольным и трапециевидным поперечным сечением, извилистыми подправленными ударными площадками, в том числе и площадками типа «шапки жандарма», лежащими чаще всего под прямым углом к плоскости брюшка, небольшими отбивными бугорками, занимающими $^1/_3$—$^1/_4$ брюшка заготовки. На некоторых пластинах наблюдаются гладкие площадки подтреугольных очертаний. Величина пластин колеблется в пределах от 8 до 2,5 *см* в длину, 3—1 *см* в ширину и от 1,5 до 0,3 *см* в толщину (рис. 2, *4*). Среди пластин имеются три экземпляра с частичной подретушевкой края.

Остроконечники. Исходной заготовкой для этой серии орудий в основном послужили подтреугольные отщепы и пластины (рис. 2, *5*). Среди указанных орудий числятся шесть асимметрических остроконечников (рис. 2, *6, 7*) и два фрагмента от односторонне обработанных двуконечников (рис. 2, *8*). Продольные края всех остроконечников подвергнуты сравнительно тщательной обработке посредством уступчатой ударной ретуши (на рисунках эта ретушь плохо или совсем не показана).

Скребла. Для их изготовления, кроме подтреугольных и пластинчатых, использовались и отщепы «клектонского» облика, а также обыкновенные обломки кремня (рис. 2, *9*). В типологическом отношении они подразделяются на скребла с прямым (10 экз., рис. 2, *10*), выгнутым (2 экз.) и выемчатым (1 экз.) рабочими лезвиями. Последние, как и у остроконечников, обработаны ударной ретушью.

Концевые скребки. Исходной заготовкой для этих изделий служили отщепы «клектонского» облика (рис. 2, *11—12*), подтреугольные

сколы (рис. 2, *13—14*) и пластины (рис. 2, *15*). Дугообразно выпуклые рабочие края скребков обработаны короткими, широкими (рис. 2, *11, 13, 14*) и удлиненными, узкими фасетками (рис. 2, *12*). Не исключено, что отдельные скребки относятся к верхнему палеолиту (рис. 2, *13, 15*) и попали в Губскую пещеру из соседнего Губского навеса № 1, где при шурфовке в 1963 г. был обнаружен позднепалеолитический культурный слой.

Резцы изготовлены из пластинчатых отщепов и кремневых обломков (рис. 2, *16*). Они принадлежат к типу боковых с одним или двумя резцовыми сколами.

Изделия из кости представлены одной «наковаленкой» и проколкой. В качестве «наковаленки» или ретушера был использован обломок трубчатой кости. На ее поверхности в четырех местах сохранились ясно обозначенные линии-нарезки, а на двух участках — кучно расположенные выщербины, явившиеся следствием, очевидно, использования кости в качестве ретушера или подставки.

Фауна. Шурфовка Губской пещерной стоянки дала значительную коллекцию остеологических остатков, абсолютное большинство которых расколоты, мелки и при извлечении из культурного слоя, к сожалению, раскрошились на еще более мелкие куски. Кости, взятые из потревоженного слоя, по своему цвету (желтизна) отличаются от костей из ненарушенного слоя, имеющих коричневую окраску.

Принадлежность костей тем или иным животным определена Н. К. Верещагиным и И. Г. Подопличко. По определению Н. К. Верещагина, одни кости и зубы, найденные в шурфе, принадлежат крупному барану или козлу, другие — зубру или лошади. По типу сохранности все образцы, предъявленные для определения, Н. К. Верещагин датирует плейстоценом.

Среди изученной И. Г. Пидопличко небольшой коллекции костей оказались обломки метаподия, по-видимому, лошади, зубра, и обломок трубчатой кости какого-то копытного животного.

Показатели прокаливания, установленные И. Г. Пидопличко, равны: 480, 430, 393, 364 — для костей непотревоженного слоя и 672, 639 — для костей потревоженного слоя. По словам ученого, показатели из ненарушенного слоя точно подходят к позднему мустье. Показатели из нарушенного слоя, как указывает И. Г. Пидопличко, тоже мустьерские, но слишком велики для позднего мустье. Это может быть объяснено влиянием атмосферного воздуха во время нарушения первоначального залегания костей в пещере. Средняя величина показателей прокаливания из нетронутого слоя равна 417, а из потревоженного — 496.

На основании этих цифровых данных, из-за малочисленности изученных экземпляров, трудно сделать какие-либо окончательные заключения. В нетронутом слое пещеры попадались обуглившиеся кости, что свидетельствует об использовании огня людьми того времени.

Сравнение кремневой коллекции из шурфа Гумрыхинской стоянки с изделиями из Шайтан-Кобы, Морго и из других одновременных памятников позволяет датировать археологический материал Губской стоянки эпохой финального мустье [5]. Показатели прокаливания костей в какой-то мере также подтверждают эту предварительную датировку.

Губская мустьерская стоянка заслуживает того, чтобы ее подвергли тщательному изучению путем полных раскопок. Такие раскопки, можно надеяться, значительно обогатят наши знания по палеолиту Прикубанья.

---

[5] Г. А. Бонч-Осмоловский. Шайтан-Коба, Крымская стоянка типа Абри Оди. БКИЧП, 2, Л., 1930, стр. 61—82, табл. I, IV—VIII; В. П. Любин. Нижнепалеолитические памятники Юго-Осетии. МИА, 79, 1960; А. А. Формозов. Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите. МИА, 71, 1958.

З. А. АБРАМОВА

К ВОПРОСУ ОБ ОХОТЕ В ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ

Интересная находка, освещающая один из эпизодов жизни древних охотников Сибири, была сделана в 1962 г. при раскопках палеолитического поселения Кокорево I.

Поселение Кокорево I (Забочка) находится в ложе водохранилища строящейся Красноярской ГЭС, на левом берегу Енисея, в 230 *км* выше г. Красноярска. Г. П. Сосновский открыл эту стоянку в 1925 г., а в 1928 г. произвел на ней небольшие раскопки [1].

В 1961—1962 гг. Кокорево I исследовалось на широкой площади (230 $м^2$) палеолитическим отрядом Красноярской экспедиции. Было установлено, что в аллювиальных отложениях второй надпойменной террасы Енисея заключены остатки четырех различных, более или менее продолжительных, стоянок палеолитического человека на глубине от 3,1 (первый культурный горизонт) до 4,1 *м* (четвертый культурный горизонт) от поверхности. Наиболее ярко выражены второй и третий культурные горизонты, в то время как первый и четвертый представлены линзами ограниченного распространения. Не останавливаясь подробно на стратиграфии, следует отметить, что, по заключению геолога С. М. Цейтлина, «...культурные горизонты располагаются в пойменной фации аллювия второй надпойменной террасы, перекрытой аллювиально-делювиальными отложениями и лёссовидными покровными образованиями. Отложения, располагающиеся над культурными слоями, несут следы криогенных нарушений — морозобойные трещины, следы солифлюкции. В этих отложениях виден также горизонт (четвертый слой), обогащенный карбонатами, что, возможно, следует рассматривать как след былого развития почвообразования». В целом все культурные слои стоянки Кокорево I он считает возможным отнести к верхам зырянского оледенения.

Для нас наибольший интерес представляет третий культурный горизонт, который характеризуется наличием очагов диаметром 60—70 *см*, сложенных из поставленных на ребро с небольшим наклоном наружу плиток песчаника и крупных галек. За два года раскопок в этом горизонте собраны остатки следующих видов животных (определение Н. М. Ермоловой): северный олень — 8 особей (454 кости), заяц-беляк — 7 особей (172 кости), зубр — 3 особи (10 костей), дикая лошадь — 2 особи (6 костей), архар — 2 особи (40 костей), мелкий волк или собака — 2 особи (5 костей), благородный олень — 1 особь (18 костей), кулан — 1 особь (10 костей).

Каменный инвентарь третьего горизонта немногочислен, преобладающая часть его состоит из отходов производства: отщепов и осколков речных галек, служивших основным видом сырья при изготовлении орудий. Нуклеусы однотипны: все они изготовлены из галек, один конец которых сбит и подготовлен в виде ударной площадки. Под прямым или острым углом к ней расположены следы сколов крупных пластинчатых отщепов. Противоположная сторона гальки или сохраняет корку или уплощена поперечными сколами.

Орудия типичны для позднего палеолита Сибири. Скребла различных форм, изготовленные преимущественно из отщепов, длиной до 10 *см*, имеют прямой или овальный рабочий край. Особняком стоит орудие, которое формально может быть отнесено к скреблам, так как один из продольных краев его обработан тщательной ретушью. Один конец этого орудия закруглен, второй, обработанный как с внешней, так и с внутренней стороны, имеет вид прямого слегка вогнутого лезвия долотовидного типа. Подобные орудия, которые функционально исполняли, видимо, роль не скребел, а до-

[1] Г. П. Сосновский. Позднепалеолитические стоянки Енисейской долины. ИГАИМК, 118, 1935, стр. 152—218.

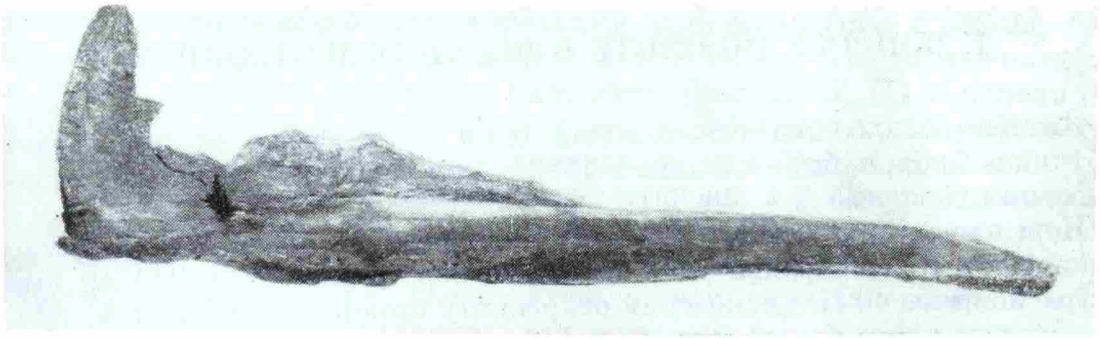


Рис. 1. Обломок лопатки зубра с наконечником дротика

лот, широко представлены и на классической стоянке енисейского палеолита — Афонтовой горе II. Имеются также скребки из округлых сравнительно толстых отщепов, проколки из отщепов небольших размеров с изогнутыми вытянутыми жальцами, крупные удлиненные пластины с ретушью по краям, служившие ножами. Наряду с этим найден только один резец, изготовленный из пластины темно-коричневого кремнистого сланца с изогнутым резцовым сколом. В одном экземпляре представлено и типичное нуклевидное орудие, извилистый, слегка вогнутый рабочий край которого несет следы обработки с двух сторон и сильно сработан.

Наиболее примечательной находкой третьего горизонта, о которой мы упоминали вначале, является обломок левой лопатки зубра с вонзившимся в него роговым наконечником копья или дротика, бо́льшая часть которого обломилась при ударе и отсутствует, а меньшая застряла в кости (рис. 1). На расстоянии 6,5 *м* от этого обломка лопатки находился второй ее обломок — противоположный край с гребнем. Вся средняя, наиболее тонкая часть лопатки не сохранилась. Судя по величине обломков, длина лопатки могла быть 57 *см*, ширина 34 *см* (рис. 2). Обломок дротика застрял на расстоянии 7 *см* от верхнего края и в 2,5 *см* от правого края лопатки. Неровный излом наконечника находится на внешней стороне лопатки вровень с ее поверхностью, и острие выступает на 2 *см* над ее внутренней стороной. Форма обломка наконечника аналогична форме таких же роговых наконечников, найденных на многих палеолитических стоянках Енисея от Афонтовой горы до Таштыка. Обломки подобных наконечников обнаружены и во втором лежащем выше горизонте стоянки Кокорево I. По одному из продольных краев наконечника идет узкий и глубокий желобок, как предполагается, для вставки кремневых вкладышей. Однако рентгеновский снимок лопатки не дал никаких следов узкой прорези, которая должна была быть для тонкой и острой кремневой пластинки. К тому же на большинстве наконечников желобки мелкие и довольно широкие и расположены асимметрично оси орудия, что, может быть, подтверждает другое предположение о их назначении, а именно, для стока крови.

По данным анатомического и рентгенологического исследования (заключение проф. Д. Г. Рохлина), «на верхней поверхности лопатки наконечник столь тесно прилегает к поврежденной кости, что сдвинуть его не удается. На нижней поверхности наконечник местами не прилегает к кости.

Ранение кости вызвало ее растрескивание. Имеется несквозная трещина на верхней поверхности лопатки; она имеет бо́льшие размеры в длину по направлению кверху и кнаружи и несколько меньшие размеры книзу, где трещина идет почти параллельно позвоночному краю. Дефект кости, возникший в результате ранения, имеет большие размеры на нижней поверхности, где не хватает целого кусочка кости. При ранениях, проникающих в кость, выходное отверстие всегда больше, чем входное, что наблюдается и в данном случае.

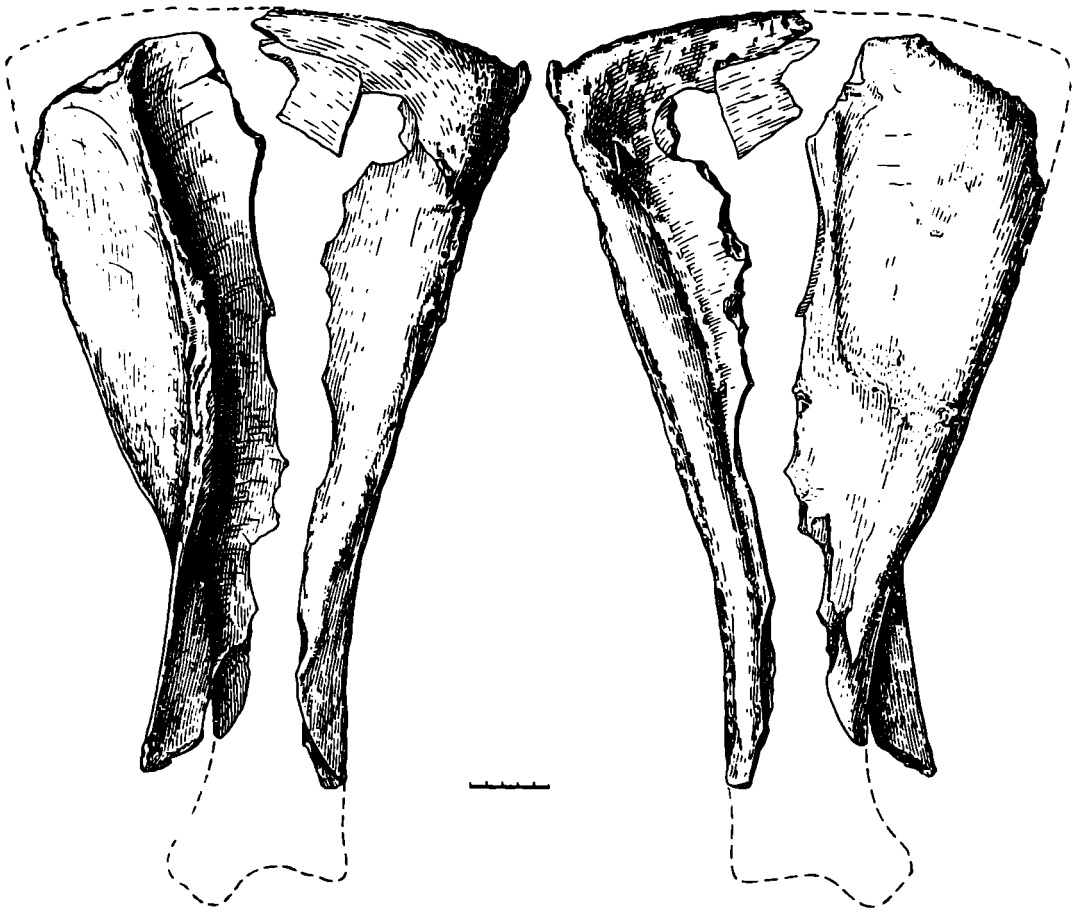


Рис. 2. Реконструкция лопатки зубра

Видимый на нижней поверхности дефект кости характеризуется наличием обнаженного губчатого вещества, не подвергшегося восстановительному процессу.

Торчащая часть наконечника имеет такую длину, которая позволяет с уверенностью сказать, что острие повредило лишь мышцы, располагающиеся под лопаткой, но не проникло в органы грудной клетки.

Никаких реактивных изменений, которые могли бы свидетельствовать о частичном заживлении раны кости, нет (ни анатомически, ни рентгенологически)» [2].

Итак, рана, нанесенная животному, была не смертельной, но нельзя установить с определенностью, могло ли животное прожить минимальный срок (до 10—12 дней), по истечении которого на костях могут прослеживаться следы заживления, или оно погибло сразу при нанесении ему других более серьезных повреждений. Несомненно одно — животное подвергалось преследованию. Дротик, пронзивший шкуру и мускулы зубра и застрявший в лопатке почти под прямым углом, был брошен сзади с высоты 1,6 *м* от земли, так как, по заключению палеозоолога Н. М. Ермоловой, изучавшей лопатку, высота зубра в холке могла достигать, судя по размерам лопатки, 1,8 *м*. Таким образом, животное было ранено не в яме-ловушке, где удар был бы направлен сверху, а на открытой местности человеком высокого роста, взмах руки которого шел параллельно земле. Сила удара показывает, что оружием пользовались на небольшом расстоянии, может быть, подойдя вплотную к животному.

Это первый в истории изучения палеолита, насколько нам известно, случай, в котором так непосредственно и ярко отражена активная охота перво-

[2] Пользуюсь случаем принести глубокую благодарность члену-корр. АМН СССР проф. Д. Г. Рохлину.

бытного человека, вооруженного дротиком с роговым наконечником. Кости животных с пробитыми отверстиями встречались на стоянках и ранее. Так, Г. П. Сосновский, описывая по материалам кокоревских стоянок образ жизни бродячих охотников конца палеолита, которые при имевшихся у них промысловых возможностях лучше могли обеспечить себя добычей, чем оседлые племена, убивая своими копьями и дротиками северных оленей, быков и косуль, делает любопытное примечание к словам «северных оленей»: «Пробитая кость северного оленя (задняя конечность) была найдена на стоянке Забочка» [3].

Можно предположить, имея в виду нашу находку, что здесь имел место аналогичный случай, но наконечник дротика, пробивший кость, не сохранился. Как известно из работ А. Руста, на позднепалеолитических поселениях северной Германии Мейендорф и Аренсбург имеются кости северного оленя, главным образом лопатки с пробитыми в них отверстиями, которые автор считает следами повреждений метательным оружием. Величина и форма отверстия на одной из лопаток, принадлежавшей молодой особи северного оленя, указывает, что метательное оружие было плоским, может быть овальным, и что оно было направлено косо при ударе сзади. А. Руст не решил вопроса о материале и форме такого метательного оружия, предполагая, что это мог быть гарпун или наконечник стрелы. В одной из своих работ он дает реконструкцию того, как могло получиться отверстие в лопатке, поместив в это отверстие найденный на той же стоянке гарпун [4].

Попутно следует заметить, что упомянутые северогерманские поселения, по-видимому, близки позднему палеолиту Енисея не только по времени, но и по физико-географическим условиям. Там, как и на Енисее, преобладают кости северного оленя, который был основным промысловым животным, но найдены также кости дикой лошади, зайца-беляка, белой куропатки и др. Методы охоты могли быть одинаковы, но орудия охоты значительно различаются между собой.

Любопытно отметить, что на полных жизни и экспрессии палеолитических рисунках бизона из пещерных стоянок крайнего запада Европы (например, наскальные изображения из грота Нио или гравюра на костяной пластинке из Истюриц) нанесены различные треугольные и зубчатые знаки, которые не могут быть не чем иным, как изображением метательного оружия. Знаки эти расположены так, что оружие представляется брошенным сзади и сбоку, а острие дротика находится в ряде случаев в области лопатки животного. Если раньше изображения на теле животных таких знаков признавались фактом только магического характера, то теперь можно смело утверждать, что прежде всего это было отражением в искусстве реальной жизни, того способа охоты, при котором животное преследовали и поражали ударами копий и дротиков. Среди немногих композиций, сохранившихся в палеолитическом искусстве, есть и такие, где изображен человек, преследующий зубра (Ложери-Бас, Мас д'Азиль).

---

[3] Г. П. Сосновский. Ук. соч., стр. 216, прим. 2.

[4] A. Rust. Vor 20 000 Jahren Rentierjäger der Eiszeit. Neumünster, 1962, табл. V, стр. 120.

В. А. ФИСЕНКО

ПАМЯТНИКИ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ У СТАНЦИИ ПЕТРОВ ВАЛ

Катакомбные погребения в северных районах Волгоградской обл. известны с конца 30-х годов. Одно из них открыто близ с. Харьковка в 1926 г. [1], а два — П. Д. Рау у Старой Полтавки в 1927 г. [2]. В послевоенное время И. В. Синицыным в районе Бережновки исследовано еще 11 погребений [3]. Кроме того, погребения катакомбной культуры найдены В. П. Шиловым у с. Рахинки [4].

Для правобережья, севернее Волгограда до недавнего времени наши сведения ограничивались материалами, добытыми на Иловле Т. М. Минаевой у Нижней Грязнухи [5] и И. В. Синицыным у хут. Авиловского [6]. В 1960 г. памятники катакомбной культуры обнаружены также и в западных районах Волгоградской обл.: они открыты В. П. Шиловым в окрестностях ст. Кременской и у дер. Сидоры на р. Медведице [7].

Таким образом, в настоящее время в рассматриваемых районах известно около 30 погребений, оставленных интересующими нас племенами. Они дают возможность выяснить северные границы продвижения племен катакомбной культуры и уточнить ряд проблем, связанных с древнейшей историей народов юго-востока европейской части СССР. Однако не все детали сложных взаимоотношений между коренным населением края и его южными соседями выявлены с достаточной полнотой. Многие вопросы требуют дальнейшей конкретизации и уточнения, что возможно только при условии дальнейшего накопления фактических данных. В связи с этим введение в научный оборот нового материала имеет первостепенное значение. Ниже мы даем описание новых материалов, собранных нами в результате раскопок разрушающихся курганов в окрестностях станции Петров Вал.

Рабочий поселок Петров Вал входит в состав Камышинского района Волгоградской обл. Курганы здесь расположены в одиночку и небольшими группами — от трех до пяти насыпей. В результате ежегодной запашки они подвергаются интенсивному разрушению. В 1959 и 1960 гг. нами произведены раскопки четырех таких курганов. В двух из них — кург. № 2 и 4 — обнаружены захоронения катакомбной культуры. Несомненный интерес представляет кург. № 2, расположенный на расстоянии 1,5 *км* к югу от поселка. Его диаметр около 15 *м*, высота насыпи 1,1 *м*. В кургане оказалось четыре погребения, два из которых относятся к катакомбной культуре. Основная могила погр. № 2 располагалась в 2 *м* от центра насыпи в юго-западном секторе. Яма имела прямоугольно-удлиненную форму. Длинные стороны ориентированы по линии север-юг. Размеры ямы 1,6 × 0,8 *м*. У восточной стенки на глубине 1,18 *м* от горизонта устроена ступенька шириной 0,3 и высотой 0,45 *м*. Под западной стенкой — катакомба со сводчатым потолком. На ее стенках хорошо видны полосы до 15 *см* длиной — следы орудий, с помощью которых выры-

---

[1] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Северное Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, 46, 1955, стр. 16.

[2] P. Rau. Hockergräber der Wolgasteppe. Pokrowsk, 1928, стр. 47, 52.

[3] И. В. Синицын. Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953 гг.). МИА, 60, 1959, стр. 188—190; его же. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954—1955 гг.). МИА, 78, 1960, стр. 153—154.

[4] В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник. МИА, 60, стр. 415—416; его же. Раскопки Калиновского курганного могильника. КСИИМК, 59, 1955, стр. 121.

[5] Т. М. Минаева. Курган близ с. Н. Грязнуха на р. Иловле. ПИДО, 7—8, 1934, стр. 163—165.

[6] И. В. Синицын. Археологические памятники в низовьях р. Иловли. «Уч. зап. СГУ», XXXIX, вып. историч., 1954, стр. 218—253.

[7] Полевые археологические исследования в РСФСР в 1960 г. СА, 1962, 4, стр. 298. Материалы не опубликованы.

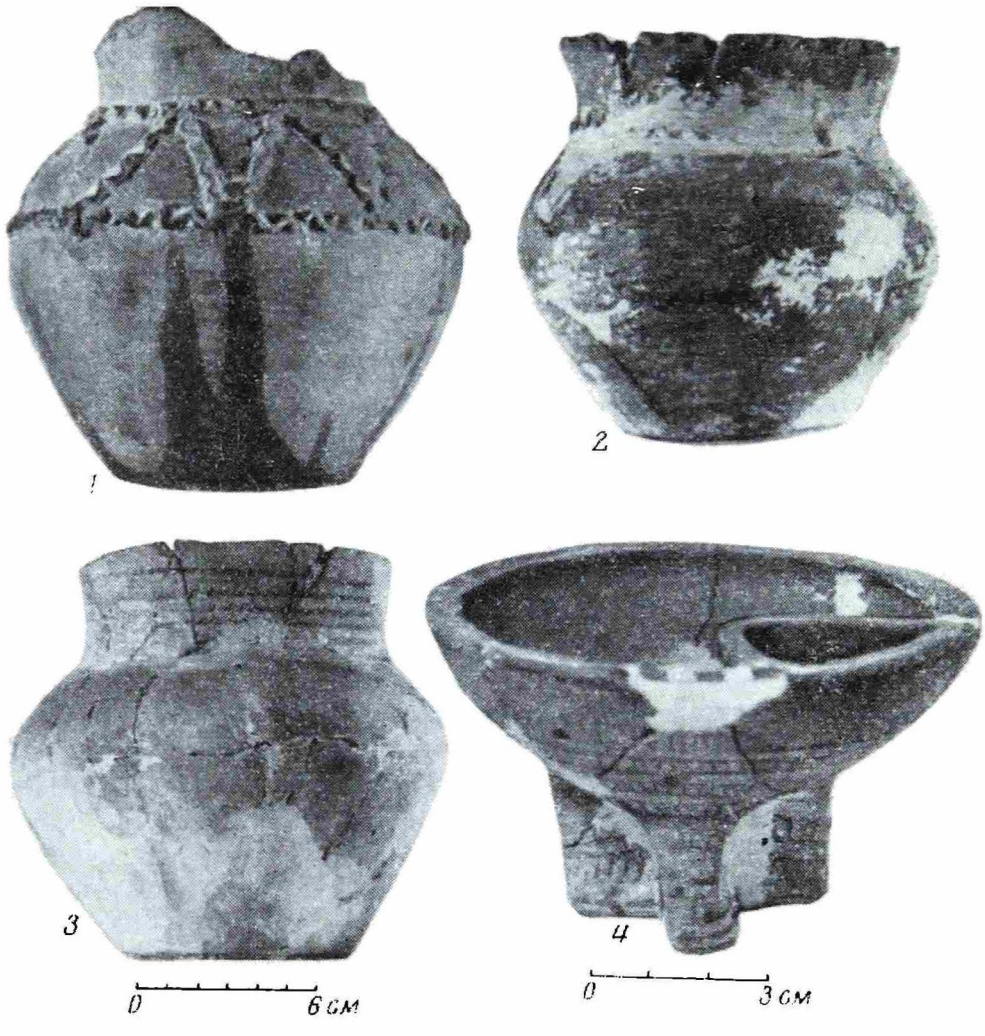


Рис. 1. Сосуды из катакомбных погребений у Петрова Вала

1, 2 — из кург. № 2, погр. № 3; *3* — из кург. № 4, погр. № 1; *4* — из кург. № 4, погр. № 2

та могила. В камере похоронены два покойника. Оба они лежали на спине головами на юг. Ноги в коленях сильно согнуты и завалены влево. Руки вытянуты вдоль туловища. Под скелетами тлен светло-серого цвета — остатки от подстилки. Вещей в могиле не было.

В том же кургане на расстоянии 1 *м* к югу от центра обнаружена впускная могила удлиненно-овальной формы (погр. № 3). Ее длина 1,65, ширина 1,45 *м*, глубина в грунте 0,45 *м*. Вдоль юго-восточной стенки сооружена ступенька, высота которой 0,15, ширина 0,3 *м*. Костяк взрослого человека лежал на спине, головою на северо-восток. Ноги слегка согнуты в коленях и направлены вправо. Руки вытянуты и слегка согнуты в локтях. Кисти у таза. На дне подстилка из травы.

В области таза слева стоял небольшой горшок красно-оранжевого цвета. Бока округлые, дно плоское, шейка прямая. На стенках узкие полосы темно-бурого цвета, по-видимому, следы какой-то жидкости. Орнамент состоит из двух параллельных волнистых налепов, один из которых расположен у основания шейки, а другой на перегибе тулова. Между ними налепной волнистый зигзаг. Он образует восемь треугольников. Диаметры дна и горла одинаковы — 8,5 *см*, толщина стенок 0,5 *см*. Верхняя часть шейки обломана в древности. На стенках следы заглаживания. Тесто без примесей, обжиг хорошего качества (рис. 1, *1*).

Второй горшок (рис. 1, *2*) располагался у колена левой ноги. У него также округлые бока и плоское дно. Шейка расширяется к венчику. Высота сосуда 15, диаметр венчика 11,5, высота шейки 3,5, диаметр устья

10 *см*. Венчик по внешнему краю обреза украшен зигзагообразным узором. Вокруг основания шейки волнистый налеп, как и у первого горшка. Стенки тонкие и сглажены гребенчатым инструментом. Оба горшка аккуратно вылеплены от руки.

Северная группа курганов состоит из 10 насыпей и расположена в урочище Хомутина на расстоянии 1 *км* по дороге из Петрова Вала в Лебяжье. Самый большой курган (кург. № 4) сильно разрушен при постройке дороги. До разрушения он имел диаметр около 40 и высоту около 3 *м*. Особый интерес представляют конструктивные особенности сооружения насыпи. Внутри кургана устроено кольцо из необработанных камней. Камни уложены не на грунте, а на суглинистой насыпи, высота которой достигает 0,5 *м*.

Диаметр кольца точно не установлен, но, по всей вероятности, он достигал не менее 25 *м*. Нами раскопан лишь северо-восточный и часть северо-западного сектора. В исследованной части обнаружены две грунтовые могилы. Погребение № 1 располагалось в северной половине кургана. Могила имела форму неправильного овала вытянутого с востока на запад. На краю могилы у северной стенки лежала часть лопатки передней ноги крупного животного (корова?). В засыпке западной части могилы в большом количестве попадались перегнившие дерево и камни. В восточной половине камней значительно меньше. Пол в западной части могилы на 0,4 *м* выше, чем у восточной. На ступеньке лежали кости овцы или козы — позвонки и ребра в естественном сочленении. Под восточной стенкой была сооружена катакомба, но она ввиду обвала полностью не сохранилась, остался лишь небольшой подбойчик. Размеры ямы по дну: длина 2,93, ширина 2,35, глубина в грунте 1,95 *м*.

Погребение оказалось в восточной части ямы. Покойник лежал на левом боку с сильным уклоном на спину. Ноги согнуты в коленях, кисти рук находились между бедер. Костяк ориентирован головой на юго-восток. У правого плеча находился раздавленный горшок катакомбного типа с выпуклыми плечами и слегка расширяющейся шейкой. Орнамент состоит из шести параллельных линий, оттиснутых веревочкой вокруг шейки. На ободке дна косые штрихи. Высота сосуда 15 *см*, диаметры дна венчика равны соответственно 8 и 10 *см*, высота шейки 5 *см* (рис. 1, *3*).

На расстоянии 3 *м* к западу от центра кургана обнаружена вторая могила округло-прямоугольной формы. Длинные стенки вытянуты в широтном направлении с отклонением к северо-востоку. Длина ямы 3,5, ширина 3,2, глубина от нулевой точки 1,97 *м*. Сверху могила перекрыта плахами, положенными поперек ямы. Над деревянным настилом завал из камней. Дно сильно изрыто сурками. Покойника в могиле не оказалось: очевидно, кости истлели. У северной стенки лежала раздавленная курильница на крестообразной ножке. Внутри чаши полуовальное отделение (рис. 1, *4*). Орнамент состоит из 18 горизонтальных линий, нанесенных двойной веревочкой. Расстояние между линиями 1 *см*. Сегменты через один заполнены оттисками «личинок». Высота курильницы 15, диаметр чаши 24, ширина бортика 2, расстояние между крайними точками крестовины 12 *см*. Раскопка кургана не закончена.

В этой же группе на расстоянии около 350 *м* к югу от кург. № 4 расположен кург. № 5. Насыпь основательно потревожена бульдозерами. На кургане в большом количестве встречаются крупные камни. Здесь же нами собрано несколько обломков глиняной посуды. Один из них является фрагментом стенки курильницы. Закраины ее прямые, обрез украшен «личинками», оттиснутыми по сырому тесту веревочкой, намотанной на торец палочки. Боковая поверхность чаши снаружи орнаментирована снизу доверху пятью горизонтальными линиями двойной веревочки. Сегменты между линиями также заполнены оттисками «личинок».

Таким образом, рассмотренные памятники сильно отличаются от погребений ямной и срубной культур данного района. Форма и конструктив-

ные особенности могильных сооружений, положение и ориентировка костяков, типы керамики и ее орнаментальные узоры, а также техника их выполнения — все это находит себе ближайшие аналогии среди погребений племен катакомбной культуры степной полосы юго-востока.

Погребения в катакомбах, сопровождающиеся курильницами на четырехлепестковой ножке, в большом количестве обнаружены в Калмыкии [8] и на Маныче [9]. Здесь был их основной центр производства [10]. Отсюда они проникли в соседние районы, в том числе и в Волгоградское Поволжье: в Камышинском районе, помимо описанной курильницы, известен еще один экземпляр из раскопок Т. М. Минаевой у с. Верхней Грязнухи [11]. Наличие в указанных пунктах погребений с обрядом захоронения и инвентарем, типичным для племен катакомбной культуры астрахано-манычских степей, свидетельствует о проникновении в бассейн Иловли, Медведицы и Еруслана отдельных групп населения, центром обитания которых являлась территория северо-западного Прикаспия [12].

Вместе с тем многие детали процесса расселения южных племен и их взаимоотношения с местным населением края — носителями позднеямной и раннесрубной культуры — с достаточной отчетливостью еще не выяснены. Нам представляется, что совместное проживание пришельцев с коренным населением края не было кратковременным и носило мирный характер. Надо полагать, что новое население оказало определенное воздействие на местных жителей, однако такое влияние не было односторонним: пришельцы постоянно испытывали сильное ассимилирующее воздействие со стороны племен позднеямной и раннесрубной культуры.

В пользу мирных взаимоотношений обеих групп населения свидетельствует тот факт, что в могилах пришельцев и местного населения встречается посуда, одинаковая по формам и орнаментации. Обычно это широкогорлые горшки (иногда с небольшим боковым ребром в верхней части), с прямой или слегка отогнутой шейкой и слегка выпуклыми стенками. Орнамент состоит из елочного узора, оттиснутого мелкозубчатым штампом. Эти признаки, как отмечает И. В. Синицын, характерны для керамики раннего этапа срубной культуры [13]. С другой стороны, этот же прием украшения типичен и для племен катакомбной культуры Волгоградского Поволжья. До их прихода в рассматриваемый район у местного населения он не практиковался. Его появление здесь К. Ф. Смирнов справедливо связывает с приходом в бассейн Еруслана носителей катакомбной культуры [14]. Кроме того, воздействие пришлого элемента прослеживается и в погребальном обряде: в могилах устраиваются ступеньки, а покойники кладутся головой на юг [15].

Выразительные доказательства мирных отношений обеих групп населения представляют антропологические данные. Н. М. Глазковой и В. П. Чтецовым исследованы четыре черепа полтавкинской эпохи из курганов у сел Быково и Политотдельское. Два из них (Политотдельское, кург. № 3, погр. № 5 и кург. № 4, погр. № 27) долихокранные. Эти черепа

---

[8] П. С. Рыков. Отчет об археологических работах, произведенных в Нижнем Поволжье летом 1929 г. ИСНИК, IV, 1931, стр. 52—79; его же. Раскопки курганного могильника в районе гор. Элисты. ИСНИК, VIII, 1936, стр. 57—70.

[9] М. П. Артамонов. Раскопки курганов в долине р. Маныча в 1935 г. СА, IV, 1937, стр. 93—192; его же. Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 г. СА, XI, 1949, стр. 305—337.

[10] Т. Б. Попова. К вопросу о курильницах «северокавказского типа». СА, 1957, 1, стр. 162—177.

[11] Раскопки Т. М. Минаевой. Материалы хранятся в Саратовском обл. музее краеведения. Инв. № 1144.

[12] И. В. Синицын. Древние памятники в низовьях Еруслана..., стр. 153.

[13] И. В. Синицын. Археологические исследования..., стр. 188—190.

[14] К. Ф. Смирнов. Быковские курганы. МИА, 78, стр. 238.

[15] И. В. Синицын. Археологические исследования Заволжского отряда Волгоградской экспедиции. КСИИМК, 55, стр. 79; К. Ф. Смирнов. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Волгоградской обл. МИА, 60, 1959, стр. 310—311.

по ряду признаков близки к черепам катакомбной культуры из курганов у с. Нижней Грязнухи. Два других черепа (Быково 1, кург. № 6, погр. № 1; Политотдельское, кург. № 4, погр. № 6) относятся к категории брахикранных и мезокранных черепов [16]. Долихокрания, как известно, связывается с носителями ямной культуры, а брахикрания — с катакомбной [17]. Для нас очень важно, что брахикранные черепа, как отмечает автор раскопок, найдены в могилах, не имевших признаков катакомбной культуры ни в погребальном обряде, ни в инвентаре. С другой стороны, покойник с долихокранным черепом был похоронен в могиле со ступенькой. Другими словами, покойники, которые по антропологическим признакам относятся к племенам катакомбной культуры, похоронены по обычаю местного населения, а покойники ямной и раннесрубной культуры — по обычаям носителей катакомбных традиций. Этот факт весьма знаменателен. Причину подобного явления следует искать не только в мирных взаимоотношениях обеих групп населения, но, видимо, и в межплеменных браках.

Таким образом, комплекс наблюдений сводится к тому, что на одной территории, в один и тот же исторический период встречаются памятники, различные по своей этнокультурной принадлежности, причем в погребальном обряде и вещевом комплексе одной культуры прослеживается примесь элементов другой. Во-вторых, отмечается также взаимозаимствование форм посуды и элементов ее орнаментации. Эти обстоятельства, как показано А. Я. Брюсовым, предполагают мирные, но никак не враждебные отношения, враждебные отношения между племенами выражаются иначе [18]. Следовательно, археологические материалы подтверждают вывод об одновременном существовании в северных районах Волгоградской обл. племен раннесрубной и катакомбной культур. Противоположное заключение расходилось бы с фактическими данными.

[16] Н. М. Глазкова, В. П. Чтецов. Палеоантропологические материалы Нижневолжского отряда Волгоградской экспедиции. МИА, 60, стр. 286.

[17] Д. К. Третьяков. Остатки человеческих скелетов из кургана на Слободке Романовке. «Записки императорского Одесского общества истории и древностей». XXXII, 1915, стр. 32 сл.; Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. Тр. ИЭ, нов. сер., IV, 1948, стр. 103 сл.

[18] А. Я. Брюсов. Археологические культуры и этнические общности. СА. XXVI. 1956, стр. 5—27; его же. Об экспансии «культур с боевыми топорами» в конце III тысячелетия до н. э. СА, 1961, 3, стр. 14—33.

М. Г. ГАДЖИЕВ

О БРОНЗОВЫХ БУЛАВКАХ ДАГЕСТАНА ЭПОХИ БРОНЗЫ

Горные отряды археологической экспедиции Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР в течение 1956, 1959—1963 гг. производили раскопки Гинчинского могильника эпохи бронзы [1]. Могильник находится в центральной части горного Дагестана в Гидатлинской долине, в 10 *км* к востоку от места слияния рек Гидерилор с Аварским Койсу (хутор Гинчи селения Тидиб Советского района).

Основным типом погребальных сооружений могильника является склеп круглой (овальной) или четырехугольной формы, предназначенный главным образом для коллективных захоронений. Инвентарь склепов состоит из многочисленной и разнообразной глиняной посуды, орудий труда (костяные проколки, бронзовые иглы и др.), украшений из металла, камня, кости, раковин и пасты. Как тип погребального сооружения, так и инвентарь могильника находят ближайшие аналогии в памятни-

[1] М. Г. Гаджиев. Гинчинский могильник эпохи бронзы. «Уч. зап. ИЯЛ. Даг. филиала АН СССР». Махачкала, 1962, стр. 166—188.

ках преимущественно горного Дагестана, относящихся к середине II тысячелетия до н. э. (Чох [2], Ирганай [3], Ругуджа [4], Миатли [5] и др.), а также в памятниках сопредельных областей Кавказа середины и второй половины II тысячелетия до н. э., таких как могильник Гатын-Кале в горной Чечне [6], у с. Кумбулта в Северной Осетии [7] и др. Гинчинский могильник характеризует культуру населения горного Дагестана периода, предшествующего сложению на Северо-Восточном Кавказе каякентско-хорочоевской культуры поздней бронзы.

Отдельные элементы культуры, представленной могильником, могут быть предметом специального исследования. В этом отношении заслуживает внимания серия бронзовых стержневых булавок с разнообразными навершиями. По-видимому, они служили для скрепления женского головного убора или одежды (обычно они находились в области головы или шеи погребенных и всегда вместе с набором женских украшений). Их 12 экземпляров (11 целых и один стержень).

Все булавки можно подразделить на три типа. К первому типу относится булавка длиной 15,3 *см* с рогообразным навершием (1 экз., рис. 1, *1*). Булавка была найдена в раннем комплексе могильника с керамикой, орнаментированной «роговидными» налепами (трезубцы или двузубцы), характерными для памятников Дагестана первой половины II тысячелетия до н. э. Другой вариант такого же типа булавок найден в Дагестане на территории Тарнаира (район Махачкалы) [8].

Булавки с рогообразными завитками были весьма широко распространены и во времени и в пространстве. В Иране они известны в IV тысячелетии до н. э. (Тепе-Гиссар, II слой — 3500 г. до н. э. [9], Тепе-Сиалк — IV период — 3200—3000 гг. до н. э. [10]). В последующую эпоху бронзы они бытовали на Кикладских островах [11], в Малой Азии (Троя) [12], в Средней Азии (Анау) [13]. На Кавказе, в Грузии (Квацхелеби [14], Амиранис Гора [15]), булавки с завитками появились сравнительно рано (III тысячелетие до н. э.). На рубеже III и II тысячелетий до н. э. они известны в районе Сачхере [16], а в первой половине II тысячелетия до н. э. проникают на Се-

---

[2] Р. М. Мунчаев. Археологические исследования в нагорном Дагестане в 1954 г. КСИИМК, 71, 1958, стр. 41—47.

[3] М. Н. Погребова. Ирганайский склеп. МАД, II, Махачкала, 1961, стр. 109—123.

[4] В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане. МАД, II, стр. 36—37.

[5] В. И. Канивец. Миатли — новый памятник бронзового века в Северном Дагестане. МАД, I, Махачкала, 1959, стр. 31—51.

[6] В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. МИА, 93, 1960, стр. 64; его же. Археологические работы в Аргунском ущелье в 1958 году. КСИА, 84, 1961, стр. 49—54.

[7] Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, 23, 1951, стр. 48—60.

[8] В. И. Марковин. Археологические находки с территории Тарнаира (Дагестан). КСИИМК, 67, 1957, стр. 122, 123, рис. 51, *3*.

[9] E. F. Schmidt. Excavations et Tepe Hissar Damghan. Philadelphia, 1937, стр. 320, табл. XXIX, H. 4856.

[10] R. Chirschman. Fouilles de Sialk prés de Kashan, 1933, 1934, 1937. V. I. Paris, 1938, стр. 87, табл. XXIX, *1*, *b*; XCV, 1602, *a*, *e*.

[11] Г. Чайлд. У истоков европейской цивилизации. М., 1962, стр. 89, рис. 27, *9*.

[12] H. Schliemann. Ilios ville et pays des Troyens. Paris, 1885, стр. 617, рис. 912.

[13] Б. А. Куфтин. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытно-общинных оседлоземледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. Тр. ЮТАКЭ, VII, Ашхабад, 1956, стр. 278, рис. 24.

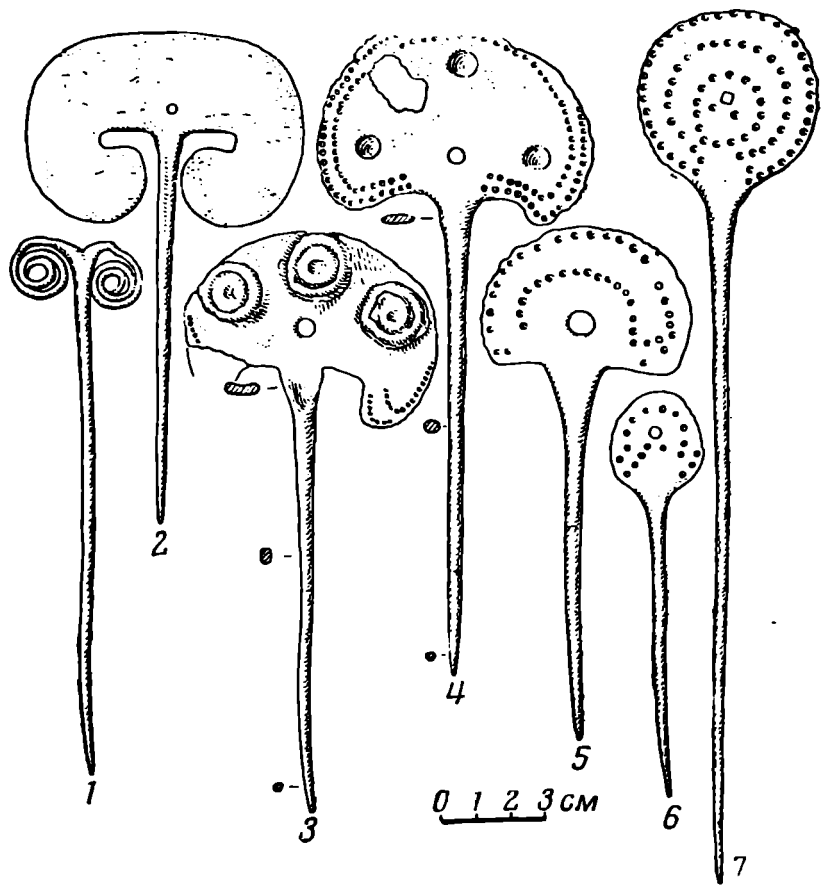
[14] А. И. Джавахишвили, Л. И. Глонти. Урбниси, вып. 1, Археологические раскопки, проведенные в 1954—1961 гг. на селище Квацхелеби (Твлепиа-Кохи). Тбилиси, 1962, стр. 62, табл. XXXVI.

[15] Т. Чубинишвили. Амиранис Гора. Тбилиси. 1963, стр. 97, рис. 14.

[16] Б. А. Куфтин. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в Южную Осетию и Имеретию. Тбилиси. 1949, стр. 79, 80, табл. LXVIII; О. Джапаридзе. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси. 1962, стр. 264, 265, табл. XIII, *8*, *9*; XIX *1*; XXIV, *3*.

верный Кавказ и к середине его становятся здесь довольно распространенным видом украшений (Нальчик [17], Гатын-Кале [18] и др.).

Независимо от того, как разрешится вопрос о происхождении этого типа булавок на Кавказе (ранние формы их, возможно, и появились здесь из районов Передней Азии [19]), следует признать, что на Кавказе они стали известны сравнительно рано (III тысячелетие до н. э.). В настоящее



Бронзовые булавки из Дагестана

время удается проследить их постепенное развитие на Кавказской земле и даже выявить несколько вариантов [20]. Здесь мы находим и булавки описанного типа, т. е. рогообразными завитками, отходящими под прямым или острым углом от основания круглого стержня, аналогичные переднеазиатским, и специфические кавказские формы волютообразных булавок с перекладиной в виде навершия (типа Квацхелеби, Нальчик и др.), своеобразные гигантские булавки Дигории, которые считаются позднейшим типом развития более ранних булавок первого варианта [21].

В Гинчинском могильнике был найден еще один оригинальный вариант этого же типа булавок. Навершие ее плоское, сильно расплющенное, с завитками в неполный оборот. У верхнего конца стержня на навершии имеется отверстие. Длина булавки 14 *см* (рис. 1, *2*). По форме она

[17] Б. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика, МИА, 3, 1941, рис. 34, *5*; 40, *1*; табл. VII, *3*, X, *2*.

[18] Е. И. Крупнов. Новые данные по археологии Северного Кавказа (по материалам экспедиции 1956 г.), СА, 1958, 3, стр. 98, рис. 1, *1*; В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы, стр. 95, рис. 43; его же. Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне (Могильник у с. Гатын-Кале). «Древности Чечено-Ингушетии». М., 1963, стр. 124, рис. 1, *1*; 15, *5*; 17, *2*; 21, *2*; 28, *6*.

[19] В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы, стр. 96.

[20] О. Джапаридзе. Ук. соч., стр. 265.

[21] Е. И. Крупнов. Материалы..., стр. 58; его же. О происхождении и датировке кобанской культуры. СА, 1957, 1, стр. 77, 78.

близка золотой булавке из кургана № XXII в Цалке [22] и в какой-то степени может быть сравнима с кавказскими роговидными булавками с расплющенными навершиями. Однако некоторые ее особенности (пластинчатое навершие и завитки в сочетании со сквозным отверстием) позволяют выделить ее как местный, дагестанский вариант столь широко распространенных булавок с завитками.

Местные особенности металлических украшений эпохи бронзы Дагестана еще нагляднее прослеживаются на примере другой группы гинчинских булавок, относящихся ко второму типу. Это четыре булавки с навершиями в виде полукруга с отверстием в середине и опущенными вниз краями. Круглые стержни на месте соединения с навершиями уплощены. Навершия украшены сложным чеканным узором, состоящим из различных комбинаций точек, углублений и концентрических кругов. Размеры булавок 14,2—19 *см* (рис. 1, *3*, *4*, *5*). Точно такая же булавка из погребений близ с. Никар б. Гунибского округа горного Дагестана хранится в фондах Государственного музея Грузии [23]. Рассматриваемые булавки найдены в более поздних комплексах могильника, чем описанные выше (1-й тип). В эти комплексы, в частности, входят пастовые бусы с тремя «бородавками», которые относятся к концу средней поры эпохи бронзы на Кавказе или к третьей четверти II тысячелетия до н. э. [24].

По форме навершия эти булавки в какой-то степени могут быть сопоставлены с раннекобанскими [25]. Однако точные аналогии им за пределами Дагестана не известны. Видимо, они возникли на основе булавок с роговидными завитками и являются более поздним вариантом их развития. При сравнении булавок обоих типов можно проследить замену завитков опущенными краями полукруглого навершия, постепенное их уменьшение и исчезновение. Соответственно навершие с завитками заменяется полукружием. Из этого следует, что в горном Дагестане в эпоху бронзы шел такой же процесс развития местных форм украшений, какой прослеживается в горных районах Северного Кавказа, особенно в Дигории [26], а под влиянием последней и в Прикубанье [27].

К третьему типу относятся булавки с дисковидными навершиями, обычно украшенные точечным узором (рис. 1, *6*, *7*). Длина булавок 9,8—25,5 *см*. Булавки с дисковидными навершиями известны в памятниках эпохи бронзы (второй этап северокавказской культуры и ранний этап поздней бронзы Кавказа) Чечено-Ингушетии (Гатын-Кале) [28], Северной Осетии (Кумбулта) [29] и в Южной Осетии (Тли [30], Квасатали [31] и др.), распространение их ограничивается районами Центрального и Северо-Восточного Кавказа.

Немногочисленность находок, отсутствие каких-либо эволюционных звеньев не позволяют определить происхождение этого типа булавок. Но любопытно, что костяной прототип аналогичной булавки известен в ран-

---

[22] Б. А. Куфтин. К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии. КСИИМК, VIII, 1940, стр. 11, 12, рис. 4.

[23] Коллекция Гос. музея Грузии, № 38—09/3.

[24] А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий. Могильник в г. Нальчике. МИА, 3, 1941, стр. 127, табл. II, *9*; Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, стр. 80.

[25] МАК, VIII, М., 1900, стр. 51, табл. XXVI, *3*; XXVIII, *3*; Е. И. Крупнов. О происхождении и датировке кобанской культуры, стр. 77—78, рис. 5, *1*.

[26] Е. И. Крупнов. Материалы к археологии Северной Осетии докобанского периода, стр. 56—60; его же. Древняя история и культура Кабарды, стр. 78.

[27] А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. МИА, 23, 1951, стр. 115, 116.

[28] В. И. Марковин. Археологические работы в Аргунском ущелье, стр. 51, рис. 15, *1*, *2*.

[29] МАК, VIII, стр. 215, табл. XXXVII, *5*, *6*, *7*.

[30] Б. В. Техов. Позднебронзовая культура Лиахвского бассейна. (Древний могильник с. Тли). Сталинир, 1957, стр. 93, табл. II, *20—22*.

[31] О. М. Джапаридзе. Квасатальский могильник эпохи бронзы в Южной Осетии. КСИИМК, 60, 1956, стр. 26.

них памятниках Дагестана (Кяхулай [32], Верхний Гуниб [33]), а сами бронзовые булавки с дисковидными навершиями доживают здесь вплоть до албано-сарматского времени (Карабудахкент) [34]. Гинчинские булавки с дисковидными навершиями наиболее близки гатын-калинским, а иногда просто тождественны им, что, возможно, наряду с другими данными свидетельствует не только о древних связях, но и о древней культурной общности племен горного Дагестана и Чечено-Ингушетии.

Все булавки выполнены в технике литья. После отливки стержни булавок, обычно и навершия, подвергались дополнительной проковке, что придавало им нужную форму. Орнамент в виде выпуклых точек, бугорков, концентрических кругов наносился при помощи чекана.

Название предметов	Cu	Sn	Pb	Zn	As	Sb	Ag	Au	Bi	Ni	Co	Mo	Fe	Cr	V	P	Mn
Булавка весом 31,5 *г*, рис. 1,*3*	99,1	0,02	0,01	0	0,1	0,05	0,055	0	0	0,13	0	0	0,03	0,003	0	0	0,001
Булавка весом 12 *г* типа изображенного на рис. 1,*4*	98,3	0,5	0,1	0	0,2	0,1	0,06	0	0,002	0,18	0	0	0,04	0,003	0	0	0,0005

Интересен также состав металла, из которого изготовлены булавки. Результаты спектрального анализа двух булавок представлены в таблице [35].

Таким образом, булавки изготовлены из меди, содержащей незначительные примеси олова, мышьяка, сурьмы и свинца. Обращает на себя внимание сравнительно бо́льшее, чем в изделиях из других памятников эпохи бронзы Дагестана, содержание никеля (0,13—0,18%). Незначительность дозы мышьяка, может быть, объясняется желанием избежать хрупкости изделий, подлежащих проковке.

Разнообразие металлических украшений эпохи бронзы, в данном случае булавок, часть которых является специфически местной продукцией, не имеющей аналогий вне пределов горного Дагестана, свидетельствует о наличии здесь еще задолго до сложения каякентско-хорочоевской культуры поздней бронзы местного очага металлургии и металлообработки, древность которого документируется также находками глиняных литейных формочек и льячек в ранних слоях Верхне-Гунибского поселения [36].

[32] К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг. МИА, 23, 1951, стр. 226—228, рис. 1, *5*.

[33] В. М. Котович. Верхнегунибское поселение. МАД, II, Махачкала, 1961, стр. 103, рис. 9, *1*.

[34] К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент. МАД, II, стр. 181, 182, рис. 19.

[35] Анализы произведены в лаборатории археологической технологии Института истории АН АзербССР И. Р. Селимхановым.

[36] В. М. Котович. Ук. соч., стр. 108.

Б. В. ЛУНИН

О МРАМОРНОМ РЕЛЬЕФЕ ИЗ АНАПЫ

И. Т. Кругликова опубликовала статью, содержащую обстоятельное описание мраморного рельефа с изображением погребальной трапезы, найденного в 1960 г. в Анапе [1]. Нельзя не согласиться с автором статьи, что указанный рельеф представляет большой интерес как по своей принадлежности к «наиболее ранним памятникам среди этой группы рельефов

[1] И. Т. Кругликова. Мраморный рельеф из Анапы. СА, 1962, 1, стр. 282—289.

фов в Средиземноморье», так и по ряду других существенно важных признаков.

К сожалению, для И. Т. Кругликовой остался неизвестным мраморный рельеф с изображением погребального пира, найденный в 1932 г. на Елизаветовском городище в дельте Дона (в дальнейшем мы будем всюду именовать его елизаветовским рельефом) [2].

Даже беглое общее ознакомление с елизаветовским и анапским рельефами сразу же делает очевидным их несомненную близость друг к другу. Наличие в печати подробных описаний обоих рельефов освобождает нас от необходимости повторения их в данной статье. То, что сюжет и стиль сцен погребальной трапезы идентичны в обоих рельефах, полностью подтверждается простым сопоставлением фотографий елизаветовского (рис. 1) [3] и анапского рельефов.

По сохранности сцены с изображением погребальной трапезы елизаветовский рельеф имеет преимущество перед анапским. Последний дошел до нас с утраченной правой стороной (отсутствуют правый верхний и нижний углы), тогда как елизаветовский рельеф сохранился целиком. Идентичность изображений на елизаветовском и сохранившейся части анапского рельефа позволяет с максимальной долей вероятия восстановить недостающую часть сцены анапского рельефа по аналогии с соответствующей частью рельефа елизаветовского.

И. Т. Кругликова, не зная ближайших аналогий анапскому рельефу, была вынуждена искать эти аналогии «на стороне». Ею был привлечен, в частности, фрагмент мраморной плиты с изображением погребальной трапезы, происходящий из частного собрания (с невыясненным местом нахождения) и хранящийся сейчас в ГМИИ. Фрагмент этот действительно в какой-то мере близок анапскому, но лишь относительно; на роль же ближайшего аналога, подобно елизаветовскому, он претендовать не может. Более того, уже один характер изображения женщины, сидящей у ног героизированного покойника, и ее поза (лицо повернуто к зрителю) отчетливо выявляют композицию, весьма отличную от композиции анапского рельефа.

Едва ли можно сомневаться в том, что утраченная часть сцены анапского рельефа, в отличие от рельефа из ГМИИ, не знала изображений змеи с поднятой головой и второй фигуры обнаженного юноши, стоящего у высокого кратера. Возлежащий мужчина, надо думать, был изображен на анапском рельефе с ритоном в поднятой руке, как это имеет место на елизаветовском рельефе. На рельефе из собраний ГМИИ обе руки возлежащего опущены; в правом верхнем углу изображена голова лошади. Голова лошади не могла быть изображена в этом месте анапского рельефа, потому что на нем такое изображение дано в левом верхнем углу, где (как и на одном из воспроизведенных И. Т. Кругликовой фивинском рельефе) голова заключена в квадратную рамку. Возможность изображе-

---

[2] Б. В. Лунин. Мраморный рельеф из Елизаветовского городища (дельта р. Дон). Предварительное сообщение. «Проблемы истории материальной культуры». Л., 1933, 7—8; его же. Рельеф с изображением «погребального пира» из Елизаветовского городища (дельта р. Дон). «Советское краеведение на Северном Кавказе», 2. Ростов-на-Дону. 1933; его же. Очерки истории Подонья-Приазовья, кн. 1. Ростов-на-Дону. 1949. Т. Н. Книпович. Опыт характеристики городища у станицы Елизаветовской по находкам экспедиции Гос. Академии истории материальной культуры в 1938 г. ИГАИМК, 104, М.— Л., 1934.

[3] Елизаветовский рельеф хранится в Ростовском областном музее краеведения. В годы войны часть музейных собраний перебрасывалась из одного здания в другое, перевозилась в Таганрог и возвращалась обратно, что сказалось на сохранности рельефа. Поэтому фото с рельефа, опубликованное нами в 1933 г., дает несколько более отчетливое представление о рельефе, нежели новейшие фотографии. Самое же главное то, что сейчас безвозвратно утрачен скол верхнего правого угла рельефа, вследствие чего только фотография 1933 г. дает нам изображение головы мужчины, возлежащего с ритоном в одной и чашей в другой руке. К сожалению, наиболее четкое фото 1933 г. было опубликовано в малом размере («Проблемы истории материальной культуры», 1933, 7—8, стр. 77).

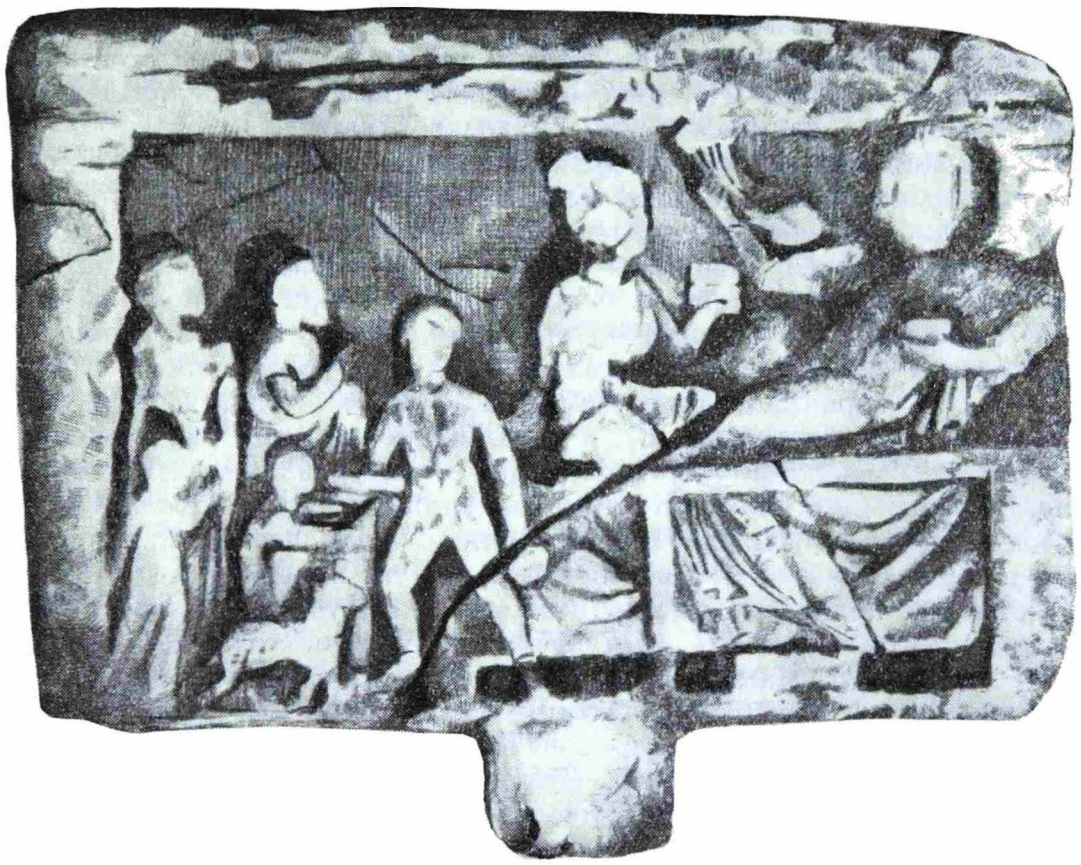


Рис. 1. Рельеф из Елизаветовского городища (рисунок по фотографии 1933 г.)

Рис. 2. Рельеф из Анапы

ния на одном и том же рельефе двух лошадиных голов кажется нам исключенной (кстати, голова возлежащего в елизаветовском рельефе захватывает всю часть плоскости правого верхнего угла и не оставляет места для второго изображения). Отпадает и высказанное И. Т. Кругликовой соображение о возможности присутствия на анапском рельефе пилястры лишь с левой стороны, что, руководствуясь аналогией с елизаветовским рельефом, следует признать крайне маловероятным.

Итак, констатируем: как в елизаветовском, так и в анапском рельефах в сценах погребальной трапезы наличествует группа из семи изображенных полностью фигур: возлежащего мужчины с ритоном в руке; сидящей возле его ног женщины с высокой прической и головой, повернутой лицом к возлежащему, и с приподнятой вверх левой рукой с ларцем (?); обнаженного юноши, опустившего правую руку в стоящий на возвышении в виде квадратной колонки (алтарь, жертвенник?) крупный сосуд [4]; двух задрапированных фигур адорантов, стоящих у левой пилястры (женщины и мужчины), и стоящих перед ними двух небольших фигур детей (девочки и мальчика). Перед фигурой мальчика дано изображение животного. И. Т. Кругликова видит в нем жертвенную овцу.

Возвращаясь к общим сопоставлениям сцен погребальной трапезы на анапском и елизаветовском рельефах, следует отметить, что оба рельефа датируются первой половиной IV в. до н. э. Публикуя елизаветовский рельеф, мы датировали его этим временем, а точнее (следуя любезной консультации М. И. Максимовой) «скорее всего второй четвертью первой половины» [5]. И. Т. Кругликова датирует анапский рельеф началом IV в. до н. э. Обе датировки, как видим, не противоречат друг другу, хотя и подлежат известному уточнению. Несомненно, что какая бы окончательная датировка не была принята исследователями, она будет одинаковой и для анапского и для елизаветовского рельефов, поскольку рельефы эти могут быть названы «близнецами».

В самом деле, идентичны не только изображения на рельефах. Идентичны их размеры, фактура, материал, из которого они сработаны: мелкозернистый сероватого тона мрамор [6].

Елизаветовское надгробие имеет высоту 35 *см*, ширину 52 *см*, толщину от 7 до 9 *см*, ширину выступа (ножки) 14 *см*, высоту выступа 7 *см*. Размеры анапского рельефа даны И. Т. Кругликовой. Края елизаветовского рельефа не совсем ровны: у обоих рельефов задняя сторона плиты не имеет тщательной обработки поверхности и весьма неровна. Этим следует объяснить незначительные расхождения между их размерами.

И в том, и другом случае рельефы снабжены в нижней срединной части выступом для закрепления в базе. Тем не менее, все совпадающие признаки обоих рельефов не означают, что при общем тождестве композиций сцен между ними нет никаких различий. Эти различия налицо.

---

[4] Известны сцены с изображением погребальной трапезы, содержащие в себе фигуры мальчика с кувшином и полотенцем. Здесь речь идет о мальчике, помогающем возлежащему совершить омовение рук — очистительный обряд перед актом религиозного характера, в частности «перед возлиянием или перед принятием этого возлияния» (Ср.: W. H. Chr. van Esveld. De balneis lavationibusque Graecorum Amersfortiae, 1908, 128—140 и др.).

[5] Б. В. Лунин. Мраморный рельеф..., стр. 77.

[6] В свежем изломе мрамор елизаветовского рельефа имеет белый зернистый вид. Мы уже воспроизводили данные микро- и химического анализа материала елизаветовского рельефа. Шлиф дал картину однородной мелкокристаллической массы, слегка трещиноватой, состоящей исключительно из кристаллов кальцита. Кристаллики обладают хорошо выраженной спайностью, и большинство из них имеет полисинтетическое двойниковое строение. Встречаются зерна, составленные весьма мелкими чешуйками того же кальцита (по-видимому, образовались в процессе переотложения мрамора). Величина зерен колеблется от 0,1 до 0.7—0,8 *мм*. Химический состав: SiO_2 — нет, $MgCO_3$ — 1,99%, $CaCO_3$ — 97,96%, Fe_2O_3 — следы, Al_2O_3 — нет. Было бы весьма целесообразно осуществить аналогичные анализы материала анапского рельефа. К сожалению, Анапский музей краеведения не откликнулся пока на обращения к нему по этому вопросу.

Начать с того, что в елизаветовском рельефе отсутствует изображение головы лошади, а на анапском оно имеется в левом верхнем углу. В елизаветовском рельефе изображения крайних левых адорантов (взрослая и детская фигуры) вплотную соприкасаются с пилястрой и лишь слегка затрагивают ее фон. В анапском рельефе аналогичные фигуры даны частично на фоне пилястры, занимая значительную часть ее плоскости.

Все эти и некоторые другие, менее значительные различия в деталях несущественны для общего вывода о тождестве обоих рельефов. Вместе с тем они важны для понимания характера работы изготовлявших рельефы мастеров. То обстоятельство, что в одном из рельефов отсутствуют некоторые детали, имеющиеся на другом (например, изображение головы коня), свидетельствует в пользу того, что в мастерской, изготовлявшей данную группу рельефов, не придерживались строго стандарта, а с нарочитостью разнообразили изображаемые сцены в деталях, считаясь, вероятно, со вкусами и запросами заказчика.

И. Т. Кругликова констатирует, что «в настоящее время, по-видимому, мнение о принадлежности рельефов типа анапского культа героев и героизированных предков можно считать общепринятым» [7]. Заметим в связи с этим, что М. И. Ростовцев, анализируя сцены с изображением погребальных трапез, отметил их органическую связь с ионийским искусством времени его расцвета, искусства, «любившего делать из сцены так называемой загробной трапезы настоящую реалистическую сцену из области семейной жизни» [8], что, видимо, и способствовало широкому распространению рельефов с такого рода изображениями, включая и варварскую периферию античного мира.

Оба рельефа настолько тождественны друг другу, что могут считаться произведениями одной школы, одного и того же времени и одного и того же места изготовления.

Если признать несомненным средиземноморское происхождение этих рельефов и, следовательно, их привозной характер, то остается открытым вопрос об обязательной принадлежности таких рельефов собственно греческому населению Горгиппии и особенно греческой части населения торжища на месте Елизаветовского городища. Глубокое осмысление всех атрибутов сюжетов погребального пира (в том плане, в каком оно складывалось и имело место в среде собственно греческого населения) могло отсутствовать у представителей верхушечной части местных племен. Но по своему характеру сюжеты эти могли быть весьма близкими к тем представлениям о культе героев и героизированных предков, какие бытовали в местной негреческой этнической среде. Вспомним о наличии в погребальном инвентаре тех же елизаветовских курганов в дельте Дона, обкладок горитов и ножен мечей со сценами из античной мифологии.

---

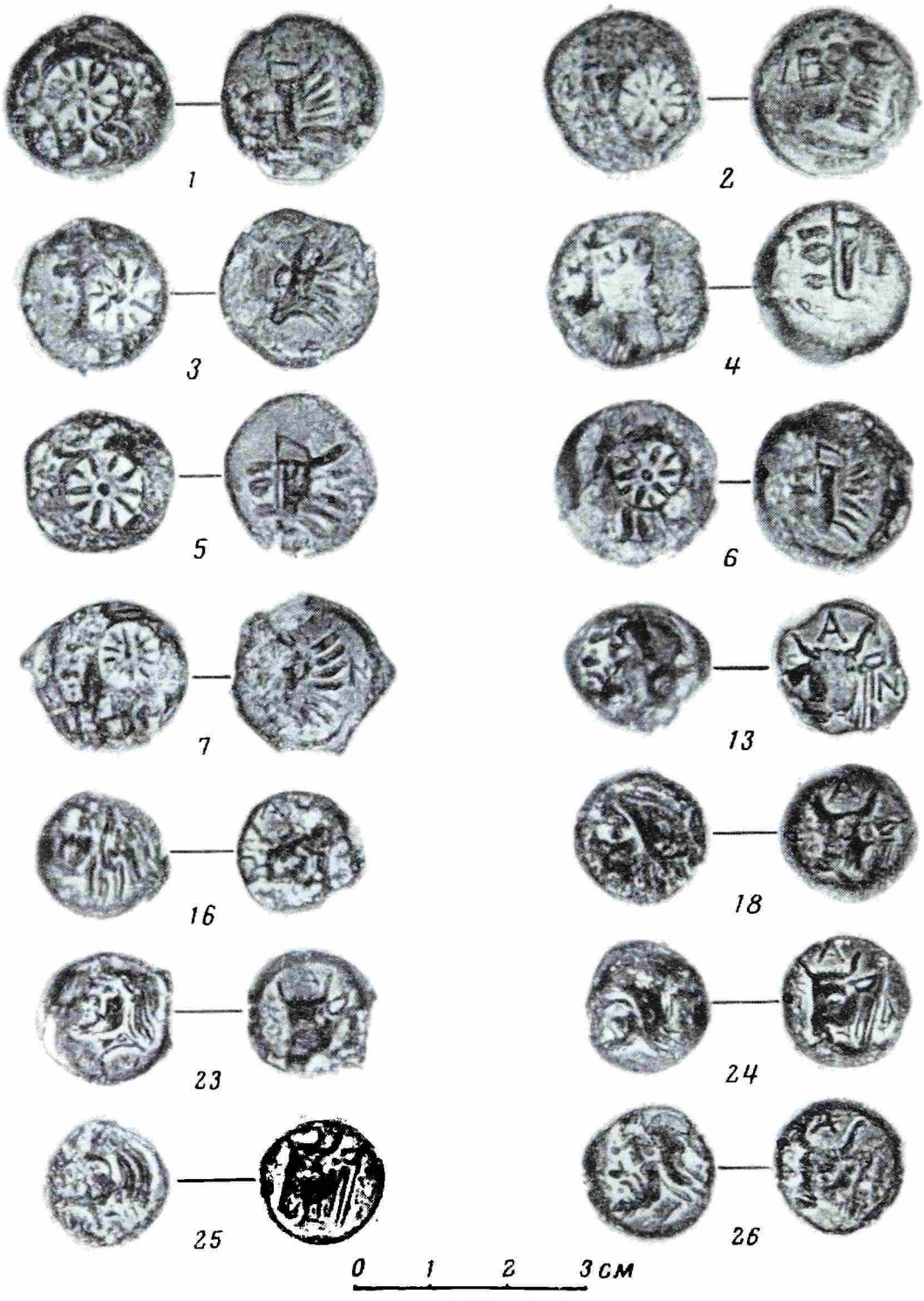
[7] И. Т. Кругликова. Ук. соч., стр. 288.

[8] М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. Текст, т. I. Описание и исследование памятников. СПб., 1914, стр. 187 (подстр. прим.); В. Метакса. Идеализация земной жизни на древнегреческих надгробных барельефах. Вестник археологии и истории, издаваемый Петербургским археологическим институтом, XIV, СПб., 1901, стр. 20—46.

В. М. БРАБИЧ

КЛАД МОНЕТ III в. до н. э. ИЗ МИРМЕКИЯ

В 1960 г. при раскопках Мирмекия был найден клад из 32 медных пантикапейских монет III в. до н. э. (рисунок). Монеты были обнаружены на раскопе «И» и находились в небольшом красноглиняном горшочке. Монеты клада были расчищены в Ленинградском отделении Института археологии, причем, к сожалению, четыре экземпляра разрушились. Осталь-



Монеты из клада, найденного в Мирмекие в 1960 г. (номера по списку монет)

ные 28 монет поступили для опубликования автору настоящей заметки [1]. Они представлены следующими типами:

1. Л. ст.— голова безбородого сатира в плющевом венке влево; надчеканка звезды. Об. ст. — голова льва влево, под ней осетр, в поле буквы П — А — N; надчеканка горита. 12 экземпляров (№ 1—12) [2].

2. Л. ст.— голова бородатого сатира влево. Об. ст.— голова быка в три четверти влево, в поле буквы П — А — N. 16 экземпляров (№ 13—28) [3].

[1] За любезное разрешение опубликовать клад приношу благодарность В. Ф. Гайдукевичу.

[2] Д. Б. Шелов. Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. М., 1956, табл. V, *62*.

[3] Д. Б. Шелов. Ук. соч., табл. V, *63*, *64*.

Имея в виду такой состав клада, можно с уверенностью говорить, что и разрушившиеся при чистке монеты относились к указанным типам.

В настоящее время достаточно твердо установлено, что многочисленные монеты с изображениями головы безбородого сатира и головы льва находились в обращении в конце IV в. до н. э., а в начале следующего столетия ввиду острого денежного кризиса на Боспоре их стали надчеканивать звездой и горитом. Некоторые из монет клада интересны по фактуре — скошенному гурту и следам отруба литников (что наиболее ярко прослеживается на экз. № 7). Подобные фактурные признаки, свидетельствующие о проявлении небрежности в отливке монетных кружков, подтверждают мнения, что предпосылки упомянутого кризиса следует искать в экономической и политической жизни боспорского общества еще в конце IV в. до н. э. [4].

Большой интерес представляет наличие в кладе сравнительно значительного количества монет с изображениями головы бородатого сатира на лицевой стороне и головы быка на оборотной стороне. Монеты такого типа, выпускавшиеся на рубеже IV—III вв. (и, возможно, несколько позже, судя по некоторым различиям в стиле чеканки), не встречаются в кладах, за исключением одного экземпляра в Анапском кладе 1954 г. [5].

Находка этих монет вместе с надчеканенными монетами, имеющими изображение головы безбородого сатира и головы льва, позволяет относить

Список монет Мирмекийского клада 1960 г. *

№ п/п	Вес, г	Диаметр, мм	Сохранность	№ п/п	Вес, г	Диаметр, мм	Сохранность
Первый тип				Второй тип			
1	5,10	19,5	Хор.	13	3,97	17,5	Хор.
2	5,98	19,5	Ср.	14	3,74	16,5	Ср.
3	6,36	19,5	Ср.	15	4,19	17,5	Ср.
4	5,16	19,5	Ср.	16	3,64	16,5	Ср.
5	5,90	20	Ср.	17	3,49	16,5	Ср.
6	6,26	20,5	Ср.	18	4,92	17	Ср.
7	7,45	20,5	Ср.	19	3,30	16	Ср.
8	5,21	19	Пл.	20	4,21	16,5	Пл.
9	5,26	19,5	Пл.	21	4,18	17	Пл.
10	6,67	18,5	Пл.	22	2,80	16	Пл.
11	4,57	18,5	Пл.	23	2,93	18	Ср.
12	3,47	17,5	Оч. пл.	24	4,53	17,5	Хор.
				25	3,69	16,5	Хор.
				26	4,13	17	Хор.
				27	3,74	17	Ср.
				28	4,44	17,5	Ср.

* При общей средней сохранности монет в кладе малый вес экз. № 11, 12, 22 и 23 обусловлен сильным окислением.

мирмекийский клад к самому началу III в. до н. э. и считать его наиболее ранним среди других кладов периода боспорского денежного кризиса, которые обнаружены в Северном Причерноморье и в примыкающих к нему областях [6], а также за далекими его пределами [7].

[4] Д. Б. Шелов. Ук. соч., стр. 124, 148 сл.; В. М. Брабич. Особенности кризиса денежного обращения на Боспоре в III в. до н. э. КСИИМК, 66, 1956, стр. 66; П. О. Карышковский. Из истории денежного обращения в Северном Причерноморье в III в. до н. э. ЗОАО, I, 1960, стр. 116 сл.

[5] Д. Б. Шелов. Анапский клад монет 1954 г. НЭ, I, М., 1960, стр. 209.

[6] Д. Б. Шелов. Ук. соч., стр. 214.

[7] E. Diehl. Bosporanische Münzen aus der Dschungarei. BfM, 10—11, Hall a. d. Saale, 1923, стр. 441—449; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 90.

И. Б. БЕНТОВИЧ

РЕКОНСТРУКЦИЯ УЗОРА СОГДИЙСКОЙ ТКАНИ VII—VIII вв.

Росписи на стенах, открываемые в Средней Азии, становятся новым надежным источником для изучения древней материальной культуры и искусства. В живописи древнего Согда предметы быта изображаются очень подробно, хотя и несколько схематично. Очень достоверно в степных росписях изображаются одежда и узорные ткани. В настоящем сообщении излагается попытка реконструкции узора ткани, хорошо известной в эпоху раннего средневековья в Иране, Византии, Китае и Средней Азии. Образцы ее сохранились в различных фрагментах и являются объектом специального изучения [1]. Изображению этой ткани на росписи посвящена заметка В. А. Шишкина [2].

В общих чертах узор ткани представляет смыкающиеся между собой большие круги из белых перлов (или сердечек) на черном фоне с изображением внутри животных, птиц, грифонов и целых сцен, чаще охотничьих. Между смыкающимися кругами, в образовавшемся ромбообразном промежутке помещен сложный растительный мотив — розетка. Иногда на месте смыкания кругов наложен кружок более мелких перлов.

В стенных росписях одежда, сшитая целиком из материи с кругами, известна главным образом по изображениям в Балалык-Тепе [3]. В Пенджикенте такая одежда встретилась только в одном случае [4]. Чаще всего изображения ткани с узором кругами имеются в виде каемок и оторочек одежды, каемок покрывал, завес, седел и чепраков. В таком виде узор выглядит особенно выигрышным. Для получения каймы ткань, очевидно, разрезалась на полосы по краю и середине круга так, что в полосу попадал ряд полукругов перлов с частью узора между кругами. На одежде (халате?) кайма проходила сплошь от ворота и по подолу. Из такой же полосы делались и высокие манжеты на рукавах.

В качестве отделки эта материя известна и по сохранившимся фрагментам. Из небольших кусочков этой шелковой материи делались украшения одежды, мелкие поделки и т. п. Так, в могильнике Мощевая Балка одежда из простой льняной материи украшалась небольшими кусочками ткани с кругами, причем без всякого стремления сохранить узор [5]. В Восточном Туркестане среди различных других фрагментов немало полос ткани с кругами, которыми обшиты футляры для рукописей, алтарные балдахины, знамена и т. п. [6].

В росписях древнего Пенджикента обращает на себя внимание кайма на одежде двух фигур в помещении 10 объекта XVI. На этой росписи изображено (более чем в натуральную величину) несколько, очевидно, пирующих человек, одетых в богатые одежды. На кайме полы и на манжете удалось отчетливо рассмотреть узор — половину больших кругов из перлов на черном фоне (диаметр 18 *см*) с наложенными на месте соприкосновения мелкими полукругами. Внутри полукруга художник изобразил половину

---

[1] SPA. IV, табл. 197, 199, 200, 201*c*, 202*b*, 202*c*; D. Shepherd, W. B. Henning. Zandaniji Identified? Sonderdruck «Aus der welt der Islamischen Kunst». Festschr. für Ernst Kühnel. А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович. Из истории среднеазиатского шелкоткачества. СА, 1961, 2, стр. 66.

[2] В. А. Шишкин. О художественном ремесле в Средней Азии V—VIII вв. по памятникам древней живописи (текстиль). КСИИМК, 1960, 80, стр. 22.

[3] Л. И. Альбаум. Балалык-Тепе. Ташкент, 1960, рис. 135, 148.

[4] Сб. «Скульптура и живопись древнего Пянджикента». М., 1959, табл. X.

[5] А. А. Иерусалимская. Ткань с Бахрамом Гуром из могильника Мощевая Балка. Тр. ГЭ, V, Л., 1961, стр. 41.

[6] A. Stein. Serindia, IV, Oxford, 1921, табл. CXI, *009, 001,* табл. CXII, *0026.*

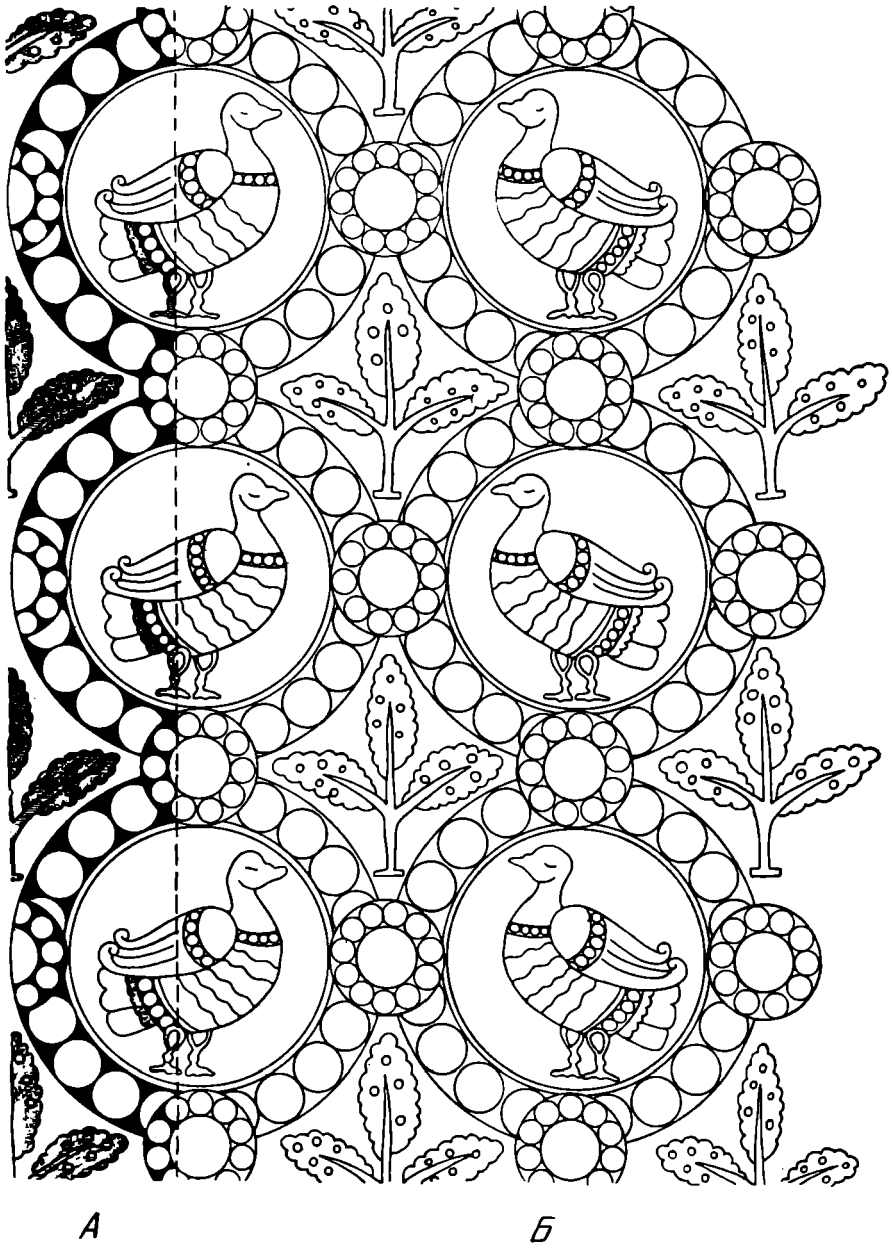


Рис. 1. Пенджикент. *А* — кайма на одежде; *Б* — реконструкция рисунка ткани

птицы (полоса ткани отрезана вертикально; рис. 1,*А*). Хорошо различаются конец крыла с загнутыми вверх перышками, хвост, обозначенный тремя крупными и несколькими мелкими фестонами, и часть правой ноги. На хвосте — ряд белых перлов на черном фоне. Весь рисунок сделан тонким черным контуром на белом фоне; мелкие перья хвоста обозначены малыми фестонами голубого цвета, нога — желтого цвета. В промежутках между кругами видны части растительного орнамента в виде крупных фестончатых листьев голубого цвета с желтой прожилкой и несколькими желтыми точками.

Изображение птиц на ткани внутри круга широко распространено. Имеющиеся аналогии дают полную возможность реконструировать узор ткани, часть которой изображена на кайме. Например, «сасанидский» шелк Ватиканского музея имеет в круге из крупных перлов изображение птицы на постаменте. Крылья ее на боках имеют округлую черную полосу с белыми перлами. Такая же полоса и на шее птицы [7]. Другое сходное изображение

[7] SPA, IV, табл. 202*с*.

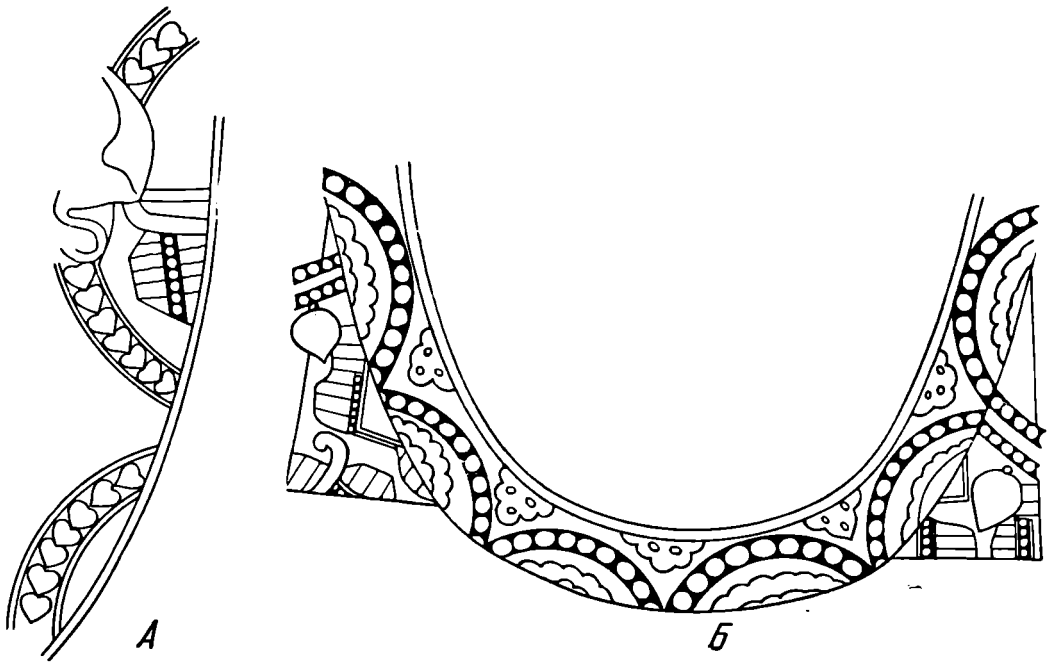


Рис. 2. Варахша. *А* — кайма на круглом чепраке; *Б* — кайма на прямоугольном чепраке

птицы имеется на известном фризе с утками в Кызыле [8]. Утки здесь показаны с такими же полосами перлов на черном фоне на хвосте и крыльях. Оперение изображено параллельными волнистыми линиями. В Варахше, в «восточном» зале, на росписи с золотым троном-верблюдом изображена ткань с кругами, внутри которых видны два распростертых крыла птицы с полосками перлов. И здесь мелкие перышки около полосы перлов показаны узкими фестонами [9]. В Пенджикенте четкое изображение целой птицы в полуовале перлов имеется на спущенной части покрывала в росписи помещения 6 объекта III [10].

Эти параллели дают возможность реконструировать узор ткани (рис. 1,*Б*). Так, передняя часть птицы восстанавливается по изображению уток из Кызыла и по упомянутой «сасанидской» ткани. Восстановить узор между кругами помогает изображение ткани на троне-верблюде в Варахше. Здесь помещен растительный узор — стилизованное «дерево» с тремя кронами, которые входят в три угла ромба, образовавшегося между четырьмя сомкнутыми кругами. В четвертый угол входит ствол «дерева». На кронах его, в середине, большая ветка и несколько крупных точек, изображающих, может быть, плоды. В этом же Восточном зале Варахши на кайме другой завесы с изображением барана между полукругами также имеется «дерево», но с изогнутым стволом [11].

В связи с реконструкцией рисунка ткани с птицами нас заинтересовал рисунок каймы чепраков на росписях Красного зала в Варахше. Эти узоры до сих пор были неясны. Но благодаря реконструкции каймы в Пенджикенте разъяснились и эти узоры на чепраках.

На круглом чепраке на слоне (рис. 2,*А*) в одном из полукругов каймы видна неопределенной формы фигура, разделенная параллельными, слегка волнистыми линиями [12]. Примыкают к этой фигуре загибающиеся линии. Параллельные линии пересечены полосой перлов на черном фоне. Именно эта полоса в сочетании с параллельными линиями на основании описанных

---

[8] С. Ф. Ольденбург. Русская Туркестанская экспедиция 1901—10 г. СПб., 1914, рис. 57.
[9] В. А. Шишкин. Варахша. М., 1963, табл. XV.
[10] Сб. «Живопись древнего Пенджикента». М., 1954, табл. XXIV.
[11] В. А. Шишкин. О художественном ремесле..., стр. 23.
[12] В. А. Шишкин. Варахша, табл. IX.

выше аналогий навела на мысль о том, что этот неопределенный, на первый взгляд, рисунок является изображением хвоста птицы, а загибающиеся линии — перьями крыла. Эта кайма совершенно аналогична реконструированной кайме на одежде в Пенджикенте.

На кайме прямоугольного чепрака [13], углы которого видны из-под круглого покрывала на слоне (рис. 2, *Б*), также изображено несколько отдельных подобных фигур, но не в полукругах. В левом углу показаны две части птиц. Параллельными полосами показаны перья хвоста, загнутое кверху перо крыла и ряд перлов на черном фоне. В правом углу на горизонтальной стороне чепрака изображены две фигуры: видны линии хвоста и полосы перлов на черном фоне. Полосы оперения — розового и белого цвета. На всех этих рисунках художником тщательно вырисовывается черная полоса с белыми перлами на хвосте. Это является характерным признаком изображения птицы на ткани и как бы подчеркивает смысл рисунка. Значение этого узора для нас заключается именно в том, что кайма на чепраке составлена из отдельных, никак не связанных между собой кусочков ткани с птицами. На кайме прямоугольного чепрака использован способ изображения, который мы имеем в Мощевой Балке: кусочками узорной шелковой ткани отделана гладкая ткань [14]. Художник показал только отдельные характерные черты узора и сделал это очень тщательно, стараясь передать достоверность изображения ткани.

Характерно, что, изображая полукруги и узор внутри них, художник допускает даже погрешности в пропорциях: круг вытягивается почти в полуовал, в половину круга вписывается большая часть рисунка, чем следовало бы в действительности, и т. п. Художник делает все для того, чтобы показать как можно больше деталей узора и сохранить вместе с тем видимость разрезанной ткани.

Таким образом, изображения на стенных росписях дополняют наши знания о рисунках на тканях и о различных способах использования тканей в быту.

[13] В. А. Шишкин. Варахша, табл. VII.
[14] А. А. Иерусалимская. Ук. соч.

К. МАЕВСКИЙ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В НОВЕ В 1963 г.

Археологическая экспедиция Варшавского университета в четвертом сезоне работ продолжала раскопочные исследования близ Свиштова в Болгарии на территории римского города Нове. Исследования велись на трех участках, находящихся в пределах оборонительных стен в западной части г. Нове, а именно на участках II, III и IV (рис. 1).

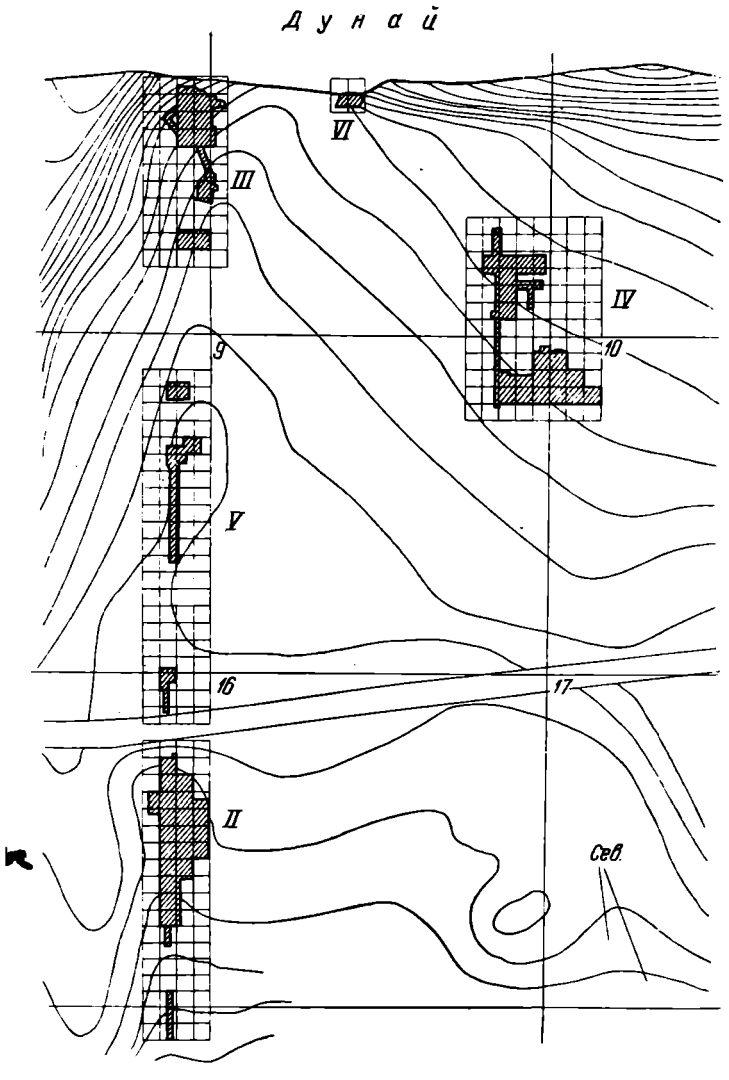


Рис. 1. Нове. План западной части античного города

На участке II с восточной стороны траншея доведена до 17,3 *м* в длину и 5 *м* в ширину (квадраты 160, 180, 200, 220).

В траншее обнаружилась часть каменной постройки, стена которой ориентирована с севера на юг (толщина 0,92 *м*, высота до 4,8 *м*). Она была построена из больших камней на известковом растворе. Две поперечные стены делят найденную часть постройки на три помещения. В южном помещении заложен шурф до глубины 1,5 *м*. Стратиграфия, остат[illegible] тиграфию в этой части постройки. Установлено, что фундамент восточной стены постройки был опущен в лёсс на глубину 0,4 *м*. Восточная стена сохранилась до вышины около 3,5 *м*. Статиграфия, остатки стен и находки позволяют предполагать, что описываемая постройка была разрушена через некоторое время после ее использования. Затем она была восстановлена и снова погибла, вероятно, вследствие пожара. Об этом свидетельствует слой гари. Над этим слоем находились следы нового жилища, а среди них — фрагменты глиняных амфор приблизительно V—VI вв. Внутри постройки найдено много обломков посуды и строительной керамики: четыре глиняных светильника, две монеты, роговая обкладка, обломки стеклянных сосудов и много других предметов. Особое внимание заслуживают находки в квадрате 220 на глубине 3,3—4,4 *м* большого количества фрагментов посуды, из которых можно будет восстановить по крайней мере восемь сосудов. Здесь найдены, кроме того, глиняный светильник, железное тесло, 277 мелких железных предметов и их обломков, 73 фрагмента стеклянных сосудов и оконного стекла и одна бронзовая монета. Исследование этого участка дало в настоящем раскопочном сезоне много материала для определения приблизительной хронологии поселения, по крайней мере в западной части г. Нове.

Рис. 2. Нове. Участок IV. Внутренняя часть помещений B, C, D северной стороны

На участке III продолжались работы в северо-западном углу городской оборонительной стены, над самым обрывистым берегом Дуная. Установлено, что стена выступала в этом месте под прямым углом. Внутри выступа была обнаружена глиняная вымостка. В южном направлении от упомянутой стены найдено дно топки печи диаметром около 4 *м*. К востоку от этой топки открыт участок канала, который, пролегая с юга, поворачивает на восток. Канал был построен из камней, кирпичей и черепицы. Толщина стен канала около 0,5 *м*, глубина доходит до 1 *м*, а ширина 0,6—0,7 *м*. Канал был покрыт сверху большими каменными плитами. В южном конце этого канала обнаружено устье меньшего канала. В иле, наполняющем канал, найден керамический материал, на основании которого можно с большой осторожностью датировать постройку канала III в., а быть может даже концом II в. Среди найденных здесь находок следует упомянуть прежде всего большое количество обломков посуды (в том числе разного рода амфор), фрагменты глиняных светильников, монеты, обломок верхнего жернового камня, фрагменты стеклянных изделий и строительной керамики, среди них фрагмент с клеймом Leg i Ital.

На участке IV найдено много ценного материала для дальнейшего исследования помещений (рис. 2) внутри большой постройки с купальными бассейнами и согревающими устройствами (hypocaustum и tubulatio). В большом западном помещении (A) размерами 10,5 × 5,3 *м* открыта кирпичная каменная скамья, расположенная вдоль северной, восточной и южной стен. Затем натолкнулись на два каменных базиса, лежащих in situ на оси предполагаемого зала. Один из базисов круглый (диаметром 0,42 *м*), профилированный, другой почти квадратный (0,6×0,7 *м*). Особенно четкая стратиграфия, видная на нескольких профилях, позволяет сделать предварительные выводы, касающиеся относительной хронологии помещения A. Можно отличить два периода пользования этим помещением. В более древнем периоде помещение A, так же как и расположенные на его оси помещения B и C, имело пол на одном уровне. Этот пол состоял из глиняных плит, а в северо-западном углу помещения A для этой цели использована часть разбитого мраморного круглого «подноса» (диаметр 1,2 *м*), декорированного бордюром в виде эсовидной спирали. «Поднос» раскололся на несколько десятков фрагментов. Свод помещения

А опирался на колонны, базы которых сохранились. В северной части помещения В открыт неглубокий бассейн с отверстием для спуска воды.

Древний период бытования помещения А, по всей вероятности, окончился пожаром: здесь найден слой обожженной глины, кирпичей, кусков обугленного дерева и даже часть обугленной балки свода. На слое гари сохранился слой глины с примесью соломы, а на нем — более десяти глиняных плит. По всей вероятности, это — остаток пола более позднего периода использования помещения. В слое между двумя полами толщиной около 1 *м* найдено много фрагментов глиняной посуды, светильник (рис. 3), обломки стекла и фрагменты железных гвоздей. В помещении С под полом найдена монета времени Юстиниана. Вероятно, более поздний период использования помещений А, В, С относился ко времени поздней Империи. В результате исследований участка на север от помещения С, в котором в 1961 г. открыта гипокауста, был найден фрагмент пола из глиняных плит, а еще далее на север (около 6 *м* от северной стены помещения А, В и С) на глубине 2,3 *м* обнаружена каменная круглая арматура резервуара диаметром 1,4 *м*. В 1963 г. он был очищен от заполняющей земли на глубину 3,4 *м*. Во время исследований, проводимых к востоку от помещения С, обнаружено помещение D, а в нем — прямоугольный бассейн, остатки кирпичной арки и следы устройства tubulatio.

Рис. 3. Нове. Глиняный светильник из IV участка (фрагмент)

Кроме раскопок на упомянутых выше участках, были проведены топографические исследования на территории г. Нове и в его окрестностях, а также разведки.

Г. Ф. НИКИТИНА

ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА МАСЛОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Могильник у с. Маслово Златопольского района Черкасской обл., давно ставший классическим памятником черняховской культуры, вошел в литературу как памятник, керамическому материалу которого присуща только станковая посуда.

Больше 30 лет материалы раскопок этого могильника оставались неизданными и известны были лишь по кратким сообщениям П. Смоличева [1], проводившего раскопки в 1926 г., и С. С. Гамченко, продолжавшего эти раскопки в 1928 и 1929 гг. [2]. По окончании раскопок весь вещевой материал был передан в Черкасский краеведческий музей, а документация —

---

[1] П. Смолічев. Археологічні досліди в околицях м. Златополя на Черкащині року 1926. КЗВУАК за 1926 г. Київ, 1927.

[2] С. С. Гамченко Новіші разкопи пам'яток доби римських впливів на території України. ХРАМ. Київ, 1930 р.

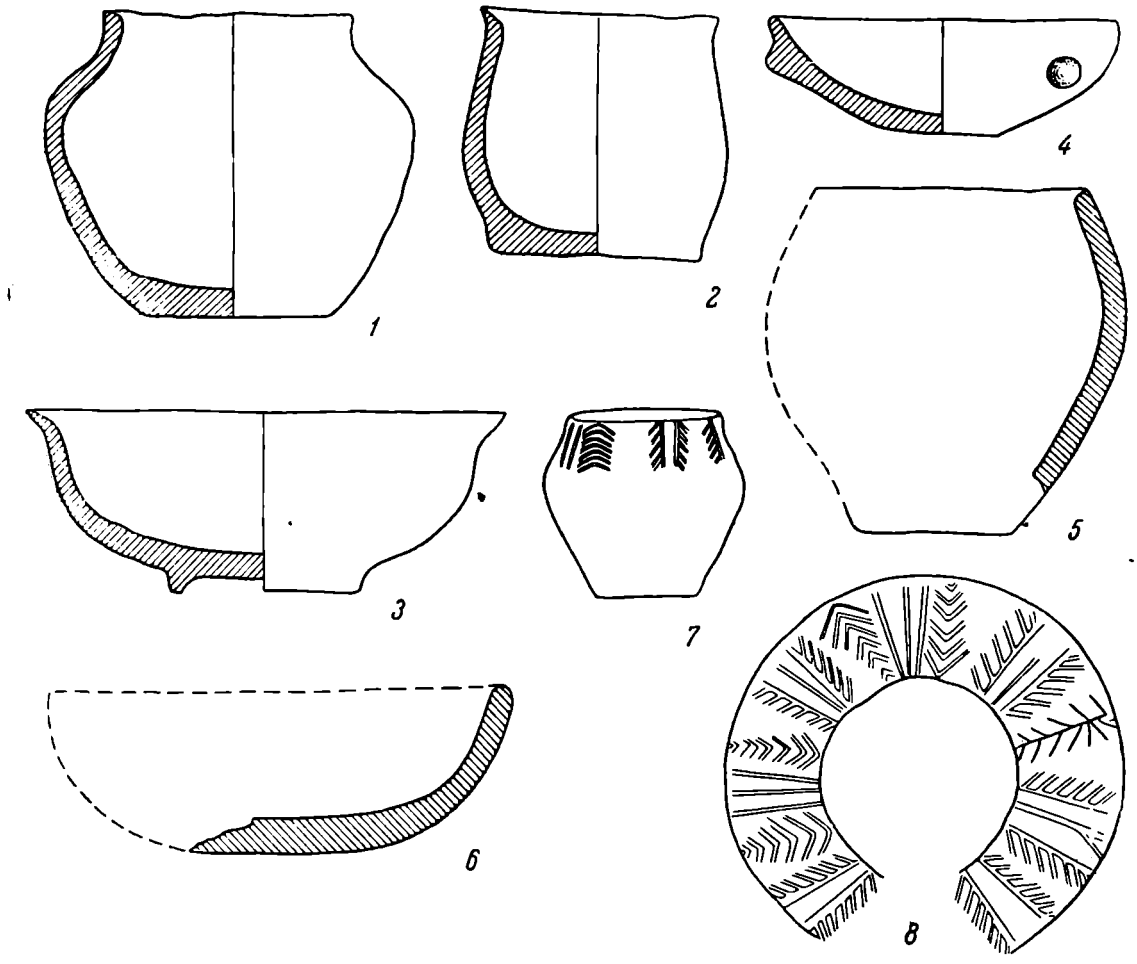


Рис. 1. Лепная посуда Масловского могильника

5—6 — по С. С. Гамченко; *8* — развертка рисунка с горшка *7*

дневники, чертежи, описи и отчеты — хранится в Киевском институте археологии [3].

При изучении коллекции Масловского могильника в Черкасском музее наше внимание привлекли пять лепных сосудов, числящихся по коллекционным описям музея происходящими из Масловского могильника. Эта находка была тем более удивительной, что утвердившееся в литературе мнение о том, что в керамическом комплексе могильника имеется только станковая керамика, основано на подлинных записях исследователей. Классификация керамики в описях, сделанных во время раскопок, делит весь материал на керамику местного производства, под которой описывалась грубая станковая посуда с примесями в тесте и шероховатой поверхностью, и посуду привозную или «италийского происхождения», под которой подразумевалась хорошо выделанная лощеная посуда. Использование гончарного круга при изготовлении сосудов отмечается при описании коллекции нерегулярно даже в тех случаях, когда заведомо известно, что описывалась станковая посуда. О находках лепной керамики ни в дневниках, ни в описях упоминаний нет вообще. Такое несоответствие между описаниями исследователей и материалом, хранящимся в Черкасском музее, вызвало необходимость подробно проанализировать заинтересовавший нас материал. В связи с этим важно установить, во-первых, действительно ли эти сосуды поступили из раскопок Масловского могильника и, во-вторых, имеют ли они вообще какое-либо отношение к черняховской куль-

[3] В настоящее время в печати находится монография о Масловском могильнике, подготовленная В. П. Петровым и М. Л. Макаревичем. Поскольку издание материалов могильника готовилось в основном по архивным данным, где о лепной керамике нет никаких упоминаний, последняя выпала из поля зрения авторов. Восполнить пробел — основная задача данной статьи.

туре. Интересующие нас сосуды числятся в музее под № 221, 256, 1058, 1072, 1095.

1. В коллекционной описи Черкасского музея числится миска из Масловского могильника (инв. № 221). Миска лепная, открытого типа, не имеющая четкого ребра изгиба, как миски гончарного производства. Тулово миски округло, дно на кольцевом поддоне, венчик резко отогнут. Высота миски 7,5 *см*, диаметр венчика 17,5 *см*, диаметр дна 6,5 *см*. Миска изготовлена из теста с примесью песка, дресвы и шамота. Поверхность бугристая, заглаженная, светло-желтого цвета. Черепок в изломе слоистый (рис. 1, *3*).

2. Горшок лепной, с прямо поставленным коротким венчиком (инв. № 256). Наибольший диаметр тулова выше середины высоты сосуда. Дно широкое, плоское. Высота горшка 11 *см*, диаметр венчика 9,7 *см*, диаметр дна 6,9 *см*. В тесте примесь песка, дресвы и шамота. Поверхность бугристая, в нижней части сосуда хорошо прослеживаются следы от заглаживания поверхности пучком травы. Обжиг неровный (рис. 1, *1*).

3. Лепной горшок с прямо поставленным венчиком и округлым, чуть утолщенным изнутри краем, крутыми плечиками, округлым изгибом брюшка и плоским дном (инв. № 1058). Высота сосуда 15,3 *см*, диаметр венчика 12,5 *см*, диаметр дна 6,5 *см*. Поверхность сосуда заглажена, но бугорковата. По плечикам широким рифлением исполнен орнамент в виде вертикальных полос и елочек с веточками, опущенными вниз и поднятыми вверх (рис. 1, *7*).

4. Лепной горшок, почти баночной формы, с резко отогнутым краем венчика, дно широкое, плоское, почти равное диаметру венчика (инв. № 1072). Высота сосуда 8,8 *см*, диаметр венчика 8,5 *см*, диаметр дна 7,4 *см*. В тесте примесь песка и мелкой дресвы. Поверхность заглажена, бугриста, бурого цвета. Обжиг неровный (рис. 1, *2*).

5. Лепная мисочка, имеющая форму в виде плошки, дно чуть уплощено, край венчика округлый, на тулове расположены симметрично три выступа (инв. № 1095). Высота 4 *см*, диаметр венчика 13 *см*, диаметр дна 5 *см*. Мисочка изготовлена из теста с примесью песка и дресвы. Поверхность лощеная снаружи и изнутри, темно-коричневого цвета (рис. 1, *4*).

Сопоставление материалов с реестрами находок, сохранившимися в делах С. С. Гамченко и П. Смоличева, очень затруднительно, так как в музее все вещи получили новые номера, а описание сосудов в реестрах настолько схематично, что не позволяет провести убедительного сопоставления. Однако в дневнике С. С. Гамченко за 1929 г. среди зарисованных сосудов под № 788 изображена мисочка-плошка с тремя выступами [4]. Как видно, нет никакого сомнения в том, что мисочка Черкасского музея под № 1095 и мисочка из дневника С. С. Гамченко 1929 г. под № 788 — один и тот же сосуд.

Надо заметить, что еще года два назад никто бы не отнес подобную форму к черняховскому времени, настолько не соответствует общий облик этого сосуда всему тому, что мы знаем о керамике памятников черняховской культуры. Но сейчас в связи с новыми раскопками на могильнике у с. Косаново Гайсинского района Винницкой обл. мы располагаем абсолютно аналогичной мисочкой, принадлежность которой к черняховской

[4] Архив ИА УССР, ф. 3, 0—1, № 72/1—3, дневник раскопок за 1929 г., л. 49. В рисунке она числится из сожжения 12. Описание сожжения 12 имеется на листе 45, где сказано следующее: «Разрушенная урна из 20 фрагментов розово-желтого цвета. Остатки трупосожжения не найдены, урна перевернута донцем вверх». Как видим, о мисочке с выступами ни слова. Однако рядом в скобках помечено: «трупосожжение 11, мисочка с 3 пиптиками». В описи находок под № 788 записана «фрагментированная мисочка (6 фрагментов) с 3 пиптиками на боках. Поверхность лощеная, блестящая, край округлый, донце ровное, тоже закруглено, неустойчиво». В реестре мисочка также значится из сожжения 11. В дневнике описания трупосожжения 11 упоминания миски нет. Все записи в дневниках и описи на украинском языке, здесь и в дальнейшем мы приводим русский перевод.

культуре никак не может быть подвергнута сомнению, поскольку она найдена в комплексе типично черняховского погребения [5].

Для остальных сосудов точных ссылок на полевые документы исследователей найти не удалось. Однако, проанализировав материал, мы считаем, что нет оснований сомневаться в правильности записей коллекционной книги Черкасского музея, потому что в музее хранится раскопочный материал только Масловского могильника. Перенумерация сосудов в музее не производилась.

Разберем этот материал подробно.

Миска № 221 имеет форму, хорошо известную на памятниках черняховского типа. Такие же округлобокие миски известны в могильниках у сел Каменка [6], Косаново [7], Компанийцы [8]. Эта форма в лепной керамике самобытная и не подражает формам гончарных мисок. Для последних характерна хорошо выраженная биконическая форма.

Горшок № 256 имеет также распространенную и типичную для черняховской лепной посуды форму. Подобные горшки нам известны в могильниках у сел Гавриловка [9] на Нижнем Днепре, Компанийцы [10] на Среднем Днепре, Малаешты [11] и Будешты [12] в Молдавии, Неслухов [13], Рипнив II [14], Сухостав [15] на Верхнем Днестре.

Аналогии горшку № 1072 можно указать среди сосудов из могильников черняховской культуры Молдавии, например в Малаештском могильнике [16].

Горшок № 1058 выпадает из общей группы лепной посуды, принадлежность которой к черняховской культуре доказывается без труда. Форма этого сосуда близка к обычным формам сосудов черняховской культуры как гончарного производства, так и сосудам, сделанным вручную. Однако орнаментация этого сосуда необычна. Как правило, лепная посуда почти не украшается. Неизвестно и украшение сосуда по плечикам сплошным орнаментом. В то же время орнамент в виде елочек весьма часто встречается почти на всех памятниках черняховской культуры, но выполняется он на гончарных сосудах техникой лощения. Примером может служить гончарный кувшин из Малаештского могильника [17]. На черняховских памятниках орнамент рифлением по плечикам сосуда неизвестен. В то же время такой прием орнаментации встречается в эпоху бронзы, например на сосудах из раскопок В. А. Городцова в Бахмутском уезде. В данном случае мы затрудняемся причислить с уверенностью этот сосуд к черняховскому времени, а отнесение его к сосудам эпохи бронзы также не имеет убедительных оснований.

Лепная керамика в Масловском могильнике не исчерпывается описанными сосудами. Изучая дневники С. С. Гамченко, мы приходим к выводу, что ряд форм, отмеченных в дневниках и не сохранившихся ныне, может принадлежать только лепным сосудам. Рисунок сосуда из трупосожже-

---

[5] Раскопки на могильнике в Косаново проводят В. П. Петров и Н. М. Кравченко. Материал хранится в фондах ИА УССР, погр. № 1.

[6] Э. А. Сымонович. Памятники черняховской культуры Степного Поднепровья. СА, XXIV, стр. 285, рис. 2, погр. 21, *1*.

[7] Погр. № 25. Фонды ИА УССР.

[8] Раскопки Е. В. Махно. Погр. № 117. Фонды ИА УССР.

[9] Э. А. Сымонович. Раскопки могильника у овчарни совхоза «Приднепровский» на Нижнем Днепре. МИА, 82, табл. III, *8*.

[10] Раскопки Е. В. Махно. Погр. № 9 и 50. Фонды ИА УССР.

[11] Г. Б. Федоров. Малаештский могильник. МИА, 82, рис. 27, *1*.

[12] Э. А. Рикман. Могильник у села Будешты в Молдавии. СА, 1958, 1, рис. 4, 5.

[13] Раскопки М. Ю. Смишко. В. Д. Баран. До питання при ліпну кераміку... МіДАПіВ, 3, рис. 3, *6*.

[14] В. Д. Баран. Ук. соч., рис. 3, 7, 10—11.

[15] Раскопки М. Ю. Смишко. Фонды Львовского ин-та общественных наук, отдел археологии.

[16] Г. Б. Федоров. Ук. соч., рис. 27, *2*.

[17] Г. Б. Федоров. Ук. соч., рис. 29, *9*.

ния 3 под № 474 привлекает внимание своеобразной формой [18]. В аннотации к рисунку сообщается, что мисочка местного происхождения, цвет серый. Само трупосожжение 3 описано следующим образом: «Остатки трупосожжения находились в урне, которая была разбита на 23 фрагмента, урна с остатками трупосожжения была накрыта мисочкою (тоже разбита на 6 обломков). Кроме остатков трупосожжения ничего не было» [19]. В реестре находок под № 474 значатся остатки сожжения. Мисочка в реестре числится под № 478 и описана следующим образом: «Мисочка в форме полумесяца, местного происхождения, донце округло-уплощенное, в тесте примесь кварца. Поверхность плохо заглажена в ямочках, край венчика округлый. Фрагментирован на 6 обломков. Цвет пепельно-серый. Поверхность шероховата» [20]. Как видно из описания, техника производства этого сосуда не указана автором раскопок. Однако подобная форма среди сосудов, сделанных на круге, не известна ни на одном из памятников черняховского типа, хотя на всей территории культуры уже известны многие сотни станковых сосудов. Мисочка лепной техники и близкой формы известна на том же Масловском могильнике и описана нами выше (№ 1095).

Несомненно, что горшок из сожжения 10 под № 763 также изготовлен лепным способом. Описание сосуда, данное под рисунком, следующее: «Цвет кирпично-серый. Поверхность перепалена от огня. Фрагментирован» [21]. В описании самого трупосожжения 10 никаких подробностей о сосудах не содержится. Зато в реестре под № 763 мы читаем очень интересную запись: «7 фрагментов урны баночной формы, местного происхождения, в примесях кварц. Край закруглен неровный, поверхность повреждена огнем, донце ровное, в середине не имеет спирали, цвет розово-серый». Так впервые в реестре мы получаем косвенное доказательство того, что описывается лепной сосуд. И действительно, подобная форма горшка широко известна в лепной керамике многих памятников черняховской культуры, и всегда она выполнена от руки. Станковая керамика подобной формы ни на одном памятнике не известна. Приведенные выше доказательства позволяют, как нам кажется, и эти два сосуда причислить к коллекции лепной керамики Масловского могильника.

Нет никакого сомнения в том, что и в Масловском могильнике была лепная керамика типичных черняховских форм. Это уточнение тем более важно, что еще совсем недавно, основываясь на материалах могильников из раскопок В. В. Хвойка у селений Черняхов и Ромашки, В. Козловской у с. Дедовщина, С. С. Гамченко у с. Маслово, а также на современных раскопках могильников у с. Лохвица и Переяславль-Хмельницкого, не давших лепной керамики, М. А. Тиханова в работе «О локальных вариантах черняховской культуры» пришла к выводу, что для Среднего Поднепровья одним из отличительных признаков является почти полное отсутствие лепной керамики [22].

Исследования последних лет ставят под сомнение правомерность этого вывода. Почти все памятники Среднего Поднепровья — а раскопками на этой территории исследовано свыше 20 памятников — дали лепную керамику. Нам неизвестна лепная керамика в Черняховском могильнике по

---

[18] Дневник С. С. Гамченко за 1929 г., л. 47. Архив ИА УССР, ф. 3, 0—1, № 72/1—3.

[19] Дневник С. С. Гамченко за 1929 г., л. 8.

[20] Несовпадение номеров в реестре и дневнике, вероятно, простая случайность: как видно из описания № 478, оно принадлежит тому же сосуду, рисунок которого в дневнике помечен № 474. В графе «откуда» мисочка № 478 значится из трупосожжения 3. Таким образом, в правильности отождествления номеров дневника и реестра сомнения быть не может.

[21] Дневник С. С. Гамченко 1929 г., л. 48.

[22] СА, 1957, 4, стр. 172. Автор пишет: «Специфична и керамика: на поселениях она почти исключительно гончарная, как столовая... так и кухонная; лепная отсутствует вовсе или процент ее крайне невелик». В отсутствии лепной керамики на Левобережье Днепра убежден и И. И. Ляпушкин. См. его работу «Памятники „полей погребений" Днепровского Левобережья». СА XIII, стр. 11.

раскопкам В. В. Хвойки, но работы Э. А. Сымоновича в 1960—1962 гг. на том же могильнике и поселении, расположенном рядом, дали хорошую серию лепной керамики. Раскопками на могильнике у с. Дедовщина было вскрыто 19 погребений, из которых только одно сопровождалось станковыми сосудами. Остальные погребения не имели вещей, и этот могильник не может быть показательным. Масловский могильник, как выяснилось теперь, дает лепную керамику, а могильники у с. Лохвица и Переяславль-Хмельницкого, как следует из отчетов, имели в культурном слое обломки лепной керамики. Иными словами, если лепная керамика и не была использована в погребальных обрядах, то при обрядах поминальных она явно употреблялась.

Кроме перечисленных выше памятников в Среднем Поднепровье дали лепную керамику могильники у селений Завадовка, Кантемировка, Компанийцы, Журавка и поселения у селений Жуковцы, Ерковцы, Максимовка, Радуцковка, Ново-Липовское, Николаевка, Лески, Ломоватое, Журавка, что свидетельствует о широком распространении лепной керамики в этом районе наряду с классическими формами станковых сосудов.

Н. И. СОКОЛЬСКИЙ

ПОГРЕБЕНИЕ V в. В КЕПАХ

При раскопках Кеп в 1962 г. на раскопе «В» было обнаружено погребение, при котором найдена фибула с выемчатой эмалью и зеркало. Мы даем краткую публикацию этого материала с целью ввести в научный оборот интересные предметы.

Погребение (рис. 1) было расположено примерно в центре верхнего плато городища Кепы. Скелет залегал на глубине от 0,74 (череп) до 1,08 *м* от современной поверхности почвы в верхнем горизонте позднеантичного слоя. Могильной ямы не прослежено, так как верхняя ее часть была спланирована при устройстве средневекового здания, северо-западный угол которого лежал непосредственно над погребением на высоте 0,2—0,3 *м* и значительно выше вымостки III в. Помимо того, засыпь могилы состояла из того же культурного слоя, в котором была выкопана могила; поэтому фрагменты керамики III—IV вв. обильно представлены в непосредственной близости от скелета и над ним.

Покойник был положен на земляной пол на спину в вытянутом положении, головой на юго-запад, руки согнуты в локтях, а кисти рук были соединены на нижней части живота. Кости относительно хорошей сохранности, однако череп, немного склоненный в южную сторону, оказался в таком состоянии, которое не позволило взять его для антропологического исследования. Длина скелета 1,6 *м*.

Немного выше левого плеча найдена широкая бронзовая фибула с гнездами для несохранившейся эмали (рис. 2, *1*); на костях правой части груди лежало бронзовое зеркало с прилипшим кусочком груботканой холщевой материи. Зеркало (рис. 2, *2*) диаметром 6 *см* имеет короткую ручку в виде отростка без дырочки. С одной стороны оно украшено рельефным орнаментом из концентрических кругов и полукружий по среднему широкому полю. С северной стороны скелета найден железный псалий (рис. 2, *3*). Неполнота могильного инвентаря, видимо, объясняется тем, что погребение было немного нарушено с северо-западной стороны перекопом позднего времени. В годы Великой Отечественной войны непосредственно над погребением оказался окоп, разрушивший и угол фундамента средневекового здания.

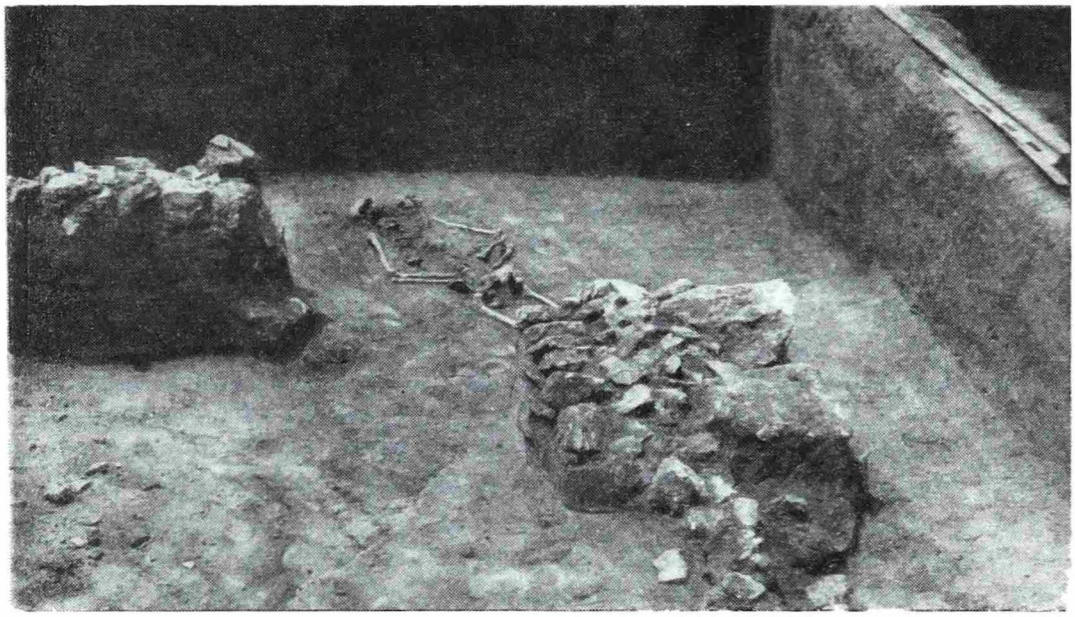


Рис. 1. Общий вид погребения

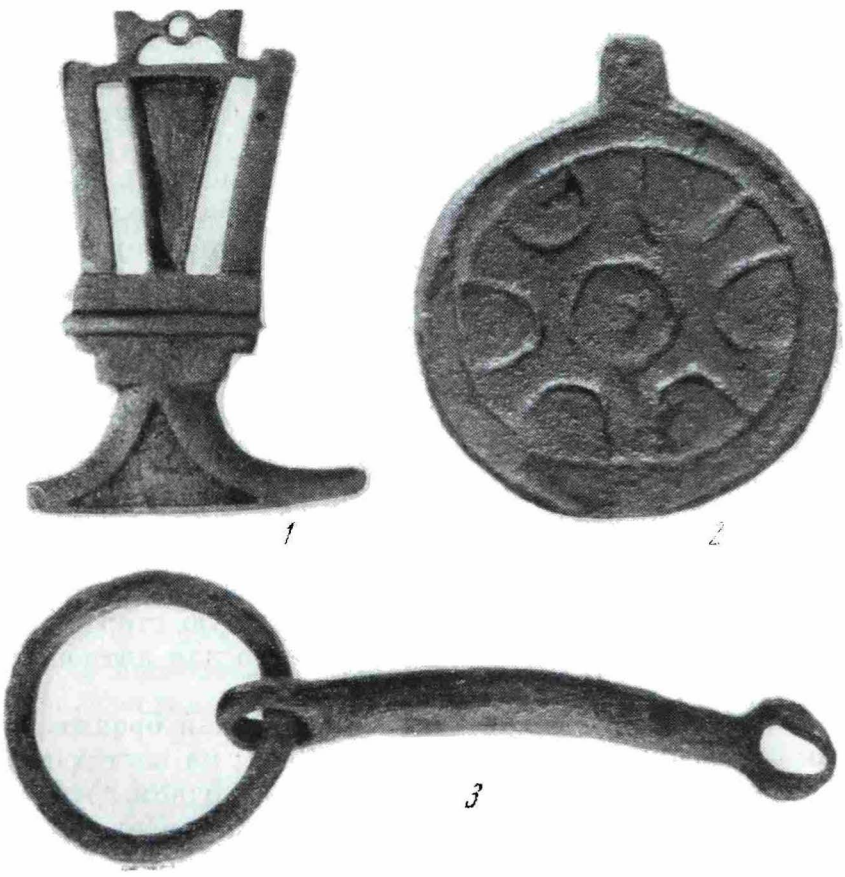


Рис. 2. *1* — фибула, *2* — зеркало, *3* — псалий

Судя по археологической ситуации и стратиграфии, погребение относится к периоду V—VI вв. Оно было совершено тогда, когда город Кепы уже не существовал. Как показали итоги археологических раскопок [1], Кепы погибли во второй половине IV в., видимо, в результате гуннского нашествия. Это погребение вряд ли могло быть совершено на свежих руинах античного города, т. е. в пределах IV в. Должен был пройти известный период времени, пока остатки города не превратились в поросший травою пустырь. Это могло случиться не ранее V в. С другой стороны, погребение было совершено значительно ранее постройки средневекового здания и до возрождения постоянного средневекового поселения на месте античного города. Это поселение, не совпадавшее с границами древних Кеп, заняло всю территорию верхнего плато. Его кладбище из плитовых прямоугольных могил компактно располагалось по берегу Таманского залива, в юго-западной части античного городища. Публикуемое погребение по своему характеру, местоположению и стратиграфии никак не связано с более поздним средневековым поселком, оно значительно ранее его. Время последнего определяется VIII—XI вв. Учитывая, что фибулы с выемчатою эмалью датируются IV—V вв.[2], следует считать, что Кепское погребение было совершено в V в. Небесполезно здесь отметить, что основная область распространения подобного рода фибул лежит далеко на северо-запад [3], в Среднем Приднепровье [4]. Встречаются они в Херсонесе [5]. На Северном Кавказе они редки, на Таманском полуострове это единственная находка. В этот район подобные фибулы, видимо, попадали различными случайными путями, а не как характерный элемент украшения танаисско-прикубанского населения IV—V вв. Последнее может служить в пользу того предположения, что данное погребение относится к позднейшей поре распространения подобных фибул.

Что касается бронзового зеркала, то оно имеет черты сходства с сарматскими зеркалами I—II вв. [6] и салтовскими [7], но имеет и отличия как от тех, так и от других. От первых оно отличается тем, что у нашего имеется боковой выступ, но уже атрофированный и без дырочки, а рельефный орнамент сближает зеркало с салтовскими. От салтовских оно отличается наличием бокового выступа и отсутствием центрального ушка. У салтовских зеркал нет также тождественного орнамента. Зеркало из Кепского погребения имеет все промежуточные черты между этими типами, что вполне соответствует принятой дате погребения и подтверждает ее.

С точки зрения истории Кеп, это погребение важно потому, что подтверждает высказанное ранее предположение о том, что после гуннского погрома на месте античного города Кепы в течение V—VII вв. не было сколько-нибудь значительного постоянного поселения, что гибель города в IV в. была полной.

---

[1] Н. И. Сокольский. Кепы. В сб.: «Античный город». М., 1963, стр. 114.

[2] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 52—57.

[3] A. M. Tallgren. Enamelled Ornaments in the Valley of the Desna. ESA, XI, Helsinki, 1937, стр. 147 сл., рис. 10.

[4] Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 53, рис. 3.

[5] ОАК за 1891 г., стр. 139, рис. 153.

[6] А. М. Хазанов. Генезис сарматских бронзовых зеркал. СА, 1963, 4, стр. 65—66, рис. 4.

[7] А. М. Покровский. Верхнесалтовский могильник. Тр. XII АС, 1, стр. 474, табл. XXII, *85—89*; подобные зеркала найдены, например, С. А. Плетневой в Дмитровском могильнике.

И. С. ВИНОКУР, Г. Н. ХОТЮН

ЯЗЫЧЕСКИЕ ИЗВАЯНИЯ ИЗ с. СТАВЧАНЫ В ПОДНЕСТРОВЬЕ

Осенью 1963 г. в с. Ставчаны Дунаевецкого района Хмельницкой обл. при земляных работах было найдено каменное изваяние. Об этом сообщили в Каменец-Подольский государственный исторический музей-заповедник. Вместе с директором музея Г. Н. Хотюном мы немедленно выехали

Рис. 1.

1, 2 — лицевая и тыльная стороны идола из Ставчан; *3* — лицевая сторона конического изваяния с солярным знаком

на место находки. Как выяснилось, изваяние было обнаружено на приусадебном участке колхозника С. И. Громяка на берегу безымянного ручья, впадающего в р. Калюс (приток Днестра).

На глубине 0,5—0,6 *м* С. И. Громяк наткнулся на каменное изваяние, лежавшее плашмя, лицевым изображением вниз. Это одноликий идол, представляющий фигуру бородатого мужчины в головном уборе конической формы, державшего в руках рог. Волосы как бы подстрижены и находятся на уровне затылка. С тыльной стороны хорошо расчленены плечи и спина. Тут же выбито силуэтное изображение коня (рис. 1, *1—2*). Изваяние изготовлено из днестровского известняка. Оно имеет высоту 1,9 *м*, ширина его основы 0,52 *м*, толщина 0,28 *м*.

Установив при помощи очевидцев находки первоначальное положение идола, мы произвели расчистку вокруг изваяния. Рядом с идолом, на расстоянии 0,15 *м* было найдено второе каменное изваяние — подтесанный столб конической формы, также высеченный из днестровского известняка. Высота его 1,2 *м*, ширина основания 0,7 *м*. На лицевой стороне в верхней части выбит круг диаметром 0,24 *м*. Это, по нашему мнению, солярный знак. Острым концом конусовидное изваяние лежало по направлению к голове антропоморфного идола, как бы составляя с ним единую прямую линию (рис. 2, *3*). Конусовидное изваяние, так же как и идол, лежало вниз лицевой частью с солярным знаком (рис. 1, *3*).

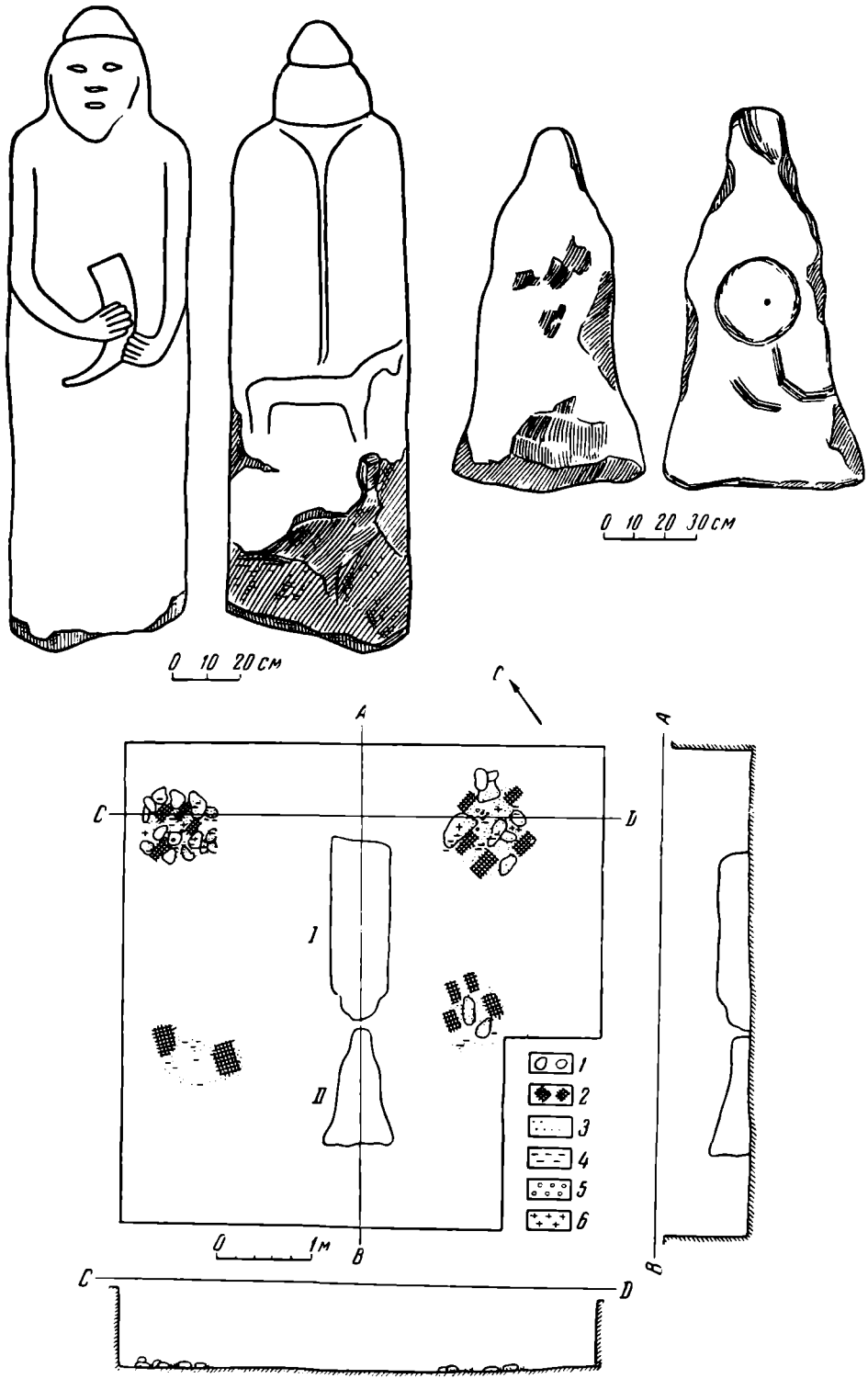


Рис. 2.

1 — прорись лицевой и тыльной сторон антропоморфного идола из Ставчан; *2* — прорись лицевой и тыльной сторон конического изваяния из Ставчан; *3* — план ситуации находки каменных изваяний в с. Ставчаны. *I* — каменное изваяние идола; *II* — коническое изваяние с солярным знаком. *1* — камни; *2* — обожженная земля; *3* — зола; *4* — угольки; *5* — кости животных; *6* — обломки сосудов

Вокруг идола и каменного конусовидного изваяния на глубине 0,6—0,7 *м* были обнаружены остатки древних кострищ, в расположении которых улавливается определенная система. От кострищ остались скопления обожженных камней, золы и древесного угля. Тут же попадались кости животных и черепки от сосудов черняховской культуры (рис. 3). Два кострища сохранились лучше, их диаметр от 1 до 1,2 *м*. Два других — худшей сохранности. На всей площади вокруг изваяний прослежены следы

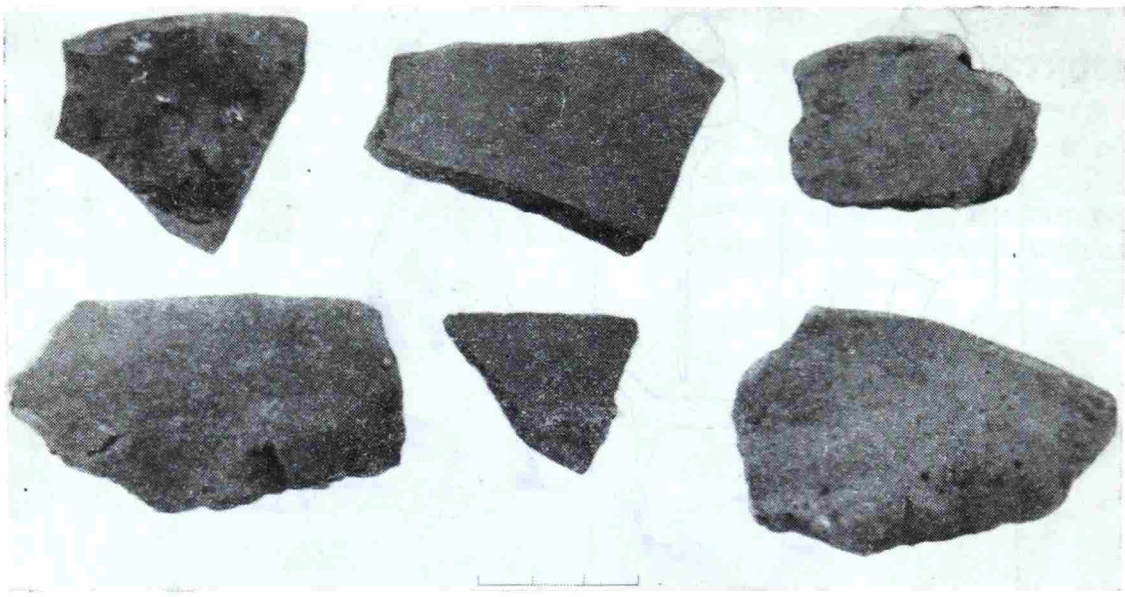


Рис. 3. Фрагменты черняховской посуды из кострищ

обожженной земли и прослойки пепла (рис. 2, *3*). Осмотр урочища и сборы подъемного материала показали, что каменные изваяния располагались на месте поселения черняховской культуры и были, судя по черепкам черняховской посуды, найденным в кострищах, непосредственно связаны с указанным селищем. Нам представляется, что находка в описанной ситуации антропоморфного идола и конусовидного изваяния с солярным знаком должна быть отнесена к остаткам жертвенника черняховской культуры.

Предварительная реконструкция [1], которая может быть предложена по обстоятельствам находки, показывает, что антропоморфное изваяние должно было стоять лицом в сторону солярного знака на конусовидном камне. Кругом пылали костры. Сюда, очевидно, приносили жертвы — мясо убитых животных и птицы. Солярный знак на конусовидном изваянии указывает, кому поклонялись и приносили жертвы жители поселения. Антропоморфное изваяние могло в связи с этим олицетворять солнечное божество.

Ставчанской находке в Поднестровье есть аналогии. В 1952 г. в с. Иванковцы Хмельницкой обл. В. И. Довженок и М. Ю. Брайчевский исследовали остатки языческого капища [2]. Тут были выявлены три идола: один четырехликий и два одноликих. Эти изваяния и все капище в целом связываются их исследователями с культурным слоем черняховского поселения [3]. Один из одноликих идолов Иванковцев, так же как и ставчанский, изображает фигуру бородатого мужчины. Манера изображения здесь такая же, как и у ставчанского идола. Правда, изображение на ставчанском изваянии значительно лучшей сохранности, чем у иванковецкого. Ставчанский идол лежал под слоем земли лицом вниз, что и способствовало его хорошей сохранности.

Из с. Калюс, в том же днестровском районе, происходит каменное изваяние — идол, аналогичный ставчанскому. Идол из Калюса (хранящийся

---

[1] Составленная по материалам расчистки она вполне реальна, хотя и нуждается в дополнительных данных, которые, полагаем, будут получены при продолжении исследований в Ставчанах в 1964 г.

[2] В. И. Довженок. Древнеславянские языческие идолы из с. Иванковцы в Поднестровье. КСИИМК, XLVIII 1952; М. Ю. Брайчевский. Древнеславянское святилище в с. Иванковцы на Днестре. КСИИМК, 52, 1953.

[3] Нариси стародавньої історії Української РСР. Київ, 1957, стр. 346—347.

в Каменец-Подольском государственном историческом музее-заповеднике) также представляет собой бородатого мужчину с рогом в руках. Изображение и манера рисунка те же, что и у ставчанского идола.

Мы знаем на территории Поднестровья и другие местонахождения, связанные с находками каменных изваяний, очевидно, аналогичных ставчанскому идолу. В своей работе Е. Сецинский указывает еще ряд пунктов, где были обнаружены так называемые «каменные бабы» [4]. Это — Иванковцы Олешинские, Березна, Березова, Хоньковцы, Козлов, Пыжовка, Хребтиев, Кузьминчик, Ольховец, Гусятин [5].

Таким образом, ставчанский идол имеет определенное окружение в виде серии каменных изваяний Среднего Поднестровья. Судя по ситуации находок в Ставчанах, а также в Иванковцах, каменные антропоморфные изваяния Поднестровья следует, очевидно, связывать с памятниками черняховской культуры [6].

Идол из Ставчан, как и другие названные выше аналогичные ему изваяния, по технике обработки камня и по семантике изображаемого дает основание связывать его с языческими культами населения Поднестровья первой половины I тысячелетия. От южных степных каменных идолов днестровские отличаются своеобразной и самобытной манерой изображения с довольно устойчивым семантическим признаком — все они представляют мужские фигуры, которые в большинстве случаев имеют в руках рог. Кроме того, степные каменные бабы являются, как правило, надмогильными памятниками. Ставчанский же идол, как и другие антропоморфные каменные изваяния Среднего Поднестровья, это языческое божество, связанное с капищем-жертвенником.

Некоторые параллели ставчанскому и другим днестровским языческим изваяниям мы находим на северо-западной территории славянского мира. Имеются в виду, например, антропоморфные языческие идолы, обнаруженные в Регнице, у Бамберга [7]. Указанные памятники подобны, но не тождественны нашему.

Каменное изваяние из Ставчан, как и другие языческие идолы Поднестровья, имеют, таким образом, свои особенности и выделяются в особую группу. Вопрос об этнической принадлежности ставчанских и других днестровских языческих изваяний довольно сложный. Материалы черняховской культуры из Ставчан и Иванковцев указывают на первую половину I тысячелетия как на период бытования днестровских каменных изваяний. Это было бурное время «великого переселения народов», когда в движение пришли многие европейские племена. Под покровом черняховской культуры III—IV вв. скрывались, очевидно, различные по своему этническому происхождению племена [8]. В свете сказанного трудно пока дать окончательный ответ на вопрос о том, кому, какому народу принадлежали языческие идолы из Ставчан и всего Среднего Поднестровья в целом.

Поклонение солнцу, прослеживаемое по остаткам ставчанского жертвенника, могло быть характерно для многих языческих племен, в том числе и для славян. В языческом пантеоне племен тогдашней Европы

---

[4] Е. Сецинский. Археологическая карта Подольской губернии. Тр. XI АС. М., 1901, стр. 197—355.

[5] По отношению к Гусятину имеется в виду находка 1875 г. Е. Сецинский. Ук. соч., стр. 305.

[6] В 1963 г. при раскопках Раковецкого могильника черняховской культуры на территории Тернопольской обл. И. С. Винокур и М. П. Островский обнаружили в захоронении № 15 с типичным и богатым набором черняховских вещей каменное изваяние — идол. Находка этого предмета в черняховском погребении окончательно связывает каменные изваяния с черняховской культурой.

[7] Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956, стр. 291, рис. 55.

[8] А. П. Смирнов. К вопросу об истоках Приазовской Руси. СА, 1958, 2, стр. 270; М. А. Тиханова. О локальных вариантах черняховской культуры. СА, 1957, 4; І. С. Винокур. Старожитності Східної Волині першої половини І тисячоліття н. е. Праці комплексної експедиції Чернівецького держуніверситету, VIII, Чернівці, 1960.

олицетворением солнечного божества являлись Хорс[9], Сварог, Дажьбог[10] и др. Очевидно, с каким-то из указанных языческих божеств и был связан ставчанский жертвенник первой половины I тысячелетия.

Ставчанский антропоморфный языческий идол, как и другие изваяния Поднестровья, по форме, технике и манере изображения может быть рассмотрен как прототип известного збручского идола, который датируется IX—XI вв.[11] Кроме общности техники и манеры изображения, ставчанский идол имеет атрибуты, подобные и близкие збручскому изваянию. Мы имеем в виду изображения рога и коня. Кубок или рог для питья являлись необходимой принадлежностью большинства славянских языческих идолов[12]. С кубком или рогом были связаны церемонии гадания о плодородии будущего года[13]. Изображение же коня символизировало, очевидно, одну из линий священного могущества божества. Недаром священный конь служил оракулом для жрецов храма Триглава в Штеттине и Святовита в Арконе[14].

Учитывая указанную выше сложность выяснения этнической принадлежности днестровских изваяний и видя, вместе с тем, в ставчанской и других каменных языческих скульптурах первой половины I тысячелетия прототипы известному збручскому идолу, мы склонны все же связывать днестровские антропоморфные изваяния с языческими культами древних восточных славян. Дальнейшие исследования помогут уточнить и дополнить высказанные предварительные замечания.

---

[9] Имя Хорс, как считает Л. Нидерле, не славянское и образовалось скорее всего из ираноязычного корня. Л. Нидерле. Ук. соч., стр. 280.

[10] Эти божества засвидетельствованы и у восточных, и у западных славян. Л. Нидерле. Ук. соч., стр. 278.

[11] Ф. Д. Гуревич. Збручский идол. МИА, 6, 1941, стр. 287.

[12] Л. Нидерле. Ук. соч., стр. 288.

[13] Ф. Д. Гуревич. Ук. соч., стр. 285.

[14] Ф. Д. Гуревич. Ук. соч., стр. 285.

Н. В. ЭНГОВАТОВ

РУНИЧЕСКАЯ ЭПИГРАФИКА С ТЕРРИТОРИИ СССР И НОРМАНИЗМ

Обосновывая норманизм, зарубежные исследователи обращаются к рунам. Отвечают ли используемые при этом аргументы данным руноведения вообще и эпиграфике с территории СССР? К сожалению, материалы неонорманистов либо сомнительны, либо расходятся с их выводами, хотя рунные надписи, будучи бесспорно скандинавскими, важны для оценки проблемы возникновения древнерусского государства.

На территории СССР руническая эпиграфика состоит из четырех находок[1]. Остановимся на них[2], не касаясь скандинаво-рунических подделок (рис. 1, *б*)[3], мнимых скандинавских памятников[4], славяно-руниче-

---

[1] Н. В. Энговатов. Находки рунических надписей на территории СССР. «Скандинавский сборник». VI. Таллин, 1963, стр. 229—257.

[2] Рунические календари из Эстонии суть позднесредневековые памятники малочисленных переселенцев-шведов. Тогда же тайнописные руны применяли и скандинавы, очутившиеся на нынешней территории СССР, как например, Якоб Делагарди в 1628 г. См. Т-й, Руны..., Маяк, 1841, XIV, стр. 82.

[3] Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft, VIII, тетр. 3, 1876, стр. 85—92.

[4] А. М. Дондуков-Корсаков. Древний памятник «Волчьего Хвоста» в стране радимичей. «Полоцко-Витебская старина», 3, Витебск, 1916.

Рис. 1. Рунические и псевдорунические надписи:

1 — две надписи из Старой Ладоги; *2* — кость с футарком из Новгорода; *3* — надгробье с о. Березани; *4* — фальшивая монета со славянскими рунами; *5* — тюркская надпись из Сибири, трактовавшаяся в качестве руи; *6* — поддельная руническая надпись из Эстонии; *7* — псевдорурическая надпись на керамике из с. Алеканова; *8* — готское копье из-под Ковеля (старшие руны)

ских подлогов (рис. 1, *4*) [5], «русских» рун XIX в. [6] и подобных материалов, некогда использовавшихся норманистами. Впрочем, к обоснованию норманизма привлекались также явные квазирунические материалы: сарматская эпиграфика [7], тюркские надписи Сибири (рис. 1, *5*) [8], пермское письмо [9], загадочные знаки на сосуде из с. Алеканова на Рязанщине (рис. 1, *7*) [10], изображения на камнях из Тверской губ. [11] и т. п.

Готские руны на территории СССР представлены единственной надписью. Это железный наконечник копья середины III в. с инкрустированной серебром надписью из-под Ковеля (рис. 1, *8*) [12]. Надпись из старших рун обратного начертания Tilarids является, вероятно, именем са-

---

[5] «А» Замечательная монета. «Всемирная иллюстрация», 3, 65, СПб., 1870, стр. 242.

[6] Г... Известие о славном собрании рукописей г. Дубровского «Северный Вестник», 1805, V, стр. 218, Г. Р. Державин. О лирической поэзии. Чтение в Беседе любителей русского слова, VI, СПб., 1812, стр. 4—7, М. Н. Сперанский. Русские подделки в начале XIX в. «Проблемы источниковедения», V, М., 1959, стр. 77.

[7] П. Бурачков. О памятниках с руническими надписями, находящихся на юге России. ЗООИД, IX, 1875, стр. 195.

[8] Н. М. Попов. О рунических письменах в Минусинском крае. ИВСОРГО, V, 2, Иркутск, 1874, стр. 53—55.

[9] Н. Суворов. О древностях зырянских. «Прибавления к Вологодским Епархиальным Ведомостям», 1867, 16, стр. 536—541.

[10] В. Лецеевский. Рунические надписи на алеканов ских урнах. «Древности», XIX, 2, М., 1901; В. А. Городцов. Заметка о глиняном сосуде с загадочными знаками. АИЗ, V, 12, 1897, стр. 388—389.

[11] О древностях в Тверской Карелии. Извлечение из писем Ф. Н. Глинки к П. И. Кеппену. СПб., 1836. Интересно, что Е. Классен приводит чтение «надписи» одного из этих камней: «Здесь Ингварь поднят на щиты». Е. Классен. Новые материалы для древнейшей истории славян, 2, М., 1854, стр. 13.

[12] А. Шумовский. Острие с руническою надписью, найденное в деревне Сушично. «Вестник археологии и истории», VII, СПб., 1888.

мого копья. Старшая Эдда знает копья с такими именами и рунами [13]. В исландских сагах оружие и украшения (мечи, кольца и т. п.) носят собственные имена, что отмечено и у других народов мира [14]. На наконечнике помещены магические солярный и лунарный знаки и сарматские тамги. В начертаниях рун t, d усматривали влияние латинского письма: наконечник мог происходить откуда-то из соседних с Римом областей. Со Скандинавией памятник непосредственно не связан.

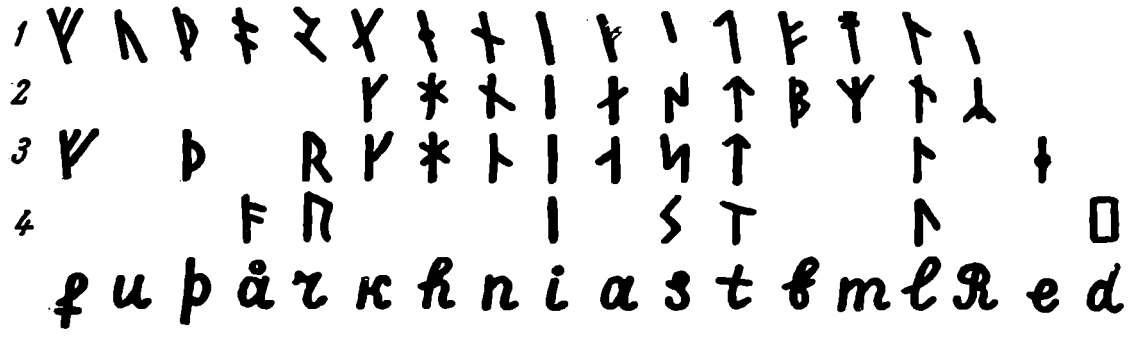


Рис. 2. Начертания рун на памятниках с территории СССР:

1 — стержень VIII—IX вв. из Старой Ладоги; *2* — новгородский футарк XI в.; *3* — надгробье с о. Березани XII в.; *4* — копье из-под Ковеля III в.

Каменное надгробье конца XII в. с о. Березань (рис. 1, *3*) [15] начертано младшими рунами и оставлено отрядом варягов, возвращавшихся, вероятно, с византийской службы на родину. Это шведское надгробье близко к аналогичным скандинавским: Krani: kerdhi: half: dhisi: iftir: kal: fi: laka: sin. (Грани воздвиг холм этот в память Карла, товарища своего).

Деревянный стержень с младшими рунами конца VIII—IX в. из Старой Ладоги (рис. 1, *1*) [16] относится к интересному виду руническихпамятников, известному по раскопкам последних лет в Бергене (Норвегия). Большая надпись памятника состоит из 51 руны и содержит стихотворный текст, не имеющий пока надежного толкования: uf ir uf uaRidhR hali ualiR rüs frąn mąna frąt fibul si nibluka. Малая надпись стержня содержит, по-видимому, испорченную старшеруническую магическую формулу alu [17].

Свиная кость середины XI в. с датским футарком (рис. 1, *2*) найдена в Новгороде [18]. Неясное назначение предмета, отсутствие следов его обработки и употребление футарка в рунической магии говорят о магическом характере памятника, что подчеркивает и выбор материала (свиная кость). Не касаясь поздних обрядов, укажем, что свинья — священное животное бога плодородия Фрея. Памятник сохранил лишь часть футарка: khniastbmlR.

Таковы рунические памятники с территории СССР. Из них три младшерунические оставлены скандинавами. Эти памятники сделаны из местного материала (ветвь ели, свиная кость, камень) и выполнены, вероятно, близ мест находок, а не завезены туда. Графические особенности рун этих надписей отражены на нашей табличке (рис. 2). Надписи начерта-

---

[13] Старшая Эдда. М.—Л., 1960, стр. III. Сказания о короле Артуре также знают имена копий: М. Стасюлевич. История средних веков. I, СПб., 1885, стр. 413.

[14] Э. Тэйлор. Первобытная культура. М., 1939, стр. 217.

[15] Ф. А. Браун. Шведская руническая надпись, найденная на о. Березани. ПАК, 23, СПб., 1907.

[16] В. И. Равдоникас, К. Д. Лаушкин. Об открытии в Старой Ладоге рунической надписи на дереве в 1950 г. «Скандинавский сборник», IV, Таллин, 1959, стр. 23—44; В. Г. Адмони, Т. И. Сильман. Предварительное сообщение о рунической надписи из Старой Ладоги. СГЭ, XI, 1957.

[17] Н. В. Энговатов. Ук. соч., стр. 240—251.

[18] Э. А. Макаев. Руническая надпись из Новгорода. СА, 1962, 3, стр. 309—311.

ны разными типами рук, что показывает культурную неоднородность оставивших их скандинавов. Показательны хронология, статистика и топография этой эпиграфики.

Лишь один памятник относится ко времени до X в. Два других указывают на период позже X в., когда о решающей роли норманов на Руси не говорят сами норманисты. Статистика тех же находок также не в пользу норманизма, ибо в самой Скандинавии младшерунические эпиграфика исчисляется не единицами, а тысячами надписей. Из-за неравномерности распределения в Европе рунических памятников считали, что «области их распространения тесно связаны с направлением скандинавского переселения» [19]. По мнению советских ученых, материал восточноевропейских рун недостаточен для предположения о проникновении значительного скандинавского элемента в Восточную Европу [20].

Топография рунической эпиграфики на Руси вскрывает ее связь с транзитным путем Балтика — Черное море (Старая Ладога — Новгород — о. Березань), вне которого на восточноевропейской территории рун пока не обнаружено. Надписи найдены в городах (Новгород, Старая Ладога), где известны скандинавские воины-наемники и купцы, а также в узловом пункте «пути из варяг в греки» (о. Березань). Находки рун как бы тяготеют к окраинам Руси (Ладога — о. Березань).

Места рунических находок дали столько славянского материала, что ведущая роль норманов в этих пунктах сомнительна. Это касается Новгорода и Старой Ладоги. Археологический материал с о. Березань, одновременный руническому камню XII в., представлен типично славянскими и русскими вещами [21]. Это заставляет не согласиться с Т. Арне [22] и А. Стендер-Петерсеном [23], усматривавшими в Березанском надгробии аргумент в пользу сильного варяжского влияния на Русь.

Следовательно, рунические находки из Восточной Европы показывают довольно незначительную роль скандинавов в жизни народов СССР, что согласуется с принятой в советской науке концепцией возникновения русского государства. К его становлению близка лишь одна находка рун — стержень из Старой Ладоги. Именно этот памятник заинтересовал зарубежных исследователей.

Здесь следует иметь в виду А. Стендер-Петерсена с его гипотезой сложения русского государства из колоний мирных скандинавов-земледельцев. Этот взгляд уже критиковался, причем отмечалась его археологическая необоснованность [24]. В новом варианте гипотезы А. Стендер-Петерсен привлекает данные рунологии, именуя староладожский стержень «недостающим звеном» для своей концепции [25]. Эту оценку того же памятника для истории Руси он популяризировал и в прессе [26].

Советские исследователи уже подчеркивали изолированность рунической находки в славянском материале Ладоги и то, что она не может слу-

---

[19] Э. Клодд. Эволюция человечества в письменах. СПб., 1908, стр. 76.

[20] А. В. Арциховский. Основы археологии. М., 1955, стр. 207; Г. Г. Литаврин. Вопросы образования древнерусского государства. Сб.: «Средние века», VIII, М., 1956, стр. 392.

[21] М. Ф. Болтенко. Исторические судьбы острова Березани. ЗОАО, I (34), 1960, стр. 44.

[22] Т. И. Арне. Сношения Швеции с Россией в эпоху викингов по свидетельствам археологии, Тр. XV АС, М., 1914, стр. 99.

[23] A. Stender-Petersen. Varangica. Aarhus, 1953, стр. 137.

[24] Сб.: «Среднее века», VIII, стр. 368; ВАН, 1955, 12, стр. 56; И. П. Шаскольский. Норманская теория в современной буржуазной историографии. «История СССР, 1960, 1, стр. 223—236; его же. Современные норманисты о русской летописи. В сб. «Критика новейшей буржуазной историографии». М.— Л., 1961, стр. 335—373; В. Б. Вилинбахов. Несколько замечаний о теории А. Стендер-Петерсена. «Скандинавский сборник», VI, стр. 323—336.

[25] A. Stender-Petersen. Runestaven fra Ladoga. «Kuml» (Aarhus), 1958, стр. 117—124.

[26] «Politiken», 23.IV.1959; «Göteborgs-Posten», 14.IV; 2.VI.1959.

жить свидетельством существования норманского поселения[27]. Надпись попала туда или при нападении норманов[28], или при мирном контакте с ними[29]. Однако А. Стендер-Петерсен продолжал отводить этому памятнику прежнее место в своей концепции, не останавливаясь перед попытками усомниться в стратиграфии Старой Ладоги и полагая попадание надписи из верхнего слоя в нижние. Эту надпись он связывал с нападением ярла Эрпка в конце X в. на Ладогу[30].

В другой статье А. Стендер-Петерсен отнес староладожскую рукопись не к X в., а к VIII, произвольно датируя памятник[31]. Неосновательно и утверждение о перемещении руницческого стержня в нижние слои: он найден в куче палок[32], перемещение которой по слоям маловероятно. А. Стендер-Петерсен также игнорирует статистику и топографию руницческого материала с территории СССР сравнительно со Скандинавией, избегая противных его концепции фактов.

Из-за отсутствия доказательных данных неонорманисты пользуются спорными. А. Стендер-Петерсен ссылается на рунные камни из района Днепровских порогов[33]. Речь же идет не о реальных памятниках, которых на Днепре нет, а об интерпретации рунной надписи с Готланда, в которой кое-кто вычитывал известие о воздвижении надгробий на Днепре[34]. Это лишь одно из толкований трудного текста, на что и следовало бы указать. Все эти оговорки обесценивают ссылку на мнимые надгробья.

Несостоятельна ссылка А. Стендер-Петерсена и на мнимое упоминание Руси в трудночитаемой руницческой надписи на Пирейском льве[35]. Рунологи долго не замечали в ней слово «Русь»[36], а одно из чтений памятника вызвало тонкое замечание: «Все значение этой надписи заключается в том, верно ли она прочитана?»[37]. По одному из объяснений, в Пирейской надписи содержится странное слово Rodhrslanti, толкуемое как «Русь». Выяснив палеографическую и лингвистическую произвольность чтения «Русь», Е. Н. Щепкин отклонил дешифровку из-за «насилий над текстом»: это место надписи вообще сильно повреждено[38]. Какова цена таким «свидетельствам» о Руси?

Таковы руноведческие данные, привлекаемые неонорманистами для обоснования их взглядов. Заботься эти исследователи об убедительности, они не ставили бы сомнительный материал в центр своих концепций. Доныне руны из Старой Ладоги — единственный в Восточной Европе скандинаво-руницческий памятник до X в. Неуловимые норманы-колонисты не оставили после себя на Руси почти никаких следов типичной для них скандинавской эпиграфики, о чем уже многие говорили[39].

---

[27] В. В. Похлебкин, В. Б. Вилинбахов. Несколько слов по поводу гипотезы проф. А. Стендер-Петерсена. «Kuml», 1960, стр. 134.

[28] С. Н. Орлов. Старая Ладога. Исторический очерк. Л., 1960, стр. 27.

[29] «Уч. зап. Саратовского юридич. ин-та», IX, 1960, стр. 185.

[30] «Kuml», 1960, стр. 149—150.

[31] A. Stender-Petersen. Der älteste russische Staat. Historische Zeitschrift, 191. tetr. 1. München, 1960, стр. 12—13.

[32] В. И. Равдоникас, К. Д. Лаушкин. Ук. соч., стр. 41.

[33] «Kuml», 1958, стр. 124.

[34] Ф. А. Браун. Днепровский порог в руницческой надписи. Сборник археологических статей, поднесенный А. А. Бобринскому. СПб., 1911.

[35] «Kuml», 1958, стр. 124.

[36] Д. Поленов. О руницческих надписях на пирейском льве. ИАО, 1, 2, 1859; W. Grimm. Ueber deutsche Runen. Göttingen, 1821, стр. 209—214; C. C. Räfn. Inscription runique du Pirée. Copenhague, 1856.

[37] Г. Дестуннис. Подтверждает ли византийская история содержание пирейской надписи? ИАО, 1, стр. 74.

[38] Е. Н. Щепкин. Древнейшие сношения Швеции с Востоком «Истор. изв.», 1917, 1, стр. 19—21.

[39] С. Гедеонов. Варяги и Русь, 1, СПб., 1876, стр. 280; Д. И. Иловайский. Разыскания о начале Руси. М., 1882, стр. 152; Н. Харузин. Обзор доисторической археологии. «Временник Эстляндской губернии», I, Рига, 1893, стр. 210; И. Е. Забелин. История русской жизни с древнейших времен, 2, М., 1912, стр. 373.

Не меньший произвол был характерен для норманистов XIX в., нечетко отграничивавших собственно рунические памятники от нерунических. Даже русские памятники в тот период трактовались как рунические[40], что относится, например, к символике русских резных календарей[41], русской надписи Ибн-эль-Недима[42], изображениям на дрогичинских пломбах и гончарным клеймам[43], к оценке княжеских знаков Руси в качестве рунической монограммы имени «Рюрик»[44] и т. п. Эти несостоятельные трактовки не только исходили из норманизма, но и использовались для аргументации породившей их гипотезы. Впрочем, и сам рунический материал из-за его специфики требует осмотрительности. Сошлемся на известного руновода С. Бюгге, предположившего по рунической подделке из Эстонии наличие там норманских колоний XI в.[45]

Многие исследователи вплоть до начала XX в. полагали, что русские заимствовали руны у скандинавов[46]. Даже в отсутствии на Руси ранней эпиграфики (в том числе — рунической) усматривали довод в пользу существования русских рун[47], хотя еще Н. Полевой писал: «Скандинавские руны, кажется, не были введены к славянам»[48]. И. И. Срезневский скептически сказал: «Опровергать, что славяне употребляли скандинавские руны, правда, нельзя, но и доказать это еще нечем»[49]. Русские могли быть знакомы с чужеземным рукописанием, но не приняли письменности скандинавов[50]. Сфера употребления рун у самих германцев была крайне ограниченной[51].

Руническая эпиграфика подчас может служить интересным вспомогательным историческим источником для характеристики отношений народов Восточной Европы и Скандинавии. Мы имеем в виду те рунические надписи из Скандинавии, которые упоминают поездки норманов в Восточную Европу. На этот материал пытались опираться В. Н. Татищев и другие исследователи[52]. Обзор таких упоминаний о путешествиях варягов на Восток дал в свое время Е. Н. Щепкин, но его сведения нуждаются в дополнениях и уточнениях[53].

---

[40] Сильное влияние на эти трактовки оказала идея славянских рун, рассмотренная в специальном обзоре: И. В. Ягич. Вопрос о рунах у славян. «Энциклопедия славянской филологии», 3, СПб., 1911. «Русских рун» И. Ягич не рассматривает.

[41] П. И. Савваитов. О зырянских резных календарях и о пермской азбуке, изобретенной святым Стефаном. М., 1873, стр. 7. Символика русских резных календарей отлична от скандинавских рунштабов и включает, например, метки для обозначения часовой долготы дня. Н. В. Энговатов. Тайнопись князей Барятинских и вопросы дешифровки древнерусских криптограмм. Археографический ежегодник за 1962 год (к 70-летию акад. М. Н. Тихомирова). М., 1963, стр. 232.

[42] A. Sjögren. Ueber das Werk: Runamo og Runerne. St.-P. 1842, стр. 85; Н. Энговатов. Загадочная надпись. «Знание — сила», 1961, 1, стр. 51.

[43] К. И. Тышкевич. Свинцовые оттиски, найденные в реке Буге у Дрогичина. «Древности», 1, вып. 2, М., 1867, стр. 120. На пломбах из Дрогичина мы обнаружили русские княжеские знаки: Олега Святославича, Всеволода Ольговича, Всеволода Большое гнездо и др., что говорит о русском происхождении этих памятников.

[44] И. И. Толстой. Древнейшие русские монеты великого княжества Киевского, СПб., 1882, стр. 186.

[45] S. Bugge. Ueber die Runeninschrift von Ohlershof. Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft, VIII, тетр. 2, 1875, стр. 4—8.

[46] J. Leciejewski. Runy i runiczne pomniki slowianskie. Lwòw, 1906, стр. 182.

[47] А. А. Николаев. Из истории нашей азбуки. В кн. Э. Клодд. Ук. соч., стр. 78.

[48] Н. Полевой. История русского народа, 1, М., 1829, стр. 81.

[49] И. И. Срезневский. Древние письмена славянские. ЖМНП, 1, IX, 1848, стр. 23.

[50] А. Д. Маневский. К вопросу о древнерусском добуквенном письме. «Вестн. истории мировой культуры», 1957, 6, стр. 39.

[51] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, М., 1961, стр. 141; Ф. Энгельс. К истории древних германцев. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, М., 1961, стр. 479.

[52] В. Н. Татищев. История Российская, 1, кн. 2, М., 1769, стр. 254—255; А. Кронгольм. О значении на Севере слова «Греция». ЖМНП, 8, 1835; С. Сыромятников. Древлянский князь и варяжский вопрос. ЖМНП, 1914, июль, стр. 134.

[53] Е. Н. Щепкин. Ук. соч., стр. 15—19.

Подобный материал почти не используется специалистами по древней Руси, хотя и мог бы иногда оказаться полезным. Скандинавскую руническую эпиграфику привлекали для норманистского толкования древнерусской истории Ф. А. Браун [54], А. Стендер-Петерсен [55] и другие исследователи, но используемые данные в лучшем случае говорили лишь о павших на Руси варягах-наемниках и о купеческих поездках, т. е. ничего существенного в пользу норманизма не содержали.

Ни находки рунических надписей в Восточной Европе, ни сама руническая эпиграфика не дают убедительных показаний для норманизма. Напротив, попытки норманистов опереться на этот материал следует признать крайне неудачными или же малоубедительными.

[54] Ф. А. Браун. Фриланд и Шимон, сыновья варяжского князя Африкана. «Изв. ОРЯС АН», VII, 2, 1905; его же. Кто был Ингвар-путешественник? «Зап. Неофилологич. об-ва», IV, СПб., 1910.

[55] A. Stender-Petersen. Varangica. стр. 137—138, 252—253.

Р. Л. РОЗЕНФЕЛЬДТ

О ПРОИЗВОДСТВЕ И ДАТИРОВКЕ ОВРУЧСКИХ ПРЯСЛИЦ

Пряслица из розового и фиолетового овручского шифера — одна из наиболее распространенных категорий находок в культурном слое поселений времени Киевской Руси. Довольно часто находят их при погребениях и в составе кладов. Они встречаются не только на территории Киевской Руси, но и в Швеции, Польше, мордовских и муромских могильниках, в Волжской Болгарии, Крыму и Хазарии.

Производство этих пряслиц, как отмечалось исследователями, из-за средоточия сырья в одном месте было необычайно концентрированным территориально, что позволило изготовлявшим их ремесленникам выработать единую технику [1]. Она была проста и легко восстанавливается на основании многочисленных остатков производства, найденных в окрестностях Овруча, равно как и при просмотре больших серий готовой продукции.

Слоистый шифер раскалывался на плоские плитки, из которых вырезались близкие к квадратам заготовки пряслиц. Далее эту квадратную плитку зажимали плоской стороной кверху в гнезде, по-видимому, с помощью деревянных клинышков. Само изделие вытачивалось с помощью специального сверла оригинальной конструкции, форма которого нами ниже реконструируется. Сверло (рис. 1) состояло из прямоугольного в сечении рабочей части стержня с режущими гранями на нижнем заостренном конце, которым высверливался внутренний канал пряслица. Специальными острыми крыльями сверла (рис. 1, *1*) обрабатывалась наружная поверхность пряслица и одновременно ими же оно отрезалось от заготовки. Если внутренний канал пряслица просверливался сразу, то крылья сверла прорезали заготовку сначала только на половину толщины плитки. Затем эта плитка извлекалась из зажима и переворачивалась. То же сверло вставлялось в изготовленный канал пряслица, и крылья его вытачивали вторую половину поверхности пряслица и отделяли его окончательно от заготовки. Хранящиеся в Московском и Киевском исторических музеях остатки производства шиферных пряслиц (испорченные заготовки и обрезанные куски плиток) подтверждают правильность рекон-

[1] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1947, стр. 188—195.

струируемой нами техники изготовления пряслиц. Угол наклона крыла, обрезающего наружную поверхность пряслица, к сверлу у одних и тех же пряслиц всегда одинаков, что свидетельствует в пользу предположения о том, что обе операции — сверление внутреннего канала и обработка наружной поверхности — проводились одним инструментом. В пользу этого говорит и наличие в коллекциях шиферных пряслиц усеченно-биконической формы, у которых ребро проходит не на середине высоты пряслица. В этом случае мастер прорезал плитку с одной стороны меньше, чем половина толщины плитки-заготовки, а с другой — больше половины.

Сверло приводилось в действие распространенным тогда лучковым приводом (рис. 1, *2*) и удерживалось в руке при помощи рукоятки, в которую входил круглый в сечении верхний конец его. Не исключено, что для того, чтобы сверло не выпадало из рукоятки, оно имело нечто вроде кольцевого выступа или канавки, за которую заходил зацеп, прикрепленный к рукоятки. Если у крыльев сверла были прямые режущие грани, то таким инструментом изготовлялись пряслица усеченно-биконической формы (рис. 1, *3*, *10*). Если же крылья имели вогнутую режущую поверхность (рис. 1, *7*), то таким сверлом выпиливались пряслица шаровидно-упрощенные и бочонковидные (рис. 1, *8*, *9*).

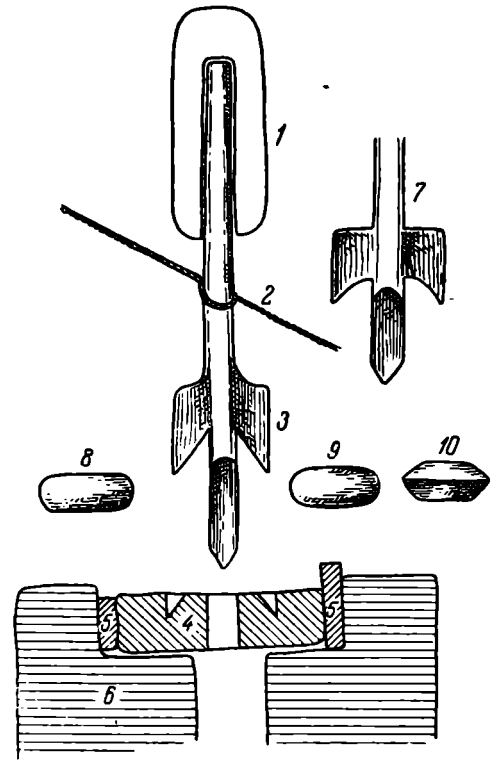


Рис. 1. Реконструкция сверла с крыльями для вытачивания пряслиц

1 — рукоять сверла; *2* — тетива лучкового привода; *3* — крылья сверла с прямой режущей гранью, *4* — заготовка пряслица в зажиме; *5* — клинья; *6* — гнездо для заготовки; *7* — сверло, у которого режущая поверхность крыльев вогнутая; *8* — *9* — типы пряслиц, вытачиваемых сверлом с вогнутыми гранями крыльев; *10* — тип пряслица, вытачиваемого сверлом с прямыми режущими гранями крыльев

При использовании такого инструмента совершенно естественно, что из более толстых плиток шифера одним и тем же сверлом изготовлялись пряслица с меньшим диаметром верхнего и нижнего оснований, чем из плитки меньшей толщины. Максимальный диаметр пряслица на середине его высоты и внутренний канал пряслиц, изготовленных одним инструментом, были примерно одинаковыми, чем достигалась стандартность изделий. Выточенные таким сверлом пряслица почти не требовали дополнительной обработки, кроме подшлифовки верхнего и нижнего оснований. Впоследствии и этот процесс отпал при применении сверл с режущими крыльями угловатого профиля. В пользу их применения на заключительных этапах прясличного производства говорят находки изделий с верхним и нижним основаниями, слегка скошенными к центральному каналу. На поверхности этих оснований — следы концентрически расположенных царапин. Для изготовления крупных пряслиц, естественно, требовался и более грубый и потому легче изготовлявшийся инструмент описанного нами типа. С другой стороны, расход сырья на изготовление пряслиц был более значительным.

Общая датировка шиферных пряслиц давно установлена исследователями. Начало этого производства относится к концу X в., разрушение мастерских связано с татарским нашествием[2]. Правда, сравнительно не-

[2] Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 194.

давно было высказано предположение о том, что производство пряслиц в Овруче возникло в гораздо более раннее время, но такое допущение требует более убедительной аргументации, чем приведенная, и оно пока не пользуется широким признанием [3].

Изучением серий овручских шиферных пряслиц из разновременных памятников удалось отметить интересную их особенность, которая позволяет, как нам кажется, сузить даты отдельных их групп [4]. Ранние пряслица, как оказалось, имеют более крупный диаметр внутреннего канала по сравнению с пряслицами более позднего времени. Нам представляется, что это явление объясняется совершенствованием инструмента и постоянным стремлением мастеров (что отмечается и в других производствах, например керамическом) изготовлять из определенной массы сырья большее количество изделий. Наиболее трудоемким процессом в прясличном производстве, как нам кажется, было не изготовление пряслиц из заготовок, а изготовление самих плиток-заготовок.

Отправным пунктом для подобного рода наблюдений над диаметрами каналов пряслиц явилась коллекция с Екимауцкого городища в Молдавии. На городище отсутствуют слои второй трети XI в., а основная масса находок датируется второй половиной X и первой третью XI в. На этом поселении была найдена серия только крупных шиферных пряслиц, преимущественно бочонко-уплощенной формы, и несколько биконических со средним диаметром внутреннего канала 10,5 *мм*, причем диаметр внутреннего канала их колебался от 9,5 до 11 *мм*. Примерно такого же характера были и пряслица с Алчедарского городища. С любезного разрешения Б. А. Колчина мною была промерена коллекция хорошо датированных пряслиц из раскопок в Новгороде в 1952 г. в количестве 100 экземпляров. В результате выяснилось, что пряслица из верхних горизонтов домонгольского слоя Новгорода, как правило, имеют меньший диаметр внутреннего канала, чем те, которые найдены в ярусах X—XI вв.

Полученные результаты дали график постепенного убывания диаметра внутреннего канала в зависимости от времени. Однако этот график, отражая тенденцию развития и подтверждая высказанное автором предположение, тем не менее не может служить основой для датировок, ибо пряслица, как это показала проверка и по другим памятникам,— долгобытующие изделия. В пользу этого говорит и не малое число пряслиц в слоях после татарского нашествия. Поэтому пряслица с крупными диаметрами внутренних каналов хотя и редко, но встречаются в последующих слоях. Можно было бы предположить, что в более позднее время, например в XII и XIII вв., овручские мастера изготовляли пряслица с внутренними каналами большого и малого диаметров. Но это противоречит находкам пряслиц с каналами только малого диаметра на памятниках, которые возникли и существовали в последние десятилетия домонгольского времени, на которых слои X и XI вв. отсутствуют полностью. Средний диаметр внутреннего канала пряслиц на этих поселениях 6—7 *мм*. Так, на Нежданском городище Московской обл. (раскопки А. Ф. Дубынина), время которого по вещам и керамическим материалам определяется XII и XIII вв., диаметры внутреннего канала шиферных пряслиц колеблются от 5,5 до 7 *мм*.

Диаметр внутреннего канала пряслиц из раскопок в Московском кремле равняется 6—7 *мм*. Примерно такой же диаметр внутреннего канала имели и шиферные пряслица, найденные в Московском Зарядье. Отсутствие на перечисленных памятниках пряслиц с внутренними каналами крупного диаметра подтверждает предположение о стандартности продукции овручских мастеров и говорит в пользу того, что в одно время мастера делали пряслица с внутренними каналами одного диаметра.

[3] М. Ю. Брайчевский. Про датування шиферних пряслиць. Археология, IV. Киев, 1950, стр. 91—98.

[4] Р. Л. Розенфельдт. К вопросу о начале Москвы. СА, 4, 1957.

Это закономерно при производстве пряслиц на широкий рынок. Правда, в более позднее время одновременно с мелкими пряслицами встречаются серии сравнительно крупных изделий со значительным наружным диаметром, которые, по нашему предположению, употреблялись для ссучивания грубых нитей. Диаметр внутреннего канала у подобных пряслиц такой же, как и у обычных для этого времени маломерных пряслиц.

Крайне интересны в свете настоящей заметки данные о диаметрах внутренних каналов пряслиц, на которых имеются надписи и которые могут быть датированы палеографически. Так, диаметр внутреннего канала шиферного пряслица, найденного в 1958 г. В. И. Зубковым в Борках, 8 *мм*. Дата его по А. Л. Монгайту — XII век [5]. Пряслице с надписью из Требовля имеет диаметр канала 7,2 *мм*. Л. В. Алексеев датирует его XI—XII вв. [6] (по нашему мнению, пряслице должно быть датировано XII в.). Диаметр внутреннего канала пряслица из Гродно 7 *мм*. Стратиграфически оно датируется XII—XIII вв. Палеографически надпись на нем датирована Л. В. Алексеевым XIII в. [7]

Диаметр внутреннего канала пряслица с надписью из Друцка 7 *мм*. Палеографически и стратиграфически Л. В. Алексеев датирует его XIII в. [8] Диаметр внутреннего канала пряслица из Любеча с буквами алфавита на нем 8 *мм*. Б. А. Рыбаков датирует его XI в. Другое пряслице из Любеча с надписью «Степанида» имеет диаметр внутреннего канала 7 *мм*. Б. А. Рыбаков относит его к XIII в. [9]

Сопоставляя результаты изучения Новгородской коллекции с результатами изучения коллекций пряслиц с надписями, а также пряслиц из Екимауцкого, Алчедарского, Неждинского городищ и других коллекций, мы позволим себе предложить, конечно, в предварительном порядке, шкалу диаметров внутреннего канала пряслиц в зависимости от времени изготовления, которая и предлагается для проверки [10]. По нашему мнению, пряслица конца X — первой половины XI в. имеют внутренний канал диаметром от 9,5 до 11 *мм*. Пряслица второй половины XI — первой половины XII в. имеют внутренний канал диаметром 8—9 *мм*, пряслица второй половины XII в. — 7—8 *мм*. Наконец, пряслица первой половины XIII в. имеют внутренний диаметр 5,5—5,6, может быть 7 *мм*.

Как будто та же закономерность наблюдается у овручских пряслиц, найденных за пределами славянских земель. Так, в Малышевском могильнике, исследованном А. Ф. Дубыниным, самые поздние погребения которого датируются первой половиной XI в., найдены три пряслица с диаметром внутренних каналов 11 и 9 *мм* (погр. № 50, 108, 197) [11]. Отмечается, что пряслица из серого шифера местного изготовления, распространенные преимущественно в лесной зоне на славянских памятниках, имеют внутренние каналы того же диаметра, что и овручские пряслица XIII в. Надо думать, что большинство их относится именно к этому времени.

---

[5] А. Л. Монгайт. Рязанская земля. М., 1960, стр. 156.

[6] Л. В. Алексеев. Еще три шиферных пряслица с надписями. СА, 2, 1959, стр. 242—243.

[7] Л. В. Алексеев. Три пряслица с надписями из Белоруссии. КСИИМК, 57, 1955, стр. 129—130.

[8] Л. В. Алексеев. Еще три шиферных пряслица..., стр. 243—244.

[9] Б. А. Рыбаков. Раскопки в Любече в 1957 г. КСИИМК, 79, 1960, стр. 33—34.

[10] Весьма интересно несовпадение датировок пряслица, найденного в Любече Б. А. Рыбаковым в 1957, по диаметру внутреннего канала и по палеографии надписи. По диаметру внутреннего канала (6 *мм*) оно относится к XIII в. Палеографически и стратиграфически изделие датируется Б. А. Рыбаковым концом XI — началом XII в. Несовпадение датировок выясняется из надписи: «Иванко создал тебе это, единственной дочери». Вполне вероятно, что творец его, не являвшийся овручским мастером, сделал для дочери детскую игрушку.

[11] А. Ф. Дубынин. Раскопки Малышевского могильника. КСИИМК, XXVII, 1949, стр. 95.

Предложенная шкала не является эталоном для датировки бытования каждого пряслица, в особенности если оно найдено на поселении. Она поможет определить только время горизонта культурного слоя, но с учетом всей совокупности других находок. Датировка каждого пряслица по этой шкале даст время его изготовления, время же попадания его в слой может быть другим.

М. И. ОСТРОВСКИЙ

РАЗВЕДКИ В ТЕРНОПОЛЬСКОЙ И РОВЕНСКОЙ ОБЛАСТЯХ

В заметке публикуются материалы, относящиеся к эпохе древней Руси, обнаруженные в археологической разведке по северной части Тернопольской и южной части Ровенской областей УССР.

В Кременецком районе Тернопольской обл. имеется хутор Даниловка. Он расположен у подножия высокой горы, которую местные жители называют «Троица» или же Данилова гора. Несомненно, что именно на этой горе был расположен древний город Данилов, упоминаемый в русской летописи XIII в. Обследование этой горы и закладка шурфов показали, что культурный слой на площадке, занимающей вершину горы, имеет в толщину около полуметра и очень густо насыщен культурными остатками. Среди находок — типичная русская керамика XIII в., фрагменты стеклянных браслетов и капли стекла, обломки маленького стеклянного сосуда, костяные и железные предметы (ножи, пробойник, зубильце), кости домашних и диких животных. В шурфе, заложенном близ северо-западного края площадки, были обнаружены остатки жилища. Под печи в этом жилище был сделан из каменных плит, обмазанных слоем глины толщиной до 5—6 *см*. Рядом обнаружены куски обожженной глиняной обмазки от разрушенного купола печи. Размер печи приблизительно 0,7 × 0,9 *м*. Под был расположен на глубине 0,7 *м* от поверхности, а пол жилища — на глубине 0,9 *м*. Жилище это было, по-видимому, полуземлянкой и имело продолговатую форму; размер его 2,78 × × 4 *м*. Печь примыкала к юго-западной стороне жилища. Стены жилища, вероятно, были деревянными, так как следов глиняной обмазки стен в шурфе не найдено.

К подножию горы с восточной стороны примыкает площадка размером приблизительно 250 × 400 *м*, несколько возвышающаяся над окружающей территорией. В северо-западной части этой площадки сохранились слабые следы вала и рва. На площадке также найдено много фрагментов керамики XIII в. На днище одного из сосудов имеется клеймо в виде кружка. Здесь найдена маленькая иконка из зеленоватого камня-стеатита (рис. 1, *2*). Икона изображает св. Николая и, возможно, имеет средиземноморское или сирийское происхождение.

Во время обследования городища, представляющего собой остатки древнего города Шумска, были найдены фрагменты русской керамики XII—XIII вв., а возможно, и несколько более ранней. Здесь же обнаружена филигранная серебряная серьга с тремя цилиндрическими бусинами, стремя, инкрустированное золотыми полосками, и медная византийская монета Михаила IV (1034—1041 гг.), использованная в качестве подвески (рис. 1, *1*). На городище встретились также трипольская керамика и шлифованные каменные мотыги.

Возле с. Людвищи Кременецкого района имеется курган. На вспаханном поле близ этого кургана найден бронзовый крест (рис. 1, *5*). Он повторяет известные энколпионы с изображением Бориса, но сам не является энколпионом, а имеет плоскую оборотную сторону. Крест относится, видимо, к XII—XIII вв.

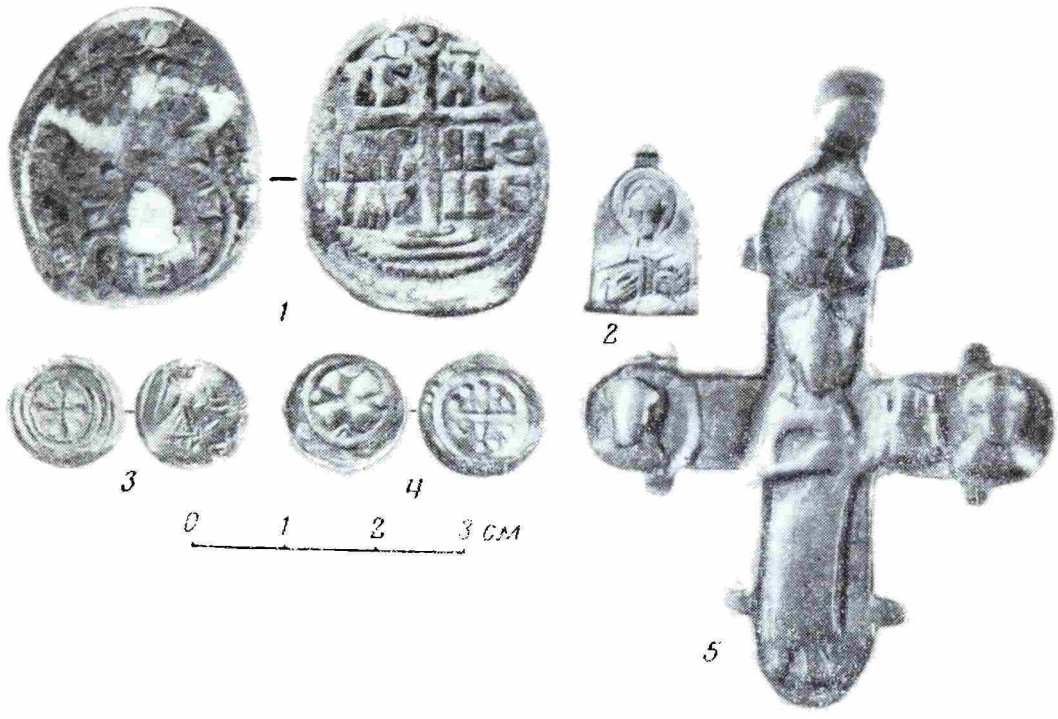


Рис. 1. Находки около Кременца:

1 — византийская монета (Шумское городище); *2* — иконка (хутор Даниловка); *3* — польская монета (с. Кирилловка); *4* — вендка младшего типа (с. Кирилловка); *5* — крест (с. Людвищи)

При вспашке поля на околице с. Кирилловки Ровенской обл. в 1938 г. найдено несколько серебряных монет, которые тогда же были переданы в Варшавский музей. В том же году мною были найдены еще две монеты: одна из них — вендка младшего типа (XI в.), вторая — польская монета Болеслава III (1102—1139 гг.) (рис. 1, *3*, *4*) [1].

[1] Монеты определил В. М. Потин (Эрмитаж).

Е. К. МАКСИМОВ

ВЯТИЧЕСКОЕ СЕМИЛОПАСТНОЕ КОЛЬЦО ИЗ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

В коллекциях Саратовского областного музея краеведения хранятся бронзовое украшение с прилипшими остатками ткани и половина небольшого металлического зеркала, происходящие из курганов около с. Русская Бундиевка на р. Терсе близ с. Рудни Камышинского уезда Саратовской губ. и переданные в 1924 г. в музей из местной школы. Более подробные сведения об обстоятельствах находки неизвестны.

Расчистка украшения от окислов показала, что перед нами типичное вятическое височное кольцо из низкопробного серебра. Височное кольцо представляет сегментовидную пластину с семью прямоугольными зубчиками по верхнему краю и семью округло-расширенными лопастями, отходящими от нижнего края пластины. Размеры лопастей от середины к краю уменьшаются. В верхней части имеется дужка, у основания которой с обеих сторон сделано по одному колечку, украшенному насечкой. Лицевая сторона пластинки имеет орнамент из двух заштрихованных полос и резных двойных линий в виде непрерывных арок. Ширина предмета 5,5 *см*, длина с дужкой 7,5 *см* (рис. 1).

Кольцо литое. Так же как на московских семилопастных височных кольцах, оно имеет следы выпуклости, особенно на лопастях, от проковки

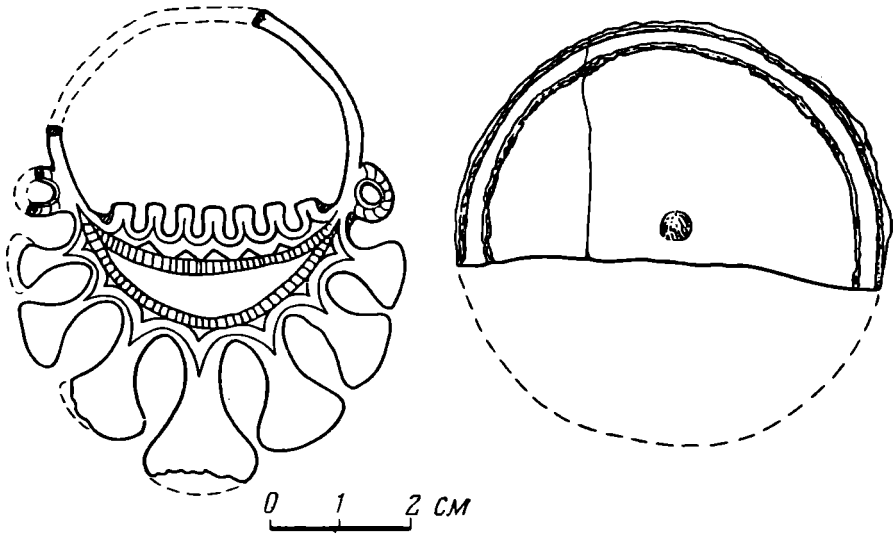


Рис. 1. Височное кольцо и зеркало

с обратной стороны [1]. Орнамент и весь облик височного кольца свидетельствуют о том, что оно, видимо, выполнено не городским серебряником, а скорее всего деревенским мастером, который не владел всеми тонкостями изготовления подобных украшений. Б. А. Рыбаков указывает на деление украшений по технике исполнения, связывая этот факт не с разновременностью их производства или неодинаковостью имущественного положения их владельцев, а «с более сильным влиянием городского ремесла» [2].

Семилопастные простые височные кольца распространены на большой территории, в которую входят Московская, Тульская, Калужская и часть Смоленской области, т. е. в пределах расселения вятических племен [3]. Вне этой области известно лишь несколько находок на земле кривичей и одно указанное выше на Нижней Волге [4].

Если проникновение вятических вещей к кривичам вполне естественно, то появление семилопастного вятического кольца за сотни километров от основной, строго ограниченной территории их бытования весьма необычно. Однако найденное здесь же металлическое зеркало позволяет сделать некоторые выводы.

Зеркало изготовлено из сплава белого металла и представляет плоский диск диаметром 6,3 *см* и толщиной 0,8 *мм* (рис. 1, *1*). По краю диска идут две параллельные выпуклые линии, в центре заметна небольшая выпуклина. Иногда такие зеркала имеют сбоку прямоугольный зубчик-колодочку, напоминающий ручку.

Подобные зеркала хорошо известны в Нижнем Поволжье. Они найдены в позднекочевнических погребениях Сусловского могильника (кург. № 40), у с. Потемкино на р. Еруслане (кург. № 8 и 10) и в других местах [5]. Все эти погребения хорошо датируются XIII—XIV вв., когда Поволжье являлось центром Золотой Орды.

В золотоордынское время в Нижнем Поволжье появляется серия древнерусских вещей, главным образом киевского происхождения, как например, медные литые иконки-складни в форме квадриофолия, каменные крестики (Терновское и Увекское городища) [6], змеевик с изображением Федора Стратилата (Балаково) [7], иконка с изображением жен-ми-

[1] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 554.
[2] Там же, стр. 553.
[3] А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 123—129.
[4] А. В. Арциховский. Ук. соч., стр. 47.
[5] Саратовский музей краеведения, инв. № 513, 1856, 1858.
[6] Ф. В. Баллод. Приволжские Помпеи. М.— Пгр., 1923, табл. XII, *4*; X, *1—3*.
[7] И. И. Толстой, Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, V, СПб., 1897, рис. 223.

роносиц, литейная форма из серого камня для отливки серебряных колтов (Увекское городище) [8], овручские шиферные пряслица (с. Куликовка Саратовской обл.) [9]. Все эти вещи, безусловно, были принесены пленными, которых приводили в Поволжье татары-завоеватели с Руси. Таким же образом могло попасть в столь отдаленный район и вятическое семилопастное височное кольцо.

[8] А. А. Спицин. Некоторые новые приобретения Саратовского музея. ИАК, 53, 1914, стр. 100.

[9] Саратовский музей краеведения, инв. № 782.

И. И. КУШНИР

О КУЛЬТУРНОМ СЛОЕ НОВГОРОДА

В «Советской археологии» уже публиковались материалы о мощности культурного слоя в различных районах Новгорода [1]. За годы, прошедшие после выхода в свет указанной статьи, собраны новые материалы, рас-

Буровые скважины в пределах древнего земляного вала в Новгороде (продолжение *)

№ скважины	Отметка устья скважины	Отметка материка	Мощность культурного слоя, м	№ скважины	Отметка устья скважины	Отметка материка	Мощность культурного слоя, м
I. Софийская сторона				II. Торговая сторона			
158	28,48	25,98	2,5	141	23,65	28,95	4,7
159	28,08	26,08	2,0	142	22,12	16,22	5,9
160	27,71	25,51	2,2	143	23,50	18,20	5,3
161	29,83	26,33	3,5	144	22,40	17,80	4,6
162	28,02	27,42	0,6	145	22,31	17,61	4,7
163	27,64	26,14	1,5	146	25,00	23,80	1,2
164	27,70	26,20	1,5	147	21,56	18,86	2,7
165	27,58	25,98	1,6	148	24,45	21,25	3,2
166	27,57	25,57	2,0	149	25,12	21,32	3,8
167	27,29	23,79	3,5	150	24,25	22,05	2,2
168	27,62	25,32	2,3	151	23,95	22,35	1,6
169	28,24	25,24	3,0	152	23,96	22,16	1,8
170	29,44	27,94	1,5	153	21,80	18,10	3,7
171	29,63	27,83	1,8	154	22,00	18,60	3,4
172	30,15	25,85	4,3	155	25,53	25,03	0,5
173	30,37	24,87	5,5	156	25,58	23,88	1,7
174	30,52	25,02	5,5	157	25,50	23,80	1,7
175	30,26	25,56	4,7	158	25,52	23,82	1,7
176	30,87	23,67	7,2	159	25,52	24,02	1,5
177	30,27	24,67	5,6	160	26,05	21,05	5,0
178	30,59	24,19	6,4	161	25,50	20,50	5,0
179	29,81	23,41	6,4	162	25,40	20,30	5,1
180	28,28	22,08	6,2	163	25,60	20,40	5,2
181	28,25	22,45	5,8	164	26,60	19,60	7,0
182	29,29	23,99	5,3	165	26,00	19,50	6,5
183	32,46	27,86	4,6	166	25,54	19,94	5,6
184	31,46	24,96	6,5	167	25,44	19,94	5,5
185	29,50	25,00	4,5	168	25,60	20,90	4,7
186	29,24	25,74	3,5	169	20,98	17,98	3,0
187	28,38	20,98	1,4	170	21,35	18,35	3,0
188	28,05	27,35	0,7	171	21,95	18,65	3,3
189	27,55	26,95	0,6	172	21,50	18,30	3,2
190	26,28	22,68	3,6	173	21,15	18,35	2,8
191	26,14	24,64	1,5	174	20,75	17,52	3,2
192	27,70	26,30	1,4	175	24,59	23,59	1,0
193	27,87	26,07	1,8	176	24,68	22,98	1,7
194	29,70	25,20	4,5	177	22,85	21,05	1,8
				178	22,70	21,00	1,7

* Начало смотри: И. И. Кушнир. Ук. соч., стр. 222.

[1] И. И. Кушнир. О культурном слое Новгорода. СА, 3, 1960.

Рис. 1. План Новгорода:

а — Торговая сторона, *б* — Софийская сторона. Цифрами обозначены буровые скважины

ширяющие наши представления о толщине культурного слоя Новгорода. Мы прилагаем в таблице новые данные по 75 буровым скважинам. Они дополняют картину распределения культурного слоя в Новгороде (рис. 1), обрисованную в упомянутой публикации.

Так, ранее сообщалось, что в Людином конце на Пролетарской улице культурный слой имеет толщину максимум 5,8 *м*. Новые замеры в скважине № 176 указывают на наличие здесь участка с культурным слоем мощностью 7,2 *м*.

Подтвердилось высказанное ранее предположение о том, что в Славенском конце зона пятиметровой и большей толщины культурного слоя при дальнейших изысканиях увеличится. Скважины № 160—165 подтверждают это подозрение. Здесь открыт новый участок культурного слоя глубинной залегания 5—7 *м*.

Критика и библиография

J. M. Casal. Fouilles de Mundigak, v. I—II. MDAFA, t. XVII, Paris, 1961.

До последнего времени наши знания о древнейшей истории Афганистана были весьма скудны и отрывочны, в отличие от культуры кушанского времени или буддийских и средневековых памятников этой страны. Небольшая коллекция расписной керамики, собранная в 1915 г. А. Стейном в иранском Сейстане [1], была лишь в 1949—1951 гг. дополнена разведочным обследованием аналогичных памятников афганского Сейстана, проведенным В. А. Фэрсервисом [2]. Этим же автором был осмотрен ряд первобытных памятников в районе Кандагара [3]. Однако лишь систематические раскопки французской археологической экспедиции под руководством Ж. М. Касаля в 1951—1958 гг. на поселении Мундигак [4] к северо-западу от Кандагара дали достаточно большой и разносторонний материал, характеризующий историю Афганистана в период до похода Александра Македонского. Развернутая публикация результатов этих раскопок имеет большое значение также для изучения истории соседних стран.

Особенно большое значение имеет четкая стратиграфия, прослеженная Ж. М. Касалем. В древнейший период (Мундигак I, толщина слоев до 4,5 *м*) существовало небольшое поселение на холме *A*, состоявшее из глинобитных домов. В слое I, *4* отмечено употребление сырцового кирпича. 90% керамики изготовлено с помощью гончарного круга. Известны медные изделия и глиняные пряслица. В росписи на посуде отмечен зооморфный орнамент, а со слоя I, *4* появляется посуда с полихромной росписью типа Амри-Кепи-Бег. Ж. М. Касаль полагает, что в слое I, *2* глинобитные постройки заменяли шалаши (стр. 29), что вызывает известные сомнения для всего поселения. В равной мере мало оправдано выделение слоя Мундигак I, *1*, где найдено всего два черепка.

Холмом *A* ограничивается поселение и в пору Мундигак II и III. В слоях Мундигак II (толщина слоев от 3 до 3,3 *м*) первоначально наблюдается преобладание посуды ручной лепки, но в целом керамика продолжает старые традиции. Появляются каменные печатки, терракотовые фигурки животных. Интересна медная булавка с двойной спиральной головкой. Дальнейший подъем наблюдается в пору Мундигак III (слои от 4,2 до 5,2 *м*). Среди медных изделий можно отметить кинжал, массивные топоры, появляются женские статуэтки, распространяется керамика стиля Кветта. Интересно наличие погребальных камер наряду с одиночными скорченными погребениями. В эти камеры помещались разрозненные части скелетов нескольких человек (стр. 45).

Все это как бы подготавливает расцвет местной культуры, наступающий в пору Мундигак IV, когда территория, занятая поселением, увеличивается в несколько раз. В это время на холме *A* возводится массивная постройка, использующая культурные слои более раннего времени как платформу. Ее фронтон, сохранившийся в длину на 35 *м*, украшен полуколоннами. Ж. М. Касаль предполагает, что эта постройка является дворцом местного правителя. Около нее расположено поселение, окруженное оборонительной стеной. Несколько в стороне (холм *G*) расположено другое крупное строение, обнесенное стеной, которая украшена снаружи острыми выступами. Вдоль стены протянулись разной величины помещения. Ж. М. Касаль на-

[1] A. Stein. Innermost Asia, т. II, Oxford, 1923, стр. 249—258; т. III, табл. CXII—CXIV; F. Andrews. Painted Neolithic Pottery in Sistan. Burlington Magazine, No CCLXXIII, dec. 1925, стр. 304—308.

[2] W. A. Fairservis. Archaeological Studies in the Sistan Basin of Sôuth-Western Afghanistan and Easern Iran. New York, 1961.

[3] W. A. Fairservis. Preliminary Report on the Prehistoric Archaeology of the Afghan-Baluchi Areas. American Museum Novitates, No 1587, New York, 1952.

[4] В. М. Массон. Поселение бронзового века в южном Афганистане. СА, 1957.

зывает это строение храмом (стр. 63—65) и, действительно, его ограда близко напоминает обвод монументальных религиозных сооружений Месопотамии. Правда, мундигакский храм отличается отсутствием четких пропорций и выдержанности плана. Для расписной керамики этого времени характерны изображения животных и растительный орнамент, но традиции стиля Кветты также весьма ощутимы. Помимо терракотовых фигурок людей и животных найдена также мужская голова из белого известняка, напоминающая скульптуру Хараппы. Однако не обнаружено никаких следов письменности — бронзовые и каменные печати воспроизводят несложные геометрические орнаменты. Ж. М. Касаль выделяет в Мундигаке IV три этапа (IV, *1—3*), а в здании на холме *A* — три ремонтных периода, считая, что все они приходятся на время IV, *1* и что потом это здание было заброшено. Возможно, этот вопрос нуждается в дальнейшем исследовании.

Несомненный упадок этой культуры отмечается в пору Мундигак V, когда все поселение забрасывается и существует лишь массивное строение на холме *A*. Преобладает посуда нового типа ручной лепки с черной росписью по красному фону. Слои Мундигак VI соответствуют времени запустения и представлены не строениями, а слоями золы. Здесь также встречается расписная керамика с несложным орнаментом. Наконец, в самом верхнем слое — Мундигак VII раскопаны глинобитные зернохранилища. Преобладает красная и серая керамика, сделанная с помощью гончарного круга. Находки трехперых бронзовых наконечников стрел свидетельствуют, что перед нами культура ахеменидской Арахосии, крайне близкая культуре ахеменидской Драгианы (Нади-Али I).

Мундигак I Ж. М. Касаль относит к концу IV тысячелетия до н. э. (стр. 25, 98, 111). В этом с ним вполне можно согласиться, отметив лишь, что Мундигак I скорее всего соответствует не Гул-Мохаммед II, как полагает Ж. М. Касаль, а Гул-Мохаммед III и, в поздней фазе, Гул-Мохаммед IV [5]. Однако даты для более поздних слоев вызывают известные сомнения. Так, Мундигак III Ж. М. Касаль датирует первой третью III тысячелетия до н. э., а Мундигак IV — второй и третьей четвертью этого тысячелетия (стр. 27, 69—70, 110—119). Нам представляется, что Мундигак III следует относить к середине III тысячелетия до н. э., а Мундигак IV — к последней четверти III — началу II тысячелетия до н. э., считая его в целом одновременным Харапне. В самом деле, сам Ж. М. Касаль неоднократно подчеркивает аналогии между Гисаром III и Мундигаком IV (стр. 103, 106—108). Действительно, печати крестообразной формы Мундигака IV, *1—3* представляют собой полную аналогию печати Гисара III *B*. Шаровидные сосуды на ножке («verre à dégustation»), широко распространенные в Мундигаке IV, известны не только в Гисаре II *B*, но и в Гисаре III *A-B*. В Гисаре III *B* находит прямые аналогии и форма сосудов в виде графина [6]. Поэтому нам кажется, что нет особых оснований сближать даже ранние этапы Мундигака IV с Гисаром II, как это предлагает Ж. М. Касаль (стр. 111). В отношении абсолютного возраста Гисара III Ж. М. Касаль следует за длинной хронологией Д. Мак Кауна, синхронизировавшего Гисар III с Аккадом и ранними династиями Шумера. Однако ряд исследователей справедливо отмечал, что Гисар III скорее всего следует относить к концу III— началу II тысячелетия до н. э. (S. Piggott, D. H. Gordon). Да и сам Д. Мак Каун в последней работе отмечает, что предметы, на которых строится синхронизация, в Месопотамии могли бытовать и позднее Аккада, не говоря уже о варварской периферии [7]. Короткая хронология находит сейчас подтверждение и в радиокарбоновых датах. Еще Д. Мак Каун установил синхронизм Гисара III и Хараппы. В Kot Diji харапские слои датированы 2125 (±137) г. до н. э. и 1967 (±134) г. до н. э., а дохараппский комплекс 2463 (±141) г. до н. э.

Уже сам Ж. М. Касаль отмечает близкие аналогии между растительным орнаментом на керамике Хараппы и Мундигака IV, однако он полагает, что посуда Мундигака древнее и оказала влияние на Хараппу (стр. 102). При синхронизации Хараппы и Мундигака IV необходимо иметь в виду, что в подобном предположении отпадает. Под основанием цитадели Хараппы М. Уилером была найдена дохараппская керамика белуджистанского типа. Ж. М. Касаль относит ее к типу Rana Ghundai III *B* и синхронизирует с Мундигаком IV, *2* (стр. 114). Однако столь точное определение этой группы керамики невозможно, и более правильно говорить о том, что под цитаделью Хараппы найдена керамика типа Рана Гхундай II—III [8]. Кроме того, следует иметь в виду, что некоторые орнаменты Мундигака II находят аналогии не только в Рана Гхундай II, что отмечает Ж. М. Касаль (стр. 112), но и в ранней

---

[5] W. A. Fairservis. Excavation in the Yuetta Valley. New York, 1955. рис. 50 *B*; J. M. Casal. Ук. соч., рис. 49, *2*, *6*. В Гул-Мохаммед IV и в Мундигаке I, *4—5* появляется полихромная керамика типа Амри-Кечи-Бег.

[6] E. Schmidt. Excavations et Tepe Hissar, Damghsn. Philadelphia, 1937, табл. XXXVII, H—2406; J. M. Casal. Ук. соч., рис. 71, 217 (Mundigak IV, *1*).

[7] Relative Chronologies in Old World Archeology. Chicago, 1954, стр. 61.

[8] W. A. Fairservis. The Chronology of the Harappan Civilization and the Aryan Invasions. Man, 1959, nov., стр. 154

фазе Рана Гхундай III [9]. В таком случае возможные сомнения в синхронизации Мундигака IV и Харапы также отпадают. Ту же хронологию дают и результаты исследований В. Фэрсервиса в северном Пакистане, не учтенные Ж. М. Касалем в должной мере. Слои Мундигака были подвергнуты радиокарбоновой датировке в лабораториях Чикаго и во Франции (стр. 258). Лаборатория Чикагского университета дала для слоя III, *2* дату 2625 (±300) г. до н. э., что полностью соответствует предлагаемой нами хронологии. Даты французской лаборатории дали противоречивые результаты (I, *5*—2037 г. до н. э.; III, *1*—1036 г. до н. э.; III, *5*—2253 г. до н. э.). Разумеется, вопросы относительной и абсолютной хронологии названных выше памятников еще долгое время будут предметом специальных исследований.

Несогласие с Ж. М. Касалем в вопросах хронологии ни в коей мере не умаляет важности его публикации, посвященной Мундигаку. Она по-новому освещает ряд сторон древней истории Афганистана и соседних стран. Так, можно только согласиться с Ж. М. Касалем в том, что поселение Мундигак I с его керамикой, сделанной с помощью гончарного круга, было скорее всего основано племенами, двигающимися на восток из Ирана (стр. 118). Видимо, это был довольно сложный и длительный процесс, поскольку материалы Рана Гхундай II, также имеющие иранские параллели, в целом мало сходны с Мундигаком. В этом расселении известную роль мог сыграть обмен лазуритом, во второй половине IV тысячелетия до н. э. широко распространяющимся в Иране, Средней Азии и Месопотамии.

Очень интересно открытие на поселении Мундигака IV обводной стены, монументальной архитектуры и круглой скульптуры. Перед нами небольшой городок, резеденция варварского князька на периферии древнеиндийской цивилизации. По уровню развития Мундигак IV напоминает Урук южной Месопотамии. Видимо, аналогичен был уровень развития земледельческих общин Белуджистана.

Расписная керамика Мундигака обнаруживает тесные связи с соседними странами, что подробно рассматривается Ж. М. Касалем (стр. 98—105, 11—120). Нам представляется, что при этом следует осторожнее проводить прямые аналогии между материалами Афганистана и типами керамики Элама и Шумера. Рассматривая связи между Мундигаком и Южной Туркменией, Ж. М. Касаль не имел основных публикаций, что отрицательно сказалось на его выводах. Я не разделяю его мнения о том, что керамика стиля Кветта складывается в Северном Белуджистане и Южном Афганистане на основе традиций Суз и отсюда распространяется в Южную Туркмению. Основной мотив геоксюрской керамики — крест с ромбом и четырьмя треугольниками по его углам — отсутствует в Кветте и в конечном итоге восходит к композиции из четырех ланей на блюдах Самарры. Следует ожидать открытия сходной с Геоксюром культуры в Хорасане, откуда это влияние, видимо, проникло в Туркмению. Отмечу, что крупные сосуды с полихромной росписью Мундигака IV, (рис. 91) весьма близки аналогичным изделиям комплекса Намазга IV, отражающим переживание геоксюрских традиций.

Ж. М. Касаль сопоставляет керамику Мундигака V с посудой Чуста в Фергане и полагает, что упадок Мундигака IV завершился вторжением в Афганистан ферганских племен (стр. 104, 119). Действительно, керамика Чуста и Мундигака V имеет ряд общих черт, хотя в целом Чуст более примитивен. Известные сейчас памятники Чуста, однако, нельзя датировать более ранним временем, чем конец II тысячелетия до н. э. Так, на Дальверзине найдены литейные формы для удил типа Сиалк, некрополь В, а слои датированы 1090 (±120) и 760 (±120) гг. до н. э. Мундигак V, если даже принять предлагаемые изменения в хронологии, едва ли можно будет датировать позднее первой половины II тысячелетия до н. э. Возможно, открытие памятников раннего этапа Чуста позволит подтвердить вполне вероятное предположение Ж. М. Касаля. Во всяком случае показательно, что упадок Мундигака приходится на одно время с упадком харапских городов Синда и Пенджаба, Гисара III и Шах-Тепе, крупных поселений Намазга V в Туркмении, поселений Сеистана и культуры Кулли. Видимо, в конце III — первой половине II тысячелетия до н. э. имело место перемещение ряда племенных групп в областях, примыкающих к Иранскому плато, и, скорее всего, с этими перемещениями следует связывать распространение ариев в Индостане. Интересная книга Ж. М. Касаля дает новый материал для изучения этого вопроса, так же как и ряда других проблем.

В. М. Массон

---

[9] W. A. Fairservis. Archeological Surveys in the Zhob and Loralai Districts. New York, 1959, рис. 15, 52; J. M. Casal. Ук. соч., рис. 51, 52.

В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Труды Чечено-Ингушского научно-исследовательского института, т. VI, Грозный, 1963, 178 стр.+48 табл. и рисунков.

В последние годы благодаря широко развернувшимся археологическим исследованиям изучение древностей Северного Кавказа заметно оживилось. Вышел ряд обобщающих монографий, охватывающих историю Кавказа от древнейшей эпохи энеолита вплоть до позднего средневековья [1]. Эту серию исследований по праву венчает капитальный труд Е. И. Крупнова, удостоенный Ленинской премии 1963 г. [2]. Большой положительный сдвиг в изучении далекого прошлого Кавказа несомненен. Однако в перечисленных работах почти совершенно не затрагивалась целая эпоха, очень слабо изученная,— сарматская (III в. до н. э.— IV в. н. э.). Таким образом, значительный период выпадал из той картины последовательного исторического развития, которая рисовалась в указанных работах археологов-кавказоведов.

Рецензируемая книга В. Б. Виноградова в какой-то мере заполняет этот пробел и является определенным вкладом в серию новейших кавказоведческих исследований. Научное значение ее, прежде всего, состоит в том, что она содержит первую в историографии попытку обобщения всех известных в настоящее время памятников Северо-Восточного Кавказа сарматской эпохи. Если к этому добавить, что значительная часть привлеченных материалов ранее не публиковалась и впервые вводится в оборот, то станет понятным тот интерес, с которым книга В. Б. Виноградова была встречена археологами и историками.

Достоинства книги В. Б. Виноградова не ограничиваются удачно выбранной слабо изученной проблемой и новизной археологических материалов. Автор проявляет себя как способный и хорошо подготовленный теоретически археолог с ярко выраженной склонностью к историческим выводам и обобщениям. Последнее делает книгу интересной не только для археологов-профессионалов, но и для широкого круга читателя. Этому способствует и четкий, доступный язык книги.

Книга В. Б. Виноградова состоит из введения, пяти глав и заключения. Первые четыре главы построены на археологических материалах. Предложенная автором периодизация: а) савроматы, б) сарматские памятники III—I вв. до н. э. и в) сарматские памятники I—IV вв.— представляется в целом правильной, хотя и следует согласиться с мнением редактора книги К. Ф. Смирнова (стр. 5), предложившего эти три периода именовать: савроматским (V—IV вв. до н. э.), сиракским (III—I вв. до н. э.) и аланским (I—IV вв). Уточняя наименование последнего периода, предлагаем именовать его «раннеаланским», что точнее отражало бы его содержание.

Намеченные автором датировки памятников и их культурно-историческая интерпретация в основном удачны и возражений не вызывают. Интересен небольшой этюд о длинных пиках, получивших распространение в сарматском вооружении в последние века до нашей эры и значительно усиливших ударную силу сарматской конницы (стр. 57). Погребение у с. Алды, о котором идет речь, представляется нам могилой сарматского катафрактария. В главе IV, посвященной городищам и поселениям, важен вывод автора о том, что именно в сарматскую эпоху территория Северо-Восточного Кавказа покрывается густой цепью укрепленных городищ (стр. 111), часть которых была направлена против южных соседей — кавказских племен (стр. 125). Однако автор, увлекшись осмыслением городищ и поселений в плане политических взаимоотношений сираков со своими соседями, совершенно не уделил внимания другой, не менее важной стороне вопроса — процессу постепенного оседания кочевников-сарматов на землю и их переходу к оседлому земледельческому образу жизни [3]. Несколько скупых строчек (стр. 127), по существу, не раскрывают этого процесса. Для освещения же внутреннего развития сарматского общества это было бы весьма важно.

В. Б. Виноградов удачно использует древние письменные источники, привлекая их для иллюстрации археологических материалов. В этом плане наиболее положительным является опыт привлечения античных источников (Аполлоний Родосский, Псевдо-Скимн, Диодор Сицилийский, Страбон и т. д.). Анализируя свидетельства Страбона и пытаясь локализовать автохтонные племена набианов и панксанов, автор рецензируемой работы вносит поправку в их локализацию Е. И. Крупновым (стр. 158, рис. 47). Оспаривая мнение Е. И. Крупнова о тождестве гаргареев Страбона с позднейшими галгаями — ингушами [4], В. Б. Виноградов опирается на этноним Кавказской Албании — гаргары. Хотя локализация гаргареев действительно вряд ли возможна без привлечения сведений армянских авторов (Фавстоса Бузанда,

---

[1] Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА, 100. 1961; В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тысячелетие до н. э.). МИА, 93, 1960; В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. МИА, 106, 1962.

[2] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.

[3] К. Ф. Смирнов. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии. В сб.: «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 207.

[4] Е. И. Крупнов. Ук. соч., стр. 70—74.

Моисея Хоренского, Мовсеса Каганкатваци), то нужно учесть, что М. Хоренский свидетельствовал о том, что в равнине Гаргараци армяне встретились именно с северными народами[5], говорящими на варварском языке, обильном горловыми звуками.

Армянские авторы сообщают, что население Гаргараци действительно обитало где-то на территории древней Кавказской Албании и входило в число албанских племен[6], но были ли это гаргареи Страбона — вопрос далеко не ясен. Сам же В. Б. Виноградов помещает на карте гаргареев там же, где и Е. И. Крупнов.

Рассматривая сираков как «осколок савроматского объединения» (стр. 146), автор рисует интересные картины борьбы двух сарматских племенных объединений — сираков и аорсов (например, стр. 148—150). Эта напряженная борьба кончается поражением сираков со стороны сарматского племени алан, опиравшегося на поддержку роксалан, аорсов и других поволжских групп (стр. 124, 176). Несомненно, заслуживает внимания мысль В. Б. Виноградова о войне между сираками и аорсами в 49 г., после чего в Центральном Предкавказье появились аланы (стр. 165). Внутренняя связь между этими двумя событиями вполне вероятна, однако остается нерешенным вопрос: насколько правомерно распространение событий 49 г., описанных Тацитом и развернувшихся в Прикубанье, на территорию Центрального и Северо-Восточного Кавказа? В. Б. Виноградов утверждает, что следствием этой войны была «потеря сираками гегемонии над терско-сунженским междуречьем» (стр. 161). Это утверждение автора (как и ряд других) пока ничем не подтверждается. Ссылка на то, что в I в. единообразие погребального обряда сменяется разнообразием (там же), ничего не дает для подтверждения победоносной войны аорсов 49 г. в терско-сунженском междуречье. Во-первых, диагональных и подбойных погребений I в. (которые подразумевает В. Б. Виноградов) на рассматриваемой территории нам известно очень мало (не более пяти-шести, причем иногда с достаточно растянутыми датировками, стр. 74—87 и 104); во-вторых, изменения в погребальном обряде совсем не обязательно связывать с войнами. Последнее настолько ясно, что не нуждается в специальных доказательствах.

Автор рецензируемой книги с полным основанием критикует грузинского историка В. Н. Гамрекели, отрицающего обитание алан в Предкавказье в I в., и справедливо упрекает его в игнорировании археологических данных, имеющих общее признание (стр. 160—167). Присоединяясь к этой критике, добавим, что работа В. Н. Гамрекели, содержащая ряд тенденциозных и крайне спорных положений, к сожалению, до сих пор не получила соответствующей оценки в нашей научной литературе.

Хочется обратить внимание на еще одно интересное предположение В. Б. Виноградова: о возможном отражении борьбы сираков и аорсов в нартском эпосе (стр. 150—151). В свете статьи В. И. Абаева[7] такое предположение кажется вполне обоснованным.

Наряду с достоинствами работа В. Б. Виноградова не лишена и ряда недостатков, снижающих ее научную ценность. Наиболее слабой стороной работы являются, на наш взгляд, исходные позиции автора. Здесь прежде всего встает вопрос о соразмерности привлеченного фактического (в данном случае археологического) материала — местного, кавказского и подлинно сарматского, как пришлого,— и делаемых на его основе выводов и построений. Вряд ли это соотношение между фактами и выводами в рецензируемой работе гармонично.

Кратко проанализируем основной материал исследования.

Сарматский археологический материал представляет фактический стержень всей работы. По первому периоду III—I вв. до н. э. рассмотрено 33 могильных комплекса (стр. 41—61). Но из них семь комплексов Таркинского могильника (Дагестан) привлечены неправомерно, так как они принадлежат местным кавказским племенам с сарматизованной материальной культурой[8]. Поэтому нет никаких оснований включать Таркинский могильник в число сарматских комплексов; он может служить лишь для характеристики тесных связей и взаимовлияний сарматского и кавказского населения. Из оставшихся 26 комплексов 11 относятся или к случайным находкам, когда оставался неизвестным характер погребального обряда, или к плохо документированным раскопкам (комплексы 14 и 16), также без сведений о погре-

---

[5] История Армении Моисея Хоренского. М., 1858, стр. 151, 211.

[6] К. Алиев. К вопросу о племенах Кавказской Албании. Сборник в честь акад. И. А. Орбели. М.— Л., 1960, стр. 17.

[7] В. И. Абаев. Сармато-боспорские отношения в отражении нартовских сказаний. СА, XXVIII, 1958, стр. 54—61.

[8] Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана. МИА, 23, 1951, стр. 224; К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг. МИА, 23, 1951, стр. 271. В. Б. Виноградов сам не замечает тех противоречий, которые возникают у него в связи с этнокультурным определением Таркинского могильника: то он включает его в число непосредственно сарматских памятников, то именует его памятником «сарматского типа» (стр. 50), или, по Е. И. Крупнову и К. Ф. Смирнову, считает принадлежащим местному населению (стр. 54, 102).

бальном обряде. Между тем, погребальный обряд является чрезвычайно важным источником для автора; на нем он строит немало выводов и предположений.

Если указанные 11 комплексов считать недостоверными и отнести их к числу хотя и важных, но дополнительных источников, то достоверных научно исследованных комплексов III—I вв. до н. э. остается всего 15.

Период I—IV вв. представлен в книге 61 комплексом (стр. 71—87). Из них 30 относятся к тому же Таркинскому могильнику, а семь комплексов — к случайным недокументированным находкам. Если последние также отнести к числу дополнительных источников (чего не делает автор), то научно достоверных комплексов остается 24.

Можно ли на основании 39 исследованных разрозненных погребений воссоздать историю целой эпохи на довольно обширном пространстве? Разумеется, можно спорить о том критерии, который приемлем в подобных случаях. Но обратимся к книге В. Б. Виноградова. Ограниченность исходных фактических материалов хорошо видна на таблице, представленной на стр. 105. Хотя автор и оговаривается, что наличный материал недостаточен для основательных «статистических подсчетов», однако семь аланских могил дают ему возможность говорить, что аланы были решающей силой, победившей сираков (семь могил) в союзе с аорсами (пять могил) и другими родственными племенами (роксаланы, две могилы). Единственная катакомба III—V вв. у с. Джеми-Кент позволяет автору говорить о том, что аланы в это время «сочли возможным перейти к овладению северными районами Дагестана» (стр. 107). Исследовав погребения III—I вв. до н. э. (15 комплексов, см. выше), В. Б. Виноградов считает возможным на этом основании выделить в сарматской культуре два локальных варианта — сиракский и аорский (стр. 142). То обстоятельство, что «прикаспийские районы Северо-Восточного Кавказа изучены в археологическом отношении крайне слабо» (стр. 69), видимо, не смущает исследователя.

Вероятно, та же ограниченность материала заставляет автора прибегать к явным натяжкам. Для археологического выделения сиракских погребений В. Б. Виноградов использует западную ориентировку погребенных в грунтовых могилах и из 33 комплексов III—I вв. до н. э. таковых насчитывает 22 (стр. 68). В действительности погребений этого времени с западной ориентировкой только 12 (см. стр. 41—60).

Некоторые исторические построения автора держатся на том, что центром сиракских племен была р. Ахардей. В данном случае В. Б. Виноградов принимает на веру устоявшееся представление о том, что Ахардей тождествен Маныч[9]. Согласно Страбону, Ахардей вытекает с Кавказа и впадает в Меотиду[10], что никак не может соответствовать Манычу, ибо под «Кавказом» Страбон явно имел в виду Кавказские горы. Кроме того, Маныч впадает не в Меотиду, а в Дон. К географическим ориентирам Страбона ближе всего подходит Кубань, а не Маныч, на что любезно обратил наше внимание И. С. Каменецкий. Поэтому, вероятно, более прав М. И. Ростовцев, помещавший сираков «по течению Кубани, ближе к Тамани и Кавказу», а севернее их — аорсов[11]. Если эти соображения верны (а они достаточно вески, по нашему мнению), то от центра сираков на Маныче, очевидно, придется отказаться.

В. Б. Виноградов, считая долину Маныча «колыбелью» сираков, откуда они распространили свое влияние на бо́льшую часть Северного Кавказа, пишет, что постоянная западная ориентировка — самая устойчивая черта сарматских погребений в бассейне р. Маныч (стр. 68—69). Манычские погребения становятся как бы эталоном сиракских погребений вообще. Но ведь погребений сарматского времени на Маныче известны считанные единицы, причем в материалах Г. В. Подгаецкого и М. И. Артамонова (на которые ссылается В. Б. Виноградов, стр. 69) для трех погребений осталась неясной датировка. Возможно, что они относятся к эпохе бронзы[12]. Манычский материал настолько ограничен, что делать подобные широкие выводы (имеющие отношение чуть ли не ко всему Северному Кавказу) по меньшей мере поспешно. Кроме того, естественно возникает вопрос: если Маныч не Ахардей, значит манычские сарматы не сираки? Я не берусь ответить на этот вопрос, это дело специалистов-сарматоведов. Но в случае положительного ответа ряд исторических построений В. Б. Виноградова окажется лишенным отправной точки и разрушенным. Судя по сказанному выше, сиракская проблема не так ясна, как полагает В. Б. Виноградов, и еще нуждается в солидной разработке.

Представляется, что при наличии небольшого археологического материала с территории Северо-Восточного Кавказа было бы целесообразно расширить ареал

---

[9] К. Ф. Смирнов. Сарматские племена Северного Прикаспия. КСИИМК, XXXIV, 1950, стр. 105; его же. Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья. КСИИМК, XLVI, 1952, стр. 13; Е. И. Крупнов. Ук. соч., стр. 72 сл.

[10] В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ, 1949, 2, стр. 225.

[11] М. И. Ростовцев. Эллинство и иранство на юге России. Пгр., 1918, стр. 128.

[12] М. И. Артамонов. Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 г. СА, XI, 1949, стр. 336.

исследования и включить в него Центральное Предкавказье. При глубоком исследовании и обобщении всего имеющегося сарматского материала работа могла бы быть значительно ценнее и обоснованнее. Не случайно автор неоднократно выходит за географические рамки темы и включает в свой материал памятники, лежащие за пределами Северо-Восточного Кавказа — например: погребения у с. Верхний Акбаш (стр. 45), с. Брут (стр. 74), находки из Чми, Кобани и Карца (стр. 60). Можно только пожалеть, что В. Б. Виноградов не использует материалы Центрального Предкавказья (стр. 23, 32), тем более, что они также невелики.

С другой стороны, при данной постановке проблемы мы вправе были ожидать, что В. Б. Виноградов попытается реализовать все материалы, так или иначе связанные с сарматской культурой Дагестана, так как последний входит в понятие Северо-Восточного Кавказа и является его основной частью. Насколько нам известно, в Дагестане пока не найдены собственно сарматские комплексы. Но там имеется ряд памятников материальной культуры местных племен, подвергшихся ощутимой сарматизации. В. Б. Виноградов использует данные только Таркинского могильника; другие памятники с элементами сарматской культуры он упоминает мимоходом, совершенно не подвергая их анализу. Карабудахкентские и Хабадинский могильники, взятые в совокупности с Таркинским могильником, дают много ценного материала для осмысления взаимоотношений между сарматским и кавказским населением Северо-Восточного Кавказа. Но, как это ни странно, В. Б. Виноградов пишет, что анализ этих памятников «не входит в цели данной работы» (стр. 93). По этой причине очерк автора о сарматах и племенах Северо-Восточного Кавказа (стр. 151—155) написан довольно поверхностно в плане политической истории.

Еще более слаба по обеспеченности материалом глава IV «Городища и поселения сарматской эпохи на Северо-Восточном Кавказе» (стр. 109—129). Автор сам признает, что «бытовые памятники сарматского времени почти не изучены» (стр. 109). Лишь на Алханкалинском городище были произведены небольшие разведочные раскопки; остальные городища и поселения представлены исключительно подъемным материалом. Скудность археологического материала бросается в глаза: некоторые памятники автор относит к числу сарматских по нескольким черепкам (например, городища у станицы Троицкой, у с. Ильинского). В. Б. Виноградов включает в их число и Серженьюртское поселение эпохи ранней бронзы и раннего железа лишь потому, что на нем было найдено несколько случайных сарматских фрагментов керамики. Шаткость подобных «источников» не укрепляется оттого, что они названы «дозорными пунктами» (стр. 118).

Приходится констатировать, что работа В. Б. Виноградова содержит в себе только самый предварительный материал по сарматским бытовым памятникам. Автору, по существу, не известны ни стратиграфия, ни хронология, ни топография городищ, ни характер построек на них, ни характер хозяйства и быта. Почти все выводы, связанные с этими памятниками, держатся на случайных сборах и внешних наблюдениях.

Рассмотрев городища, расположенные по правому берегу Терека, В. Б. Виноградов делает вывод, что это «преднамеренное укрепление междуречья Терека и Сунжи с севера и северо-востока» и что для сираков «существовала какая-то явная угроза с севера, со стороны западно-прикаспийских степей» (стр. 123). Эта угроза — аорсы, а городища правобережья Терека — пограничные укрепления (стр. 124).

Нам в данном случае кажется гораздо более простым и логичным другое объяснение. Известно, что чуть ли не во все эпохи городища и поселения тяготели к рекам (по понятным практическим причинам) и, как правило, строились на возвышенном берегу, который доминирует над местностью и легче укрепляется. Такая же картина на Тереке — его правый берег возвышен. Расположение здесь городищ исторически закономерно. Сам автор указывает, что сарматские городища «чаще всего располагаются на месте жилых комплексов скифского времени» (стр. 120), т. е. на старой системе городищ и поселений, существовавшей тогда, когда ни сираков, ни аорсов не было. При чем же тут граница сираков и аорсов?

Разбирая инвентарь могил III—I вв. до н. э., В. Б. Виноградов делает интересное наблюдение о тяготении основных его типов на запад, к Прикубанью. Там он находит аналогии гончарной и лепной керамике, наконечникам стрел, принадлежностям конского убора, зеркалам и т. д. (стр. 61—63, 68). На территории Центрального Предкавказья и Карачаево-Черкесии в памятниках этого времени можно наблюдать аналогичную картину. Чем объясняется сила этого прикубанского влияния, отразившегося даже в лепной керамике и достигшего столь удаленных территорий? В книге ответа на этот вопрос мы не находим. Представляется, что одними межплеменными торговыми сношениями тут не обойтись; возможны и какие-то глубокие и пока неясные этнические связи между сарматским населением Прикубанья и Северо-Восточного Кавказа.

Автор рецензируемой работы справедливо обращает внимание на группу сосудов первых веков нашей эры, находящих очень близкие аналогии в ялойлу-тапинской культуре Азербайджана (стр. 90—91). Думаю, что это албанский импорт в кавказскую Сарматию. В этом свете совершенно по-новому звучат находки сарматских

предметов в Албании (Азербайджане) [13]. Ясно, что единственный путь, связывавший северо-кавказских сарматов и племена Албании, пролегал через Дербентский проход. Это тот самый путь, который описан Страбоном и по которому вели торговлю аорсы [14]. Очевидно, что данный сюжет был бы важен и интересен для темы В. Б. Виноградова. Но и он не получил в книге освещения.

Несколько замечаний по поводу использования В. Б. Виноградовым письменных источников, в частности грузинской летописи «Картлис Цховреба». Автор книги верно отмечает, что «этот ценный документ древней и средневековой истории Кавказа все еще не переведен на русский язык, что значительно затрудняет его изучение и научную оценку» (стр. 131). Добавим к этому, что не только затрудняет, но и делает почти невозможным использование «Картлис Цховреба» для широкого круга специалистов, не владеющих грузинским языком. Перевод М. Броссе [15] давно устарел. Единственными доступными остаются незначительные отрывки в переводе М. Г. Джанашвили [16]. Все это известно В. Б. Виноградову. И тем не менее он находит возможным обвинять археологов в «заговоре молчания», якобы созданном вокруг «Картлис Цховреба». Автор заявляет, что недопустимо пренебрежение и замалчивание (без приведения каких-либо аргументов) обширного и многогранного источника (стр. 132).

Нам представляется прежде всего, что обвинения В. Б. Виноградова направлены не в тот адрес. Разве северокавказские археологи виноваты в ненормальном для науки положении, когда важный письменный источник остается недоступным?

С другой стороны, давно известно, что многие сведения, сообщаемые в «Картлис Цховреба», страдают историческими анахронизмами и путаницей. Часть их отмечена самим В. Б. Виноградовым (стр. 133, прим. 8). Отметим предостережение Д. Г. Бакрадзе и справедливые слова О. И. Сенковского, сказанные более 120 лет назад: летописи Вахтанга «требуют большой недоверчивости и крайне хладнокровной критики со стороны ориенталиста» [17]. Само собой разумеется, что речь здесь в первую очередь идет о древних периодах, затронутых в летописи. Впредь до полного издания «Картлис Цховреба» на русском языке, снабженного научным анализом и комментариями текстов, замечание О. И. Сенковского и возражения других ученых для нас не теряют смысла.

Изложив рассказ «Картлис Цховреба» о потомках Яфета, их расселении и нападениях на них «хазар» (стр. 136), В. Б. Виноградов приходит к произвольному заключению, что это «единственный письменный источник, который попытался отразить взаимоотношения скифов и населения Северо-Восточного Кавказа» (стр. 137). Автор определяет и время этих событий: начало I тысячелетия до н. э. (доскифское время) — VII в. до н. э. (походы скифов на юг). Таким образом, хочет этого автор или нет, он возводит «Картлис Цховреба» в ранг уникальнейших источников, фиксирующих события чуть ли не с эпохи поздней бронзы.

Несостоятельность подобных некритических увлечений автора настолько очевидна, что вряд ли стоит уделять им специальное внимание. Отметим только два факта. Во-первых, рассуждая о расселении потомков Яфета-Таргамоса на Кавказе и пытаясь увидеть это расселение в расположении археологических культур I тысячелетия до н. э. (прикубанской, кобанской и каякентско-хорочоевской, стр. 137), автор почему-то не учитывает заключения Г. А. Меликишвили о том, что этот рассказ «не имеет какой-либо исторической ценности» [18]. Здесь же Г. А. Меликишвили обращает внимание на неясность той эпохи, к которой следует отнести данные о владениях кавказских родоначальников. Во-вторых, несмотря на ссылку на Клапрота (стр. 133), трудно поверить, что в «Картлис Цховреба» под нашествием «хазар» описано нашествие скифов в VII в. до н. э. на Закавказье. Уже сам по себе почтенный срок (почти две тысячи лет), отделяющий время сложения «Картлис Цховреба» от события, говорит об этом. В рецензируемой книге нет убедительных доказательств в пользу того, что «Картлис Цховреба» рассказывает именно о походах скифов.

---

[13] С. М. Казиев. Новые археологические находки в Мингечауре в 1949 г. «Изв. АН Азерб. ССР», 9, 1949, стр. 94—95, рис. 11; его же. О некоторых типах оружия из Мингечаура. Материальная культура Азербайджана, II, Баку, 1951, стр. 30; Г. М. Асланов. Материальная культура Мингечаура I—VII вв. (на основе археологии катакомбных погребений). Автореф. кандидатской диссертации. Баку, 1963.

[14] В. В. Латышев. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. I, вып. I, СПб., 1893, стр. 148.

[15] M. Brosset. Histoire de la Georgie, r. 1, St- Petersbourg, 1849.

[16] М. Джанашвили. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. СМОМПК, XXII, Тифлис, 1897.

[17] О. И. Сенковский. Некоторые сомнения касательно истории грузинов. «Библиотека для чтения», XXX, СПб., 1838, стр. 152; К. П. Патканов. Ванские надписи и значения их для истории Передней Азии. ЖМНП, ч. CCXXX, отд. 2, СПб., 1883; В. Ф. Миллер. Осетинские этюды, ч. III, М., 1887, стр. 18; Г. А. Меликишвили. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, стр. 32—33.

[18] Г. А. Меликишвили. Ук. соч., стр. 34.

Заканчивая разбор книги В. Б. Виноградова и не останавливаясь на ее мелких недостатках, еще раз отметим, что автор проделал несомненно большую и полезную работу, введя в научный оборот новый и хорошо датированный материал по сарматской культуре Северо-Восточного Кавказа. Он продвигает вперед наши знания по этой важной и слабо изученной исторической эпохе. Но с сожалением приходится констатировать, что этот археологический материал еще весьма ограничен и недостаточен для создания полноценной научной монографии по истории проникновения сарматов на Северо-Восточный Кавказ. Данное обстоятельство отразилось на всей работе В. Б. Виноградова, что мы и попытались показать выше.

В. А. Кузнецов

* * *

В своем труде В. Б. Виноградов в значительной мере исходил из работ Е. И. Крупнова, который неоднократно отмечал важность решения вопросов, касающихся сарматов на Кавказе. В частности, глава IV рецензируемой работы «Городища и поселения сарматской эпохи на Северо-Восточном Кавказе» — несомненное развитие гипотезы Е. И. Крупнова о прекращении в IV—III вв. до н. э. жизни на поселениях скифского времени или о возведении на них укреплений «в связи с началом мощного проникновения на Северный Кавказ сарматских племенных групп из Подонья и Нижнего Поволжья» [1]. При этом, конечно, вполне понятно, что автор новой работы приходит иногда к несколько иным выводам, чем его маститый предшественник, и прочнее ставит сарматов на месте, отвоеванном ими в историческом процессе.

В. Б. Виноградов углубленно изучил сарматские памятники на Северо-Восточном Кавказе. Автору хорошо знакома поволжская родина сарматов. Он правильно оценивает ее значение для любых определений сарматских памятников, будь то на Кавказе или на Украине. Отсюда идут его постоянные экскурсы на протяжении всей книги в эту область науки о сарматах. Он отлично понимает упорное сохранение сарматами на любой территории, где они появлялись, основных форм их материального быта, хозяйства, погребального ритуала и энергичной воинственности.

В. Б. Виноградов свободно владеет всей литературой по археологии и истории сарматов. Но почему-то он ссылается на труды В. А. Городцова и М. И. Ростовцева очень редко и по частным поводам. Между тем В. А. Городцов после своих раскопок курганов в бывшем Бахмутском уезде Екатеринославской губернии в 1903 г. совершенно точно определил (притом первым) ритуал и инвентари сарматов Украины [2]. М. И. Ростовцеву наука обязана еще с 1918 г. исчерпывающим определением сарматских курганов Прикубанья и Оренбургских степей [3]. Без определений и изысканий этих двух крупнейших археологов предреволюционной России было бы очень трудно советским специалистам по сарматской археологии Поволжья так быстро найти историческое место для новых, или открытых памятников. В таком труде, как труд В. Б. Виноградова, следовало бы, хотя бы при первых случаях упоминания литературы по сарматам Поволжья, Прикубанья и Украины, сослаться не только на П. С. Рыкова, П. Д. Рау, Б. Н. Гракова, К. Ф. Смирнова, Н. В. Анфимова и А. П. Абрамову, а и на первооткрывателей в этой специальной области. Это серьезный промах молодого автора.

Следует одобрить в целом хронологическое деление автора по отношению к изученной территории на три этапа. Автор прав, создавая отличную от поволжской периодизацию. Сарматы на Северном Кавказе переживали несколько дольше ранние, савроматские, черты культуры и ритуала и в то же время с самого начала впитали новые навыки от местного населения. Это были такие существенные хозяйственные условия, как переход всех или части сиракских производителей к земледелию меотского типа и к усвоению их горшечниками гончарного круга, к производству кувшинов и серых лощеных мисок, которые являлись в дальнейшем излюбленными сосудами сарматского обихода даже в Поволжье и на Украине. Там это последнее явление — результат обратных связей сираков с их более северными родичами. Все это не позволяет перенести целиком периодизацию с Нижней Волги на Кавказ. Отсюда новое, созданное В. Б. Виноградовым хронологическое деление. В нем есть, однако, один существенный недочет: влияние сираков и аорсов прекратилось не ранее как около 70 г., т. е. не на рубеже обоих летосчислений, а почти на семьдесят лет позднее. От этого срока, а не с начала I в. и следует начинать аланский этап истории сарматов на Северо-Восточном Кавказе.

Таковы наши общие впечатления и соображения, одобрительные и критические, по всей работе в целом. Много нового и хорошего есть в ее частностях. Постараем-

---

[1] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 166.

[2] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии, 1903 г. Тр. XIII АС, I, М., 1907, стр. 248—270.

[3] М. И. Ростовцев. Эллинство и иранство на юге России. Птрг., 1918, стр. 128, 138; его же. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. МАР, 37, Птрг., 1918; его же. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 559—580, 591—612, 615.

ся по возможности объективнее судить и об отдельных главах труда и частных мнениях и выводах в них.

В первых трех главах рассмотрен и в целом правильно отнесен к той или иной из принятых ступеней истории сарматов и этнических их групп археологический материал из курганов Северо-Восточного Кавказа. Всего автор изучил 99 комплексов и ряд случайных находок.

Устойчивость основных форм культуры сарматов, конечно, позволяет категорически установить их появление на Северо-Восточном Кавказе из степного междуречья Дона и Волги, преимущественно из-за последней. Для эпохи проникновения на эту территорию савроматов в сущности нет других документов, кроме археологических. В числе их, по-видимому, правильно выделен своеобразный вариант местного звериного стиля. Однако для категорического определения этого стиля фактов, конечно, как понимает хорошо сам автор, еще слишком мало. Он справедливо отмечает только возможность постановки такого вопроса (стр. 34, 35).

Автор принимает в общем в вопросе о формах и причинах сдвига савроматских и прохоровских племен (протоаорсов?) картину, нарисованную К. Ф. Смирновым[4]. Однако вывод его о наличии не позднее V в. до н. э. постоянных савроматских кочевий между Кумой и Тереком, а также об их упорной борьбе с протоаорсами, конечно, только гипотетический тезис. Не возражая отнюдь против таких предположений, мы считаем форму выражения этой гипотезы слишком категорической.

Положение автора прочнее в выводах о втором периоде сарматской истории на Северо-Восточном Кавказе в III—I вв. до н. э. Он имел дело с 33 комплексами погребений. При вполне умелом хронологическом подходе ему удалось вместе с установленным уже раньше бытованием на Маныче и в Прикубанье собственно савроматских подробностей ритуала, что особенно проявляется в широтной ориентировке могил и костяков, с довольно прочным основанием увидеть восточное ответвление сираков, широкое распространение которых к началу следующего периода установлено между Манычем и Кубанью. Впрочем, вычтем несколько комплексов Таркинского могильника, относимых В. Б. Виноградовым, согласно с мнением других ученых, к сарматизованному местному населению.

Вполне можно согласиться с автором, что погребения сарматского времени в Моздокском могильнике относятся к той же категории, что и таркинские. Мы соглашаемся со сравнительно ранним проникновением сираков на Северо-Восточный Кавказ и с порядочным влиянием прикубанских форм культуры на сираков этих мест.

Прав автор, вероятно, в том, что побережье в эту пору стали занимать аорсы, хотя данных для такого утверждения у него немного. К такому выводу надо прийти неизбежно, если держаться мнения К. Ф. Смирнова о принадлежности протоаорсам прохоровской культуры. На современном этапе знаний гипотеза К. Ф. Смирнова представляется довольно обоснованной. Приложение ее результатов при всей малочисленности фактов к Северо-Восточному Кавказу, пожалуй, даже вероятно. Интенсивность и прочность сарматского заселения Северо-Восточного Предкавказья подкрепляется не только фактами археологии, но еще более данными исторической традиции, особенно Страбоном.

Мы не будем подробно останавливаться на археологическом анализе автора. Его в целом можно вполне одобрить и подтвердить. Приведем лишь небольшие дополнения и соображения. В комплексе № 31, относимом ко II в. до н. э. (точнее, однако, ко II—I вв. или началу I в. до н. э.), находится большое копье — первый намек на то, что скоро появятся катафрактарии. Дополню аналогию, почему-то упущенную из виду: копье длиной около 45 *см* в кург. № 55/14 Калиновского могильника под Волгоградом из раскопок В. П. Шилова[5]. Ведь это пока единственный такой же предмет. В связи с этим остановлюсь на своей поправке к переводу В. В. Латышева из «Argonautica» Валерия Бальба[6]. В. В. Латышев — филолог, для которого вопрос о способе применения копья катафрактариями не имеет значения. Не будь я археологом, мне и в голову не пришло бы сделать эту поправку. Но категоричность В. Б. Виноградова в осуждении прежнего перевода, без приведения надлежащих аргументов, совершенно излишняя.

Об осведомленности же Бальба и вообще о применимости в качестве письменного источника к археологии Кавказа его книги будет сказано ниже. Автору диссертации доступен археологический аргумент в защиту нашего перевода. Он хорошо развит на стр. 57. Но приписывать нашей поправке «большой исторический смысл» незачем. Ведь мысль внести эту поправку возникла в результате не столько филологических, сколько археологических соображений.

Констатировав наличие пращевых камней в некоторых комплексах, следовало отметить это как особенность вооружения кавказских сарматов.

Естественно, что время I—IV вв. н. э., оставившее более археологических памятников, соответственно лучше освещено автором. Однако из 61 комплекса по

---

[4] К. Ф. Смирнов. Проблема происхождения ранних сарматов. СА, 1957, 3, стр. 19; его же. Вооружение савроматов. МИА, 101, 1961, стр. 5.

[5] В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник. МИА, 60, 1959, рис. 51, *1*.

[6] G. Valerius Flaccus Setinus Balbus. Argonautica, VI, 163.

устройству могильных сооружений и ритуалу только немного больше половины носят достаточно ясный сарматский облик. Зато состав инвентарей всюду вполне сарматский. Однако таркинские и некоторые другие захоронения, несмотря на это, приходится отнести к местным сарматизованным племенам. Отметим неполноту данных о кинжалах с боковыми выступами под пяткой клинка (Моздок, рис. 32, *2* и случайные находки, рис. 41, *4*). Семь таких кинжалов известны в Борисовском могильнике у Геленджика в погребениях II—IV вв. и несколько позднее [7]. Таким образом, подобные кинжалы из случайных находок могут отчасти относиться к послесарматскому времени. Есть кинжалы этого образца и на Украине, среди находок послесарматских, но, кажется, все неизданные. Впрочем, Н. И. Сокольский [8], писавший о боспорских мечах, очевидно, случайно пропустил борисовские кинжалы. Только на этого ученого и опирался В. Б. Виноградов при анализе и датировке подобных кинжалов.

Мы вполне согласны с автором относительно аланской принадлежности катакомбных погребений; узкие погребения с западной ориентировкой, конечно, сиракские. О подбойных погребениях можно лишь сказать, что они на своей поволжско-уральской родине могут считаться аланскими только с конца II в. До тех пор они принадлежат тому же народу, что и узкие меридиональные ямы, т. е. аорсам, повлиявшим на население, оставившее Таркинский могильник.

Автор верно показал, что у сарматов подбои и катакомбы развиваются на их заволжской родине весьма рано, еще в прохоровское время. Следуя за К. Ф. Смирновым, В. Б. Виноградов считает диагональные погребения роксоланскими. Я не считаю их таковыми. То же думает и В. П. Шилов. Правда, моя аргументация не совпадает с аргументацией В. П. Шилова, и я не нахожу возможным сейчас подробно трактовать этот вопрос. Но контрдоводы В. Б. Виноградова не решают этого вопроса сколько-нибудь окончательно.

Сокращение числа сиракских погребений за счет проникновения других племен с Поволжья вряд ли обозначает окончательное падение могущества сираков. Автор считает аланов с I в. господствующим в Предкавказье народом. Это аргументируется отчасти ретроспективно все тою же принадлежностью им катакомбных могил не только античного, но и раннесредневекового времени. Однако не только наличие погребений поволжских типов свидетельствует о значении аорсов на Северо-Восточном Кавказе до третьей четверти I в. Еще более говорят об этом античные свидетельства, в первую очередь Страбон и Тацит.

В IV главе рассмотрены городища и селища сарматского времени на Северо-Восточном Кавказе. Наличие в 27 пунктах более или менее многочисленных фрагментов керамики заведомо сарматских типов, типичных наконечников стрел, фибул, типичных пряслиц и т. п. позволяет автору говорить о сарматском характере культуры этих городищ и селищ. В соответствии со своей гипотезой о большой заселенности степных районов сарматами и их постепенном продвижении вперед В. Б. Виноградов видит в городищах первоначальные сиракские оплоты против усиливающихся аорсов. С усилением алан городища превращаются в их оплот против южных горных аборигенов. Автор в какой-то степени допускает ассимиляцию сарматами туземных племен. Некоторые из них он готов причислить аорсам и утидорсам (стр. 120—128).

Е. И. Крупнов также считает возможным говорить об «оседании пришлых групп сираков и аорсов среди местного населения Северного Кавказа» и видит частичную ассимиляцию коренного населения сарматами, причем на городищах «сильная местная струя» сливается с новыми формами материальной культуры [9]. Приходится считать, что при теперешнем состоянии изученности соответственных поселений обе точки зрения вполне допустимы.

Глава V посвящена истории сарматов по данным письменных источников, конечно, на установленном в книге археологическом фоне. Автор предлагает обратить внимание на грузинский источник «Картлис Цховребу». Но в нашем распоряжении нет доступного и хорошо источниковедчески комментированного перевода. Поэтому нам остается только с интересом читать в книге В. Б. Виноградова предположения о скифских походах на Передний Восток на основании сообщений о походах «хазар» в Закавказье. Судить о степени правомерности таких привлечений мы не беремся. Желательно, чтобы грузинские ученые издали хороший русский перевод, снабдив его хорошо аргументированным комментарием.

В книге В. Б. Виноградова хорошо показано, что, по данным археологии, движение сарматов в предкавказские степи началось в IV в. до н. э. Подтверждение этого факта античными источниками не всегда удачно. Аполлоний Родосский, конечно, знал о движении сарматов в III в. до н. э. с севера на Кавказ. Но имя «савроматы» употреблено им не потому, что такой этноним бытовал в это время, как думает В. Б. Виноградов, а потому, что в эпосе употребляли эту форму вместо слова «сарматы». Первое укладывается в гексаметр по законам античной стихотворной

---

[7] В. В. Саханев. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—12 гг. ИАК, 56, Птг., 1914, стр. 125, 126, рис. 16.

[8] Н. И. Сокольский. Боспорские мечи. МИА, 33, 1957, табл. VIII, *1, г.*

[9] Е. И. Крупнов. Указ. соч., стр. 391, 392.

метрики, а второе не укладывается, кроме именительного падежа единственного числа в латинском и звательной формы того же числа в греческом контекстах. У Псевдо-Скимна (II или I в. до н. э.) локализация сарматов по Дону, а иаксаматов сразу к востоку от них, но не в глубь на восток, а по восточному берегу Меотиды к Синдике, также соответствует его времени. Это подтверждено другими источниками. А вот Эфор привлечен Псевдо-Скимном по обычаю географов послеэратосфеновского времени, чтобы дополнить свои фактические сведения авторитетом крупных авторов старины. А ведь во время Эфора этноним «сарматы» еще не употреблялся. Писали только о «савроматах». Итак, подтвердить данными Аполлония и Псевдо-Скимна археологическую картину закономерно, но думать о сохранении сираками в своей среде этнонима «савроматы» невозможно. Цитируемые свидетельства Плиния, как и привлеченные автором якобы иранские имена боспорских царей, не могут подтвердить этого вывода: первые ввиду неясности генезиса этнической номенклатуры Плиния, когда он безразлично употребляет то слово «сарматы», то «савроматы», а вторые ввиду того, что из упомянутых имен только Аспург — имя иранское [10].

С интересом и здесь мы читаем данные «Картлис цховребы», но не можем оценивать их критически. Нечего и говорить: данные Страбона о территориях, взаимоотношениях и распространении сираков и аорсов на юг в пределы Кавказа и о их роли в торговле этого края вполне подтверждают и очень расширяют археологическую картину, впервые созданную именно В. Б. Виноградовым.

Отклонив выводы автора о позднем сохранении в среде сираков этнонима «савроматы», мы вполне присоединяемся к нему там, где он рисует враждебные отношения сираков и аорсов по данным Тацита о вторжении их в Закавказье в 35 г. и об их войне друг против друга в 45 г. Однако часто привлекаемый автором Валерий Бальб — недостоверный источник по истории сарматов. За дядей Медеи Персом и претендентом Апавсием идут в поход племена от Истра и Борисфена до Кавказа, так что там фигурируют даже иазиги, давно уже ушедшие на северо-запад Причерноморья. Бальб очень выспренен и спешит блеснуть ученостью: отсюда нагромождение историко-географических анахронизмов, своеобразной северной экзотики. Риторичность его переходит иногда за пределы обычной в то время манеры ораторов и поэтов.

В целом картина появления алан на Кавказе и картина их вторжения дана верно. Однако на рубеже 60-х и 70-х годов I в. Иосиф Флавий, описывая их вторжение через Дарьял, исходное положение дает еще на Дону, а не на Кавказе. Это обстоятельство автором упущено из виду.

Работа В. Б. Виноградова — первая серьезная попытка навести порядок в сарматских памятниках и в истории их на Северо-Восточном Кавказе. Сопоставляя свою первую в археологической литературе сводку с письменными данными, автор рисует в общем верную картину распространения сарматов в этой части Кавказа, их взаимоотношений и смены одних племен другими. Порою он дает гипотетические детали, иногда не вполне точно трактует те или иные исторические факты. Он увлекается некритическим использованием таких источников, как Валерий Бальб или путаной для нашей территории этнонимикой Плиния. Это не умаляет достоинств кропотливой и первой в своем роде работы. Книга в основном убедительно аргументирована и рисуется нам достаточно свежей, вводящей в нашу науку новые археологические материалы.

Б. Н. Граков

---

[10] В. Б. Виноградов на стр. 147 своей работы ссылается на книгу С. П. Толстова «Древний Хорезм» (М., 1948, стр. 221). Но исследователь Хорезма в указанном месте ничего об иранской принадлежности имен не говорит, а лишь пишет о боспорской династии: «Судя по именам (Аспург, Савромат, Рескупорид, Котис), не подлежит сомнению ее связь с сарматскими элементами». Савромат — реминисценция из номенклатуры далекого для первых веков нашей эры прошлого. Рескупорид и Котис — имена, пришедшие в боспорскую и притом только династическую ономастику из Фракии, где они бытовали задолго до прихода иранских по языку сарматов. Из многочисленных ссылок В. Б. Виноградова видно, что он знаком с первичной литературой по сарматскому именослову. Тем досаднее его ссылка на С. П. Толстова, говорящего в указанном месте об этих именах по другому поводу и в другой связи.

В. Ф. Генинг. Азелинская культура III—V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху великого переселения народов. «Вопросы археологии Урала», Свердловск — Ижевск, 1963, вып. 5. Труды Удмуртской археологической экспедиции, т. 2, стр. 5—160+72 рис., 24 табл.

Вопрос об азелинской культуре впервые был поставлен В. Ф. Генингом в 1956 г.[1].

---

[1] В. Ф. Генинг. Этнические культуры Прикамья в эпоху железа. Тезисы докладов на конференции по древней и средневековой истории народов Поволжья в г. Казани в 1956 г.

Несколько позднее обоснование азелинской культуры было повторено автором настоящей книги в ряде статей и книг без какой-либо дополнительной аргументации [2].

Смело нарисованная автором рецензируемой книги этническая картина Приуралья с большим числом выделенных культур не была достаточно солидно аргументирована и получила первый серьезный удар в кандидатской диссертации Н. А. Мажитова «Бахмутинская культура», в которой была доказана неправомерность выделения одной из таких культур — мазунинской [3]. До выхода в свет настоящей книги трудно было судить об азелинской культуре, не было данных для датировки этой культуры, неизвестными оставались основы выделения ее в особую культуру и основные исторические выводы.

Рецензируемая книга состоит из предисловия редакции, введения автора книги, пяти глав, заключения, приложения с дневником раскопок и сведениями о всех памятниках, отнесенных В. Ф. Генингом к азелинской культуре, списка литературы, статьи М. С. Акимовой «Черепа раннего средневековья с р. Вятки», указателя к таблицам и 24 таблиц иллюстраций.

Предисловие редакции определяет понятие культуры, значение публикуемых памятников и оценку самого исследования. Краткое введение автора знакомит читателя с задачей, стоявшей перед экспедицией при исследовании Азелинского и Суворовского могильников, относящихся, по мнению исследователя, к III—V вв.

Глава первая «Азелинские племена в Волго-Вятском междуречье» содержит историю исследования памятников первой половины I тысячелетия в междуречье Волга — Вятка и дает характеристику азелинской культуры, ее погребального обряда, инвентаря и поселений. Эта характеристика не выходит из границ общих определений, не вскрывает специфику обряда захоронения и вещевого комплекса. «Это всевозможные застежки, подвески, бусы, браслеты, перстни...»,— пишет автор, определяя своеобразие азелинской культуры (стр. 10). Особый раздел этой главы посвящен происхождению азелинской культуры. Автор отмечает, что азелинские племена не были исконными обитателями Волго-Вятского междуречья, где совершенно нет памятников предшествующего времени — III в. до н. э.— II в. н. э., и явились с востока, из другого района Камы, с устья р. Белой.

Автор связывает появление азелинцев на Вятке с движением гуннов, которые при своем движении потеснили племена западной Сибири и Южного Приуралья, состоявшие из угров и каких-то «древнетюркских племен», занимавших, вероятно, окраины Западной Сибири и Северного Казахстана (стр. 14—16). При этом движении и произошли значительные сдвиги населения, совершенно изменившие этнический облик края. Племена пьяноборской культуры с устья Белой были вытеснены на Вятку, которая якобы не была заселена. «На новых местах эта группа населения продолжала развитие своей культуры, которую мы называем теперь азелинской»,— пишет автор (стр. 18). В. Ф. Генинг останавливается на вопросе о генетической связи между пьяноборским и азелинским населением. В археологии это доказывается прежде всего сходством вещей, когда удается доказать, что более поздние развиваются из более ранних. В данном случае, отмечает он, такая цепочка в развитии хорошо прослеживается (стр. 18).

Рассмотрев некоторые формы вещей, В. Ф. Генинг приходит к выводу о связи пьяноборских и азелинских форм: «И даже весь общий характер украшения женских костюмов азелинского и пьяноборского времени почти совершенно одинаков» (стр. 19). Он отмечает также близость форм и орнаментации пьяноборской и азелинской посуды.

Таковы взгляды В. Ф. Генинга на происхождение азелинской культуры. В книге отмечается и своеобразие азелинской культуры. Новое название культуры дано не потому, что население перешло на новое место, но благодаря крупнейшим, как пишет автор, изменениям в его общественно-экономической формации. «Если в пьяноборское время добыча железа была еще чрезвычайно трудоемким процессом и орудий труда из железа тогда встречалось еще немного, то совершенно другая картина предстает перед нами в памятниках азелинской культуры. Здесь железо получило массовое распространение, что связано с крупными достижениями в технике его производства. Это, в свою очередь, вызвало многие коренные изменения других сторон жизни и быта» (стр. 18).

Вторая глава «Хозяйство и быт» раскрывается на всем материале. Автор характеризует природные условия края, высокоразвитое скотоводство со стойловым содержанием стада, подсечно-огневое земледелие с применением рала, охоту, металлургию, ювелирное дело и домашнее производство. Нельзя не отметить некоторой переоценки уровня производительных сил, что особенно заметно в отношении земледелия и металлургии. Большой интерес в этой главе представляют результаты анализа бронз из Суворовского могильника.

---

[2] В. Ф. Генинг. Очерки этнических культур Прикамья в эпоху железа. Тр. Казанск. ФАН СССР, II, 1959, стр. 2; его же. Пьяноборская культура на Средней Каме. Автореф. канд. дис. М., 1959; его же. Проблемы изучения железного века Урала. «Вопросы археологии Урала», 1, Свердловск, 1961, стр. 23; его же. Узловые вопросы изучения пьяноборской культуры. «Вопросы археологии Урала», 4, 1962, стр. 5.

[3] Н. А. Мажитов. Бахмутинская культура. Автореф. канд. дис. М., 1963, стр. 6.

Глава третья содержит подробное описание мужского и женского костюмов. Большое количество находок украшений и частей костюма позволило автору дать убедительную реконструкцию одежды населения того времени. Интересен женский нагрудник (рис. 23 и 24), напоминающий нагрудные украшения марийской женщины X в. из могильника Бигер-Шай [4] и шейное украшение современной женщины мари. Что касается головного убора, который автор называет такья, то аналогичные шапочки были распространены в древности и у удмуртов X в., о чем можно судить по материалу могильника Чем-Шай [5].

Интересен второй тип головного убора, который автор сопоставляет с марийским «шимакш». Этнографические параллели интересны. К сожалению, фраза на стр. 55: «Азелинская такья является, таким образом, заимствованным головным убором. Наиболее вероятно, что заимствована она была от древнечувашского населения, появившегося в III—IV вв. на Волге»,— не подкреплена материалом.

Четвертая глава посвящена обществу. Автор отправляется от гипотезы о бегстве азелинцев с прежнего местожительства. Он отмечает, что старые родовые связи при бегстве были нарушены и племена, формировавшиеся на новой территории, включали различные по своему происхождению группы населения. Азелинское население было, по его мнению, немногочисленным и редким, что вообще характерно для лесной полосы. В. Ф. Генинг приводит аналогию с удмуртами, которые в XV в. насчитывали не более 4—5 тыс. человек. Он считает, что в это время род распадался, хозяйственной единицей стала патриархальная семья. Он видит это в расположении могил по рядам, которые принадлежали отдельным семьям. Эта точка зрения выглядела бы убедительно, если бы подобный порядок захоронений не был известен раньше. Можно напомнить, что аналогичный порядок расположения могил рядами известен и в ананьинскую эпоху. Автор отмечает, что обособление семей хорошо видно и по поселениям. Правда, он тут же оговаривается, что подобный порядок прослежен не здесь, а на Верхней Каме (стр. 63). Характеристика семьи основана на положениях классической работы Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и не требует разъяснения. Автор отмечает специализацию — выделение кузнеца, охотника и воина, он отмечает стандартность производства. Интересно его наблюдение, связанное с находкой литейных и ювелирных изделий в погребении женщины.

В результате анализа всех находок В. Ф. Генинг приходит к выводу: «Азелинское общество мы застаем в тот период, когда „...произошло *второе крупное разделение труда*: ремесло отделилось от земледелия“ [6]. И обусловлено это было не только крупными сдвигами в технике, но и намного возросшей потребностью общества в массовых изделиях из металла» (стр. 68).

Особый раздел посвящен военному делу. Автор изучает все вооружение и приходит к выводу, что в «азелинское время воины использовали лошадь для верховой езды, хотя в сражении выступали пешими» (стр. 73). В заключение В. Ф. Генинг отмечает имущественное неравенство членов рода: «это общество знало противоречия между членами рода» (стр. 78).

Пятая глава посвящена изучению культа предков. Автор дает краткую характеристику первобытной религии, не связанной с материалом могильника. Он подробно разбирает погребальный обряд азелинцев и реконструирует путь, который, по представлению азелинцев, проделывает умерший в загробный мир (стр. 89). Его разбор числа стрел, кратное семи, заслуживает внимания.

Заключение подводит итоги исследования. Автор касается периода, предшествующего азелинской культуре, и отмечает, что основу населения ананьинской культуры составляли племена приказанской культуры и пришельцы из-за Урала. Эта точка зрения неоднократно высказывалась в работах, посвященных древней истории Прикамья. В. Ф. Генинг отмечает заимствования азелинцами у своих соседей некоторых культурных достижений. В их числе — наральник, серп, коса, каменный жернов, а также такья, заимствованная у древнетюркских племен. Вопрос об отношении азелинцев к более позднему населению края — мари и удмуртам — автор оставляет открытым.

В книге имеется приложение, которое содержит дневники раскопок и описание памятников. Здесь же помещена интересная статья М. С. Акимовой «Черепа раннего средневековья с р. Вятки», в которой отмечается некоторое расхождение между азелинскими и пьяноборскими черепами с Камы. 24 таблицы и указатель к ним заканчивают книгу.

Рецензируемая книга впервые публикует материалы интереснейших могильников, отнесенных к особой азелинской культуре. После первого выступления в печати в 1956 г. прошло семь лет, и только теперь археологи впервые могут ознакомиться с могильниками, исследованными казанским коллективом. Два могильника положе-

---

[4] А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, 28, 1952, табл. XXXVII, *2*.

[5] Там же, табл. I, *5*.

[6] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, М., 1961, стр. 163.

ны в основу новой культуры, остальной материал привлечен в качестве сопутствующего. Автор, по-видимому, поставил задачу дать не только историю населения Волго-Вятского междуречья, но и характеристику культуры, о чем можно судить по описанию археологического материала.

К сожалению, автор не выделил комплекс вещей, характерный для азелинской культуры, и не определил ее характерные черты. Он нигде не сделал анализа вещевого материала, который бы дал возможность определить дату памятников. Начиная с первой страницы, он пишет о времени III—V вв., ничем не аргументируя своего утверждения. А между тем даже самое поверхностное, беглое знакомство с материалом заставляет настороженно отнестись к предложенной дате, которая ни в данной книге, ни в предыдущих работах этого автора не получила обоснования. Ряд вещей заставляет вспомнить памятники более позднего времени — VI—VII вв. Если разбить весь материал по могильным комплексам и проанализировать погребальные инвентари, то весь материал разделится на три этапа: I—III, III—V и V—VII вв. Первые две группы разделяются довольно плохо, но последняя, правда крайне немногочисленная, выделяется достаточно хорошо. Она хорошо датируется шлемом и особого рода пряжками, получившими широкое распространение в Европе с половины I тысячелетия. Их прототипы известны в ряде вариантов. Они широко представлены в комплексах вест-готов и в Центральной Европе [7], а на нашей территории — в Крымских могильниках [8]. Опубликованные В. Ф. Генингом пряжки представляют местные варианты европейских типов и несомненно являются произведениями местных мастеров.

К числу таких пряжек, в которых можно проследить несколько характерных поздних черт, относятся пряжки (табл. IV, *1*) с овальным, сильно приплюснутым кольцом, с язычком, имеющим загнутый конец, длинные пластины с несколько вогнутыми боковыми сторонами, с круглыми выступами по углам. У некоторых пряжек такие закругления отсутствуют (табл. IV, *3, 4*). К этой же группе относятся пряжки с полукруглым кольцом с подтреугольной пластиной, заканчивающейся полукруглым концом (табл. IV, *1, 3, 4, 8, 9*; V, *19*; IX, *12*; XXIII, *6*).

Поздними, выходящими за грань V в., являются полукруглые шлемы на каркасе, известные в литературе под именем «Spangen helm». Железные шлемы, с этим названием широко распространены в I и II тысячелетиях в Европе. Однако они различаются в деталях. Особую группу составляют поздние шлемы, по своим очертаниям резко отличающиеся от азелинских [9].

Более ранние железные шлемы первых веков нашей эры имеют коническую или яйцевидную форму [10] и хорошо известны по склепам Пантикапея. Следует отметить, что шлемы с наносником, изображенные на рельефе арки Галерия в Солуни, имеют коническую форму, по очертанию близки азелинским, но отличаются от них кнопкой наверху [11]. Шлем на рельефе Трифона, близкий азелинским, также имеет кнопку наверху и рельефный ободок по краю [12].

Азелинские шлемы наиболее близки, а в ряде случаев аналогичны, кочевническим типам, примером чему может служить «каменная баба» с Северного Кавказа в собрании Исторического музея [13]. Такие шлемы известны и в более позднее время [14].

Самым ярким примером позднего погребения является могила № 1 Суворовского могильника. Это погребение воина со своеобразным мечом с длинной рукоятью, завершающейся небольшой халцедоновой бусиной, резко отличающейся от наверший сарматских мечей III—IV вв. В числе других вещей — большой нож, бляхи, поясные застежки, обувные пряжки типа, отмеченного выше, все вещи, не встречающиеся ранее V—VI вв. Встречен ряд вещей с широкими хронологическими рамками, среди них пластинчатые перстни и браслет, копье, кельт (следует заметить, что такие крупные кельты с несколько изогнутым профилем характерны для второй половины I тысячелетия), накладки и стрелы. К этому времени следует отнести и погребение кузнеца (Азелинский могильник, мог. № 1), в котором встречены поздние пряжки (табл. XXIII, *5*; IX, *12*; XXIII, *12*). Инвентарь кузнеца, в том числе наральник, хоро-

---

[7] H. Zeiss. Die Grabfünde aus dem Spanischen Westgoten Reich. Berlin, 1934, табл. 11, 12, 13, 31; Hampel. Alterthümer der frühen Mittelalter in Ungarn. I, стр. 17, рис. 256, 654, 719, 734; рис. 682, 1687.

[8] Н. И. Репников. Некоторые области крымских готов. ИАК, 19, СПб., 1906, табл. IX, X, *16*.

[9] M. Viollet — le duc. Dictionnaire raisonne du Mobilier français, V, Paris, 1874, стр. 65.

[10] Э. Ленц. Описание оружия, найденного в 1901 г. в Кубанской области. ИАК, 4, СПб., 1902, стр. 120; М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914, табл. 78, 81, 88.

[11] М. И. Ростовцев. Ук. соч., стр. 333, табл. 86.

[12] Там же, табл. 84.

[13] А. П. Смирнов. Куйбышевская каменная баба. КСИИМК, 12, 1946, рис. 18.

[14] B. Arendt. Betrage zur entstehung des spangenharnisches ein altturkischer Waffenfund aus Kertsch. Zeitschrift fur Historische Waffen und Kostumkunde, 4, тетр. 3, 1932, стр. 46.

шо согласуется с поздней датой VI—VII вв. В этой могиле найдены вещи, которые можно отнести и к более раннему времени: это небольшая пряжка восьмеркообразной формы с неподвижным язычком. Правда, по своей форме она резко отличается от более ранних сарматских и пьяноборских, где близкие прототипы встречаются в первые века до нашей эры. Эта редкая находка, по-видимому, представляет пережиток более ранних пьяноборских форм. По характеру пряжек к поздним следует отнести могилу Азелинского могильника (№ 19—20). Ряд погребений из Азелинского могильника (№ 2, 6) и Суворовского (№ 10, 23) относится или к самому концу V или к VI в.

Погребения со шлемами относятся к VI в. Дата мог. № 27 не вызывает никаких сомнений. Ни кольчуга, ни крючок, ни медные накладки не противоречат этой дате. В мог. № 30 встречен халцедоновый кружок, присутствие которого при наличии поздних вещей может свидетельствовать о некоторых пережитках. Так или иначе, этот предмет является более древним и свидетельствует о связи с более ранним временем. Перечисленные погребения, если даже взять дату, самую раннюю из возможных, все же будут относиться ко времени позднее V в.

Некоторые погребения, как, например, № 12 Суворовского могильника и № 4 Азелинского, могут быть и несколько раньше. Граница между пьяноборскими и азелинскими погребениями неопределенна. Объясняется это еще и тем, что значительная часть вещей датируется в пределах II—III вв.

Рассмотрение могильного инвентаря позволяет датировать Суворовский и Азелинский могильники до VI—VII вв. включительно. Наиболее богатый набор железных вещей относится ко времени после V в.

Основываясь на большом количестве железных вещей, что, по мнению В. Ф. Генинга, стоит в зависимости от изменения технологического процесса, позволившего получать больше железа (стр. 18), автор выделяет эпоху III—V вв. в особую азелинскую культуру. Разбор дневников раскопок, датировка отдельных погребений свидетельствуют о том, что крупные железные орудия, как, например, ральник, относятся ко времени после V в. Здесь на Каме ральники появляются в середине I тысячелетия, как и в других местах Европы. Прикамье в этом отношении не представляло исключения. Признак, предложенный В. Ф. Генингом, не позволяет говорить об особой культуре III—V вв.

Что же представляют собой остальные погребения Азелинского и Суворовского могильников? Вещевой комплекс этой культуры, с точки зрения автора, продолжает гармоничное развитие пьяноборских форм. Разбирая отдельные типы вещей, автор пишет: «И даже весь общий характер украшений женских костюмов азелинского и пьяноборского времени почти совершенно одинаков» (стр. 19). Это верное положение заставило в свое время М. Г. Худякова считать возможным включить группу памятников, именуемых Генингом «азелинскими», в состав пьяноборской культуры, доведя ее до V в.

Но не только азелинские украшения близки пьяноборским. Так же близка и керамика. Автор пишет: «Очень близки также форма и орнаментация глиняной посуды... Пьяноборские сосуды представляли собой низкие открытые чаши с округлым дном, украшенные обычно по шейке пояском ямочных отпечатков. Точно такую же форму и орнаментацию имеет большинство сосудов азелинской культуры» (стр. 20—21). Характеристика керамики также исключает возможность выделения азелинских памятников в особую культуру.

В 1962 г. В. Ф. Генинг опубликовал статью [15], в которой дал систематику вещевого материала пьяноборской культуры. В его таблице помещен и вещевой материал азелинского типа. Нетрудно убедиться в том, что все азелинские украшения представляют закономерное развитие пьяноборских типов. Здесь такие типичные вещи, как эполетообразные застежки и височные привески, и пряжки с неподвижным язычком, которые в виде пережитка доходят до IV—V вв. Интересно, что в азелине встречены и гусиная лапка (табл. 91), пьяноборского типа гривны и, наконец, бляшки. Все это заставляет не согласиться с В. Ф. Генингом и азелинскую культуру считать последней стадией пьяноборской. Следующий этап после V в. характеризуется большими сдвигами в производительных силах. Это событие относится к V—VII вв.

К сожалению, отсутствие источниковедческого анализа повлекло за собой и слабую аргументированность исторических положений. Одним из важных вопросов является проблема происхождения азелинской культуры. Автор посвятил ему особый раздел. Он отмечает, что в «Волго-Вятском междуречье памятников III в. до н. э.—III в. н. э. нет». Это положение неверно. На костеносных городищах р. Вятки есть культурные слои этого времени. Можно напомнить головку лося из раскопок А. В. Збруевой, хорошо сопоставляемую с аналогичными произведениями времени около нашей эры [16], фигуру лошади с подогнутыми ногами и пряжку с неподвижным язычком, характерных для времени около нашей эры [17]. Все это заставляет усомниться в справедливости положения о незаселенности Вятки в первые века до нашей эры.

---

[15] В. Ф. Генинг. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры. «Вопросы археологии Урала». 4, Свердловск, 1962, стр. 5.

[16] А. В. Збруева. Пижемское городище. ИГАИМК, 106, Л., 1934, стр. 287.

[17] ОАК за 1893 г. СПб., 1894, стр. 21, рис. 12.

По-видимому, Вятка и вся область Волго-Вятского междуречья оставалась заселенной начиная с глубокой древности и позднее, в период средневековья. Отсутствие могильников первых веков нашей эры, на что ссылается В. Ф. Генинг, не может являться доказательством, так как открытие грунтовых могильников обычно происходит случайно, в результате размыва берегов или при земляных работах. Осмотр местности при разведке, как правило, ничего не дает.

Автор не взял на себя труд информировать читателя, куда делось население предшествующего времени. Исторические построения автора о приходе населения со средней Камы в связи с движением гуннов трудно оспаривать, точно так же, как трудно и доказать при отсутствии анализа всего археологического материала. Однако нельзя не заметить, что М. С. Акимова, анализируя краниологический материал азелинских могильников и сравнивая их с камскими, отмечает некоторые различия между пьяноборским населением Средней Камы и азелинским (стр. 151). Хотя различия и невелики, тем не менее они заставляют с осторожностью отнестись к гипотезе Генинга о приходе населения со Средней Камы. Возможно, что население пьяноборской культуры бассейна Вятки, мало еще нам известное, и явилось предками азелинцев.

Что касается определения памятников, принадлежавших к азелинской культуре, то это сделано не всегда обоснованно. Так, говоря о Бурыгинском городище (стр. 11), автор отмечает, что «исследователи городища не смогли правильно определить ни время обитания на нем, ни его культурную принадлежность. Судя по отдельным сохранившимся сведениям и материалам, городище было основано в азелинское время, о чем свидетельствует такая характерная для азелинской культуры вещь, как халцедоновый диск, найденный на городище... Авторы раскопок не оставили достаточно полных описаний раскопок и вещей, чтобы в этом материале с полной достоверностью можно было бы разобраться сейчас» (стр. 11). Если оставить в стороне не раскрытые В. Ф. Генингом «сохранившиеся сведения и материалы», то остается один халцедоновый кружок.

Если напомнить, что такие кружки ни одного раза не встречены в азелинском могильнике, восемь раз найдены в Суворовском и крайне редки в других памятниках этого времени Нижнего Прикамья, встречены не раз на Верхней Каме, где они известны в нескольких случаях, и довольно обычны в погребениях сарматской культуры, то характерность этой вещи для азелинской культуры окажется сомнительной.

Автор отнес к азелинской культуре и Елховское городище на правом берегу Волги (стр. 12), на котором исследованиями Н. Ф. Калинина и А. Х. Халикова была обнаружена «рогожная», или, как ее называл Н. Ф. Калинин, буртасская керамика и некоторое количество пьяноборской [18]. В этой главе, где читатель рассчитывал найти обоснование датировки культуры и характеристики ее, этим вопросам не уделено никакого внимания.

Автор довольно подробно остановился на этнических передвижениях, связанных с движением гуннов. Касаясь населения Западной Сибири, он отмечает там угров, что не вызывает никакого сомнения, а рядом помещает «какие-то древние тюркские племена». Как следует из текста, эти тюркские племена не были гуннами и занимали окраины Западной Сибири еще до прихода гуннов. Возникает естественный вопрос: кого имеет в виду автор и на основании какого материала он выделил в массе археологического материала тюркский элемент? Археологи при определении этнической принадлежности обычно прибегают к ретроспективному методу, устанавливая связь поздних памятников с более ранними. Из всего текста мы можем только узнать на стр. 17, что «тюркские группы населения употребляли главным образом плоскодонную горшковидную посуду очень грубой выделки». Пришлые племена (тюркские?) насыпали курганы. «...По всей вероятности, тюркским был обычай устройства в могильной яме ниши, ...куда помещался... сосуд. Для этих же групп характерно погребение... головы и конечностей коня. Среди значительной группы тюркских племен был распространен обряд трупосожжения» (стр. 17). Все это построение основано на догадках, предположениях и никакими материалами не подтверждено.

Раскрывая этническую карту Прикамья этого времени, автор снова повторяет положения, высказанные им в более ранних статьях, не приводя никакой серьезной аргументации. Первая глава, в которой можно было бы ожидать анализ материала, характеризуется полным пренебрежением археологической методики. Неправильные предпосылки определяли ряд ошибочных построений в следующих главах. Можно отметить, что хозяйство, реконструируемое В. Ф. Генингом, может быть отнесено только к последующему после V в. времени. Небрежность в методике привела к ошибке и в определении орудий: на рис. 6 изображены орудия, названные «коса» и «серп». Судя по рисунку, это не коса и не серп. Последний, скорее всего, косарь. На стр. 26 автор реконструирует длину рукояти на основе логических предпосылок. Можно заметить, что после работ В. А. Желиговского, М. Е. Фосс и В. П. Левашовой этот вопрос решается с математической точностью.

В следующей главе хотелось бы коснуться вопроса о шапочке такье. У этнографов существовало предположение о тюркском характере этого головного убо-

[18] Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. Итоги археологических работ 1945—1952 гг., Казань, 1954, стр. 43.

ра. Это предположение было широко распространено. Основано оно было на анализе этнографического материала XVIII—XIX вв. Впервые шапочка близкой формы была обнаружена в могильнике Бигер-Шай X в. в Удмуртии. Теперь появилась более ранняя находка. Автор сравнивает азелинскую шапочку с чувашской такьей XIX в., приводя в подтверждение своего положения описание проф. Н. И. Воробьева [19]. Следует отметить некоторую разницу между азелинским и чувашским головными уборами. Автор отмечает эту разницу и приходит к выводу: «Азелинская такья является, таким образом, заимствованным головным убором. Наиболее вероятно, что заимствована она была от древнечувашского населения, появившегося в III—IV вв. на Волге» (стр. 55). Какое же население имеет в виду автор, говоря о древних чувашах III—IV вв.? В настоящее время мы не располагаем материалом III—IV вв., который можно было бы приписать тюркам на Волге. Весьма возможно, что азелинская шапка никакого отношения не имеет к такье чуваш, тем более, что чувашская такья имеет наверху выступ и наушнички, которые, судя по этнографическим данным, богато украшались металлическими привесками. Было бы осторожней сказать, что шапочка напоминает такью, не приводя широких, лишенных оснований исторических обобщений.

Четвертая глава, как и вторая, страдает тем же недостатком — переоценкой уровня развития общества. Автор отмечает специализацию внутри рода. Особенно он подчеркивает это в отношении кузнеца. Следует заметить, что такое же положение мы встречаем в ананьинскую эпоху. Уже в старых материалах Котловского могильника известны погребения металлурга (погр. № 12, 16. мог. № 1, раскопки 1894 г.). За последние годы погребение кузнеца-литейщика ананьинской эпохи было обнаружено А. Х. Халиковым.

По-видимому, в I тысячелетии мы встречаем таких общинных мастеров-кузнецов, работавших, может быть, не только на свою общину, но и на соседние. Называть их ремесленниками нет оснований, несмотря на то, что технический уровень в это время был гораздо выше по сравнению с предшествующей эпохой. Следует заметить, что сыродутные горны в Прикамье долгое время оставались небольшими. Даже в X—XI вв. в Болгарах сыродутные горны были небольшого размера [20].

Несомненно, В. Ф. Генинг переоценил уровень развития металлургии, и едва ли можно говорить, что азелинское общество мы застаем в тот период, когда произошло второе крупное разделение труда: ремесло отделилось от земледелия. Да и особых поселков, где было бы сосредоточено ремесло, мы еще не знаем. Говоря о втором великом разделении труда, Ф. Энгельс имел в виду отделение города от деревни — событие, происшедшее на пороге классового общества.

Положение о разделении внутри рода на богатых и бедных не вызывает возражений, так же как и существование родовых дружин. Этот процесс продолжался сравнительно длительное время. Еще в ананьинском обществе мы наблюдаем ту же картину [21]. В заключении, подводящем итоги, автор повторил те же необоснованные положения, которые были в первых главах.

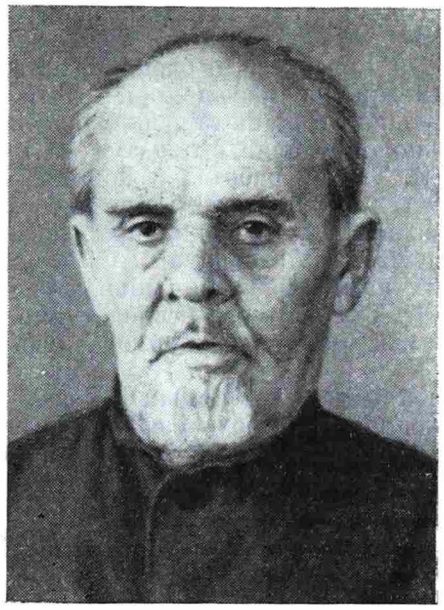
Книга «Азелинская культура» представляет значительную ценность публикацией материалов двух могильников одной из самых темных эпох в истории Прикамья. Но исторические построения автора произвольны и не опираются на анализ фактов.

Азелинский и Суворовский могильники, давшие вещи пьяноборского типа и времени после V в. дают новое подтверждение точке зрения, обоснованной М. Г. Худяковым, о существовании пьяноборской культуры до IV—V вв. Особой азелинской культуры нет.

А. П. Смирнов

---

[19] Н. И. Воробьев. Чуваши. Чебоксары, 1956, стр. 306.
[20] А. М. Ефимова. Черная металлургия г. Болгары. МИА, 61, 1958, стр. 292.
[21] А. В. Збруева. Ук. соч., стр. 147.



А. К. ТАХТАЙ

25 июля 1963 г. скончался один из старейших археологов Украины Александр Кузьмич Тахтай. Умер он, можно сказать, с пером в руках. В последние дни жизни он работал над текстом доклада «О погребении знатной кочевницы начала II тысячелетия н. э.», который намеревался прочесть на 3-м общем собрании Одесского археологического общества. В день смерти он побывал в Донецком краеведческом музее, где неутомимо работал ученым консультантом по археологии на общественных началах в течение семи лет.

А. К. Тахтай, как и его учителя А. А. Спицын и Н. Е. Макаренко, был ученым и музейным работником с широкими познаниями и интересами. Он занимался памятниками первобытными, скифо-сарматскими, античными и средневековыми. Много сил и времени он уделял молодежи, школьникам, которые хранят о нем память, как о замечательном учителе, чутком и строгом.

Александр Кузьмич родился 23 ноября 1890 г. в г. Ровны бывшей Полтавской губернии. Свою трудовую жизнь он начал с 1910 г. библиотекарем в г. Ровны (УССР). К книгам А. К. Тахтай всегда был привязан, много читал, хорошо владея древними и иностранными языками. В 1911 г. он переезжает в Петербург и поступает вольнослушателем на историко-филологический факультет Петербургского университета. Здесь определились его интересы к археологии. Для специализации в этой области Тахтай переходит в Археологический институт. А. А. Спицын и Н. Е. Макаренко дают ему первые навыки полевой археологической работы.

Военная служба в годы мировой войны, а затем после Октябрьской социалистической революции в Красной Армии надолго прервала занятия А. К. Тахтая археологией. После демобилизации он возвращается к библиотечной и археологической работе. Сначала заведует районной библиотекой в Полтавском уезде, кончает в Полтаве библиотечные курсы и переходит на работу в Полтавский музей. Он участвует во многих археологических экспедициях музея и Украинской академии наук, сначала под руководством Н. Е. Макаренко, М. Я. Рудинского и А. В. Добровольского, а затем начинает самостоятельные археологические исследования в Полтавской и Херсонской областях Украины (1926—1935). К этому времени относятся его первые научные труды, в которых он освещал археологические исследования Полтавского и Херсонского музеев и публиковал отдельные памятники.

Во время работ в Херсонском музее его привлекал широкий круг памятников — от находок первобытной культуры на Кучугурах (левый берег Низового Днепра) до норманских и славянских древностей этих районов.

Исследовательская и музейная деятельность А. К. Тахтая особенно плодотворно и широко развернулась в Херсонесском историко-археологическом музее, куда он перешел в 1935 г. И здесь он не оставил своей увлеченности памятниками первобытной культуры и успешно исследовал раннетаврское поселение вбиз Балаклавы. Он перестроил экспозицию и опубликовал Путеводитель по средневековому отделу Херсонесского музея. В Херсонесе А. К. Тахтай смог полностью оценить обаяние античной культуры и античных памятников, которым уделил в своих работах значительное внимание. Он отдавал много душевных сил и времени руководству студентами-практикантами и охотно делился с ними своими разносторонними знаниями.

Грозные события Великой Отечественной войны застали его в Херсонесе. В дни героической обороны Севастополя нашими войсками и в тяжелые годы немецко-фашистской оккупации он оставался в Херсонесе и делал все, что от него зависело для сохранения памятников Херсонеса и музея.

После освобождения Крыма А. К. Тахтай создает новую экспозицию средневекового отдела музея и публикует ряд статей: о новой античной надписи, о кладах античных монет, найденных в Херсонесе, о раскопках Херсонесского водопровода.

На сессии по истории Крыма, проведенной Крымским филиалом АН СССР в 1948 г., он выступил с докладом о раннетаврском поселении кизил-кобинской культуры в Балаклаве, правильно определив его дату (VIII—VII вв.).

С 1956 по 1963 г. А. К. Тахтай работал в Донецком музее консультантом по вопросам археологии. Он активно участвовал в построении экспозиции, в обсуждении текстов экскурсий, путеводителей, проводил археологические раскопки и разведки, писал статьи в местную печать о материалах музея, подготовил к изданию большую работу об археологических памятниках Донецкой обл.

Последняя работа А. К. Тахтая — его исследование о скифском изваянии Донецкого музея, одного из самых ярких памятников скифской монументальной скульптуры.

Отзывчивый, трудолюбивый, требовательный к себе и людям, Александр Кузьмич Тахтай пользовался уважением и любовью всех, кто его знал. За его непривычной, может быть, несколько старомодной внешностью, напоминавшей об ученых-эрудитах времен Археологической Комиссии, за усложненной речью, пересыпанной цитатами из греческого и латыни, скрывалась юная душа, открытая всему новому, подлинно современному. Именно поэтому к нему тянулась молодежь.

Бескорыстное служение науке и людям было для А. К. Тахтая органической потребностью, его жизненной миссией. Последние годы он работал особенно интенсивно. Он торопился. Его тревожила мысль, что он написал меньше, чем мог бы.

П. Н. Шульц

А. И. ФУРМАНСКАЯ

24 марта 1964 г. в Киеве скончалась старший научный сотрудник Института археологии Академии наук УССР кандидат исторических наук Адель Исааковна Фурманская.

А. И. Фурманская родилась 9 апреля 1916 г. в г. Сквира Киевской обл. в семье служащего. После окончания в 1939 г. исторического факультета Киевского университета им. Т. Г. Шевченко она была принята на работу в Институт археологии Академии наук УССР.

Своей узкой специальностью Адель Исааковна избрала антиковедение, историю и археологию Северо-Западного Причерноморья в античную эпоху. В этой области результаты ее деятельности весьма значительны.

Полевую работу А. И. Фурманская начала в Ольвийской экспедиции, явившейся для нее археологической школой. Ольвии же была посвящена ее кандидатская диссертация «Меднолитейное производство Ольвии» (1953). Это был первый в нашей литературе большой труд по истории металлообрабатывающего производства античного города.

Со временем А. И. Фурманская включилась в раскопки и изучение Тиры — крупного города-государства Северо-Западного Причерноморья. В течение 10 лет (с 1953 г.) Фурманская возглавляла Тирскую экспедицию и все работы, связанные с ней. Да и жизненный путь Адели Исааковны закончился во время ее доклада о последних раскопках Тиры на заседании XII научной конференции Института археологии АН УССР. Если о Тире до этих раскопок мы знали очень мало, то теперь выяснены планировка прибрежного района, типы жилых построек в разные эпохи существования города, приемы благоустройства. Результаты раскопок Тиры и изучения открытых там памятников освещены в ряде статей А. И. Фурманской, различных по жанру: исторические очерки, отчеты о раскопках, публикации лучших находок. Многолетние работы А. И. Фурманская обобщила в подготовленной к печати монографии, посвященной Тире в первые века нашей эры.

А. И. Фурманская обладала глубокими знаниями в области античной археологии, прекрасно знала конкретные памятники, всегда старалась подходить к каждому вопросу с позиций марксистско-ленинской методологии.

Адель Исааковна интересовалась не только античной археологией. Она принимала участие в раскопках Золотобалковского поселения на Нижнем Днепре, в Никопольско-Гавриловской и других экспедициях. Эта работа также отражена в ряде опубликованных А. И. Фурманской статей и свидетельствует о многогранности ее интересов.

А. И. Фурманская была активной общественницей. В 1946 г. она вступила в члены КПСС. Для нее были характерны высокая требовательность к себе, скромность, безупречная честность и принципиальность. А. И. Фурманская пользовалась заслуженным авторитетом и уважением в среде археологов.

Память об Адели Исааковне будет долго жить в сердцах всех работавших с ней и знавших ее товарищей.

Л. Славин

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, НАПЕЧАТАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ» ЗА 1964 г.

СТАТЬИ

	№	Стр.
Л. В. Алексеев. К истории и топографии древнейшего Витебска	1	99
Т. И. Алексеева. Антропологические материалы к этногенезу восточных славян	3	88
А. К. Амброз. К истории Верхнего Подесенья в I тыс. нашей эры	1	56
В. Д. Блаватский. Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (VII—V вв. до н. э.)	2	13
В. Д. Блаватский. Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (IV в. до н. э.— III в. н. э.)	4	25
А. Т. Брайчевская. Т. Г. Шевченко и археологическая наука	3	3
С. В. Бутомо, В. А. Ранов, Л. Ф. Сидоров. Некоторые вопросы исследования каменного века на Памире	4	11
Г. К. Вагнер. Некоторые группы рельефов Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском	2	55
В. Л. Воронина. Из истории среднеазиатской фортификации	2	40
Л. А. Голубева. Огнива с бронзовыми рукоятями	3	115
Н. Н. Гурина, Г. М. Ковнурко. Шахты по добыче кремня в Западной Белоруссии	2	3
С. К. Кабанов. Ареал и эволюция двух древних керамических форм	3	79
Д. Г. Капанадзе. Продолжительность и характер монгольского владычества в Грузии по нумизматическим данным	2	63
Л. С. Китицина. Примитивные формы гончарства Костромской области	3	149
М. Ф. Косарев. Бронзовый век лесного Обь-Иртышья	3	37
Ю. А. Краснов, Н. А. Краснов. Топография древнего Звенигорода по археологическим данным	1	112
Е. И. Крупнов. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность	1	26
Л. Р. Кызласов. О назначении древнетюркских изваяний, изображающих людей	2	27
Г. А. Ломтатидзе. Е. С. Такайшвили	3	165
А. А. Мартиросян. О периодизации археологических памятников Армении эпохи бронзы и раннего железа	3	21
В. М. Массон. Историческое место среднеазиатской цивилизации	1	12
А. С. Мельникова. О чеканке монет в Кукенойсе в середине XVII в.	3	141
В. В. Пименов. Этническая принадлежность курганов юго-восточного Приладожья	1	88
С. А. Плетнева. О построении кочевнического лагеря — вежи	3	133
Н. В. Пятышева. «Земляной путь» рассказа о походе Владимира на Корсунь	3	104
В. Е. Рудаков. К вопросу о методах дендрохронологического анализа	2	79
В. В. Седов. Курганы ятвягов	4	36
К. Ф. Смирнов. Производство и характер хозяйства ранних сарматов	3	45
А. П. Смирнов. К вопросу об археологической культуре	4	3
В. П. Третьяков. О юго-западных связях рязанского неолита	4	18
Г. А. Тирацян. Некоторые черты материальной культуры Армении и Закавказья V—IV вв. до н. э.	3	64

Г. Ф. Турчанинов. О языке надписей на камнях Маяцкого городища и флягах Новочеркасского музея. 1 72
А. А. Формозов. Неолит и энеолит Северо-Западного Кавказа в свете последних исследований. 3 8
Н. А. Фролова. Монеты скифского царя Скилура. 1 44
К 80-летию П. П. Ефименко. 4 52
К 70-летию В. А. Шишкина. 4 58
К 60-летию А. М. Беленицкого. 3 351
К 60-летию Н. Н. Воронина. 4 60
К 60-летию А. Ф. Дубынина. 1 10
К 60-летию Е. И. Леви. 1 8
К 60-летию П. Д. Либерова. 2 89
К 60-летию Д. А. Крайнова. 4 64
К 60-летию Е. И. Крупнова. 1 3
К 60-летию В. И. Цалкина. 2 87
Памяти Александра Николаевича Лявданского. 1 120
И. В. Синицын, П. Д. Степанов. Памяти Павла Сергеевича Рыкова. . . . 1 126

Публикации

Г. Н. Аншилогов. Бортные знамена как исторический источник. 4 151
Г. М. Ахмедов. О «тимуровской стене» города Байлакана. 1 272
Н. Н. Воронин. Смоленские граффити. 2 171
А. А. Гаврилова. Могилы поздних кочевников у г. Суханихи на Енисее. . 2 164
В. П. Даркевич, И. И. Едомаха. Памятник западноевропейской торевтики XII века. 3 247
О. М. Джапаридзе. Археологические раскопки в Триалети в 1959—1962 гг. 2 102
А. Ф. Дубынин. Троицкое городище Подмосковья. 1 178
Ф. М. Заверняев. Памятники эпохи поздней бронзы в бассейне Верхней Десны. 1 146
Т. К. Иванов. Археологические исследования античного города Ульпия Эск. 1 221
А. П. Иванова. Скульптурные изображения Диониса из Херсонеса. 2 134
С. А. Изюмова. Курганный могильник VIII—X вв. около д. Западной. . . . 2 151
Э. В. Кильчевская, Н. Н. Негматов. Находки ювелирных изделий из Шахристана. 3 238
В. И. Козенкова. Гайрат-Тепе. 3 218
Д. А. Крайнов. Волосово-Даниловский могильник фатьяновской культуры. 4 68
Н. И. Крашенинникова, Г. А. Пугаченкова. Круглый храм парфянской Нисы 4 119
В. А. Кузнецов. Северный Зеленчукский храм X в. 4 136
О. Д. Лордкипанидзе. Италийские бронзовые изделия, найденные на территории древней Грузии. 1 199
В. И. Марковин, Р. М. Мунчаев. Каменные изваяния из Чечено-Ингушетии. 1 158
А. И. Мартынов. Новый район карасукской культуры. 2 122
Т. Г. Мовша. Новое позднетрипольское поселение Цвикловцы в Среднем Поднестровье. 1 131
В. А. Могильников. Новоникольское IV городище. 1 242
Г. Ф. Никитина. Поселение черняховской культуры на Среднем Днестре. 2 140
Н. М. Никулина. Перстни из Фанагории. 3 189
В. В. Павлов. Две восточные геммы. 3 207
И. Г. Розенфельдт. Щербинское городище. 1 165
Б. А. Рыбаков. Смоленская надпись XIII в. о «врагах игуменах». 2 179
Ю. А. Савельев. Боспорские черепичные клейма из раскопок Пантикапея и Фанагории в 1950—1960 гг. 3 196
Н. И. Сокольский. Святилище Афродиты в Кепах. 4 101
Г. А. Федоров-Давыдов. Раскопки Нового Сарая в 1959—1962 гг. 1 248
Дж. Хайнд. Памятники античных городов Южного Причерноморья . . 3 172
Э. В. Ханзадян. О металлургии древнебронзовой эпохи в Армении. . . . 2 92
П. А. Шорин. Анонимные печати новгородских архиепископов 3 256
Б. А. Шрамко. Древний деревянный плуг из Сергеевского торфяника. . . 4 84

Заметки

З. А. Абрамова. К вопросу об охоте в верхнем палеолите. 4 177
М. Х. Алешковский, С. С. Подъяпольский. Новые данные о церкви Михаила Архангела в Смоленске. 2 231
П. У. Аутлев. Губская палеолитическая стоянка. 4 172
И. Б. Бентович. Реконструкция узора согдийской ткани VII—VIII вв. (по данным стенных росписей древнего Пенджикента). 4 196

О. К. Бердыев. Стратиграфия Тоголок-Тепе в связи с расселением племен джейтунской культуры. 3 271
Н. А. Богданова, И. И. Гущина. Раскопки могильников первых веков нашей эры в юго-западном Крыму в 1960—1961 г. 1 324
А. В. Бодянский. Древнеямное погребение с антропоморфной стелой. . . 1 291
В. М. Брабич. Клад монет III в. до н. э. из Мирмекия. 4 193
И. С. Вайнер. Серебряная пряжка из Сарай-Берке 1 335
Д. П. Вархотова. Об одном керамическом блюде VII—VIII вв. из Кувы. . . 3 312
И. С. Винокур, Г. Н. Хотюн. Языческие изваяния из с. Ставчаны в Поднестровье. 4 210
М. Г. Гаджиев. О бронзовых булавках эпохи бронзы. 4 185
К. С. Горбунова. Чернофигурный кратер мастера Лидоса. 3 297
А. С. Демидова. Кинжал из с. Монастырщенки Воронежской области. . . 2 202
Р. М. Джанполадян. О трех образцах стекла из Кармир-Блура. 1 307
П. А. Дитлер. Аттический шлем из ст. Темнолесской. 1 315
М. А. Дэвлет. Керамика позднетагарских курганов Красноярского района. 2 205
И. И. Едомаха. Находка ладьи-однодревки на Десне. 1 339
Ю. М. Золотов. О назначении в погребальном обряде корчаги с надписью «гороушна». 1 331
Ю. М. Золотов. Колокол патриарха Никона. 2 242
М. А. Ильин. К изучению иконы Иоанна Предтечи из Николо-Пешношского монастыря. 3 315
М. Н. Клапчук. Первые палеолитические находки в Центральном Казахстане. 3 268
М. Ф. Косарев. К вопросу об антропоморфных и солярных рисунках на самусьской керамике. 1 292
М. Ф. Косарев. К вопросу о степном компоненте в культурах железного века лесного Приобья. 2 211
Т. А. Кравченко. К вопросу о погребальных памятниках типа «Хула-сюч». 3 282
И. И. Кушнир. О культурном слое Новгорода. 4 227
В. П. Левенок. Скифский акинак с Верхнего Дона. 2 201
А. М. Лесков. Древнейшие роговые псалии из Трахтемирова. 1 299
Б. В. Лунин. О мраморном рельефе из Анапы. 4 189
К. Маевский. Археологические исследования в Нове в 1963 г. 4 200
Е. К. Максимов. Вятическое семилопастное кольцо из нижнего Поволжья 4 225
Н. Д. Мец. Датировка «денег московских» с изображением розетки. . . . 3 321
В. А. Могильников. Васюганский клад. 2 227
И. Г. Нариманов. Древнейшие серпы Азербайджана. 1 282
Н. Б. Немцева. Раскопки на ансамбле Шах-и-Зинда в Самарканде. . . . 1 336
А. Л. Никитин. Фатьяновский могильник у с. Халдеево. 3 277
Г. Ф. Никитина. Лепная керамика Масловского могильника. 4 202
С. Н. Орлов. Новгородская черепица XVI в. 2 236
М. И. Островский. Археологические разведки в Тернопольской и Ровенской областях. 4 224
С. И. Пеняк, А. Д. Шабалин. Олешниковские клады бронзовых изделий. 2 193
В. Ф. Петрунь. О вулканических породах из эмпория борисфенитов на о. Березани. 3 293
В. М. Раушенбах. Древнейшая стоянка льяловской культуры. 2 188
Р. Л. Розенфельдт. Рукописный архив В. А. Городцова. 1 342
Р. Л. Розенфельдт. О производстве и датировке овручских пряслиц. . . 4 220
М. А. Романовская. Находки эпохи поздней бронзы на поселении Ульма. 3 288
Л. М. Рутковская. К истории керамического производства Южной Туркмении. 2 221
М. А. Сабурова, В. Н. Ягодин. Литейная форма из Хорезма. 1 304
К. В. Сальников. Находки на южном Урале. 1 313
М. В. Седова. Серебряный сосуд XIII в. из Новгорода. 1 334
Н. И. Сокольский. Погребения V в. в Кепах. 4 207
Я. И. Сунчугашев, Е. П. Захаров. Опыт применения геологических поисковых методов в археологической разведке 1 295
Я. И. Сунчугашев. Памятники горного дела и металлургии позднего этапа уюкской культуры. 3 301
Э. А. Сымонович. Игрально-счетные жетоны на памятниках черняховской культуры. 3 307
А. К. Тахтай. Камень со знаками из Донецкого музея 2 219
М. А. Тиханова. Библиотека ЛОИА АН СССР. 4 170
Н. В. Трубникова. Новый памятник городецкой культуры на Цне. . . . 2 203
А. П. Уманский. Андроновский кинжал из с. Ильинки. 2 191
В. А. Фисенко. Памятники катакомбной культуры у ст. Петров Вал. . . 4 181
Фрел Иржи. Новый скифский памятник из Лувра. 3 292
В. И. Цехмистренко. Заметки о синопских клеймах. 1 321
Г. А. Чернов. Стоянки древнего человека на Усе и Средней Печоре. . . . 1 288
А. Н. Щеглов. Пять херсонесских надгробий с изображениями умерших . 2 213
Н. В. Энговатов. Руническая эпиграфика с территории СССР и норманизм. 4 214

Критика

К. М. Байпаков. Археологическая литература в изданиях АН КазССР в 1946—1962 гг. . . . 2 244
Г. К. Вагнер. Большой мир мелкой пластики. . . . 2 257
А. И. Венедиктов. И. В. Трофимов. Памятники архитектуры Троице-Сергиевой лавры . . . 1 357
Б. Н. Граков. В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа . . 4 237
П. М. Кожин, И. Г. Хлопин. Памятники раннего энеолита Южной Туркмении, ч. I; В. М. Массон. Памятники развитого энеолита Юго-Западной Туркмении . . . 3 328
В. А. Кузнецов. В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа . 4 232
Л. Р. Кызласов. А. Д. Грач. Древнетюркские изваяния Тувы . . . 1 349
П. Д. Либеров, С. А. Плетнева, Б. А. Шрамко. Древности Северного Донца. 3 340
Б. В. Лунин. Археологические раскопки на Дону. Сборник, Ростов, 1962 г. 2 251
М. И. Максимова. R. A. Higgins. Greek and Roman Jewellery. . . . 3 334
Г. А. Максименков. Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. . . . 3 337
В. М. Массон. J. M. Casal. Fouilles de Mundigak. . . . 4 229
А. П. Смирнов. В. Ф. Генинг. Азелинская культура III—V вв. . . . 4 240
И. Н. Хлопин. Археология в Туркменской ССР. . . . 1 346
Я. А. Шер. А. Д. Грач. Древнетюркские изваяния Тувы . . . 1 355

Хроника

Н. А. Онайко. Археологическая экспозиция Будапештского национального музея. . . . 2 260
Г. Ф. Соловьева. Сессия ОИН АН СССР. . . . 1 360
Д. А. Халилов. Первая сессия по археологии Азербайджана. . . . 3 345

Некрологи

В. Голубович . . . 1 362
А. П. Иванова . . . 1 363
М. И. Пикуль . . . 2 268
П. Ф. Тарасенка . . . 1 364
А. К. Тахтай . . . 4 247
А. И. Фурманская . . . 4 249
Н. Б. Шейхов . . . 3 348

ИСПРАВЛЕНИЯ К № 3

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
83	1-я снизу	стр. 62—95	стр. 95
349	34-я сверху	ИМК Уз. — Институт матерпальной культуры Узбекистана	ИМК Уз. — История материальной культуры Узбекистана

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГСП — Сб.: Античные города Северного Причерноморья
БКИЧП — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода
ВАН УРСР — Вестник Академии наук Украинской РСР
ВВ — Византийский временник
ВДИ — Вестник древней истории
ЕРАО — Ежегодник Русского Антропологического общества при Петроградском университете
ЖМВД — Журнал Министерства внутренних дел
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗОРСА РАО — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИАО — Известия Археологического общества
ИБАИ — Известия на българския археологически институтъ
ИВАД — Известия на Варненского археологическо дружество
ИГ — Институт геологии
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
Изв. ВГПИ — Известия Воронежского госуд. педагогического ин-та
ИВСОРГО — Известия Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности АН
ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры
ИСНИК — Известия Саратовского научного института краеведения
ИТОИАЭ — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
КСИА — Краткие сообщения института археологии АН Украинской ССР
КСИА АН СССР — Краткие сообщения института археологии АН СССР
МАИЧП — Материалы Ассоциации по изучению четвертичного периода
МАР — Материалы по археологии России
МЭ — Материалы по этнографии
МЧП — Сб.: «Материалы по четвертичному периоду СССР»
НЭС — Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ПВЛ — Повесть временных лет
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
РАЖ — Русский антропологический журнал
САИ — Свод археологических источников
СГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа.
СМОИЗО — Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды
СЭ — Советская этнография
Тр. АС — Труды Археологического съезда
» ГИМ — Труды Государственного исторического музея
» ИЭ — Труды Института этнографии
» ПОКЭ — Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции
» САГУ — Труды Среднеазиатского государственного университета
ТСА РАНИОН — Труды Секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
Тр. СС МКАИЧПЕ — Труды Советской секции международной конференции Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы
Тр. ЮТАКЭ — Труды Южно-туркменистанской археологической комплексной экспедиции
AA — American Anthropologist
AAH — Acta archaeologica Hungaricae.
AJ — The Archaeological Journal (London)
AJA — American Journal of Archaeology
BSPE — Bulletin de la Sociétě prèhistorique française
CISH — Congrès international des sciences historique
DAGR — Dictionaire des antiquités Grecques et romaines — Ch. Daremkerg et M. Ed. Saglio
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua (Helsinki)
IOSPE — B. Latyschev.— Inscriptiones antiquae graecae et latinae orae septentrionalis Ponti Euxini
JHS — Journal of Hellenic Studies
MDAFA — Mémoires de la délégation archéologique française en Afghanistan
MKAAE — Materyaly antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne (Krakov)
SM — Suomen Museo. Helsinki.
VP — Verterbrata Palasiatica
WA — Wiadomości Archeologizne
ZE — Zeitschrift für Ethnologie. Berlin
ZOW — Z otchlani wiekow. Posnań.

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

А. П. Смирнов (Москва). К вопросу об археологической культуре . . . 3
С. В. Бутомо, В. А. Ранов, Л. Ф. Сидоров (Душанбе). Некоторые вопросы исследования каменного века Памира 11
В. П. Третьяков (Ленинград). О юго-западных связях рязанского неолита 18
В. Д. Блаватский (Москва). Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья 25
В. В. Седов (Москва). Курганы ятвягов 36
К 80-летию Петра Петровича Ефименко 52
К 70-летию Василия Афанасьевича Шишкина 58
К 60-летию Николая Николаевича Воронина 60
К 60-летию Дмитрия Александровича Крайнова 64

Публикации

Д. А. Крайнов (Москва). Волосово-Даниловский могильник фатьяновской культуры 68
Б. А. Шрамко (Харьков). Древний деревянный плуг из Сергеевского торфяника 84
Н. И. Сокольский (Москва). Святилище Афродиты в Кепах 101
Н. И. Крашенинникова, Г. А. Пугаченкова (Ташкент). Круглый храм парфянской Нисы 119
В. А. Кузнецов (Орджоникидзе). Северный Зеленчукский храм X века . 136
Г. Н. Анпилогов (Москва). Бортные знамена как исторический источник 151

Заметки

М. А. Тиханова (Ленинград). Библиотека ЛОИА АН СССР 170
П. У. Аутлев (Майкоп). Губская палеолитическая стоянка 172
З. А. Абрамова (Ленинград). К вопросу об охоте в верхнем палеолите . 177
В. А. Фисенко (Саратов). Памятники катакомбной культуры у станции Петров Вал 181
М. Г. Гаджиев (Махачкала). О бронзовых булавках Дагестана эпохи бронзы 185
Б. В. Лунин (Ташкент). О мраморном рельефе из Анапы 189
В. М. Брабич (Ленинград). Клад монет III в. до н. э. Мирмекия . . . 193
И. Б. Бентович. Реконструкция узора согдийской ткани VII—VIII вв. . . . 196
К. Маевский (Варшава). Археологические исследования в Нове в 1963 г. . 200
Г. Ф. Никитина (Москва). Лепная керамика Масловского могильника . . 202
Н. И. Сокольский (Москва). Погребение V в. в Кепах 207
И. С. Винокур, Г. Н. Хотюн (Каменец-Подольский). Языческие изваяния из с. Ставчаны в Поднестровье 210
Н. В. Энговатов (Москва), Руническая этиграфика с территории СССР и норманизм 214
Р. Л. Розенфельдт (Москва). О производстве и датировке овручских пряслиц 220
И. И. Островский (Кременец, УССР). Археологические разведки в Тернопольской и Ровенской областях 224
Е. К. Максимов (Саратов). Вятическое семилопастное кольцо из Нижнего Поволжья 225
И. И. Кушнир (Новгород). О культурном слое Новгорода 227

Критика и библиография

В. М. Массон (Ленинград). J. M. Casal. Fouilles de Mundigak 229
В. А. Кузнецов (Орджоникидзе). В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа 232
Б. Н. Граков (Москва). В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа 237
А. П. Смирнов (Москва). В. Ф. Генинг. Азелинская культура III—V вв. . . 240
А. К. Тахтай 247
А. И. Фурманская 249
Указатель статей за 1964 г. 250

SOMMAIRE

A. P. Smirnov (Moscou): Sur la question de civilisation archéologique . . . 3
S. V. Boutomo, V. A. Ranov, L. F. Cidorov (Douchanbé): Quelques questions d'exploration de l'âge de pierre au Pamir 11
V. P. Trétiákov (Leningrad): Sur les échanges de Sud-Ouest de Néolithique riasanien 18
V. D. Blavatski (Moscou): L'influence de la civilisation antique sur la Pontide Nord 25
V. V. Sedov (Moscou): Les tumulus des iatviagues 36
La quatre-vingtiéme anniversaire de P. P. **Ephimenko** 52
La soixant-dixième anniversaire de V. A. Chichkine 58
La soixantième anniversaire de N. N. Voronine 60
La soixantième anniversaire de D. A. Kraïnov 64

Publications

D. A. Kraïnov (Moscou): Le sépulcre fatianovien de Volosov-Danilov . . . 68
B. A. Chramko (Kharkov): Charrue en bois de la tourbière Serguéevski . . 84
N. I. Sokolski (Moscou): Sanctuaire d'Aphrodite à Kepoï 101
N. I. Kracheninnikova, G. A. Pougatchenkova (Tachkent): Temple rond de Nissa parthienne 119
V. A. Kousnetzov (Ordjonikidzé): Le temple de Zelentchouk du Xe siècle 136
G. N. Anpilogov (Moscou): Les marques du receveur du meil sovage somme la source historique 151

Notes

M. A. Tikhanova (Léningrad): Bibliothèque d'Institut d'Archéologie à Léningrad 170
P. Ou. Aoutlev (Maïkop): Station paléolithique Goubskaïa 172
Z. A. Abramova (Léningrad): Sur la question de chasse en Paléolithique posterieur 177
V. A. Fissenko (Saratov)' Monuments de la civilisation catacombienne près du village Petrov Val 181
M. G. Gadjiev (Makhatchkala): Les épingles de bronze de Daghesten en âge de bronze 185
B. V. Lounine (Tachkent): Encore une fois sur le relief en marbre d'Anapa 189
V. M. Brabitch (Léningrad): Trésor de monnaies panticapéennes du IIIe siècle av. n. ère trouvé en Murmekion en 1960 193
I. B. Bentovitch (Léningrad): Reconstruction d'ornement d'un tissu sogdien de VIIe—VIIIe siècles 196
K. Majewski (Varsovie): Recherches archéologiques polonaises à Novae en 1963 200
G. F. Nikitina (Moscou): Ceramiques du sépulcre Maslovski 202
N. I. Sokolski (Moscou): Sépulture du Ve siecle av. n. ère en Kepoï 207
I. S. Vinokour, G. N. Khotune (Kamenetz-Podolski): Sculptures païennes du village Stavtchany à Podnéstrovié 210
N. V. Engovatov (Moscou): Épigraphie runique du territoire de l'U.R.S.S et le normanisme 214
R. L. Rosenfeldt (Moscou): Sur la fabrication et la datation la fusaïole d'Ovroutch 220
M. I. Ostrovski (Krementz): Notes archéologiques 224
E. K. Maximov (Saratov): Anneau temporal des Viatiches à sept aubes . . . 225
I. I. Kouchnir (Novgorod): Sur la couche culturelle de Novgorod 227

Critique et Bibliographie

V. M. Masson (Léningrad): J. M. Casal. Fouilles de Moundigak 229
V. A. Kousnetzov (Ordjonikidzé). V. B. Vinogradov. Les Sarmates du Caucase du Nord-Est 232
B. N. Grakov (Moscou): V. B. Vinogradov. Les Sarmates du Caucase du Nord-Est 237
A. P. Smirnov (Moscou): V. E. Hening. La civilisation azelinienne de IIIe—Ve siècles 240
A. K. Takhtai 247
A. I. Fourmanskaïa 249
Index, 1964 250